ДЖЕЙМС КОРИ

ПАДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

JAMES S. A. COREY
LEVIATHAN FALLS

Пространство

Джеймс Кори

Падение Левиафана

«СОЮЗ»
2021

Кори Д. С.

Падение Левиафана / Д. С. Кори — «СОЮЗ», 2021 — (Пространство)

ISBN 978-5-6048352-4-1

Как бороться с, казалось бы, непобедимым противником? Солнечная система захвачена космическим флотом, модернизированным с помощью инопланетных технологий, а Уинстон Дуарте, единственный правитель бесчисленных миров, считает себя новым этапом эволюции. И хотя падение Лаконской империи освободило из-под власти Дуарте более тысячи солнечных систем, древний враг не дремлет и вновь начинает войну против нашей вселенной. Но человечество еще не погибло, и у капитана Джеймса Холдена и команды «Росинанта» уже есть план, как сложить будущее из руин и обломков прошлого и создать великую галактическую цивилизацию, избавленную от войн, розни, лжи и секретов. Не пропустите невероятно захватывающее завершение величайшей космооперы десятилетия, награжденной премией «Хьюго» и вдохновившей создателей сериала The Expanse.

ISBN 978-5-6048352-4-1

© Кори Д. С., 2021
© СОЮЗ, 2021

Содержание

Пролог 7
Глава 1. Джим 12
Глава 2. Танака 17
Глава 3. Наоми 23
Глава 4. Элви 28
Глава 5. Танака 34
Глава 6. Наоми 40
Глава 7. Джим 45
Интерлюдия. Спящая 50
Глава 8. Элви 51
Глава 9. Кит 56
Глава 10. Фаиз 60
Глава 11. Тереза 66
Глава 12. Танака 72
Интерлюдия. Спящая 77
Глава 13. Джим 78
Глава 14. Элви 84
Глава 15. Тереза 90
Глава 16. Танака 95
Глава 17. Наоми 100
Глава 18. Джим 105
Глава 19. Кит 110
Глава 20. Элви 112
Интерлюдия. Спящая 117
Глава 21. Танака 119
Глава 22. Джиллиан 125
Глава 23. Джим 130
Глава 24. Смотритель маяка 136
Глава 25. Танака 147
Глава 26. Джим 153
Глава 27. Элви 157
Глава 28. Танака 162
Глава 29. Джим 169
Интерлюдия. Спящие 174
Глава 30. Элви 176
Глава 31. Танака 182
Глава 32. Кит 188
Глава 33. Наоми 193
Глава 34. Танака 198
Глава 35. Алекс 203
Глава 36. Джим 208
Глава 37. Танака 213
Глава 38. Элви 219
Интерлюдия. Спящие 224
Глава 39. Джим 226
Глава 40. Наоми 231

Глава 41. Джим 236
Глава 42. Алекс 242
Глава 43. Джим 247
Глава 44. Тереза 252
Глава 45. Наоми 256
Глава 46. Танака 261
Глава 47. Джим 265
Глава 48. Алекс 271
Глава 49. Наоми и Джим 276
Эпилог. Лингвист 282
Благодарности 284

Джеймс С. А. Кори
Падение Левиафана

JAMES S. A. COREY
«Liviathan falls», 2021

© Перевод с английского, Галина Соловьёва
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

*** * ***

Девять книг позади, а вы еще здесь? Тогда эта – для вас

Пролог

Жил на свете человек по имени Уинстон Дуарте. А потом сгинул.

Его последний миг был ничем не примечателен. Дуарте сидел на диване в личном кабинете в самом сердце здания Государственного совета. На экране, встроенном в стол из зернистой, как песчаник, лаконской дождевой древесины, дожидались его внимания тысячи докладов. Часовой механизм империи медленно, со скрежетом вращался, с каждым оборотом колеса стирая зазубрины и двигаясь глаже и точнее. Дуарте не в первый раз просматривал доклад службы безопасности с Оберона, где губернатор в ответ на насильственные действия сепаратистов начал вербовку местных в службу охраны порядка. Дочь Дуарте Тереза опять отправилась на поиски запретных приключений за границей территории. Такие одиночные пешие вылазки, когда девочка воображала, будто сумела скрыться от бдительного взора охраны, были необходимы для ее развития, так что он смотрел на них не просто снисходительно, но и с гордостью.

Он совсем недавно рассказал дочери, чего ждет от нее: что она станет второй пациенткой Паоло Кортасара, подобно ему расширит и углубит сознание, продлит свою жизнь если не навечно, то на неопределенно долгий срок. Лет через сто они все еще будут возглавлять империю человечества. И через тысячу. И через десять тысяч.

Если…

Вот что так ужасно давило на него. Это всепоглощающее «если». Если он сумеет расшевелить погрязшее в самоуспокоенности человечество. Если сумеет убедить этот бесчисленный и разнородный сброд предпринять действия, необходимые, чтобы избежать судьбы предшественников. Человечество либо сумеет понять и остановить скрывающуюся по третью сторону врат тьму, либо будет ею убито.

Эксперимент в системе Текома ничем не выделялся среди других переломных шагов человеческой истории, начиная с того, когда первое млекопитающее привстало на задние лапы, чтобы увидеть скрытые травой горизонты. И этот, если получится, тоже все изменит. Каждый шаг меняет все, что было до него. В жизни это самое обычное дело.

В те последние мгновенья он потянулся было за чаем, но одно из непривычных новых чувств, полученных от доктора Кортасара, подсказало ему, что чайник остыл. Восприятие молекулярных вибраций напоминало телесное восприятие тепла – измеряло то же свойство материала, – но чувства обычного человека были детской свистулькой в сравнении с великой симфонией новых ощущений Дуарте.

Настал последний миг.

В одно мгновение – между решением послать слугу за новым чайником и движением руки к клавише вызова – разум Уинстона Дуарте разлетелся пучком соломы под ураганным ветром.

Было больно – очень больно – и страшно. Но некому стало ощущать боль и страх, поэтому чувства быстро погасли. Не осталось ни сознания, ни связей, некому стало думать вздымающиеся и гаснущие мысли. Нечто более тонкое – более изящное, более сложное – погибло бы. Цепь биографический воспоминаний, мыслившую себя Уинстоном Дуарте, разнесло на куски, но его тело осталось. Слабые токи энергии в теле взвихрила, порвав все связи, невидимая турбулентность. И некому было заметить, как они стали замедляться и замирать.

Тридцать триллионов клеток еще вбирали кислород из сложного состава его крови. Те структуры, что были его нейронами, устанавливали связи с другими такими же – как пьянчужки-собутыльники, не сознавая того, в унисон поднимают стаканы ко рту. Возникло нечто, чего не было прежде. Процесс, заполнивший оставшуюся от прежнего пустоту. Не танцор, а танец. Не вода, а водоворот. Не личность, не разум. Нечто.

Вернувшись, сознание проявило себя прежде всего в цветах. Синева, но без названия для синего цвета. Красное. Затем белое – тоже что-то означавшее. Обрывок идеи. Снег.

Пришла радость и продлилась дольше, чем прежде страх. Глубокое, бурливое удивление уносило само себя, потому что больше уносить было нечего. Вздымались и ниспадали процессы – складывались и распадались порядки. Те, что распадались медленнее других, вступали в отношения друг с другом, и это иногда позволяло им продержаться подольше.

Подобно младенцу, постепенно сводящему прикосновение, вид, кинестетические ощущения в нечто, еще не названное «ногой», обрывки восприятий соприкасались со вселенной и складывались в некое понимание. Нечто, загоняя химические вещества в зияющие меж клетками пустоты, ощущало свою неуклюжую, животную телесность. Оно чувствовало связующие миры грубые открытые вибрации вокруг врат и думало о воспалении, о язвах. Оно ощущало нечто. Оно думало нечто. Оно вспоминало, как вспоминать, и тут же забывало.

Имелась причина, цель. Нечто оправдывало жестокость ради предотвращения больших жестокостей. Он предал свой народ. Он изменил миллиардам. Он приговорил верных ему людей к смерти. На то была причина. Он помнил. Он забыл. Он заново открыл величественное сияние желтизны и весь отдался этому чистому ощущению.

Голоса доносились до него симфонией. Слышались ему кряканьем. Он с удивлением открыл, что волнуется и что волнуется он. Ему полагалось бы что-то делать. Спасать человечество. Какое-то до смешного великое дело.

Он забыл.

«Вернись, папа! Вернись ко мне».

Он, как в пору ее младенчества, когда спал с ней рядом, привычно переключился на нее. Дочь захныкала, и он поднялся, чтобы не пришлось вставать жене. Она держала его за руки. Что-то говорила. Слов он припомнить не мог, поэтому обратился в прошлое, туда, где она их произносила. «Доктор Кортасар? Он хочет меня убить».

Что-то здесь неправильно. Он не знал, что не так. Там, в другом месте, громко, тихо и громко бушевала буря. Тут была связь. Ему полагалось бы всех спасать от тех, кто в буре – кто и являлся этой бурей. Или от их собственной слишком человеческой природы. Но здесь была дочь, и это интереснее. Он видел напряжения в ее мозгу, в ее теле. Боль ее крови насытила воздух вокруг нее, и он захотел. Он захотел исправить все, что с ней не так. Но куда интереснее, что он впервые *захотел*.

Эти странные ощущения собственных чувств теребили его внимание, уводили его в сторону. Он, не выпуская ее руки, отвлекся. А когда вернулся, та, кто держала его за руку, была уже другой.

«Нам нужно только просканировать вас, сэр. Это не больно».

Он вспомнил доктора Кортасара. «Он меня убьет». Он развеял Кортасара, растолкал пустоты между частицами, придававшими ему материальность, заставив того рассыпаться в прах. Ну вот, это он исправил. Но усилие его утомило, от него заныло тело. Он позволил себе уплыть, но при этом отметил, что его меньше сносит течением. Разлетевшаяся вдребезги нервная система срасталась. Тело упрямо желало продолжаться, даже если не могло продолжиться. Он восхитился таким упорным отрицанием смерти как чем-то внешним по отношению к себе. Бессмысленный физический импульс к движению: каждая клетка решительно цепляется за бытие, и ее воля к продолжению себя не нуждается в усилии воли. Все это что-то означало. Было важным. Чем, он не помнил. Что-то касательно его дочери. Он должен о ней позаботиться.

Он вспомнил. Вспомнил себя отцом, любящим свое дитя, и через это воспоминание вспомнил себя человеком. Эта связь была крепче честолюбия строителя империи. Он вспомнил, что превратил себя в нечто отличное от человека. В нечто большее. И понял, как эта чуждая сила в то же время и ослабила его. И что животное, неумолимое притяжение тела удержало

его от небытия. Меч, сразивший миллиарды ангелов, для приматов в металлических пузырьках воздуха оказался лишь неудобством. А человек по имени Уинстон Дуарте, захваченный на полпути между обезьяной и ангелом, сломался, но не погиб. Обломки отыскали собственный путь.

И еще что-то было. Человек с сухими руслами в сознании. И еще один человек, тоже измененный. Джеймс Холден – он был врагом и врагом его врага – в прошлом, до того как Уинстон Дуарте, сломавшись, стал быть.

Он с бесконечным напряжением и осторожностью стянул невыносимую огромность и сложность своего сознания вовнутрь, втиснул в то, чем стал. Синева поблекла до знакомого человеку цвета. Поблекло ощущение угрозы от бури, свирепствовавшей рядом на той стороне. Он ощутил теплый, с железистой примесью, запах плоти от своей пустой руки. Он открыл глаза, нажал клавишу коммутатора и включил связь.

– Келли, – сказал он, – вы не принесете мне новый чайник?

Пауза затянулась меньше, чем можно было ожидать при таких обстоятельствах.

– Да, сэр, – сказал Келли.

– Спасибо.

Дуарте выключил связь.

В его кабинете установили больничную кровать с аэрацией антипролежневого пенематраса, но сидел он за своим столом, словно и не покидал этого места. Он провел инвентаризацию своего тела, отметил слабые места. Мускулы истончились. Он встал, заложил руки за спину и подошел к окну посмотреть, что увидит. Он видел.

За окном моросил светлый дождь. На дорожках стояли лужицы, блестела отмытая трава. Он потянулся к Терезе и нашел ее. Она была не близко, но и не в беде. Как будто он опять следил за ее прогулками по дикой местности, только на этот раз без помощи объективов. Его любовь и снисходительность к ней были огромными. Как океан. Но не торопили. Лучшим проявлением любви к ней станет его труд, и он взялся за работу.

Дуарте вывел общую сводку – так он начинал каждый день. Обычно сводка занимала страницу. Эта составила целый том. Он разобрал ее по категориям, выделил ветку, относящуюся к трафику через пространство колец.

Дела без него шли, мягко говоря, не лучшим образом. Научный доклад по гибели станции «Медина» и «Тайфуна». Военная аналитика по осаде Лаконии, по потере строительных платформ. Резюме разведки по нарастанию сопротивления в разрозненных системах и сведения о попытках адмирала Трехо без него сберечь его мечту об империи.

Однажды, вскоре после кончины своей матери, Тереза решила приготовить ему завтрак. Она была совсем маленькой, ничего не умела, и вышло у нее плохо. Он запомнил пережаренный кусок хлеба с горкой джема и пристроенным сверху кусочком масла. В том сочетании самоуверенности, любви и жалости была своя красота. Воспоминание потому и уцелело, что любовь так точно сложилась с чувством неловкости. То же было и здесь.

Теперь он отчетливо сознавал пространство колец. Он слышал его отзвуки в ткани реальности, как, прижавшись ухом к корабельной обшивке, слышишь работу двигателя. Ярость врага была теперь для него явной, как если бы он слышал ее голос. Визг, раздирающий нечто непохожее на воздух в чем-то, что нельзя назвать временем.

– Адмирал Трехо, – позвал он, и Антон вздрогнул.

* * *

Шла пятая неделя пресс-тура, который Трехо сочетал с реконкистой Солнечной системы. Он, досуха выжатый долгим днем рукопожимания и речеговорения с местными чиновниками и вождями, засел у себя в каюте. Он воплощал лицо держащейся на соплях империи, заслонял

собой, не давал никому увидеть, как близок ее конец. После недели на жестоком ускорении от Лаконии эта работа давалась ему тяжело. Больше всего на свете он мечтал основательно выпить и на восемь часов залечь в постель. А лучше на двадцать. Вместо этого он вел видеосовещание с генеральным секретарем Дачетом и его марсианским коллегой – оба находились сейчас на Луне, достаточно близко, чтобы световой лаг не мешал разговору. Политики лгали улыбками. Трехо улыбкой угрожал.

– Разумеется, нам понятна необходимость возведения орбитальных верфей и их скорейшего ввода в строй, – говорил Дачет. – Но, учитывая правовой вакуум после недавней атаки на Лаконию, нас в первую очередь волнует безопасность предприятий. Нам нужны гарантии, что ваши корабли сумеют защитить столь ценное имущество. Нам совершенно не хочется изображать из себя мишени для подполья.

«Вам только что надавали пинков, подорвали ваши верфи, угробили два самых мощных корабля, и империя ваша едва жива. Хватит у вас кораблей, чтобы заставить нас подчиниться и работать на вас?»

– Да, мы понесли потери. – Трехо растягивал слова, как всегда в гневе. – Однако причин для озабоченности нет. Наших истребителей класса «Пульсар» более чем достаточно для обеспечения безопасности системы Сол.

«Две дюжины таких кораблей позволили мне вернуть вас под свою руку, а если не будете слушаться, у меня их еще до хрена».

– Превосходно сказано, – подключился марсианский премьер-министр. – Прошу вас сообщить верховному консулу, что мы не пожалеем усилий для соблюдения графика производства.

«Пожалуйста, не надо ковровых бомбардировок наших городов!»

– Я передам ему, – ответил Трехо. – Верховный консул дорожит вашей верностью и поддержкой.

«Дуарте – слюнявый маразматик, но, пока вы даете корабли, позволяющие не развалить империю на куски, я, так и быть, не стану превращать ваши планетки в стекло, и может статься, все останутся в выигрыше».

Трехо отключил связь и откинулся в кресле. Он уже слышал тихий зов припасенной в каюте бутылки виски. Застеленная свежим бельем постель звала куда громче. Времени не было – ни на первое, ни на второе. Подполье все еще баламутило тринадцать сотен систем. И это только его человеческие проблемы. Вдобавок к ним предстояло разобраться с вратами и теми, кто засел в них, – теми, кто разом отключал сознание целых систем, будто принюхивался, искал способ прикончить все человечество.

Нет покоя злодеям. Нет отдыха и добрым людям.

– Связь с представителем Ассоциации миров в системе Сол – имени не помню, – приказал он. Слышал его только корабль.

«Соединение устанавливается», – загорелось на экране. Опять лживые улыбки. И скрытые угрозы. Опять – он использовал это слово как эвфемизм – дипломатия.

– Антон, – услышал он тихий дружеский оклик.

Трехо развернулся вместе с креслом – лицом к комнате. Уинстон Дуарте стоял в ногах его кровати. Руки он заложил за спину, одет был в свободную домашнюю рубашку и черные брюки. Босой. Волосы всклокочены как спросонья. И, если верить глазам, он был здесь собственной персоной.

– Тревога, – произнес Трехо. – Полный досмотр этого помещения.

Дуарте обиженно поморщился.

– Антон!

Корабль в миллисекунды прочесал каждый дюйм каюты в поисках чего-либо или кого-либо неположенного. Экран доложил, что в помещении не обнаружено подслушивающих

устройств, опасных веществ, неавторизованной техники. И только он сам из присутствующих. Корабль запросил разрешение на вызов вооруженной охраны.

– У меня удар? – обратился Трехо к привидению.

– Нет, – ответил Дуарте, – хотя выспаться тебе бы не помешало. – Призрак пожал плечами – движение было почти виноватым. – Послушай, Антон, ты сделал для сохранения империи все возможное, никто не вправе требовать от тебя большего. Я знаю, как трудно тебе пришлось.

– Вас здесь нет, – сказал Трехо, выставляя против лжесвидетельства всех органов чувств единственно возможную реальность.

– Для меня понятие «здесь» стало на удивление растяжимым, – согласился Дуарте. – Я чрезвычайно ценю твои усилия, но теперь ты можешь сдать пост.

– Нет. Это еще не конец. Я продолжаю борьбу за империю.

– И я это ценю. Действительно ценю. Но мы выбрали не тот путь. Мне еще нужно время спокойно все обдумать, но теперь я вижу яснее, и все будет хорошо.

Трехо как волной накрыло желанием услышать эти слова – и поверить им. Первый поцелуй любви потряс его меньше.

Дуарте улыбнулся с грустным юмором.

– Мы с тобой выстроили империю галактических масштабов. Кто бы мог подумать, что мы мелко мыслим?

Образ, иллюзия, проекция – чем бы он ни был, он пропал внезапно, словно из кинопленки вырезали кадр.

– Чтоб меня! – сказал в пустоту Трехо. На настольном экране еще мигал сигнал тревоги. Он хлопнул ладонью по коммутатору.

– Сэр, – произнес дежурный офицер, – нам поступил сигнал активной тревоги из вашего помещения. Вам требуется?..

– У вас пять минут на подготовку максимального ускорения в сторону кольца.

– Сэр?

– Включайте предупреждение, – сказал Трехо. – Всем в койки. Возвращаемся на Лаконию. Немедленно.

Глава 1. Джим

– Нас прозванивают, – доложил Алекс. В его голосе проявилась легкая распевность, всегда означавшая, что пилот не ждет от жизни ничего хорошего.

Джим, сидевший в рубке перед тактической схемой системы Кроноса, отметил, что сердце забилось вдвое чаще, но все же попробовал возразить:

– Ну, стук в дверь еще не значит, что он знает, кто сидит в домике. Продолжаем играть, как играли.

«Росинант» изображал из себя легкий грузовик, какими кишела система Кроноса. Наоми настроила эпштейновский двигатель на выброс искажающих следовую подпись загрязнений и повышенную отдачу тепла. На подпольной верфи в системе Гарриса им на обшивку наварили изменившие силуэт судна пластины. Просачивающийся на поверхность жидкий водород менял и термический профиль корабля. Когда Наоми представляла свой план камуфляжа, все сочли его вполне приемлемым. Но при первой же угрозе Джим почувствовал себя голым.

Вражеский фрегат носил имя «Черный змей». Он уступал размерами истребителям класса «Буря», но был хорошо вооружен и, как все военные корабли Лаконии, имел самозаживляющуюся наружную обшивку, что делало его почти бессмертным. Он входил в группу охотников, выслеживающих по всем необитаемым системам дочь верховного консула Терезу Дуарте – признанную наследницу империи и в данный момент механика-практиканта на «Росинанте».

Можно подумать, с ними такое в первый раз!

– Что-то еще? – спросил Джим.

– Только прозвон лидаром, – сказал Алекс. – Не прогреть ли на всякий случай картечницу?

У Джима вертелось на языке: «Да, давай прогреем», – но за него ответила Наоми:

– Нет. По некоторым признакам их новые сенсорные системы распознают состояние рельсовых пушек.

– Так нечестно, – пожаловался Джим. – Никого не должно касаться, что проделывает команда со своими личными пушками на своем личном корабле.

В голосе Наоми он услышал улыбку.

– В принципе согласна, но давайте не будем включать пушки, пока они нам не понадобятся.

– Принято, – сказал Алекс.

– Все еще ограничиваются прозвоном? – спросил Джим, хоть и видел то же самое, что Алекс. Да Алекс и сам бы сказал.

– Связь молчит.

Кронос был не то чтобы мертвой системой, но близкой к тому. Его большая звезда быстро выгорала. Когда-то в его зоне Златовласки была пригодная для жизни планета – достаточно обитаемая, чтобы дать протомолекуле биомассу на строительство врат. Но от возникновения врат до появления в руинах чужой цивилизации человечества прошли несчетные эпохи, и зона Златовласки успела сместиться. Живая планета еще не скрылась в короне расширяющейся звезды, но океаны с нее выкипели подчистую, и атмосферы не осталось. Местная жизнь сохранилась только на влажном спутнике газового гиганта на окраине системы и представляла собой, в сущности, жестоко конкурирующую пленку скользкой плесени величиной с материк.

Из людей в системе Кроноса обитали тысяч десять рудокопов на ста тридцати двух участках. Корпорации, спонсируемые правительствами акционерные общества, независимые старатели на прыгунах и полулегальные гибриды трех первых обдирали палладий с довольно богатой россыпи астероидов и пересылали его тем, кто еще производил кондиционеры или занимался терраформированием. То есть всем и каждому.

В прежние времена Кронос был дальней окраиной Союза перевозчиков, потом жопой Лаконской империи, а теперь никто не сумел бы сказать, что он собой представляет. По всей сети врат насчитывались сотни таких систем: несамоокупающихся и не мечтающих окупиться, занятых углублением собственной экономической ниши и не вступающих ни в какие коалиции. В таких местах подполью удобно было скрывать и ремонтировать корабли, а также строить планы на будущее. На тактической схеме метки с орбитами, статусами, составом и юридической принадлежностью астероидов облепили свирепую звезду облачком пыльцы в весенний день. Вокруг участков, где велась добыча или разведка, теснились десятки кораблей. Еще столько же поодиночке перелетали от форпоста к форпосту или таскали воду для реактивной массы и радиационной защиты.

«Черный змей» вошел в кольцо три дня назад, торпедировал радиотранслятор подполья на наружной стороне врат и теперь неспешно разгуливал по системе на манер бездельника в модном ночном клубе. Врата обычно не вращались по орбите звезды, а держались на месте, словно забросив якорь в вакуум. Это было не самой большой из их странностей. Джим позволил себе надеяться, что «Змей» ограничится расстрелом пиратского передатчика подпольщиков. Что, побесчинствовав немного здесь, враг свалит резать условные телеграфные провода в следующей системе.

А он остался и прочесывал систему. Искал их. Терезу. Наоми – действующего лидера подполья. И его.

Когда дисплей коммутатора высветил зеленый значок входящей передачи, у Джима скрутило нутро. На этом расстоянии до боя оставался не один час, но всплеск адреналина случился такой, будто кто-то уже выстрелил. Близкий, всепоглощающий страх заслонил от него все необычное.

– Передают, – сказал Алекс по корабельной связи, и через палубу над головой Джим тоже услышал его голос. – Удивительно… Не по направленному лучу… Похоже, это не нам.

Джим открыл канал связи. Женский голос сухо рубил фразы – для лаконского офицерства эта манера была вроде акцента.

– …агрессивные действия с соответствующими последствиями. Повторяю сообщение. «Черный змей» зарегистрированному грузовозу «Скоропортящийся продукт». Согласно приказу сил безопасности Лаконии вам надлежит выключить двигатель и приготовиться к приему на борт инспекции. Неповиновение будет рассматриваться как агрессивные действия с соответствующими последствиями. Повторяю сообщение…

Джим включил фильтр тактической схемы. «Скоропортящийся продукт» находился от «Роси» в тридцати градусах в направлении вращения и разгонялся в сторону большого жаркого солнца. Если они и слышали сообщение, пока ничего не предпринимали.

– Они из наших? – спросил Джим.

– Нет, – отозвалась Наоми. – Числятся имуществом некоего Дэвида Калрасси с Бара Гаона. Не знаю такого.

Учитывая световой лаг, «Продукт» должен был принять сообщение на десять минут раньше «Росинанта». Джиму представилось, как паникует тамошняя команда. Он сам с ужасом ждал такого сообщения. Как бы то ни было, пока что «Росинант» не в перекрестье прицела. Жаль, что Джим не мог до конца прочувствовать облегчение.

Отстегнувшись, он перевернулся в амортизаторе. Зашипели шарниры ложемента.

– Я на минутку в камбуз, – сказал он.

– Прихвати и мне кофе, – попросил Алекс.

– Э, нет, никакого кофе. Мне бы ромашкового чаю или теплого молока. Чего-нибудь мягкого, успокаивающего.

– Хорошо звучит, – согласился Алекс. – Когда передумаешь и будешь варить кофе, прихвати и мне.

В лифте Джим прислонился к стенке, пережидая сердцебиение. Вот так и случаются сердечные приступы, да? Пульс как начнет частить, так и не унимается, пока не лопнет что-то важное. Может, он и ошибался, но чувствовал себя именно так. Все время так себя чувствовал.

Он поправлялся. Ему легчало. Автодок отрастил ему потерянные зубы. Унизительно, когда приходится, как младенцу, делать укольчик от зуда в деснах, но в остальном все прошло благополучно. Кошмары уже были для него старыми знакомыми. Начались они в плену на Лаконии. Джим ждал, что на свободе они прекратятся, а стало еще хуже. В последнем его хоронили заживо. Чаще снилось другое: кого-то из любимых людей убивали в соседней комнате, а он не успевал набрать код замка, чтобы их спасти. Или поселившийся у него под кожей паразит искал выход наружу. Или лаконские тюремщики снова приходили его избивать и ломали зубы.

Как тогда.

Зато, похоже, были сняты с показа старые ужасы, в которых он забывал одеться или неподготовленным сдавал экзамен. Не так уж худо ему жилось во сне.

Бывали дни, когда он не мог избавиться от тревожного чувства. Где-то в мозгу засела беспричинная, иррациональная уверенность, что мучители с Лаконии непременно его отыщут. Более оправданным был страх перед теми, кто скрывался за вратами. Перед апокалипсисом, уничтожившим строителей врат и теперь нацелившимся на человечество.

Если взглянуть в таком свете, возможно, все с ним было в порядке. Наверное, при таком положении дел ощущения, которые он до лаконского плена счел бы безумием, были здравыми и нормальными. И все-таки жаль, что он не всегда отличал вибрацию неровной работы двигателя от собственной дрожи.

Лифт остановился, Джим покинул кабину и свернул к камбузу. Тихий ритмичный стук собачьего хвоста по палубе подсказал ему, что Тереза с Ондатрой пришли раньше него. И Амос – черноглазый, серокожий, восставший из мертвых – тоже был там, сидел за столом и, как всегда, по-хозяйски радушно улыбался. Джим не видел, как лаконская охрана прострелила ему затылок, но знал, что за дроны заново собрали обрывки человеческой плоти. Наоми все еще не могла решить для себя, считать ли его тем Амосом, что много лет летал с ними механиком, или механизмом чужаков, вообразившим себя Амосом потому, что создан из его тела и мозга. Джим решил, что Амос, даже если изменился внешне и нахватался обрывков знаний о древних чужаках, есть Амос. Обдумать этот вопрос глубже у него не хватало сил.

К тому же его любила собака. Такую проверку не назовешь решающей, но наименее неточной назвать можно.

Сидевшая у ног Терезы Ондатра с надеждой уставилась на Джима и снова забила хвостом.

– Нет у меня сосиски, – заглянув в выразительные карие глаза, сказал Джим. – Обойдешься, как все, концентратами.

– Вы ее избаловали, – заявила Тереза. – Теперь она вам это припомнит.

– Если я попаду в рай, – ответил ей Джим, – пусть это будет за то, что баловал собак и детей.

Он машинально набрал код груши с кофе. Спохватился – и запросил вторую, для Алекса.

Тереза Дуарте, пожав плечами, вернулась к тубе с грибами и пряностями на полезной для пищеварения волокнистой массе – так она завтракала. Волосы она стягивала в темный «конский хвост», неизменно опущенные уголки губ отражали то ли характер, то ли особенности организма. Она росла на глазах у Джима в здании Лаконского государственного совета и выросла из самонадеянного ребенка в бунтующего подростка. Сейчас ей исполнилось пятнадцать, и он успокаивал себя, припоминая пятнадцатилетнего Джима: тощего темноволосого мальчишку из Монтаны, не знающего толком, чем занять себя в жизни, и придерживающего как запасной вариант вербовку в военный флот. Тереза казалась старше, чем Джим в ее возрасте, больше знала о мире и меньше его одобряла. Пожалуй, они друг друга стоили.

Когда Джим был пленником ее отца, Тереза его боялась. Теперь, когда она оказалась на его корабле, страх куда-то испарился. Тогда он был ей врагом, но и теперь Джим сомневался, считает ли она его другом. Где ему разбираться в эмоциональных сложностях социализировавшегося в изоляции подростка. Раздатчик доделал кофе для него и Алекса, и Джим, забрав груши, порадовался греющему ладони теплу. Дрожь почти прошла, а горечь кофе успокаивала лучше чая.

– Скоро надо будет дозаправиться, – заговорил Амос.

– Правда?

– С водой у нас порядок, а топливных пеллет не помешает добавить. И восстановители воздуха уже не те.

– Плохо дело?

– Несколько недель еще продержимся, – сказал Амос.

Джим кивнул. Он уже собрался отмахнуться, отложить проблему на завтра. Только это было бы ошибкой. «На хрен все, что не прямо сейчас» – это кризисное мышление, которое, если от него не избавиться, приводит к новым кризисам.

– Поговорю с Наоми, – обещал он. – Что-нибудь сообразим.

«Если нас не разыщут лаконцы. Если не убьют те, из-за врат. Если нас прежде не прикончит одна из тысячи катастроф, которых я и в мыслях не держал».

Он глотнул еще кофе.

– Ты как, капитан? – спросил Амос. – Что-то ты малость дерганый.

– Отлично, – заверил Джим. – Прикрываю практически не прекращающуюся панику легким юморком – как все.

Амос после мгновения жуткой неподвижности – одной из примет его новой личности – улыбнулся шире прежнего.

– Тогда все в порядке.

Через корабельную связь подал голос Алекс:

– У нас новости.

– Хорошие?

– Какие-то, – уточнил Алекс. – «Скоропортящийся продукт» выбросил в космос некую жидкость и гонит как черт к той большой торговой станции во внеш нем поясе.

– Принято, – отозвалась Наоми тоже по связи и с тем новым хладнокровием, которое Джим про себя назвал «голосом коммандера Нагаты». – Подтверждаю.

– А «Черный змей»? – обратился к стене Джим.

После короткого молчания ответил Алекс:

– Похоже, гонят за ним.

– Удаляются от кольца?

– И правда, – с нескрываемым удовольствием подтвердил Алекс.

Облегчение продлилось недолго. Джим уже обдумывал все возможные ловушки. Если «Роси» поспешит свернуть к кольцу – привлечет к себе внимание. Даже если разойдется с «Черным змеем», в пространстве колец могут поджидать другие лаконские корабли, рискующие собой, чтобы перехватывать беглецов из системы.

– Почему они бегут? – удивилась Тереза. – Неужели надеются уйти? Это ведь глупо.

– Они не корабль пытаются спасти, – ответил ей Амос с тем же философским терпением, с каким объяснял, как варить швы при микрогравитации или проверять герметичность труб. Голосом учителя, рассказывающего студенту, как устроен мир. – Не знаю, что там у них такое на корабле, что может взбесить лаконцев, но спрятать это они не сумеют. Уж очень здесь прозрачная система. И затаиться, чтобы сменить позывные транспондера, тоже не успеют, так что кораблю конец. Зато на большой торговой станции можно высадить экипаж, чтобы перебрался на другие корабли или смешался с местными.

– Бегут туда, где есть шанс спрятаться, – заключила Тереза.

– И чем больше выиграют времени, тем больше у них шансов, – сказал Амос.

«На их месте могли быть мы, – думал Джим. – Сочти нас „Черный змей“ хоть немного подозрительнее „Продукта“, нам пришлось бы пожертвовать „Росинантом“ в надежде стать маленькими и незаметными, чтоб не сыскали». Только это был самообман. Не нашлось бы в системе Кроноса такого тайника, куда бы не заглянула Лакония. Их единственной надеждой был неприметный вид, потому что любой план Б вел к столкновению.

Он считал, что ни словами, ни видом не выдал своего отчаяния, но ошибся, потому что Тереза уставилась на него с обидой и жалостью:

– Вы же знаете, я не позволю им причинить вам зло.

– Уверен, что ты постараешься, – кивнул Джим.

– Я все-таки дочь верховного консула, – напомнила она. – Я уже выручала вас из беды.

– Второй раз я на тот же трюк не положусь, – резче, чем ему хотелось, возразил Джим.

Ондатра шевельнулась, тяжеловесно поднялась на ноги и забегала глазами от него к Терезе. Взгляд девочки стал жестким.

– Думаю, капитан хочет сказать, – вмешался Амос, – что ему не по вкусу использовать тебя как живой щит. Не то чтобы ты не согласилась – ты ведь такое уже проделывала. Но те, кто с другого конца ствола? Мы их не знаем, неизвестно, чего от них ждать, так что не стоит на них рассчитывать.

Тереза все хмурилась, но уже меньше.

– Да, – признал Джим, – так оно куда более красноречиво.

– Иногда мне и такое дается, – сказал Амос. Может быть, пошутил, а может, и нет. – Подготовить корабль к бегству? Реакторной массы у нас хватит на приличное ускорение.

– Помнится, у нас не хватало топливных пеллет?

– Верно, но остаток можно потратить, чтобы выбраться из Кроноса: внесем воду в список покупок, и порядок. Вот восстановители и правда поджимают.

Эта мысль притягивала его сильней гравитации. Включай двигатель, нацелься носом в подходящее кольцо и рви когти, пока враг не сцапал. Джим непроизвольно стиснул груши с кофе.

– Наоми, что скажешь?

Короткое молчание.

– Извини, я прослушала. О чем речь?

– Подготовить «Роси» к броску? Когда «Черный змей» наберет разгон, можно будет прорваться.

– Нет. – Он ждал этого ответа. – Они нас не опознали. Ударившись в бега, мы только навлечем подозрение. Лучше сойти за непричастных. Алекс? Просчитай, как нам перехватить «Белый дуб». Тот большой ледовоз у второго газового гиганта.

– Есть курс, – доложил Алекс.

Амос поерзал на скамейке.

– Капитан…

– Все нормально.

– Надо будет бежать, – сказала Наоми, – сбежим.

«Вечно нам надо бежать. И никакой передышки», – думал Джим. Говорить это вслух не было смысла.

Глава 2. Танака

Алиана нажала кнопку вейпа и глубоко затянулась. Пахнущий ванилью туман мягким теплым облачком наполнил легкие. Смесь никотина с тетрагидроканнабинолом и примесью какой-то экзотики. Экзотики, уравновешивающей сонливость от ТГК обострением восприятия. Шторы были задернуты, но свет по краям просачивался, поджигал пылинки радужными искорками. Алиана шевельнула ногой. Шелковистая простыня была ласковей тысячи миниатюрных любовников.

Тристан спал рядом, прижавшись к ее бедру подтянутой мускулистой задницей. И тихо похрапывал, изредка подергиваясь и вздыхая. Алиана понимала, что эти звуки кажутся ей милыми и очаровательными только потому, что она на взводе и после коитуса. Как только храп начнет раздражать, Тристан станет здесь лишним.

Опытным путем она отыскала два способа выживать при жестком авторитарном режиме. Первый – к нему прибегало большинство: быть тем, чем хочет видеть тебя власть. Марсу требовались верные солдаты, их он и штамповал, как принтер штампует детали. Алиана с годами успела понять, что принадлежит к их числу. Она видела, как соратники тщатся задавить или изгнать из души все не вполне марсианское, и порой им это удавалось.

Другой способ выжить: научиться получать удовольствие от тайны. Радоваться тому, что кажешься не тем, что ты есть. И отточить это умение. Оно напоминало сексуальное извращение, даже если не требовало тащить в койку младших по званию. Волнующее сознание, что обмолвка или оплошность могут привести к пуле в затылок, ей нравилось гораздо больше обычного секса.

Снисходительное, открытое общество, где занимаются тем же самым, не опасаясь последствий, свело бы ее с ума. Она с самого начала была в восторге от лаконского эксперимента, потому что мечта Дуарте, обернувшаяся сперва восстанием против Марса, а затем непрерывной чередой опасностей, кормила ее адреналином. Алиана этого не стыдилась. Знала, что собой представляет.

– Просыпайся, – сказала она, пальцем ткнув юношу в спину.

– Сплю, – промямлил Тристан.

– Знаю. А теперь просыпайся. – Она снова ткнула его пальцем. Десять часов в неделю они занимались борьбой и боксом. Пальчики у нее, если напрячь, были тверже железных стержней.

– Господи прокляни! – выговорил Тристан и перевернулся. Улыбнулся ей спросонья. Всклокоченные светлые волосы и гладко выбритые щеки с глубокими ямочками – чистый херувимчик с классического полотна. Рафаэлевский путти.

Еще разок затянувшись, Алиана протянула вейп ему.

Тристан покачал головой.

– Ты чего меня разбудила?

Она со вкусом потянулась на мягких простынях – ее тело едва умещалось на длинной койке.

– Я под кайфом, желаю трахаться.

Он с театральным вздохом повалился на спину.

– Алли, я отдал тебе всю жидкость до капли.

– Так ступай, выпей стакан воды, закуси соляной таблеткой и тащи задницу обратно в койку.

– Есть, есть, полковник! – рассмеялся Тристан.

Его смешок оборвался резким выдохом: «Уф-ф», – когда она навалилась ему на живот, лодыжками и ступнями прижала к матрасу бедра, а руками – запястья. Плечи и грудь у него были хорошей формы, но мягковаты: скорее как у здорового подростка, а не мужчины за два-

дцать. У нее руки были тонкие, жилистые, с мышцами бегуна на длинные дистанции, до основы обожженные постоянной нагрузкой и крепкие, как стальные пружины. Она легко пресекла его попытку шевельнуться, до хруста сжала пальцы – и он ойкнул.

– Алли, ты…

Она снова нажала, и он заткнулся. Видел, что она сердита. Она любила себя сердитой. И любила, чтобы он это видел.

– В этой комнате я Алиана, а ты Тристан, – медленно отчеканила она, не позволив наркотику сделать речь невнятной. – За ее дверями ты – капрал Ривс, а я – полковник Танака. И никогда не следует путать одно с другим.

– Знаю, – пробурчал Тристан. – Я пошутил.

– Не шути. Никаких смешков. Никаких оговорок. Мы с тобой держимся на строжайшей дисциплине. Любая твоя ошибка будет стоить мне как минимум позорной отставки.

– Я никогда не…

– И тебе, – словно он и рта не открывал, продолжала Алиана, – не понравится та я, с которой тебе тогда придется иметь дело.

Она уставилась на него сверху, дожидаясь, пока испуг перейдет в понимание. А потом выпустила запястья и слезла с него, легла рядом.

– Принеси и мне попить, хорошо?

Тристан молча встал и вышел. Алиана смотрела ему в спину, любуясь движением бедер и ягодиц, плавно сужающимся книзу силуэтом плеч и спины. Он был очень, очень хорош собой. Когда наступит неизбежный конец, она будет по нему скучать. Но это не отменяло неизбежности конца. Так происходило всегда. И это тоже было частью наслаждения.

Тристан скоро вернулся с двумя стаканами воды. Неуверенно остановился в ногах кровати. Алиана похлопала по простыне рядом с собой.

– Извини, если обидела.

– Да ничего, – ответил он, подал ей стакан и сел рядом. – Извини за ошибку. Ты трахаться не расхотела?

– Через минутку, – сказала она.

Минуту оба гулко глотали.

– Я тебя еще увижу? – спросил наконец он. Алиана отметила, что радуется звучащей в его голосе надежде.

– В этот раз мне придется задержаться на Лаконии, – ответила она. – Да, мне хочется снова тебя увидеть. Только надо помнить об осторожности.

– Понимаю, – сказал он.

Она знала, что он действительно понял. Она любила, чтобы игрушки были много моложе нее и младше чином. Так было проще. Но с дураками она время не проводила.

Жажда прошла, тепло из легких приятно расползалось к животу. Она протянула руку, накрыла ладонью его бедро.

– Думаю, нам надо бы…

У нее на столике звякнул ладонник. Она установила режим «Не беспокоить» – значит, входящий вызов был достаточно важен, чтобы устройство игнорировало запрет. Ладонник был хорошо натаскан и, вероятно, не ошибался. Она взяла его и посмотрела, кто вызывает. Из здания Государственного совета. Она включила связь без видео. Тристан, выскользнув из постели, потянулся за штанами.

– Добрый вечер, полковник. Это лейтенант Санчес из «Графиков и логистики». Вас ждут на совещании через два часа.

– Впервые слышу, – отозвалась она, нашаривая на столике отрезвляющие препараты. – Какая повестка, не скажете?

– Простите, полковник, у меня нет допуска к этим сведениям. В число участников вас включил адмирал Милан.

Конец забавам…

* * *

К зданию Государственного совета она подходила под дождем. Капельки покрыли мостовую темной блестящей пленкой. Невысокие горы за краем территории словно сошли с древней гравюры укиё-э Ёситоси или Хиросигэ. Атташе от научного директората ждал ее с чашкой кофе и зонтом. Она отмахнулась от того и другого.

Здание Государственного совета она знала неплохо. Чаще работала в поле, но завела немало друзей и профессиональных связей в высших эшелонах власти, чтобы, прилетая на Лаконию, частенько сюда заходить. Не бывала здесь после осады Лаконии, гибели строительных платформ и похищения или автоэмансипации Терезы Дуарте. Само здание за это время не изменилось. Литой бетон был по-прежнему прочен, букеты в вазах по-прежнему свежи. Охрана в отглаженной в острые стрелки форме по-прежнему непроницаема и сдержанна. Но все казалось каким-то хрупким.

Атташе провел ее в знакомый кабинет. Желтые стены из местной древесины с голубыми гербами Лаконии в панелях и две строгие кушетки. Адмирал Милан – заместитель командующего на время, пока верховный консул пребывал в уединении, а адмирал Трехо – в системе Сол, – сидел за большим столом. Он был крупный мужчина с тяжелым лицом, сединой в короткой щетине и выбритой головой. А по Марсу она знала его как закаленного годами службы космического волка, не терпевшего никаких глупостей и вспыльчивого, как барсук. И невероятно его любила.

У одной кушетки стоял лейтенант со значком радиоэлектронной разведки на синей флотской форме. Рядом, сложив руки на коленях и сплетя пальцы, сидел доктор Очида из научного директората. В тишине ощущалась неловкость прерванного разговора.

Нарушил молчание адмирал Милан:

– Мы здесь немножко задержались, полковник. Садитесь, мы скоро заканчиваем.

– Да, сэр, – отозвалась Танака и села.

Адмирал Милан взглянул на стоящего лейтенанта – Россифа, согласно именной нашивке, – и кончиком пальца начертил в воздухе кружок. Закругляйтесь.

– Система Гедара. Население не дотягивает до двухсот тысяч. Высокая концентрация расщепляемых материалов в верхних слоях коры, так что они там в последние годы пытались наладить глубинную добычу ископаемых. Сельское хозяйство существует, но до самодостаточности им еще десятки лет.

– Провал? – спросил адмирал.

– Двадцать три минуты одиннадцать секунд, – ответил Россиф. – Полный провал в сознании. Несколько погибших, некоторый ущерб инфраструктуре. В основном автомобильные аварии или падения с высоты. Согласно журналам, за несколько секунд до провала в кольцо вне графика вошли два тяжелых грузовика – отправились к летучим голландцам.

Доктор Очида прокашлялся.

– В этот раз отмечена одна странность.

– Более странная, чем всеобщее отключение мозгов на двадцать минут? – заинтересовался адмирал Милан.

– Да, адмирал, – ответил Очида. – Приборы показывают за время события еще потерю времени нового типа.

– Объясните.

– Сокращение, – сказал Очида. – Свет ускорился.

Адмирал Милан почесал шею.

– Мы по-разному понимаем слово «объясните»?

Танака сдержала улыбку.

– Проще говоря, скорость света есть функция от базовых характеристик вселенной. Скажем так… Причинно-следственные связи быстрее всего распространяются в вакууме. В Гедаре на двадцать с чем-то минут природа пространства-времени изменилась таким образом, что увеличилась скорость света. Световой лаг от кораблей у кольца Гедары до планеты чуть меньше сорока минут. Согласно записям приборов, на время события он уменьшился почти на четыре тысячи наносекунд.

– Четыре тысячи наносекунд… – повторил Милан.

– На двадцать минут в этой системе изменилась природа пространства-времени, – подчеркнул Очида и, не дождавшись должной реакции, изумленно округлил глаза.

– Ну что ж, – отозвался Милан, – это определенно следует обдумать. Спасибо за доклад, лейтенант, доктор. Вы оба свободны. А вы останьтесь, полковник.

– Да, сэр, – ответила Танака.

Когда двое вышли, Милан развалился на стуле.

– Выпить хотите? Есть вода, кофе, бурбон и травяное дерьмо, которое мои мужья называют чаем, – на вкус вроде сена.

– Я не при исполнении?

– Думаю, о соблюдении устава можете не волноваться, если вы об этом.

– Мне нравится, как звучит «бурбон», сэр, – ответила Танака.

Адмирал минуту повозился у стола и вернулся с бокалом резного хрусталя, на два пальца наполненным темной жидкостью с кружащимся в ней облачком.

– Ваше здоровье. – Танака пригубила напиток.

– Ну, – Милан, по-стариковски крякнув, сел на место, – и как понимать этот бред про скорость света?

– Не представляю, сэр. Мое дело – стрелять, а не ломать голову.

– За что я вас всегда и любил, – кивнул он и снова откинулся на спинку, переплетя пальцы в замок. На этот раз молчание было другим, и разгадать его Танака не сумела. – Так, между нами, старыми служаками, вы ничего не хотите мне сказать?

Она ощутила выплеснувшийся в кровь адреналин. Но не показала виду. Достаточно поднаторела в увертках.

– Не понимаю, о чем речь.

Он со вздохом склонил голову к плечу.

– Я тоже. Нахожу все это адски загадочным. А я уже не так молод, чтобы наступать на горло своему любопытству.

– И все же я искренне не понимаю, о чем идет речь.

Никто не хочет объяснить, зачем меня сюда вызвали? – Вызвал вас не я. Вас затребовал Трехо, а мне пришлось повозиться с оформлением.

Он достал настоящую папку из красного картона с серебряными завязками и протянул ей. Папка выглядела здесь неуместной, как каменные скрижали. Танака, прежде чем взять ее в руки, залпом допила остатки бурбона. Папка оказалась неожиданно легкой, серебряный шнурок легко развязался. Внутри лежал единственный лист трехслойного «безопасного» пергамента с кружевным плетением удостоверяющих документ металлических нитей. На листе была фотография Танаки, ее биометрический профиль, имя, ранг и идентификационный номер. И несколько строк, наделяющих ее статусом «Омега» в Лаконском директорате разведки по личному запросу офиса верховного консула.

Окажись там отрубленная голова, она бы меньше удивилась.

– Это… – начала она.

– Не шутка. Адмирал Трехо распорядился вручить вам ключи от своего королевства. Открытый доступ ко всем миссиям. Допуск к сведениям любого уровня секретности. Иммунитет от цензуры и судебных преследований на время работы. Очень мило. Вы и правда хотите сказать, что не знаете, в чем дело?

– Надо понимать, будет задание?

– Возможно, но какое – мне знать не дозволено. Вы посидите, а я выйду.

Как только адмирал Милан закрыл за собой дверь, система вывела на экран сообщение по связи. Через секунду на стене появился адмирал Трехо. Его она знала, сколько себя помнила. Глаза того же небывалого зеленого оттенка, но под ними набрякли темные мешки. Волосы поредели, кожа приобрела нездоровый восковой блеск. Видно, ему досталось.

– Полковник Танака, – начал он. – Я поручаю вам важнейшее для существования империи задание. Я надиктовываю это сообщение в перерыве между периодами жесткого ускорения от системы Сол. Если бы дело можно было отложить до возвращения в Лаконию, я ввел бы вас в курс лично. Отложить нельзя, придется так.

Она уставилась в свой бокал. Пустой, и до бутылки рукой подать, но ей вдруг расхотелось пить. Она вся обратилась в слух.

– Наверняка вы вместе со всей империей гадали, чем именно занимается в своем уединении верховный консул. Какой удар он готовит против сил, угрожающих нам из врат. Мне известно, что кое-кто предполагал его болезнь или недееспособность. И я должен откровенно сказать, что, когда я отбывал в систему Сол, верховный консул представлял собой пускающего слюни безмозглого идиота, не способного донести ложку до рта и подтереть себе задницу. Он пребывал в таком состоянии со времени удара, уничтожившего «Тайфун» и «Мединy».

Танака глубоко вздохнула и выдохнула сквозь зубы.

– Доктор Кортасар посредством технологии протомолекулы значительно изменил организм верховного консула. Изменения дали верховному консулу некоторые… способности, не вполне документированные и не до конца исследованные к моменту смерти доктора Кортасара. А его фактически убил Дуарте. Махнул рукой – и расплескал гребаного маньяка по всей комнате. Я никогда подобного не видел. На данный момент это известно вам, мне, доктору Окойе из научного директората и Терезе Дуарте, бежавшей с диверсионной группой подполья после ее атаки на нашу технику. То есть противнику вообще, черт его побери.

Учитывая эти обстоятельства, вы поймете мою растерянность при появлении верховного консула в моем кабинете в системе Сол восемьдесят… восемьдесят пять часов назад. Датчики его не зарегистрировали. Он не взаимодействовал с материальными объектами и не оставил следов своего пребывания, доступных внешнему наблюдателю. Но он здесь был. И, пока вы не слишком насладились теорией «У Антона Трехо случился нервный срыв», есть и независимые свидетели. Только не в Сол.

Вскоре после того, как я пережил то, что пережил, Дуарте исчез из здания Государственного совета. Никаких «вот он есть, а вот его нету». Он надел штаны, сменил рубашку, попросил чашку чаю, вежливо поблагодарил лакея, после чего ушел с территории. С тех пор его ищут все планетарные датчики. Никто его не видит.

Мы имеем дело с тысячей колоний, гадающих, что осталось от власти. Мы имеем дело с находящимся вне измерений врагом, опытным путем подбирающим способ сдуть нас с лица вселенной. И я убежден, что решением обеих проблем окажется Уинстон Дуарте или та чертовщина, в которую он превратился. Вас я давно знаю и доверяю вам. Вам поручается найти его и вернуть. Вы уже получили карт-бланш, а я гарантирую, что и счетов к оплате вы не увидите. Мне плевать, сколько вы потратите – деньгами, оборудованием, жизнями, – лишь бы вернули Уинстона Дуарте оттуда, где он есть. Если он не пожелает вернуться, убеждайте всеми способами, лишь бы в конце концов он оказался в нашем распоряжении.

Доброй охоты, полковник.

Запись кончилась. Танака развалилась на кушетке, раскинула руки, как птица расправляет крылья. Колесики в мозгу уже вертелись. Все странности, потрясающее откровение, связанная с ним угроза. Все это она уже усвоила. Все прочувствовала. И еще пришло спокойствие предстоящей работы и неожиданно глубокое удовольствие от врученной ей власти.

Тихо открылась дверь, вошел адмирал Милан.

– Все в порядке?

Танака расхохоталась.

– Чего нет, того нет.

Глава 3. Наоми

Они дали «Черному змею» отойти подальше от кольца – настолько, что для перехвата ему потребовалось бы тяжелое, а то и недопустимое ускорение. Дольше того Наоми не вытерпела.

Через три часа после этого лаконский фрегат ударил их направленным лучом, формально и строго запросив объяснения, что это они вытворяют.

– Говорит «Винсент Су», свободный торговец на контракте с корпорацией совместной ответственности «Атмосфера» с Земли. Везем образцы для контроля качества. Открытые контракты и разрешения прилагаю. Повторяю…

Голос синтезировали из десятка мужских голосов, так перемешанных системой «Роси», что лаконцы, даже распознав подделку, не сумели бы проследить источники. «Винсент Су» существовал в действительности, подпись его двигателей и силуэт корпуса напоминали нынешний, модифицированный «Роси», только он не покидал пределов Солнечной системы. И приложенные к сообщению контракты, если глубоко не копать, сошли бы за подлинные. Более правдоподобной маскировки Наоми соорудить не сумела.

– Не отвечают, – сказал Алекс.

Они оба сидели в рубке. Освещение приглушили. Хотя Наоми заметила, что даже приглушенный свет Алекс теперь настраивает поярче – глаза уже не молодые.

– Не знаю, хорошо это или плохо, – отозвалась Наоми.

– А хорошо бы знать.

– Если погонятся за нами, паля из всех орудий, – значит, плохо.

– Да, – кивнул Алекс, – верно говоришь. Хотя, по мне, могли бы передать: «Эй, там, мы решили вас не загонять и не убивать». Хоть из вежливости.

– На таком расстоянии мы заранее увидим несущуюся к нам жестокую погибель. Такое не пропустишь.

– Ну, слава богу хоть за это.

Шли минуты. «Черный змей» не отвечал и не разгонял двигателей для погони, и Наоми с каждой минутой чувствовала, как гаснет страх смерти или плена, а нарастает страх перед переходом. Ей уже с трудом верилось, что было время, когда ее жизнь не состояла из скачков от травмы к травме – как по камешкам в декоративном саду. Не один десяток лет прохождение сквозь кольцо вызывало разве что мимолетную тревогу. Да, при слишком плотном движении корабль мог обратиться в летучий голландец: просто исчезнуть из мира, бог весть куда или никуда. Но риск был сравним с другими. С тем же успехом им могло разбить двигатель попаданием микрометеорита. Могла отказать магнитная ловушка, залив реакцией расщепления весь корабль. Ее саму мог хватить удар.

Когда-то кольца работали по правилам.

Правила, установленные людьми, регулировали поток движения. Нечеловеческие правила ограничивали количество материи и энергии, которое можно было отправить сквозь врата за определенный период, не прогневив темных кораблеядных богов.

Теперь никаких правил.

– Как ты думаешь, сколько кораблей нас ищет? – спросил Алекс.

– Ты о том, сколько у них вообще кораблей или сколько в этой группе охотников?

Алекс помолчал, поцокал тихонько языком.

– Оба ответа меня не порадуют, да?

– Сколько у нас времени до врат?

– Если не тормозить перед прохождением, около восемнадцати часов.

Наоми отстегнулась и встала с кресла. Палуба толкнулась ей навстречу – гравитация ускорения около половины g.

– Отдохну немножко. Если кто-то решит нас пристрелить, вызовешь.

– Вызову, – сказал Алекс ей в спину и добавил: – Как Джим?

Наоми оглянулась. В свете экрана лицо Алекса стало голубоватым. Редкая белая щетина на висках и затылке напоминала картинки снега на черноземе, а мягкий взгляд говорил, что это, в сущности, был не вопрос.

– Да знаю я, – отозвалась она. – А что делать?

Спускаясь на жилую палубу, она вслушивалась в успокоительный гул корабля. Столько лет провела с «Роси», что научилась по звуку судить о его здоровье. И, даже не зная, что они вывели двигатель из равновесия, поняла бы это по бормотанию, поскрипыванию палуб.

Пока Джим был в плену на Лаконии, Наоми по нему тосковала. Тосковала по себе – той, с которой он был рядом. Когда он вопреки всякой вероятности вернулся, она оказалась к этому не готова. Не позволяла себе надеяться, потому и не продумала, как это будет.

Койка-амортизатор была переделана на двоих. При особенно жестком ускорении кто-то из них мог перейти в свободную каюту, а чаще – в амортизатор рубки. Двойная кровать обеспечивала не оптимальное функционирование, а качество жизни. Радость просыпаться не в одиночестве. Близость, когда видишь человека спящим, ощущаешь его дыхание. На клеточном уровне сознаешь, что не одна.

Она застала Джима спящим. Он все еще был худее, чем ей помнилось до его тюремного срока. И до ее срока в самоизгнании. Возможно, просто от седины, но веки казались темнее, чем были, словно их залили неизлечимые синяки. И тело даже во сне оставалось напряженным, словно он готовился встретить удар.

Она уверяла себя, что он поправляется, и, вероятно, не обманывалась. Она чувствовала, что и сама меняется с течением дней и недель. Позволяет себе немного продвинуться туда, куда не давала себе доступа, пока они были в разлуке. Все стало не так, как раньше. Бобби нет. Клариссы нет. Амос превратился во что-то такое, от чего у нее, стоило об этом задуматься, мурашки ползли по коже. Зато появилась Тереза со своей собакой – постоянные пассажиры и в то же время постоянная угроза. Но даже такая жизнь была ближе к тому, на что она смела надеяться. Семья, уж какая ни есть, снова собралась вместе. Иногда это утешало. Иногда превращалось в ностальгию по тому, что вернуть невозможно.

Будь у них время остановиться, опомниться, пройти декомпрессию, может, удалось бы спасти что-то еще, но времени не было.

Она легла с ним рядом, пристроила голову ему на согнутый локоть. Джим шевельнулся, приоткрыл один глаз. Улыбка у него осталась прежней – светлая мальчишеская радость от того, что она здесь. И Наоми улыбнулась в ответ.

– Привет, соблазнительница, – сказал Джим. – Я что-то пропустил?

«Годы, – подумала она. – Ты пропустил годы». Проглотила невысказанную правду и улыбнулась. – Ничего важного.

* * *

– Я, правду говоря, не прочь бы притормозить, – сказал Алекс.

Наоми как раз отправляла объедки в камбузный утилизатор. Они снизили тягу, и чмоканье засасывавшего остатки еды вакуума прозвучало почти так же громко, как голос Алекса из динамика. На стенном экране висело кольцо системы Кронос на фоне звезд – неестественная темнота. Искажение материи на его периметре было различимо только благодаря обработке системой «Роси». Система с каждой секундой сокращала увеличение. Кольцо имело в поперечнике тысячу километров, расчетное время до прохождения составляло двенадцать минут, но невооруженным глазом его все еще было не разглядеть.

– Кто тебе мешает нажать на тормоза? – спросила Наоми. – Только если в пространстве колец нас ждет недружелюбная встреча, им так будет проще в нас попасть.

– Мне бы хотелось зарядить рельсовую пушку, – объяснил Алекс. – Но ты не разрешила, вот я и сублимирую.

– Можешь перепроверить торпеды и ОТО.

– Этим уже занимаются Амос с Терезой. Как бы не подумали, что я им не доверяю.

– Можешь заложить заряды на корпусе, чтоб сорвать при нужде маскировочные пластины.

Алекс протяжно вздохнул. Джим с другого конца камбуза одобрительно показал ей большой палец.

– Да, так и сделаю, – сказал Алекс. – Хотя на самом деле мне бы рельсовую.

– На той стороне заряжай, сколько душе угодно, – утешила Наоми.

– Все обещаниями кормишь.

Щелчок сказал ей, что Алекс прервал связь. Увеличение обзора кольца продолжало сокращаться. Наоми вызвала на экран маленькое окно с задним видом. Помехи от их двигателя сделали изображение размытым и зернистым, весьма приблизительным, но она и на таком поняла, что «Черный змей» их не преследует.

– Не вижу транслятора, – отметил Джим. – Наш они подорвали, а своего, похоже, не оставили.

– Я тоже заметила. О координации с той стороной не думают. Так что есть хотя бы шанс, что мы гоним не в ловушку.

– О да!

Осталось десять минут.

– Готовность? – спросила Наоми.

Вместо ответа Джим подтянулся к захвату на стене и оттолкнулся в сторону центрального лифта. Наоми вышла на связь с Амосом.

– Мы занимаем посты в рубке. Не то чтобы ждали неприятностей, но на случай…

– Слышу тебя, босс. Щен уже в конуре, на случай болтанки.

Под «болтанкой» он подразумевал маневры уклонения от огня.

– А Тереза?

Опять эта странная пауза перед ответом.

– Мы пристегиваемся в машинном. Если что нужно, только скажи.

Наоми отключила связь и двинулась вслед за Джимом. Лифт ждал вызова внизу, а они проплыли по пустой шахте до уровня командной палубы. Заняли свои обычные места, подтянули крепления, развернули экраны, чтобы сразу увидеть, не ждет ли за переходом опасность. Кольцо оставалось на месте, только теперь телескопическое изображение захватывало меньше звезд вокруг.

– В рубке готовы, – доложила Наоми.

– В кабине, – отозвался Алекс.

– Да, – сказал Амос. – У нас порядок. Работайте.

Счетчик показал зеро. Джим резко втянул воздух. Кольцо, моргнув, перескочило в зернистое заднее окно – структура та же, только теперь позади и удаляется. Сразу погасли все звезды.

– Вот и проскочили, – сказал Алекс. – Угроз не наблюдаю, только тесновато, скажу я вам. Сейчас перевернусь и приторможу, пока не разберемся, куда летим.

Он все-таки включил предупреждающий сигнал, и после мгновенного головокружения верх и низ поменялись местами. Гелевые подушки давили Наоми на спину. Она уже вывела на экран тактическую схему.

Пространство колец – про себя она все еще называла его Медленной зоной, хотя жесткое ограничение скорости давным-давно отключили Джим с протомолекулярным симулякром детектива Миллера, – занимало места чуть меньше, чем солнце системы Сол. В нем мог бы уместиться миллион Земель, а сейчас находилось только тысяча триста семьдесят одно кольцо, одна загадочная станция в центре и пятьдесят два корабля, считая «Роси», – каждый на своем переходе. Алекс был прав. Тесновато. Опасно.

– Как считаешь, сколько мы потеряли? – спросил Джим.

Оглянувшись, она увидела перед ним ту же схему.

– Кораблей подполья?

– Нет, «мы» в широком смысле. Все. Лаконцы, подполье, гражданские, которые всего лишь пытались доставить товар туда, где его ждут. Как считаешь, сколько потеряли?

– Не могу сказать, – ответила она. – Никто уже не считает. Война.

Она поставила «Роси» задачу опознавать корабли по сигналам транспондеров, подписи двигателя, термальному профилю и силуэтам и отмечать любые отклонения от ожидаемого, а также помечать все корабли, связанные, насколько известно, с подпольем или Лаконской империей. Через три секунды корабль выдал список с перекрестными ссылками и удобным интерфейсом. Наоми досталась человеческая работа – все это пролистать. Из союзников Лаконии ближе всех к ним находился грузовик «Восемь принципов бусидо» с Бара Гаона и дальний разведчик «Летучий буйвол», базировавшийся в Сол, но принадлежащий сетевой корпорации, после капитуляции Земли и Марса моментально подчинившейся Дуарте. Ни тот ни другой не военные, и оба представлялись Наоми скорее вынужденными союзниками, чем верными последователями дела Лаконии. Так или иначе, официальная лаконская иерархия на них не распространялась.

Из связанных с подпольем был, насколько она знала, только независимый астероидный прыгун, летавший под именем «Ядовитая сука», хотя в регистре числился как «Розовый поцелуй». Если за этим стояла какая-то история, Наоми она вряд ли интересовала.

И еще в пространстве плавала «бутылка».

– Из ваших? – спросил Джим.

– Надеюсь, – сказала Наоми. – Посмотрим.

Было время, когда человечество располагало довольно надежной сетью связи. Направленные в систему радиосигналы подхватывались релейными станциями у колец. Этим трансляторам хватало мощности перекричать помехи во вратах или физически пройти их, имея приемники на обеих сторонах. Расположенная посреди пространства колец станция «Медина» обслуживала трансляторы и мониторила поток передач. Много десятилетий сообщение с Земли на Бара Гаон и ответ на него укладывались в одни сутки даже тогда, когда на связь выстраивалась длинная очередь. После гибели «Медины» и восстания подполья все это пропало.

Теперь тринадцать сотен миров общались через непостоянную лоскутную систему передаточных станций, отправляли сообщения кораблями и модифицированными торпедами, которые Наоми назвала бутылками. Та, о которой сейчас шла речь, была усовершенствованной конструкции: настроена на сбор и накопление предназначенных для Наоми входящих сообщений подполья и хранение их до особого сигнала. Система была далека от совершенства, Наоми не сомневалась, что немало теряется по дороге, зато она легко проверялась, трудно подделывалась, и проследить ее было почти невозможно.

Наоми, задействовав управление эпштейновским двигателем, слегка подправила его работу. Никто из находящихся вблизи «бутылки» ничего бы не заметил – все вполне укладывалось в рамки нормальных флуктуаций двигателя. А датчики на поверхности бутылки распознали пароль.

Сошлось.

Бутылка коротко вскрикнула, выпустив пакет плотно упакованных данных в эфир, открытый для всех кораблей в Медленной зоне. Направленный луч, сумей кто-то его проследить, сошел бы за указующий перст. Возможно, подслушать их мог бы любой из десятков находящихся здесь кораблей. На такой случай подполье время от времени подбрасывало то во врата, то в Медленную зону фальшивые «бутылки» – чтобы запутать следы и для дезинформации.

Система «Роси» всосала выплеск радиосигнала и тихонько принялась его распаковывать, а «бутылка» на краю пространства колец тем временем запустила свой двигатель и шмыгнула в ближайшие врата. Подпольщики Наоми увидят ее взрыв и поймут, что при первой возможности надо будет установить новую. Если же взрыв увидят лаконцы – даже если поймут, что он означает, ничего исправить уже не сумеют.

Такой способ, действующий по образцу расширенной ячейки АВП, изобрела сама Наоми. Полезное применение для грехов молодости.

– Что же, могло быть много хуже, – заговорил Джим. – Теперь вопрос, куда нам дальше.

– Зависит от принятых данных, – сказала Наоми. – Я бы не стала дольше необходимого задерживаться в пространстве колец.

– А мне бы не хотелось прежде времени попасть в зубы силам вне пространства и времени, – заметил Джим.

Прежняя легкость, прежний юмор – все на месте, но за ними ничего не было. «Нет, это не пустота, – подумала Наоми. – Огромная усталость».

– Если придется, – сказала она, – всегда можно… Ее прервал голос Терезы по корабельной связи:

– Мне нужна помощь. В машинном. Нужна помощь, срочно.

Джим отстегнулся раньше, чем она договорила фразу. В нем не осталось ни следа усталости. Дожидаться лифта он не стал, свалился в шахту, перебирая руками скобы, как ступени лестницы. Наоми отстала от него совсем ненамного. Что бы там ни было, она порадовалась вернувшейся к нему уверенности движений. Словно на минуту увидела прежнего Джима. Пусть он большей частью прячется, но где-то еще жив.

– Что у вас? – спросил из кабины Алекс.

– Что-то с Амосом, – отозвалась Тереза. Она говорила с напряженным спокойствием диспетчера скорой помощи.

– Мы на подходе, – сказала Наоми. Джим промолчал.

Они поравнялись с машинной палубой, когда Наоми услышала. Голос. Голос Амоса, но в нем не было слов. Тихий влажный звук: то ли рычание, то ли бульканье. Почему-то ей подумалось об утопленниках. Они с Джимом вместе шагнули в мастерскую машинного зала.

Тереза, поджав ноги, сидела прямо на палубе, держа на коленях большую лысую голову Амоса. Он дрожал, подергивался. На губах пузырилась светлая пена, сплошь черные глаза были пустыми, круглыми. И в воздухе стоял тошнотворный запах – не столько органики, сколько металла.

– У него припадок, – сказал Джим.

Тереза откликнулась дрожащим голосом:

– Почему? Ну почему все так?

Глава 4. Элви

– Выводим ее, – сказала Элви. – Отключаю.

– Нет, – ответила Кара. Голос у нее еще вздрагивал, но говорила девочка четко. – Я справлюсь.

Работа ее мозга отображалась в семи различных сводках на таком же количестве экранов. Данные БИЧ (так техники прозвали массу зеленого кристаллического вещества величиной с Юпитер – единственный объект системы Адро) отображались рядом. Усовершенствованная программа сопоставления данных сравнивала их по шести параметрам. В обеих колонках изменения сходили на нет, припадок – если это был он – после всплеска показывал более ровное течение.

Научные сотрудники и лаборанты обращали к Элви взволнованные, неуверенные взгляды. Она разделяла их чувства. Вспомнилось, как ей, старшей по общежитию, приходилось разгонять шумную вечеринку.

– Я – глава лаборатории. Она – объект исследования. Если я сказала: отключаю, – значит, отключаю.

Ее группа ожила, занялась завершением эксперимента, а Элви повернулась к плавающей над датчиками изображения Каре.

– Извини. Я не то чтобы тебе не доверяла – я в этом деле ничему не доверяю.

Девочка с залитыми чернотой глазами кивнула, но ее уже отвлекло что-то другое. Зрительные и слуховые участки коры у нее светились, как новогодний Париж, а через поперечную извилину проходили медленные глубинные импульсы, совпадающие с поступающими от южного полушария БИЧ энергетическими всплесками. Что бы ни испытывала сейчас Кара, переживание целиком завладело ее вниманием. Элви казалось, крикни она сейчас прямо в ухо Каре, до мозга дойдет ничтожно малая часть информации. Кстати сказать, и до тела тоже, потому что оно в полной мере участвовало в происходящем. Элви была знакома с теорией соматического сознания, однако БИЧ так усердно гнал информацию на всю нервную систему разом, что это сильно осложняло дело. Пока ее сотрудники выполняли процедуру выхода, возвращая Кару в простую человеческую реальность, Элви открутила показания к началу.

Созданный на государственные средства персональный корабль Элви «Сокол» – самая совершенная на тринадцать сотен миров лаборатория – был нацелен на единственный объект. Звучало это внушительно – пока не вспомнишь, что большая часть этих тринадцати сотен подобна крестьянским хозяйствам Европы конца девятнадцатого века: едва-едва умудряются себя прокормить, чтобы не пришлось к началу зимы забивать половину скота. После удара, убившего «Тайфун» и «Мединy», уцелел только «Сокол», да и он был весь в шрамах. Обшивка пестрела темными швами, казавшимися почему-то реальнее той реальности, что оторвала от корабля треть его массы. Энергосистема и жизнеобеспечение были где залатаны, где переустановлены заново. И у Элви на бедре выделялась поперечная линия там, где нарастили кожу и мышцы взамен вырванного атакой куска с теннисный мяч величиной. Работа на «Соколе» походила на жизнь внутри травмирующего воспоминания. Элви делалось легче, когда удавалось сосредоточиться на данных, на БИЧ и на Каре с Ксаном.

Заместитель Элви, доктор Харшаан Ли, поймал ее взгляд и кивнул. Ей нравился этот энергичный молодой ученый. Больше того, она ему доверяла. Он знал, чего хочет, и его жест, предлагавший проследить выход Кары из эксперимента, соответствовал процедуре. Она кивком выразила согласие.

– Давайте, леди и джентльмены, – хлопнув в ладоши, заговорил Ли. – По порядку и по инструкции.

Элви подтянулась через пустое пространство до лифтовой шахты и двинулась к корме, где располагались двигатель и изоляционная камера младшего брата Кары, Ксана.

Фаиз плавал у стены, зацепившись коленом за крепление, а его руки были заняты терминалом с мерцающим на экране текстом. Рядом, пристегнутое к каталке, находилось то, что у них называлось «катализатором», – тело женщины, пропитанное ослабленным, но живым образцом протомолекулы. Незрячие глаза катализатора остановились на Элви, и Фаиз обернулся вслед за их взглядом.

– Как он? – спросила Элви, кивнув на камеру и, следовательно, на Ксана.

Большую часть времени в камере хранили катализатор, но, когда задействовали древние технологии чужаков, место катализатора занимал Ксан. Мальчуган и протомолекула взаимодействовали, только пока менялись местами.

Фаиз вывел на экран вид с камеры наблюдения. В изоляционной камере парил Ксан. Глаза закрыты, рот приоткрыт, как у спящего или утопленника.

– Послушал музыку, почитал про «Наку и Ковалиса» и уснул, – перечислил Фаиз. – Точь-в-точь обычный малец, чуток не дотянувший до подростка.

Элви толкнулась к мужу. Поступавшие из лаборатории данные высвечивались на ее ручном терминале рядом с мониторингом Ксана. Она с первого взгляда убедилась: никакой корреляции. Что бы ни произошло с Карой, Ксана это не коснулось. Во всяком случае, никак не проявилось. Надо будет еще прогнать программу сравнения.

Она не заметила, что вздыхает, но, судя по тому, как погладил ее по руке Фаиз, вздохнула.

– Слыхала про систему Гедара?

Она кивнула.

– Изменилась скорость света. Темные боги стучатся с чердака. Похоже, это происходит все чаще.

– Для анализа частотности понадобится больше данных, – возразил он. – Но и ты права. Очень мне не нравится это чувство, будто что-то огромное и свирепое скребется на краю реальности, выискивая, как бы меня прикончить.

– Потому оно и пугает, что правда.

Он расчесал пальцами волосы. Серебристая седина в невесомости придавала ему сходство с каким-то героем детского мультика.

У Элви тоже прибавилось седины, но она стриглась коротко – в основном потому, что жидкость в амортизаторах для высокой перегрузки страшно воняла, а отмывать ее от длинных волос приходилось куда дольше.

– Ты сегодня рано закруглилась.

– Выявилась нестабильность, синхронизированная с БИЧ.

Теперь уже вздохнул Фаиз.

– Не нравится мне эта кличка. К тому же эта чертовщина алмазная, а не изумрудная. Звали бы попросту «хрень зеленая», даже смешнее было бы, – без особого пыла продолжал он.

Их брак состоял из шуточек для своих, комических сценок, общего любопытства и общей травмы. Они десятилетиями создавали закрытый от других код. Она знала, как звучит его голос, когда Фаиз чем-то заинтересован, и как отличить любопытство от злости. И видела, когда он пытается ее защитить, а когда бьется над чем-то непонятным.

– Что у тебя на уме? – спросила она.

– Синхронности не заметила?

– Какой?

Фаиз снова вывел показания датчиков. С одной стороны, состояние мозга и тела девочки, застрявшей в возрасте, в котором ее после смерти восстановила техника чужой цивилизации. С другой – колебания частиц и магнитный резонанс в гигантском кристалле, который – если их не обманывает надежда – содержит историю галактической цивилизации, по чьим следам

они идут к гибели. Элви могла пальцем ткнуть в точки совпадений. Но Фаиз, подняв брови, ждал, пока она заметит что-то еще. Элви покачала головой. Тогда он указал на крошечный индикатор на краю экрана.

«Встроенная коррекция светового лага – 0,985».

Она нахмурилась.

– Мы в девятисот восьмидесяти пяти тысячных световой секунды от алмаза, – пояснил Фаиз. – На гладкой орбите, не приближаемся к звезде и не удаляемся. При прошлой попытке Кара переговаривалась с алмазом. Вызов – ответ. А тут они пели хором. Без светового лага.

Выводы из сказанного просачивались ей в мозг, как вода сквозь тонкую трещинку. Они и раньше знали, какие странные штуки вытворяет протомолекула с пространством, но связывали это с квантовой запутанностью частиц. Кара, насколько было известно, никакими частицами с БИЧ не обменивалась, так что псевдомгновенный обмен информацией был новостью. И основательным ударом по фундаментальной теории протомолекулы.

А еще это означало, что не только они дотянулись до артефакта, но и он до них. Эксперимент удался.

Элви не думала, что успех так ее напугает.

Работу на Лаконскую империю Элви начинала под нажимом. Уинстон Дуарте накрыл человечество как чума – быстро и целиком. И когда пригласил ее на высокую должность в своем научном директорате, Элви ответила согласием. Работа мечты – если забыть, чем грозит отказ.

Замысел Дуарте – дать отпор силам, убившим цивилизацию строителей врат, – пошел наперекосяк. Дуарте он искалечил. Ее непосредственный начальник Паоло Кортасар превратился в прозрачный туман с запашком гемоглобина.

Элви, которой нравилась работа, но не нравились работодатели, получила новое назначение – главы лаконского научного директората, причем ей дали понять, что основная ее задача – найти средство противодействия атакам, вырубавшим сознание то в отдельной системе, то по всей империи. Если не считать основной задачей восстановить рассудок Дуарте. Или прекратить исчезновение кораблей при переходе из нормальной вселенной в невероятное пространство колец.

В ее распоряжении оказались практически бесконечные ресурсы империи, на плечи легла ответственность за выживание человечества, а научный протокол начисто избавили от этических соображений.

Ей приходилось думать на двух уровнях: во-первых, о создавшей протомолекулу и врата цивилизации, во-вторых, об уничтоживших ее силах. В удачные дни Элви сравнивала себя со средневековыми монахами, силившимися понять святых, чтобы посредством их узреть лик Господа. Но чаще она виделась себе термитом, пытающимся объяснить равнокрылым сородичам, что такое собака, чтобы дать им возможность рассуждать с собаками о джазе фьюжн.

Она лучше любого другого представителя человечества понимала создателей протомолекулы. Это если не считать Кары. И Ксана.

* * *

– Это словно сон, – сказала Кара, – только больше. Знаете, я не помню, чтобы во сне когда-то чувствовала вкус. А здесь были и вкус, и звуки, и ощущение, как меняется мое тело. Там было… все.

– А я ничего не почувствовал, – огорчился Ксан.

Обычно Элви опрашивала брата и сестру порознь, говорила сперва с Карой, потом с Ксаном, чтобы их отчеты не влияли друг на друга, хотя дети тяжело переносили разлуку.

Но сейчас она привела в свою личную лабораторию обоих и оставила детей парить в воздухе, а сама пристегнулась к рабочему столу, чтобы вести записи. Обстановка была как в кабинете богатого психиатра: мягкая обивка цвета светлой травы, вьющиеся растения в нишах с капиллярной подкормкой, тихое гудение исправной вентиляции.

Все говорило о том, что работающая здесь женщина – весьма важная особа. И вызывало у нее немалое отвращение, хотя Элви не тратила сил на разгадку его причины.

– А были отличия от прошлого раза? – спросила Элви.

– Были вроде как… запинки? Мгновения, когда все разваливалось, а когда собиралось заново – делалось ярче и ближе. Нет, не то слово. Не знаю, есть ли правильные слова.

– А если сравнить с опытом в библиотеке? – спросила Элви.

Кара на миг замерла – такие жутковатые паузы случались и у нее, и у Ксана. Элви успела сделать вдох, прежде чем Кара вернулась.

– С библиотекой вовсе ничего не чувствуется. Там просто знаешь. А здесь? Это не библиотека, но туда стекается информация. Я в этом уверена.

Ксан тихонько хныкнул, и Кара за плечи привлекла братишку к себе. Инстинкт примата – утешать объятиями – не изменился с переходом через световые годы пустоты в пузырьках из керамики, стали и карбонного кружева.

– А взаимодействовать с этим ты хоть как-то могла?

– По-моему, да, – ответила девочка. – То есть я не понимала, что делаю, но, по-моему, сумею разобраться.

Я хорошо себя чувствую. И готова туда вернуться.

Элви напечатала: «Объект выказывает сильное желание вернуться к взаимодействию сообразно падению уровня дофамина и серотонина с прекращением эксперимента. Зависимость?»

– Это хорошо, – вслух сказала она. – Нам надо кое-что подстроить, но через пару смен можно будет повторить. А пока я хотела бы вас обоих просканировать.

Проверить основные показатели.

– Хорошо, – ответила Кара, почти не выдав нетерпения. – Как хотите.

Ксан поерзал в объятиях сестры, отчего обоих немного раскрутило в воздухе.

– Я есть хочу.

– Давайте, – сказала Элви. – Мне надо все записать, а вам обоим стоит поесть и отдохнуть. Я скоро подойду.

Кара, отрывисто кивнув, прижала к себе Ксана.

– Спасибо, доктор.

Она длинной изящной ножкой оттолкнулась от стола Элви. Дети – или подопытные образцы, или гибриды человека с пришельцами, как бы ни воспринимала их сейчас Элви, – закрыли за собой дверь. Элви зажала глаза ладонями до цветных пятен под веками и выдохнула. Ее трясло от изнеможения, возбуждения, беспокойства. Так бывает, если перебрать с кофе, но кофе она вообще не пила.

Она дописала наблюдения по Каре с Ксаном и приложила к отчету необработанные данные. Осталось только добавить свое резюме. Ноги просили потянуться, а заодно угрожали судорогой. Такое иногда случалось после того, как ей зарастили дыру в бедре.

– Мы наблюдаем несомненный прогресс, – заговорила она, следя, как ложатся на экран ее слова. – В трехсторонних отношениях между катализатором протомолекулы, сознающим субъектом и БИЧ… – Элви поморщилась и цокнула языком, стирая последнее слово, – и предполагаемым носителем данных иной цивилизации, по-видимому, завершилась процедура знакомства. Вызывает озабоченность, что первичный субъект с интерфейсом не предназначены друг для друга и их взаимодействие может оказаться… – она опять цокнула языком – дважды, – потенциально деструктивно для одного из них или для обоих.

Открылась дверь, и в кабинет вплыл Фаиз. Когда он ухватился за ладонник, останавливая движение, она вскинула руку – просьба помолчать. И, прежде чем продолжить, дождалась, когда дверь закроется.

– Следующей стадией станет попытка подтвердить уже имеющуюся информацию. В частности, я попрошу субъект задать ряд простых вопросов по данным обследования артефакта и по археологическим данным из нескольких систем, к которым она, по всей вероятности, не могла иметь доступа. Если она сумеет подтвердить имеющуюся информацию, это даст некоторую уверенность в надежности новых полученных от нее сведений. Однако, поскольку она находилась в частной лаборатории Кортасара и нам неизвестно, насколько он поддерживал информационную гигиену образцов, мне придется соблюдать особую осторожность в выборе проверочных вопросов.

Ни один из субъектов, по-видимому, не затронут событиями в системе Гедары. Мои сотрудники, включая и меня, не испытывали отключения или потери сознания со времени всесистемной атаки несколько месяцев назад. Не зная, что ограничивает действия противника, я интерпретирую ограниченность атаки на Гедару как признак, что он еще находится в стадии эксперимента, в поиске взаимодействий, которые нас эффективно разоружат. Или что эта последняя атака затребовала больших усилий и противник не желает распространять ее шире. Или что нам пока не хватает ума понять, что мы видели, а я тут просто языком болтаю.

Она поцокала языком, стирая последнее саркастическое замечание, и закончила отчет. Когда Элви стала прокручивать текст, проверяя на ошибки и опечатки, Фаиз передвинулся так, чтобы через ее плечо видеть экран.

– Ты не сказала: «А если мы в скором времени не разберемся, злодей задует наши сознания, как столько-то миллиардов свечек, и с ответами придется подождать, пока тараканы не эволюционируют до нашего места».

– Мне кажется, муравьи опередят тараканов, – возразила Элви. – Хищный сверхорганизм. Тараканы для них просто передвижные тележки со жратвой.

– Вижу, ты об этом немало думала.

Она отправила копии отчета доктору Очиде в лаконский научный директорат и лично адмиралу Антону Трехо, который в данный момент, насколько то было возможно, управлял разумом их собственного хищного сверхорганизма. Откуда-то с «Сокола» ударил направленный луч, выплеснул свет в трансляторы, оставленные ими по пути, – в надежде, что те еще целы и функционируют. Информация, распространяясь со скоростью света, за час достигнет врат и проскочит за них, в сляпанную наспех, потрепанную войной, ненадежную сеть связи, оплетающую пространство колец, а уж оттуда, бог весть когда, доберется до Трехо.

Элви архивировала еще одну копию, пометила понятным подпольщикам значком и адресовала Наоми Нагате. И отослала.

– Когда-нибудь это для нас плохо кончится, – заметил Фаиз.

– А сейчас хорошо?

– Ну, сейчас у нас проблема со смертоносными космическими силами вне пространства и времени. А отправляя данные подполью, ты накличешь проблему с расстрельной командой корабельной службы безопасности.

Элви рассмеялась, но смешок вышел натянутый и сердитый.

– То, чем мы здесь занимаемся, важнее политики.

– Знаю, – согласился он. – Надеюсь только, что политики это тоже понимают.

Словно в ответ ему звякнула ее система. Внеочередной вызов с Лаконии. Только для Элви.

– Охренеть, как странно, – сказал Фаиз. – Хочешь, я выйду?

– Не хочу, – ответила она. – Но надо.

Он скрылся за дверью, а она включила воспроизведение. К камере склонялся Келли, личный слуга Уинстона Дуарте. Губы у него стянулись и побледнели. Новость, какой бы ни была, явно не из приятных.

– Доктор Окойе, адмирал Трехо уполномочил меня передать вам сведения службы безопасности, возможно, связанные с вашей работой. В состоянии верховного консула Дуарте произошли изменения…

Глава 5. Танака

Скафандр лаконской механизированной пехоты, «особый разведывательный», а в просторечье «Сталкер», – чудо инженерной мысли. Созданный для широких разведывательных целей, он был легче и быстрее стандартной модели и не щетинился стволами; его покрывали датчики и системы трекинга. Для боя на передовой он не годился. Его работа – проскользнуть за линию фронта, обнаружить врага, пометить цели и выскользнуть обратно до прибытия тяжеловооруженных ударных сил. Мелкокалиберный пулемет Гатлинга в правом рукаве позволял «Сталкеру» при необходимости самостоятельно справляться с мелкими задачами.

Танака за десятилетия службы, начиная с Марсианского десанта в составе элитного батальона разведки на базе Геката, потом боевым офицером в созданном с нуля лаконском десанте, на себе испытала все модели силовой брони. И всем им предпочитала «Сталкер» – длинный, стройный, быстрый как борзая и крепкий как ноготь, – она всегда видела в этом скафандре механическую версию самой себя.

Тот, что был на ней сейчас, выкрасили в неприметную пеструю зелень, переходы оттенков сливались с красками лаконского леса и кустарников, в которые сейчас всматривалась дающая увеличение от трех до шестидесяти оптика скафандра. Два больших аккумулятора в наспинном ранце обеспечивали шестьдесят часов автономности. Пулемет зарядили лентой, где бронебойные чередовались с мощными разрывными патронами. Танака кружила по лесу на ненапряжных двадцати километрах в час, распугивая перед собой мелкую живность. Соблюдать осторожность не было нужды. Пока она не разыщет верховного консула, опасаться ей здесь некого.

Она начала работу с просмотра файлов и материалов, к которым прежде не имела допуска.

Актуальная информация по личной жизни консула была небогата даже в открытых ей статусом «Омега» файлах. И медицинский анамнез был неполным и двусмысленным. Прежде всего, его приватность и поддерживалась отсутствием записей. Зато жизнь любого другого лаконца подробно документировалась. Готовясь к вылазке, Танака захватила грязное белье верховного консула и позволила датчикам скафандра его «обнюхать». Теперь надетый на ней скафандр опознал бы химические маркеры всех, кто контактировал с тканью. Все, кроме одного, уже были установлены. Методом исключения она вычленила маркер верховного консула.

Негативное пространство для охотящегося зверя.

Она взяла след.

По записям системы наблюдения она сумела проследить Дуарте до края территории и еще немного. Дальше след стал трудноуловимым. Ветер развеял запахи, дождь смыл остальное.

Лакония – планета не из крупных, но все же это целая планета. Несколько дней назад Дуарте просто ушел. Хорошо, если он и дальше передвигался пешком, тогда она сумеет разыскать его за день. Однако мирыколонии обыкновенно сохраняли транспортные сети древних – средства доставки треклятых чужаков. Если он проник в такую сеть, то мог попасть по ней в любую точку на Лаконии или на мили под ее поверхностью. Она, если отыщет место его входа, должна будет перейти к следующей стадии. Только и всего – делать шаг за шагом, пока не придешь к цели задания.

Ее внезапное появление застало врасплох семейство костяных оленей, своими внушительными рогами выкапывавших пропитание из почвы. Олени вскинулись и брызнули в разные стороны. Ее скафандр проследил всех, отметил угрозу как незначительную. Стоило ей отменить эту оценку и обозначить угрозу как высокую, пулемет в рукаве в считаные секунды покрошил бы стадо в лапшу.

Она не стала этого делать.

Поначалу она руководствовалась смутными признаками. Пятипроцентная вероятность – немногим лучше обоснованной догадки – вывела ее на звериную тропу через кустарник с серебристой листвой. Двадцатипроцентная вероятность направляла прямиком на отвесную скалу – этот путь она отбросила как ошибочный. Крест-накрест прочесывая местность, она расслабилась в привычном поиске, и освобожденное сознание утратило ощущение времени. Она слышала, что такое случается с глубоко погрузившимися в работу художниками. Приятное чувство – наедине с собой, сосредоточенной исключительно на деле.

На той же скорости она пересекла узкую лесную полосу и углубилась в холмистые предгорья. К этому времени она уже предчувствовала, куда попадет. Топографическая карта увела ее в извилистый каньон и по нему вверх, к устью пещеры. Пещера была неплохо скрыта от случайных глаз. Неудивительно, что ее не обнаружили, пока не стали искать. Тереза, наверное, считала, что нашла лучший в мире тайник.

У входа то ли дрались, то ли спаривались два крупных грызуна – черных и черноглазых, с мозолистыми челюстями и ушами в форме морских раковин. Прервав свое занятие, они зашипели на подошедшую Танаку, оскалили кривые иголки темных зубов. Она пинком отбросила их с дороги. Зверьки с влажным хлюпаньем ударились о стену пещеры и замерли. Ненадолго задержав взгляд на маленьких тушках, Танака нырнула в темноту.

В начинающемся от входа туннеле много лет прожил вражеский шпион. Здесь им все провоняло. Также скафандр уловил запахи Терезы и двух десятков других лаконцев. Команда ликвидации, убившая Тимоти, Амоса Бартона или как там его, и, позднее, поисковая группа, разыскивавшая труп и снаряжение. Согласно отчету, он все это время просидел на портативном ядерном заряде. Согласно основной версии – дожидался возможности выдернуть Холдена до использования заряда. Ей в человеке, способном, держа смерть в руках, терпеливо выжидать подходящее время, виделось подобие непорочности.

Костюм полагал, что выделил и запах Дуарте, но, если верховный консул здесь побывал, его след остыл или так переплелся с другими, что уверенности у скафандра не было. Танака продвигалась вглубь пещеры, пытаясь восстановить в себе чистоту сознания, однако убийство мелких псевдокрыс и остатки шпионского логова расшевелили ее мысли. Прекрасная пустота ушла, хотя охота продолжалась.

Камни здесь были светлые, крошащиеся, ненадежные. Сквозь такие можно прорыть ход усиленными перчатками скафандра. В голове зашевелились опасения насчет обвалов, особенно когда она, миновав заброшенный лагерь, углубилась в лабиринт тоннелей. Трекинговая система скафандра позволяла ему построить трехмерную карту пройденного маршрута, но гора была велика. Если она сплошь изрыта тоннелями, здесь можно потерять не один день. И, если Танака не ошиблась и Дуарте здесь действительно побывал, непросто будет найти место выхода.

Эффективнее было бы вызвать рой микродронов и наполнить ими пещеру. Но Трехо особо подчеркнул необходимость действовать скрытно, так что подключение технической команды для управления дронами представлялось излишним риском. И все-таки она оставила дроны как запасной вариант, если сама не доберется до разыскиваемого.

Хотя пока она не собиралась сдаваться. Рано.

Чем дальше она углублялась в тоннели, тем менее естественными они выглядели. У входа они напоминали случайную игру геологических сил, а здесь в стенах начали проступать необычные формы и фактуры, и такие же вырастали из пола пещерных залов. Черные и серебристые спирали как будто светились изнутри. Танака немало времени провела на лаконских кораблях, построенных орбитальными верфями чужаков, и узнавала технику создателей протомолекулы.

Эти пещеры определенно были созданы древними, но их цель затерялась во времени. Отчет поисковой группы говорил о необходимости дальнейших исследований, но атака на Лаконию заставила об этом забыть. Это дело ни у кого не числилось первоочередным. Кроме разве что Дуарте.

Она миновала сложную развилку: тоннель с востока на запад пересекался изгибом подошедшего снизу, с севера на юго-восток. Костюм выдал предупреждение. Взглянув на экран, она увидела семидесятипятипроцентное совпадение с образцом в верхнем проходе.

– Попался! – сказала она.

Только это был еще не факт. Она по подсказке скафандра следовала изгибам и поворотам тоннелей, а химический сигнал оставался в пределах от семидесяти пяти до шестидесяти процентов соответствия, пока не вывел ее в большой зал, заросший сложными кристаллами. Они поднимались от пола стройными пятиметровыми башнями стеклянного кружева и светились в луче фонаря мягкими пастельными тонами. В другой обстановке от такой красоты захватило бы дух. Этакая абстрактная скульптура периода поствозрождения. Танака задумалась, созданы они разумом чужаков или слепыми, бессмысленными силами природы. Неизвестность, прекрасная или пугающая, для нее ничего не меняла.

Скафандр не сомневался, что в этом зале верховный консул побывал. Первое стопроцентное попадание. Дуарте, даже если сейчас его здесь не было, определенно постоял на ее месте или совсем рядом. Видел эти кристаллы своим чудовищно измененным зрением. У нее чуть ускорился пульс при мысли, что, может быть, его действительно удастся разыскать. Облегчение от реальной надежды на успех показало, как старательно она игнорировала вероятность неудачи.

След вывел ее к основанию одной из башен. Пара собакоподобных механизмов возилась с лежащим рядом обломком кристалла. Танака разглядела на башне место, от которого он отломился. В досье лаконской разведслужбы такие штуковины назывались ремонтными дронами и считались неопасными. Они иногда забредали на окраины города, воровали неисправные устройства, чтобы со временем вернуть их починенными, но измененными. Среди забытых по нынешним временам проектов научного директората была попытка разобраться, каким образом они угадывали первоначальные функции изделия.

Скафандр распознал на одном из дронов запах верховного консула. Танака поморщилась. Если Дуарте, коснувшись механизма, оставил на нем свой запах и она шла по следу дрона, все труды насмарку. Где бы он ни повстречался с дроном, она уже не сумеет установить место встречи.

Танака готова была отправиться на поиски нового следа, когда одна из собак, выговорив «ки-ка-ко», подхватила обломок своей на удивление щенячьей пастью и побрела куда-то. Танака пошла следом.

Ряд головоломных поворотов вывел их в новый зал, раз в десять просторнее всех, что попадались до сих пор. Она словно в собор шагнула. Откуда-то доносился звук флейты или, может быть, ветра, насвистывающего в горлышки пустых бутылок. Из пола вырастали странные, почти живые на вид механизмы, поднимались над ней на высоту десяти или пятнадцати этажей. На миг она ощутила что-то очень похожее на благоговение.

Между механизмами виднелось полдюжины углублений, наполненных вязкой бурой жижей, вроде сточных вод, перемешанных с нефтяными маслами. Собака подошла к такому прудику, опустила в него обломок кристалла и замерла без движения. Скафандр сообщил Танаке о присутствии в зале еще одиннадцати подвижных объектов. Все – такие же собакоподобные дроны. Ни один не проявлял враждебности. Она видела, как они подносят к прудикам и роняют в них разные вещи. Одна собака достала из пруда что-то похожее на полуметровый отрезок водопроводной трубы и ушла с ним.

– Так у вас здесь ремонтная мастерская, песики? – вслух спросила Танака. – Вы чем здесь занимаетесь?

Подняв руку, Танака выпустила полдюжины патронов в одну из неподвижных собак – разнесла ее на куски. И стала ждать. Очень скоро несколько других собак подошли и принялись бережно собирать обломки погибшей, сбрасывая их в пруды.

– А-га, – обратилась к ним Танака. – Чините подружку, так, что ли? Ладно, я подожду.

Они уставились на нее большими глазами так, словно стеснялись поднятого ею шума. Одна произнесла «ки-ка-ко», но с места не двинулась.

Состав воздуха в этом зале был очень необычным, на его анализ у скафандра ушло несколько секунд, а потом он предостерегающе пискнул. Запах Дуарте. Явный след. Мысль, что он просто оставил свой запах на ремонтном дроне, стоила Танаке нескольких неприятных минут. Как он попал в этот зал: может, был ранен или скончался и его принесли собаки? Или он пришел к тем же выводам, что и она, и воспользовался сточными лужами, чтобы что-то починить? Легкий зуд в ладонях заставил ее усмехнуться. Азарт погони, как у собаки, которая натягивает поводок, учуяв кролика. Охотничий экстаз.

Она медленно, методично обошла периметр помещения, выискивая точку наибольшего соответствия. Не было смысла отслеживать передвижения Дуарте по залу, если можно установить место входа и выхода. Самым обнадеживающим оказался тоннель, полого уходивший вверх от большой пещеры.

В нем химический след становился яснее с каждым шагом. Через полчаса она вышла в большую комнату с окнами наружу.

Помещение имело полукруглую форму, прямая стена – длиной без малого шестьдесят метров. Метров двадцать посередине этой стены отсутствовали. В пролом врывались солнечные лучи. Небо в просветах лоз и ветвей светилось кислородной синевой.

Он здесь побывал. Более того, провел некоторое время. Повсюду оставил свои маркеры.

– Верховный консул? – позвала она, и скафандр усилил ее голос. – Я полковник Танака. Если вы здесь, сэр, я хотела бы с вами поговорить.

Ей никто не ответил.

По обе стороны пролома из пола вырастали веретенообразные люльки, и в каждой лежал пятнадцатиметровый предмет яйцевидной формы. Перламутровый блеск «яиц» она тоже видела раньше – в интерьерах боевых кораблей класса «Гравитар». На кораблях, вышедших со строительных платформ чужаков. А самый свежий след верховного консула вел к пустой люльке посередине. Танака медленно обошла ее, но не обнаружила исходящего следа.

– Ну-ну, малютка, – обратилась она к отсутствующему «яйцу». – И куда же тебя черт унес?

* * *

– Корабль, – сказал доктор Очида.

Танака откинулась в кресле. Она выбрала кабинет в здании Государственного совета оперативным штабом: десять сотрудников и внеочередной доступ к персонам любой важности по всей империи. Декор был безлично-политиканским, но она повесила на стену так, чтобы видеть, принт с «Артемидой-Охотницей» Аммона Фицуоллеса – ослепительно-зеленую картину с акцентами бликов и алой крови.

– Уверены?

– Я бы так не сказал, – ответил Очида. – Мы уже отправили на место запрошенную вами группу. Когда она закончит работу, будем знать точнее, чем сейчас, хотя такие образования нам уже знакомы. В системе Персефоны. В Бара Гаоне. Сварга Лока, Семь Царей… Не самая распространенная структура, но ни в коем случае не уникальная. Значительная доля древа

артефакта, видимо, занята физическими перемещениями, и мы, в особенности по данным из Семи Царей…

– Вероятно, корабль.

– Вы слишком упрощаете. Мы предполагаем в них капсулы для физического перемещения, – возразил Очида, – однако… – Они летали?

– Судя по расположению и конструкции – да, – кивнул Очида.

– Тогда как нам его выследить?

Очида подался к ней, скрипнул креслом, моргнул по-совиному.

– Выследить?

Танака незаметно для ученого сжала кулаки, но говорила по-прежнему сдержанно:

– Если мне нужно выяснить, куда отправился этот корабль, что мне искать: подпись двигателя? Тот или иной энергетический профиль?

Очида покачал головой – как если бы маленькая девочка стала расспрашивать его про единорогов.

– Движущие силы, использовавшиеся аборигенами, остаются для нас загадкой. Не то чтобы мы не пытались ее разгадать. Но еще с Эроса известно, что они включают в себя выведение локальной инерции из общей инерционной системы. Собственно двигателя там нет. Это больше похоже на управляемую гравитацию, когда внелокальные системы падают *сквозь* нормальное пространство…

– Ясно. – Танака неимоверным усилием сдержалась и не врезала по зубам ухмыляющемуся умнику. – Выброса двигателя не будет. Тогда как мне его искать?

– Эрос, если вы помните, был невидим и для радаров.

– Вы все объясняете мне, чего я не могу. Назовите что-нибудь из списка возможного.

Очида пожал плечами.

– Эрос, во всяком случае, постоянно наблюдался визуально. Если корабль попадал в поле зрения оптических телескопов, вы сумеете его найти. Хотя планетарная оборона повреждена атакой, так что… – Он поджал губы: общепринятая гримаса бессилия.

– Ясно, – сказала Танака. – Благодарю вас.

– Всегда рад помочь.

– Нет, – уточнила Танака, – я имею в виду, что вы можете идти.

Очида удивлено поморгал и вышел. Уже хорошо.

У Танаки чесались руки. Она только начала поиск, а он уже распространился от Лаконии и окрестностей ее транспортной сети до буквально всей системы в тысячу триста миров, и способов сузить круг она не видела. От бессилия у нее сводило мышцы между лопатками. Она вывела блокнот и принялась обдумывать варианты. Слежение за сигналами – само собой. Хоть один оптический телескоп должен был захватить возвращающиеся «яйца»? На станции, на корабле… где-нибудь вблизи врат.

«Голос вихря» – единственный уцелевший «Магнетар» – сейчас заменял собой планетарную оборону. Он в первую очередь. Если с него наблюдали корабль «яйцо», она хоть будет представлять, в каком направлении двигаться. В конце концов, Дуарте мог остаться в пределах системы. Доказательств его выхода за врата у нее не было.

А еще… что? Как выслеживать корабль, невидимый на радаре и не дающий дюзового выхлопа? Черная кошка в темной комнате. Если бы знала, чего он добивается, она значительно сократила бы список возможных мест назначения. Надо поговорить с лакеем и с адмиралом Трехо – не обронил ли Дуарте намека, куда мог направиться.

А что, если… идти по следу – не тот метод? Не лучше ли расставить ловушки? Может быть, Дуарте направился не в конкретное место. Если верховный консул что-то ищет, цель его поисков могла бы послужить наживкой.

Отчеты о текущих операциях были закрыты грифом высшей секретности. Ко всем имел допуск разве что сам Трехо, но ей он дал свой ключ. Пять оперативных группировок занимались поиском Терезы Дуарте. Танака читала их рапорты, но вполглаза – другая половина была занята поиском стратегии. До недавнего воскрешения Дуарте лишь один раз проявил признаки сознания – когда уничтожил Паоло Кортасара. И, если верить доктору Окойе, которая при этом присутствовала, он сделал это ради дочери. Такой ли большой натяжкой будет предположить, что в первую очередь он захочет увидеть девочку? Не окажется ли она наилучшей наживкой?

Черт побери, тут шансы уж точно выше, чем с поиском исчезнувшего корабля.

Самой надежной ниточкой к ней были рапорты разведки. Дальняя родственница покойной жены Дуарте держала частную школу в системе Новый Египет, и за ней водились связи с подпольем. Будь у Танаки дочка, она не отказалась бы отправить ее в такой интернат. Кстати, скоро начинается учебный год. Спрятать подростка среди множества сверстников – неплохая идея.

Танака вывела на экран сведения по штабу операции. Ею руководил фрегат-охотник «Ястреб-перепелятник» под командой капитана Ноэля Мугабо.

До сих пор.

Она связалась со своим заместителем и не дала ему даже рта открыть.

– Сообщите «Ястребу», что я принимаю непосредственное командование операцией в Новом Египте. И подыщите мне быстроходный транспорт. С жидкостными амортизаторами. Немедленно доставьте меня в Новый Египет.

Глава 6. Наоми

Амос – или то, что раньше было Амосом, – с улыбкой ждал, пока автодок закончит работу. Наоми, уцепившись за скобу, следила за прокручивающимися сканами и показаниями датчиков. Машина оценивала обследуемого как полную корзинку странностей. Некоторые из них обнаруживались в нем с самого возвращения с Лаконии. Какие-то были новыми: девиациями от прошлых измерений. И кто бы мог угадать, которые из них имеют значение? Где взять образец для сравнения, если других «животных» этого вида не существует, кроме только той пары, что осталась у Элви Окойе? Нет общей картины.

Наоми в последнее время часто так себя чувствовала. – Самочувствие отличное, – доложил он.

– Это хорошо. Но все равно побудь здесь еще немного. На случай повторения.

Шевельнулись сплошь залитые чернотой глазные яблоки. Она плохо умела определять, на чем он фокусирует взгляд – на ней или на чем-то еще. Глаза без радужек и зрачков выглядели одновременно слепыми и всевидящими.

– В ближайшее время, думаю, таких встрясок не будет.

– Тебе основательно досталось. И не только сейчас. Вообще. Лучше сразу разобраться, что с тобой происходит, чем новый припадок застанет тебя за опасной работой.

– Понимаю. Но такого больше не повторится.

– Пока не знаем, в чем причина, уверенности быть не может.

– Угу.

Они помолчали. Только вентиляция гудела и бормотал автодок.

– Ты?..

– Что – я, босс?

– Ты знаешь, отчего случился припадок.

Амос приподнял широкую сероватую ладонь – и да, и нет. И уголки губ у него разошлись чуть шире, точьв-точь как раньше, только на полсекунды позже, чем раньше.

– Что-то чувствую. В новой голове оно вроде фонового шума. Это была икота. Вряд ли повторится.

Она попробовала улыбнуться ему в ответ, но чувствовала, что вышло ненатурально.

– Ты думаешь меня так успокоить?

– Ты не веришь, что я – это он, да?

Она отметила местоимение «он». Не сказал: «Ты не веришь, что я – это я».

– Мне даже вопрос непонятен.

– Это ничего. Я понимаю. Я уходил таким, как был. Вернулся вот с такими глазами и кровью. И мозг у меня вытворяет всякое, чего раньше не делал. Даже странно было бы, если бы ты не задумалась.

– А ты?..

– Что – я?

– Ты еще человек?

Такая улыбка могла означать что угодно.

– Не поручусь, что и раньше им был. Но точно знаю, что я – все еще я.

– И этого хватит. – Она заставила себя наклониться и чмокнуть его в широкую гладкую макушку – как если бы не знала сомнений. Если он правда Амос, она поступила правильно. Если нет, если он – не он, пусть лучше тот, кто он есть, поверит, что она его приняла. – Все же погоди часок возвращаться к работе.

– Как скажешь, – вздохнул он.

Она пожала его плечо – твердое. Таким ли оно было прежде? Амос всегда был силачом. На тренажерах проводил времени не меньше Бобби, а Бобби, почитай, не вылезала из спортзала. Наоми не взялась бы сказать, есть перемена или ее мозг просто выискивает отличия, создает их на ровном месте.

– Я буду за тобой приглядывать, – сказала она, потому что это ложью не было, как ни понимай.

Пространство колец – не место расслабляться. Были времена, когда от здешнего хаба человечество разлеталось к звездам. Тогда тут было безопасно или сравнительно безопасно. Все, что добиралось до края обозначенной кольцами сферы, пропадало навсегда, зато и из-за нее ничто не проникало внутрь.

Пока все-таки не проникло. И оказалось губительным. Теперь почти все корабли проскакивали пространство на полном газу, заранее устанавливали курс, позволявший как можно скорее нырнуть из врат во врата. Самый верный способ попасть в «голландцы», зато пребывание в этом жутком месте сводилось к минимуму.

Корабли входили в кольца и выходили из колец, сновали между тысячей с лишним систем, и все они в той или иной степени занимались торговлей. У каждого было свое дело, они не интересовались ни самой Наоми, ни грузом на ее плечах. А «Роси» оставался здесь, в свободном полете. И с каждым часом возрастала опасность, что реальность снова вскипит, уничтожив все, что есть в пространстве колец. Но и деваться им было некуда, пока нет плана и цели более осязаемой, нежели «остаться в живых».

Она работала в рубке, парила над амортизатором, подтянув ноги в позу лотоса. Ремни креплений плавали вокруг, как водоросли в кислородной цистерне, а на экране перед Наоми раскинулась сеть подполья. Когда она обдумывала атаку на Лаконию, было проще. Ломать – не строить.

После поражения Лаконии в ее собственной системе – на собственной планете – империя взялась упрочивать сохранившуюся власть. Трехо с оставшимися у него силами укреплял верфи и линии поставок. Наоми же, используя подготовленные для войны организацию и влияние, пыталась создать сеть самоуправления. В новостях из Сол, Бара Гаона, Оберона и Малой Сварги только и слышно было об усиливающемся присутствии Лаконии. Правда, оставалось неясным, кому понадобилась такая тихая заводь, как Сварга. У Наоми не хватало рук принимать сообщения.

– Снова и снова повторяются те же возражения, – говорила с экрана Джиллиан Хьюстон, капитан похищенного подпольем флагмана. На вид она казалась ребенком. Но Наоми в ее возрасте – целую жизнь назад – уже летала на «Кентербери». – Система Байфан вышла или вот-вот выйдет на самодостаточность. Им не нравится, что кто-то указывает им, когда торговать, а когда воздержаться, и уж совсем они не готовы принять на себя ограничения, не распространяющиеся на другие системы. И я, должна сказать, их понимаю. Мы взялись отстаивать свободу. Не знаю, что называть свободой, если вы не вольны решать, на какой риск готовы пойти.

Наоми повертела головой, разминая сведенную шею. Она в третий раз пересматривала этот доклад, все надеялась найти не дававшееся в руки изящное и дипломатичное решение. Не вышло.

Вместо решения нарастала злость и напряжение. Судорога в основании черепа, тяжесть в груди, от которой сами собой сутулились плечи, сведенные до ноющей боли растянутые губы. Так тело отзывалось на раздражение, причин для которого хватало и помимо сообщения Джиллиан и не складывающегося ответа.

Наоми не могла отделаться от несправедливой мысли, что проблема решалась бы проще, если бы подполье состояло из одних астеров. Тогда она бы не сомневалась, что решение хотя бы существует. Астеры отличались отчаянной независимостью, но и понимали, насколько зависят

от окружающих, от своей общины. Не замененный вовремя клапан подвергал опасности не только схалтурившего разгильдяя. Его отказ означал гибель всей команды.

А колонисты вели себя так, будто их безопасность вовсе не зависела от благосостояния других систем и кораблей. Неужели так трудно понять, что от вашего согласия на небольшие ограничения и правила все будут в выигрыше? Но культура внутренних миров меряла жизнь другими мерками. Для них «лучше» означало «лучше, чем у соседа», а не улучшение для всех вместе.

Она понимала, что думать так несправедливо, да и не совсем верно. От бессилия в ней проснулись трайбализм и озлобленность. Потому она до сих пор и не ответила, хотя как фактический лидер подполья была обязана. Чего бы ей на самом деле хотелось – это посадить перед камерой Джима, и пусть выступит со своей воодушевляющей проповедью о единстве человечества, о том, что сообща они отвоюют себе победу. Удивительный у него талант – до сих пор в это верить после того, что они повидали и испытали.

Но он только-только вернулся к ней. И если она заведет привычку видеть в нем полезный инструмент, то погубит забрезжившую перед ними надежду. Нет, их отношения должны быть отделены от всего, священны, и остальной мир не вправе на них посягать.

Так что, как видно, и астеры не свободны от эгоизма.

Она включила запись.

«Джиллиан, спасибо за доклад. Пожалуйста, дай знать нашим друзьям в системе Байфан, что я понимаю и разделяю их озабоченность и, разумеется, их потребность в безопасности и равных условиях для торговых отношений между кольцами. Мы ставим себе целью свести к минимуму движение через кольца, по возможности быстрее добиваясь самодостаточности всех колоний, и в этом наши цели полностью совпадают. Я приложу презентацию, объясняющую выгоды этого плана для каждого из нас. Ее можешь тоже им переслать. Хотя надеюсь, они ее уже видели».

Но на сей раз пусть отнесутся со всем вниманием!

Или древний враг строителей врат найдет способ покончить с человечеством, и тогда все это станет неважно. В фатализме есть своя, темная притягательность.

Безнадежность и отчаяние так похожи на покой.

Она прокрутила запись, решила, что звучит слишком заученно и пафосно, и несколько раз пробовала поправить, потом сдалась и отослала. Очередь сообщений на вид короче не стала.

Слушая следующее, Наоми растирала ладони, разминала ноющие мускулы в основании больших пальцев. У губернатора Туана были худые щеки остромордого терьера, влажные лягушачьи глаза, тусклые черные волосы и натянутая официальная улыбка. Наоми подумалось, что, обладай этот человек любой другой внешностью, он все равно казался бы ей уродом. Надо быть снисходительней!

– От имени правящего совета Фирдо хочу поблагодарить вас за представленное предложение. Я весьма заинтересован в восстановлении надежного графика взаимовыгодных поставок.

– Но?.. – подсказала Наоми, глядя, как Туан перед экраном кроит мрачную мину.

– Однако к представленному документу имеются весьма существенные претензии, требующие тщательного обсуждения. Поэтому я хотел бы предложить собрать саммит. Правда, Фирдо еще не вполне обеспечивает себя, но мы располагаем некоторыми излишками и рады будем ими поделиться. На время проведения переговоров вам и вашим помощникам будут предоставлены наши великолепные, уникальные виллы…

Она выбросила сообщение из списка важных. Сколько раз за рабочий день можно объяснять людям, что их спасет только сотрудничество?

На следующем сообщении она задержалась. Оно пришло из Сол. От Кита.

Единственный сын Алекса, от второго брака, был уже взрослым мужчиной, но она помнила его в пеленках и, как весь экипаж «Роси», знала его мать, Жизель. И вот он перед ней, смотрит в камеру. Кит пошел в мать – высокие острые скулы Жизель, царственный лоб и брови. Но стоило ему шевельнуться, Наоми узнавала Алекса.

– Привет, – заговорил он. – Да, знаю, давненько не был на связи. И такое дело… Я понимаю, что нам теперь никак не пообщаться. Но хотел тебе кое-что сказать.

У Наоми ком встал под ложечкой. Она подобралась, как перед ударом. Кит обращается к ней – значит, что-то с Алексом или новость причинит Алексу такую боль, что Кит, хоть и не смог промолчать, решил позаботиться, чтобы рядом был человек, готовый утешить.

– Так вот, – продолжал Кит, – в Сол осталось маловато работы по планетарной инженерии, и на каждое место пятнадцать человек желающих. Помню наш разговор насчет того, чтобы мне посидеть тихо…

Наоми свела брови, припоминая, когда она такое говорила.

– Но мне предложили работу в геологоразведке на Ньивстаде. В хорошей компании. Совместное финансирование, «Якобин-Блэк». У них там идет большое промышленное строительство и работы по управлению микроклиматом, так что, я думаю, это для нас хороший вариант. Но навещать нас станет труднее, а Рохи беременна, и тебе наверняка хотелось бы увидеть внука.

Кит ухмыльнулся, как ухмыляются, выложив ударную реплику анекдота, и Наоми остановила запись. По венам наркотиком разбегалось чувство облегчения. Она развалилась в кресле, послушала, как шипят шарниры, и крикнула наверх, в кабину:

– Алекс, у меня для тебя письмецо. Я перешлю.

Но он уже сбегал по трапу.

– Что стряслось?

– Ко мне попала твоя почта. В одном пакете с донесениями разведки, но это для тебя. От Кита.

Он расплылся в широкой улыбке.

– Ну, включай тогда!

Наоми прокрутила сообщение с начала. Она уже знала, чего ждать, и следила за лицом Алекса: заметила изумление, радость и слезы на глазах, когда дошло до главной новости. Кит поговорил еще немного, назвал даты переезда на Ньивстад и когда ждут родов. И еще какие-то мелкие новости о Жизель и жизни на Марсе. Когда он закончил словами «Я люблю тебя, папа», Алекс опустился в амортизатор рядом с Наоми.

– Вот так пинок по яйцам, – сказал он, ухмыляясь во весь рот. – Я стану дедушкой!

– Да уж.

Он поразмыслил немножко и покачал головой.

– Хотел сказать, что молод еще в дедушки, но на самом деле нет, верно?

– Нет, – согласилась Наоми, – не молод. Скорее, запоздал с этим делом.

– Это еще надо переварить. Господи, Кит – хороший парень. Надеюсь, с браком у него выйдет лучше моего.

– Он – не ты. Не поручусь, что он не запорет дело, но если и запорет, то по-своему.

Она вспомнила своего сына, погибшего вместе с отцом и Свободным флотом. Воспоминание почти не причинило боли. Нет, неправда. Оно всегда будет болеть, но боль стала тихой, ноющей, а не как от ножа в живот. Время лечит или хотя бы заращивает шрамы бесчувствием.

Пискнула система пилотирования, и Алекс вытащил себя из кресла.

– А ведь и Жизель теперь будет бабушкой. – Он усмехнулся. – Вот уж ей придется против шерсти, а?

– Да, это звание в ее образ не вписывается, – согласилась Наоми.

– Из тебя вышел хороший дипломат, – заметил Алекс и направился к лифту.

Снова оставшись одна, Наоми отделила сообщение Кита от основного пакета и скопировала в конец списка сообщений для Алекса. Подумала, не оставить ли и себе копию, но письмо было адресовано не ей, так что без позволения не решилась.

Тихо щелкнуло предупреждение. В ее список вывалилось еще одно сообщение. Она настроила систему ставить метки, чтобы разбираться в наваливающихся делах. Эта метка была темного золота – ее она выбрала для «домашних». Касающихся «Росинанта» и ее маленькой семьи. Того, что осталось от ее маленькой семьи.

Этого сообщения Наоми ждала. В сопроводительных данных мелькали особые значки, которыми подполье удостоверяло подлинность. С трансляционной станции Нового Египта, как она и надеялась. С виду все в порядке. Все, касавшееся дочери верховного консула Дуарте, Наоми воспринимала как клубок змей, обвивших кусок плутония.

Удостоверившись в маршруте и источнике письма, она изолировала свою систему связи и вознесла безмолвную мольбу к мирозданию, прежде чем открыть сообщение. Оно состояло из одной текстовой строчки.

«Одобрено зачисление с осеннего семестра».

Глава 7. Джим

– Почему мне раньше не говорили? – спросила Тереза.

Джим не сказал бы, вызвано ее напряжение гневом, страхом или чем-то другим, но оно шалью окутывало плечи девочки. Глаза смотрели куда-то ему за правое плечо, такой неподвижный блестящий взгляд он помнил по Лаконии. Это означало, что Тереза внимательно слушает.

Странное дело – из всей их компании Джим дольше всего был знаком с Терезой. Они много лет прожили в здании Государственного совета: она как дочь верховного консула, он как его пленник. А может, они оба, каждый по-своему, были пленниками.

– Это я так решил, – сказал он. – Не хотел обсуждать, пока говорить не о чем.

Она вопросительно глянула на него.

– Не хотел тебя разочаровывать, – пояснил Джим.

– Ну вот, теперь можно обсудить. О чем речь?

– Это школа-интернат в системе Новый Египет. Пресвитерианская академия в Сохаге…

– Религиозное образование меня не интересует.

– Оно, строго говоря, не религиозное. Там есть религиозные курсы и службы, но необязательные.

Тереза выждала – словно откусила кусочек незнакомой пищи и подумывала, не выплюнуть ли.

– Что за родственница? – спросила она.

– Элизабет Финли. Двоюродная сестра твоей матери и, видимо, не слишком расположена к отцу. Идеальный вариант. Она знает, кто ты, примет меры к твоей безопасности и по личным соображениям не склонна пресмыкаться перед Лаконией, так что можно не опасаться, что выдаст тебя ради выгоды.

– А вы ее проверили?

– Проверяло, как могло, подполье. Вроде бы она прошла проверку. В Новом Египте ни Лакония, ни подполье не слишком заметны. Это тоже довод «за».

Взгляд Терезы снова уплыл к нему за плечо – девочка задумалась.

Каюта Терезы, как и остальные на «Роси», предназначалась для военных Марсианского флота – в те времена, когда это еще что-то значило. Джим привык видеть себя и других в этой спартанской обстановке. Но юной девушке такая должна представляться тюремной камерой. Джим в пятнадцать лет второй год учился в старшей школе Северного Фрэнчтауна, и заботило его, как урвать лишних двадцать минут сна по утрам, как скрыть свое равнодушие к лекциям химика мистера Лорена и пойдет ли с ним гулять Деливренс Бенавидес. В те времена ему вся Монтана казалась тесна. Терезе досталось всего несколько квадратных метров.

– А как же Ондатра?

– Финли писала, что не возражает. Другие учащиеся тоже держат домашних животных. Большей частью служебных пород, но слишком выделяться она не будет.

– Не знаю, – сказала Тереза. – Мне здесь нравится. Амос меня всему учит. И здесь меньше неизвестных.

Там все будут незнакомые. Не знаю, смогу ли им доверять.

– Я тебя понимаю, – сказал Джим. – Но у нас военный корабль. Мы на войне. И, хоть ты и вытащила нас из огня, выставлять тебя щитом мне не по душе.

– Я хороший щит.

– Да, только я так больше не играю.

– Почему? – спросила она. – Знаю, вам было неприятно, но ведь сработало. И дальше будет работать, хоть иногда. Почему вы отказываетесь от того, что вас спасает?

Он удивился, с какой искренностью это было сказано.

– Щит принимает на себя удары, – объяснил Джим. – По щиту стреляют. Он для того и существует. И когда-нибудь кто-нибудь надумает вывести «Роси» из строя, всадив снаряд в дюзы. Или рискнет послать в нас снаряд-другой из рельсовой. Вопрос расчета. И да, с тобой меньше вероятность, что нас расстреляют. Но я не хочу, чтобы ты за меня погибла. Не согласен.

Она склонила голову к плечу, словно услышала незнакомый звук.

– Вам не все равно?

– Да, вроде как не все равно.

Если он ожидал вспышки чувств: благодарности, восхищения, хотя бы уважения к его моральному выбору, – не на ту напал. Она разглядывала его как редкий вид бабочки. Не то чтобы с презрением, но и не-презрением это не назовешь. Он видел, как ей в голову пришла новая мысль, и ждал, когда девочка соберется ее высказать.

– Если мне там не понравится, можно будет вернуться?

– Вероятно, нельзя, – сказал он и, помедлив, поправился: – Нельзя.

Грусть промелькнула на ее лице и пропала, но эта грусть была глубокой. Он начал лучше понимать, с какой потерей просит ее смириться.

– Мне надо подумать. Когда вам нужен ответ?

Наоми, сообщив ему известие, попросила сказать Терезе. Не добиться согласия, не поторговаться. Она выбрала глагол «сказать». А вышло вот что. Джим почесал себе шею.

– До начала семестра еще несколько недель. Я хотел отправить тебя пораньше, дать освоиться, но если мы пойдем с относительно жестким ускорением…

– Понимаю, – сказала она. – Я не буду слишком тянуть.

Он выплыл из каюты, толкнулся вдоль коридора. Услышал, как закрылась за ним дверь. Корабль молчал. Наоми ждала у себя. Ему предстояло признаться, что пятнадцатилетняя девчонка добилась от него права выбора: поступать в интернат или… надо полагать, остаться на корабле? Пойти против планов Наоми. Вроде бы он за это не в ответе, но все равно чувствовал, что не справился с поручением.

Проплывая мимо каюты Алекса, он услышал знакомый голос: «…но навещать нас станет труднее, а Рохи беременна, и тебе наверняка хотелось бы увидеть внука». Алекс с тех пор, как получил это письмо, стал часто улыбаться, но Джима одолевали другие чувства. Надо было бы радоваться за Алекса, и он считал, что неплохо изобразил радость. Похлопал пилота по плечу, рассказал анекдот про дедушку, рассмешив старого друга.

А на деле Джим поражался оптимизму Кита. «Поражался» здесь означало скорее «ужасался». Алекс часто заговаривал о внуке, прикидывал, родился уже или нет, какого будет роста, гадал, какое имя выберут Кит с женой, а Джиму виделось лишь еще одно тело в груде мертвецов, когда настанет конец. Еще один младенец перестанет дышать, когда неуловимый враг разрешит свою задачу. Еще одна смерть.

Наверное, это было неправильно. Сколько раз уже случался конец света: черная смерть, ядерная война, коллапс продовольственной системы. Перелет Эроса. У каждого поколения свой апокалипсис. Если бы люди всякий раз переставали влюбляться, рожать детей, радоваться, мечтать, до отказа проживать отпущенный им срок, человечество бы кончилось намного раньше.

Просто в этот раз все иначе. В этот раз им не выкарабкаться. Знал, понимал это только один человек – Амос. Только с Амосом он и мог поговорить.

Джим направился в сторону реактора и двигателя. В воздухе стоял сладковатый запах силиконовой смазки, и негромкое тявканье Ондатры направило Джима к машинному отделению. Псина плавала в воздухе, вертя хвостом, отчего и голова ее описывала крошечные круги. Губы Ондатра растянула в широкой собачьей ухмылке.

– Опять я без сосиски, – извинился Джим.

Собака тихо гавкнула в ответ.

– Не так ей и нужна сосиска, – заметил Амос. – Просто ты ей нравишься.

Джим, одной рукой придержав собаку, погладил ее другой.

– Знаешь, всегда считал, что не дело держать собаку на космическом корабле, а все-таки мне нравится, что она здесь. Больше, само собой, когда мы идем с ускорением…

Амос поднялся с рабочего места, не выпуская из рук маленький сварочный аппарат. Защитные очки он сдвинул на лоб. В зажимах торчал гидравлический клапан, цепочка ожогов на керамике отмечала места, где еще не остыли металлические заплатки.

– Да ей и самой неловко, когда мне приходится таскать ее в вакуумный гидрант.

– Куда-куда?

– Эвфемизм для собачьего туалета, – объяснил Амос. – Это не я придумал – нашел в сети.

– То есть в невесомости полно таких псин, – обратился к Ондатре Джим. – Не ты одна.

– И с атрофией они справляются лучше нашего, – продолжал Амос, стягивая с головы очки и переправляя их в ящик для инструментов. – Может, потому что сцепление с грунтом у них на четыре точки.

– Возможно. Я буду по ней скучать, – сказал Джим и кивнул на клапан: – Непорядок с подачей воды?

– Нет. И не будет. Клапан подпортила минерализация, а если дожидаться, пока начнется эрозия, с тем же успехом можно печатать новый, понимаешь?

– Понимание я доверил хорошему специалисту. С меня и хватит.

Амос прищелкнул горелку в зажимы и вытянул из кармана тряпицу для полировки.

– Надо бы валить к чертям из Медленной зоны. Пока висим здесь, у меня мурашки по затылку так и бегают.

– Угу. Как только Наоми выяснит все, что ей надо, и решит, куда двигаться, – кивнул Джим. – Меня малышка беспокоит.

– Ага. И меня.

– Я все забываю, как многого она лишилась, понимаешь? Пока она не попала к нам, все ее переживания были выверены до миллиметра. Несколько месяцев у нас – только-только чтобы нащупать опору под ногами, – а тут снова все меняется. Многовато. А ей пятнадцать лет. Представляешь, если бы с тобой так в пятнадцать.

Амос взглянул так, будто Джим сказал что-то смешное.

– Ты за Кроху не переживай. Она справится.

– Точно? То есть… Много ли мы знаем про школу, куда ее отправляем?

– Знаем, что стрельбы там будет меньше, чем у нас.

– А кроме этого?

Амос намотал тряпицу на большой палец, покрепче ухватил клапан и, продолжая разговор, принялся затирать следы ожогов.

– Кроха пытается понять, кто она такая. И, черт побери, *что* она такое. Она этим на Лаконии занималась, и здесь тоже. И школа тут ничего не изменит. Вопрос стоит так: учиться ей в интернатике в какой-то глухой дыре или в компании старых пердунов-революционеров уворачиваться от торпед.

– Разве мы революционеры?

– И еще… – Амос повысил голос, не давая Джиму уйти от темы. – Тебя не то гложет. Мы с тобой оба это знаем.

Ответить Джим не успел, потому что по общекорабельной связи вдруг прогремел голос Алекса:

– Эй, все. Я тут подумал… Как насчет маленького собрания? В камбузе? Если можете. Гм… Спасибо.

Амос прищурился на клапан, повертел перед глазами и напоследок обтер тряпкой. И вставил обратно в зажим.

– А на место установить не надо?

– Не-а, – ответил Амос. – На месте пока запасной.

– Тогда надо бы сходить послушать, что там у Алекса.

– Что-то ему понадобилось, но, прежде чем попросить, он еще несколько минут будет извиняться.

– Да, конечно, – признал Джим. – Просто интересно, что у него за вопрос.

Будь они под тягой, Алекс бы расхаживал по камбузу. Тереза пришла раньше них – парила у стены, не касаясь ее. Она скрестила руки на груди, губы стянуты, подбородок временами вздрагивает, девочка меняется в лице. Спроси его кто, Джим бы сказал, что она увлеченно беседует сама с собой, а остальных почти не замечает. Амос занял место у стола, закрепился магнитными подошвами, чтобы руки были свободны для Ондатры. Собака блаженствовала, видя почти всю стаю в сборе.

Наоми вошла последней и, взяв себе грушу чая, кивнула Алексу: можно начинать.

– Так вот, – заговорил Алекс. – Про Кита с Рохи все уже слышали, да?

– Что-то ты вроде бы говорил, – мягко поддразнил его Джим.

Алекс улыбнулся шутке.

– Так вот, я посчитал, и выходит, что малыш уже родился. Ну, я знаю, что забот у нас полон рот. И дела все очень важные. И рискованные. Будь это обычный контракт, я бы на такое не подписался. Только этот контракт обычным никогда не был.

Амос почти неслышно вздохнул. Но Алекс услышал, и Джиму было заметно, как его старый пилот мысленно вычеркнул несколько минут речи, не относящиеся к делу.

– Связь опасна и для него, и для нас, а все-таки очень хотелось бы… послать мальчику сообщение, понимаете? И, может, получить снимок внука. Я не знаю, что у нас впереди и чего захочет от нас подполье. Если нельзя… Просто я не мог не спросить. Понимаете, если все-таки как-нибудь можно, а я бы не…

Джим, обернувшись к Наоми, вопросительно вздернул подбородок. Она отхлебнула из груши.

– Пришлось бы сунуть нос в систему Сол, – ответила она. – Оттуда можно связаться по лучу через надежный транслятор.

– Нам сейчас до любых врат одинаково далеко, – сказал Джим. – То есть мы только вид делали, что работаем по контракту. Даже если Лакония держит в системе свои силы, там проще всего затеряться в потоке движения. Сол несколько веков копила корабли и инфраструктуру, мы там сольемся с фоном. Не то что в Аркадии или в Фархоуме – там бы мы оказались на виду.

– Риска там больше, – сказал Алекс, но это он просто хотел дать понять, что не обидится на отказ.

Джим, Наоми и Амос довольно с ним пролетали, чтобы не сомневаться: это правда. Он бы не рассердился, просто загрустил. А если им все равно умирать, почему бы не попытать счастья?

– Думаю, надо рискнуть, – сказал Джим.

– Я надеялась, что мы подбросим Терезу до школы и направимся в Фирдо, – возразила Наоми.

– Врата Сол тут рядом, – ответил ей Джим. – Короткий рывок. Если прямо в кольце никто не сторожит, проскочим за кольцо и тут же переворотом уйдем обратно.

Амос почесал себе шею.

– Воды мы на Кроносе взяли достаточно. Реакторная масса не вопрос. А время можно нагнать, если подольше держать ускорение по пути к Новому Египту и обратно. Неплохо бы пополнить топливные пеллеты и восстановители воздуха, но такой маленький крюк роли не играет.

– Ладно, – сдалась Наоми. – В Солнечные врата на минутку, только чтобы связаться с Китом, а потом к Новому Египту. Дозаправимся на Фирдо.

– Тебя такое устроит, Кроха? – спросил Амос.

Тереза выдернула себя из тех мест, где пребывала. На глазах у нее блестела пленка слез. Не слишком толстая, но заметная.

– Да. Хорошо. Да.

Алекс просто растаял от облегчения. И заговорил глухим, неверным голосом:

– Спасибо вам. Правда. Если бы нельзя, я бы пережил, но… Просто спасибо, и все.

– Семья – это важно, – сказала Наоми, и Джим не взялся бы судить, которое из тысячи возможных значений этих слов было у нее на уме сейчас.

С подготовкой «Роси» к переходу они уложились в неполный час даже при том, что Амосу пришлось заменить и проверить восстановленный клапан. Алекс распевал у себя в кабине, как жаворонок на заре. В его песне не было мелодии, а только музыкальные переливы радости и надежды. Амос с Терезой и Ондатрой ушли в машинный, а Джим гадал, что сейчас творится в душе у девочки. Отверженность? Гнев? Отрицание? Он надеялся, что нет. Или что не только это – еще и предвкушение, любопытство, надежда, смягчающие дурные чувства. Он, вопреки себе, надеялся, что это окажется важно, что Тереза каким-то чудом доживет до времени, когда сумеет разобраться в собственной душе.

Они начали движение к кольцу Сол на половине g вместо обычной трети. Наоми вздохнула. Джим было решил, что она думает о том же, что и он.

– До хрена кораблей шныряет через кольца, – заговорила она. – И мы тут не сказать чтобы хороший пример подавали.

Он взглянул на тактический экран. Конечно, она была права. В момент, когда Наоми поставила на паузу, чтобы оценить ситуацию, сквозь врата проходили еще десять кораблей – спешили по каким-то делам, которые сочли стоящими риска. Или не понимали, что риск есть. Или плевать на него хотели.

– Ты видел, что событие опять повторилось? – спросила Наоми. – Окойе сообщает. В системе Гедары.

– Это уже который раз?

– Двадцатый? Что-то в этом роде.

Алекс у них над головами завел новую песню. Что-то радостное, брызжущее весельем, как весна водами. Джим словно слушал передачу из другой вселенной.

– Она разберется, – ответила на молчание Джима Наоми. – Если это вообще возможно, она разберется.

Они уже падали в дрожащую пленкой интерференции поверхность кольца Сол, когда из Лаконских врат вылетел быстроходный транспортник, перевернулся и, не щадя себя, начал разгон. Джим, наблюдая за ним, ждал луча с требованием капитуляции. Не дождался.

– Похоже, мы едва успели выскочить, – заметила Наоми.

– Опять над ухом просвистело, – согласился Джим. – Не знаю, надолго ли нам такое везение.

Они ушли за врата Сол, не успев увидеть, куда направлялся быстроходный транспортник.

Интерлюдия. Спящая

Спящая видит сон, и сновидение уносит ее вместе со всем, что ей принадлежит, в немыслимое прошлое. Как в сказку, рассказанную бабушкой бабушки о своей прабабушке, она тихо и бесконечно падает в черный океан, охватывающий все на свете. Двух других с ней нет и снова есть, в ней тихонько звучит память о песнях, которых она никогда не забывала. Она расширяется – как птица расправляет крылья, чтобы согреться в солнечных лучах, хотя солнца нет и света нет – еще нет, – а холодная темнота просторна и уютна, как постель.

И она знает.

Когда-то – оно ушло так далеко, что некому о нем подумать, – было так: внизу лежала твердь жара, а вверху твердь холода, а между их неумолимыми пределами находился мир. Спящая видит во сне токи течений и сил, и кровь ее – кровь океана. Соль в ней – морская соль. Ладонью шире материка и мягче ее кожи она ласкает пылающий внизу жар и нежную прохладу наверху. Эоны прошли без жизни, а теперь жизнь есть. Может быть, есть многое, но ее сон – сон середины, и она видит середину, потому что путь ее плавания берет начало из середины, но медленно-медленно-медле…

Спящая парит, и с ней парят другие – их стало больше? – пузырьки прошлости вокруг нее и в ней плывут в том же потоке, что есть она и что она *есть*. Два, соприкоснувшись, становятся одним; один, истончаясь, раздваивается, и каждый еще, и еще, и еще раздваивается. Она следит за ленивыми бессветными содроганиями блаженного холода, а бабушка нашептывает ей, что там рождается желание. Вот она, простая щенячья шалость созидания ради созидания, и создавать не из чего, кроме как из самой себя.

Спящая забывает, и забвение есть медлительность. Она тянется сквозь безвременье и безвидность, жаждет чего-то сытней воды. Пиршественные чаши поднимаются к ней снизу, насыщая на десятилетия, и она видит во сне, что спит, укрывшись от всего в вечном течении. Рука ее протягивается к пятке, кончики пальцев удлиняются, почесывая пальцы ноги. Она – младенец, созданный из пузырьков соленой воды, и кто-то из других подсказывает: «Как из клеток?» – но словам здесь нет места, она сейчас сладострастно вне всех языков.

Света нет – еще нет, – но далеко-далеко внизу есть жар. Он содрогается, бурлит, бушует. Он поднимает наверх странный вкус камней, что притягивает ее, и уносит прочь, и становится ею. Наверху холод, где ничто не течет, – бесконечная стена, огибающая вселенную. А рябь, всеприсущая теперь рябь потока внутри потока – единственное, что рождает ощущения. Опора среди вод, нечто, созданное из ничего, в котором она извивается в пляске. И впервые за все времена устает.

«Смотри-смотри-смотри, – нашептывают прабабушки. – Ощути ту, что падает, соскальзывает слишком низко в жар и буйство: запомни этот бездумный гений. Это важно», – говорят они, и спящая тоже тянется вниз, и другие – все, сколько их с ней есть, – погружаются.

Пузырь всплывает, полный дрожи, горячки, болезни, а остыв, он маслом налипает ей на язык, и миллиарды насекомых восторженно поют в летней ночи. Тысячи новеньких игрушек в перевязанной ленточками прозрачной обертке. Там кофе, и конфета, и первый неумелый поцелуй, и почти-почти-почти робкое прикосновение к коже. И она знает, что придет снова, что она – дитя пузырьков – вновь отошлет себя вовне, чтобы обжигаться и лелеять свои ожоги. Она жаждет отчуждения, рожденного жаром и болью.

«Так оно бывало, когда мы были девочками», – говорят бабушки, и спящей снится, что она понимает.

«Давайте, леди и джентльмены, – говорит кто-то. – По порядку и по инструкции».

Глава 8. Элви

Фаиз, зависнув над ее личным рабочим местом, прокручивал заметки. У него от сомнений или скепсиса всегда между бровями пролегала тонкая морщинка.

– Ты хоть что-то понимаешь? Лично я – ни хрена.

Там были данные сканирования мозга и тела Кары и то же самое по БИЧ, но Элви считала важнее запись опроса Кары и ее доклад. Беседа затянулась на несколько часов: Элви задавала вопросы, Кара отвечала устно или записывала ответы – именно они, хоть и были наименее объективными данными отчета, больше всего волновали.

– Понимаю. То есть думаю, что понимаю, – ответила Элви и добавила, помолчав: – У меня есть идеи.

Фаиз закрыл окно и повернулся к ней.

– Ты бы мне рассказала. Потому что я ни черта не понимаю, что здесь вижу.

Элви собралась с мыслями. Экзобиология всегда была у нее на втором плане. В туманном прошлом, отстоявшем, в сущности, всего на несколько невероятных, переполненных событиями десятилетий, она поступила во Всемирный колледж Седжона – в нем преподавали лучший из доступных ей курсов медицинской генетики. Если не кривить душой, не так уж она и любила эту специальность. В пятнадцать лет она посмотрела «Горсть дождя» с Амалей Уд-Даулу в роли генетика и целый год училась укладывать волосы, добиваясь сходства с актрисой. Так и не добилась. Странные алхимические процессы в организме подростка преобразовали влюбленность в актрису в интерес к болезнетворным изменениям в ДНК.

Идея, что пропущенная пара оснований преобразуется в чуть отличающийся изгиб белковой молекулы, что приводит к пороку сердечного клапана или незрячести глаза, одновременно захватывала и пугала студентку. Элви сочла, что это и есть страсть, и отдалась ей со всей преданностью женщины, решившей, что вышла на верный путь, обрела свое предназначение во вселенной.

Она выбрала курс по внеземной биологии, потому что куратор напомнил, насколько больше вакансий для молодых медгенетиков открывается, если сравнивать с Землей, на Марсе и станциях юпитерианских и сатурнианских спутников. Элви учла намек.

Лекции им читали в выстеленной желтым отсыревшим ковром комнатушке с настенным экраном – выгоревшие пиксели на нем очень напоминали мушиные следы. Профессор Ли три года как перевалил за пенсионный возраст и в аудиторию вернулся исключительно из любви к профессии. То ли его энтузиазм был заразителен, то ли вселенная таким образом поставила Элви на свое место. По каким бы причинам – или без причин – профессор Ли ни коснулся давних поисков внеземной жизни в океанах Европы, мозг у Элви засветился так, будто кто-то подлил ей в утреннюю кашу эйфориков.

Она, огорчив мать и куратора, переключилась на чисто гипотетическую по тем временам область экзобиологии. Ее куратор по этому поводу выразился буквально так: «С точки зрения трудоустройства вам бы лучше было выучиться на настройщика пианино».

И он был прав – пока Эрос не сошел с места. После того все ее соученики оказались обеспечены работой на всю жизнь.

Сейчас Элви была старше, чем профессор Ли, когда рассказывал ей про океаны Европы и о первых робких попытках доказать, что земное древо жизни во вселенной не единственное. Она повидала такое, что ей и не снилось, побывала в местах, о существовании которых в юности не подозревала, и очутилась – благодаря удаче и Джеймсу, черт его побери, Холдену – на переднем крае важнейших за всю человеческую историю исследований.

Странное дело: круг замкнулся на тех лекциях профессора Ли про Европу. Про ледяную Европу, оказавшуюся в конечном счете безжизненной и все же открывшую ей вселенную.

Элви придержалась за скобу. Она уже привыкла вполне естественно двигаться в невесомости. А вот возможности расхаживать по комнате ей все равно недоставало.

– Ладно, что тебе известно о модели «медленной жизни»?

– Вот теперь знаю, что такая модель существует.

– Ясно. Начать с азов. Ладно. Так вот, скорость метаболизма вариативна. Это можно наблюдать на животных. Есть быстрые с высокой скоростью воспроизводства, вроде крыс и куриц, а есть черепахи с высокой продолжительностью жизни и метаболизмом гораздо медленнее других. В спектр между ними укладывается все древо жизни. Предположительно, найдутся существа, эволюционирующие в весьма низкоэнергетический среде и потребляющие, сам понимаешь, очень мало энергии. Медленный метаболизм, медленное воспроизводство. Долгая жизнь. Медленная жизнь.

– Космические черепахи?

– Ледниковые черепахи. Или моллюски из очень холодных морей. Или медузы. Или существа с почти нейтральной плавучестью. Не в этом дело. Теоретически возможно нечто, эволюционирующее в условиях, где почти нет доступной энергии, и его восприятие времени окажется очень… неспешным. Таких искала экспедиция «Терешкова».

– Это надо же… – тупо выговорил Фаиз.

– «Терешкова-1» и «Терешкова-2» – первые дальние экспедиции на Европу. Они искали внеземную жизнь.

– И не нашли.

– Какие-то прекурсоры аминокислот нашли, но жизнь – нет.

– Так что твои космические черепахи не с Европы родом.

В ней вспыхнуло и сразу погасло раздражение. Оба они устали. Оба сидят на единственном корабле в пустой системе, из которой помощи не дозваться неделями. И не так уж понятно она объясняет. Сглотнув, Элви расправила плечи и продолжила:

– Не с Европы. Но искали мы что-то вроде них. И еще одно. Экспедиция «Терешкова» искала еще и глубоководные организмы.

– Эти знаю. Черви и тому подобные, обитающие вблизи вулканических источников. Используют вместо солнечной энергии гидротермальную.

– И еще им достается немало интересных с точки зрения биологии минеральных ресурсов, но в целом так.

– Уж в вулканизме-то я разбираюсь, – похвалился Фаиз.

– Вот это Кара и описывает. Такой биом. Смотри, она говорила про холод наверху и жар внизу. Как на покрытой ледяной коркой жидкой луне с горячим ядром. А между ними открытые воды. Это где она говорит, что почувствовала, как из самой себя создается большее. Это… Не знаю. Какой-то способ воспроизводства.

Митоз или почкование.

– И еще вкус камней, – вспомнил Фаиз. – Всплывающие снизу минеральные питательные вещества. Ты думаешь, это они? Твои медленные черепахи?

– Медузы. И глубоководные организмы, только глубже.

– Вроде тех, что искали на Европе.

Морщинка у него на лбу разгладилась. Элви хотела продолжать, но она знала мужа. Пока он что-то обдумывает, ее не услышит. И гудение корабля с тиканьем вентиляции оставались единственными звуками, пока он не рассмеялся – коротко, как кашлянул.

– Ладно, я знаю, о чем мне подумалось, – сказал он. – Та штука в воде… – Опора?

– Да, она.

– Она появилась после, черт его побери, вкуса камней? Кроме шуток, надо было прихватить аспиранта с кафедры поэзии. Это не данные, а хрен знает что. Так о чем тебе подумалось?

– Да, извини. Это такое экспрессионистское, на уровне ощущений, описание восприятия железа, ведущее к ориентации по магнитному полю. Может в воде найтись такая опора?

– И еще там в конце, – подсказала Элви. – Когда что-то уходит вниз, в жар, и возвращается в шрамах, но и с этим… с чем-то вроде откровения. Как если бы медленный организм впервые преднамеренно погрузился в богатую питательными веществами среду. Искал пищи, а не просто натыкался на нее. Мне кажется, Кара проживает эволюционную историю организма. Этот алмаз…

– Спасибо, хоть изумрудом не обозвала…

– …показывает ей, как возник. Так бы мы стали объяснять жизнь никогда не видевшему ничего подобного существу: начиная с органической химии и надстраивая над ней свою историю до настоящего времени.

Фаиз притих. На лбу снова появилась морщинка. Элви толкнулась от стены, пальцами ухватилась за край стола, остановилась. Он, заглянув ей в лицо, покачал головой:

– Нет, смысл в этом есть. Какой-то. Понимаю, это могло бы оказаться наилучшей стратегией передачи информации, и все такое. Справедливо. Ладно, предположим, создатели протомолекулы допустили нас к части своей истории – во времена, когда они были хомячками и прятались от динозавров. Не хочу портить тебе настроение, но… что из этого?

Элви сама не знала, каких слов от него ждала, но точно не этих.

– А то, что мы теперь о них кое-что знаем. Возможно, знаем происхождение вида, который распространился по всей вселенной и преодолел то, что мы считаем законами природы. Это немало.

– Немало. Да. Но это было так давно, душа моя. Не лучше ли Каре выспросить у алмаза первые пять способов спастись от обитающих вне пространства-времени жутких чудищ, пока они не перебили всех до единого?

– Лучше – если бы она сумела понять ответ.

– И если они сами знают. А по всему похоже, что нет. В смысле их сложная ловушка с выбросом гамма-излучения в системе Текомы – это вроде как привязать курок дробовика к дверной ручке. Пусть даже мы все узнаем о нашей космической медузе, что мы выиграем?

Они замолчали. Чувство тяжести в центре живота было Элви давно знакомо. Этот камень как засел там, так и сидел день за днем. Хотя иногда она о нем почти забывала. Она ждала следующих слов: «Что мы здесь делаем?» – и уже заготовила ответ: «Все, что можем».

Но Фаиз ее удивил:

– Все будет хорошо.

Она засмеялась – не потому, что поверила, а потому, что ложь била в глаза. И еще потому, что он хотел ее утешить, а ей хотелось утешиться. Он поймал ее за локоть, перетянул через пустой стол поближе к себе. Обнял, а она позволила себе приникнуть к его груди, паря вместе с ним, прижалась головой к плечу и бедрами к бедрам – как сиамские близнецы в одном плодовом пузыре. Такой образ мало кому согрел бы сердце, а ей грел. А когда она оставалась наедине с Фаизом, ей не было дела до других.

Дыхание у него пахло чаем с дымком.

– Прости, – пробормотала она. – Прости, малыш.

– За что?

– За все.

– Ты не виновата.

Она прижалась щекой к его виску, ощутила кожей колючие волосы. Глаза застилала пелена слез, кабинет расплывался, как будто она смотрела из-под воды.

– Знаю. Но не знаю, как все исправить, а должна.

Она чувствовала, как расширилась и опала от вздоха его грудь.

– Ужасно часто мы взываем к Мириам, а?

– Кое-чего мы добились. Столько узнали.

– Ты права. Просто я расстроен. Но я и не думал смеяться над твоей работой, – сказал Фаиз. – Если ответ вообще есть, он здесь.

Она кивнула в надежде, что он прав, что неотступное чувство, будто она упустила что-то важное – жизненно важное, что есть в отчете, – не обманывает. И что она со временем найдет это что-то.

Позже, когда Фаиз собрался немножко поспать, она перебрала пакет отчетов Очиды. Группа физики высоких энергий представила самые свежие данные. Сложная составная модель показывала возможную связь между атакой на «Тайфун», нарастанием энергии виртуальных частиц в системе Текомы и первым случаем провала в сознании после уничтожения «Бурей» станции Паллада. Разведочная компания, обычно занимавшаяся добычей ископаемых в окрестностях Юпитера, вела сейчас поиски той невиданной волшебной «пули», что прицепилась к погибшей «Буре». Ее группа – математической биологии – представляла план эксперимента по круглосуточной спектроскопии ближнего инфракрасного излучения во всех обитаемых системах с целью собрать при следующем ударе врага по сознанию надежные данные. Все доклады прогонялись через мощные программы поиска закономерностей на Земле, на Марсе, на Лаконии и на Бара Гаоне – в надежде, что машинный интеллект выловит что-то упущенное человеческим.

Такого обширного, так щедро финансируемого поиска в истории человечества еще не бывало. Миллион ученых перебирали стог сена величиной в тысячу триста планет в надежде, что где-то в нем скрыта иголка.

Иногда Элви задумывалась, не на то ли изначально рассчитывал Дуарте. Толкать, толкать, пока задача по объяснению сущности колец не выдвинется для всего человечества на первое место. Он всегда держался мнения, что рано или поздно им придется решать эту задачу, а человечество так устроено, что напрягает все силы, только когда встает вопрос о выживании. Каковы бы ни были намерения верховного консула, сейчас все человечество билось над одной задачей. И треклятый Джеймс Холден умудрился всю ответственность за решение взвалить на нее.

Элви не сумела бы сказать, успокаивает ее картина столь великих трудов или заводит. Скорее, было то и другое вместе.

Добравшись до конца пакета, она отключила экран. Еще ей как главе лаконского научного директората предстояло дать свой отзыв или разрешение по дюжине-другой вопросов, и она собиралась это сделать. Только прежде немножко поест и, пожалуй, вздремнет. Если сумеет уснуть.

Она, подтягиваясь от захвата к захвату, проплыла через корабль. Кара с Ксаном сидели в камбузе с Харшааном Ли и Квинн де Бодар. Элви, расправляясь с грушей чечевичного супа, наблюдала за детьми.

– Майор, – кивнул ей Харшаан Ли, проплывая над головой.

– Доктор, – поздоровалась в ответ Элви и отправила в рот еще глоток супа.

«Сокол» хорошо готовил. У чечевицы был почти настоящий вкус – сытный, землистый и успокоительный, – хоть и состояла она, скорее всего, из текстурированных грибковых протеинов.

– А мы тут говорили про «Волшебника Кенджи», – сказала Квинн. – Это передача из системы Самавашарана.

– Не знаю такой, – отозвалась Элви.

Ксан, медленно развернувшись вокруг оси z, тут же принялся пересказывать сюжет. В нем фигурировала тайная космическая станция, построенная ангелами, представлявшими собой воплощение человеческих желаний. И, как видно, было много песенок – одну Ксан ей пропел, а Кара подпевала. Слушая их, Элви с удивлением почувствовала, как легчает на душе.

Энтузиазм Ксана и его милый ребяческий нарциссизм, увлекавший мальчика в центр любой беседы, в сущности, ее радовали. На несколько минут Элви выбралась из собственной головы. Так легко забывалось, что Ксан уже сорок с лишним лет как семилетка.

Она готова была пожалеть, что вернулась в себя.

– Кара? – Элви кивнула на дальний конец комнаты. – Можно тебя на минутку?

Девочка, которая не была девочкой, застыла на миг, как случалось у них с Ксаном, – стала неподвижней камня. Это длилось всего мгновение, но всякий раз пугало. Потом Кара кивнула и тихонько толкнулась в указанную Элви сторону. Элви закинула пустую грушу в утилизатор и поплыла ей навстречу. Оставшийся с Квинн и Харшааном мальчик встревоженно моргнул черными глазами, и Элви помахала ему – постаравшись, чтобы получилось успокаивающе.

– Что у вас на уме, док? – спросила Кара.

Такое непринужденное обращение всегда согревало Элви. Для существа, которое индуцированный социопат десятилетиями держал в клетке для опытов, девочка на удивление быстро ей доверилась.

– Пара вопросов. Хотела узнать, как ты себя чувствуешь. Последнее погружение было… Там есть интересные показатели. Похоже, что ты по-новому настроилась на нашего большого зеленого друга. Реакции выглядели монолокальными, без светового лага.

– Да, – едва дослушав, откликнулась Кара. – Я тоже почувствовала.

– И мы не знаем, что это было, потому я и спрашиваю: как ты? Все в порядке?

– Все прекрасно, – ответила Кара. – Этот заход мне показался… Не знаю, как сказать. Хорошим. *Правильным*.

Это Элви уже знала сама. Просмотрела данные сканирования и видела, как повлиял сеанс связи на уровень эндорфинов. Если позволить себе антропоморфизм, она сказала бы, что БИЧ хотел возвращения Кары. Не было оснований видеть в этом волю или преднамеренность. Но он добивался, чтобы девочка вернулась.

Где-то в глубине сознания Элви сидело предчувствие, что сейчас она сделает ошибку. Но она решилась ее сделать.

– Тогда, – сказала она, – я думаю, не уплотнить ли график погружений. Можно делать паузы на день-другой короче.

– Вот бы здорово! – обрадовалась Кара. – Не вижу, почему бы нет. Я справлюсь.

Улыбка ее была такой настоящей – такой человеческой, – что Элви невольно улыбнулась в ответ.

– Вот и хорошо. Я обсужу это с группой, и мы составим новый график. Может, попробуем еще раз прямо завтра?

Кара даже задрожала от волнения, а с другого конца помещения хмуро, беспокойно взглянул на них Ксан. Не просто беспокойно. С тоской. Элви взяла Кару за руку, пожала ей пальцы, и Кара ответила на пожатие.

Жест, соединяющий людей от начала их рода.

– Все будет хорошо.

Только услышав свои слова, Элви осознала, что повторяет за Фаизом. И не верит себе.

– Знаю, – ответила Кара.

Глава 9. Кит

Отец смотрел на него с экрана красными от счастливых слез глазами. Может, Алексу Камалу и раньше случалось плакать от радости за Кита, но Кит тогда был младенцем. Не запомнил. И сейчас увиденное стало для него откровением.

– Я так горжусь вами с Рохи. Жизнь, которую вы строите вдвоем… Это… Это… Не так легко понять, что значит создать семью. Привести в мир нового человека. Но теперь, когда вы справились, я надеюсь, ты видишь, как мы за вас рады. И я, и твоя мама. Это потрясающе. Это все, на что я для тебя надеялся. И знаю – знаю! – ты будешь хорошим отцом. Лучше, чем я.

– Черт побери, папа, – выдохнул Кит. – Опять про то же самое?

– То плохое, что случилось, – оно не относится к тебе. Тебя я любил. Люблю. Мне больше ничего не надо. То, что вы сделали, – это для меня всё. Я так счастлив. Так счастлив за вас.

Сообщение кончилось. Отец наговорил на целых пять минут, и Кит сомневался, хватит ли у него выдержки прослушать все заново. Отцу легко представлять жизнь сына в романтических красках. Расстояние и опасности переписки позволяли Алексу увидеть лишь малую часть очень большой картины.

Кит засек время. Сказать было особенно нечего, а многое из того, что можно сказать, он не хотел взваливать на плечи отцу. Будь жива тетя Бобби, Кит бы, наверное, обратился к ней. Она как-то умела видеть суть. Сочувствовать, не впадая в сентиментальность. Отец для такого слишком много тащил на себе, и Кит до сих пор не мог отказаться от привычки его оберегать.

Он включил запись.

– Привет, – заговорил он в камеру. – Хочу сказать большое спасибо, что вы решились подойти так близко, чтобы почти в реальном времени вести переговоры. Я ведь чаще всего только надеюсь, что вы получите мое сообщение… Черт…

Он остановил и стер запись. Ни к чему заходить на новый круг: Алекс и так непрестанно корит себя, что слишком мало участвовал в жизни Кита-подростка. Отцовское чувство вины было куда сильнее сыновней обиды. А то, что Кит мог бы сказать сейчас, явно не улучшило бы ничьего эмоционального состояния.

Но что-то же сказать надо?

На время его выручил звонок в дверь. Отключив связь, Кит приказал двери открыться. Мать вплыла в комнату в своей обычной манере. Своей благородной и властной наружностью она пользовалась как дубинкой. Кит ее любил и не думал разлюбить, но видеть предпочитал на экране.

– Где мой мальчик? – широко улыбнулась она. Она не Кита имела в виду.

– Рохи меняет ему подгузник. – Кит подбородком указал в глубину квартиры. – Через минуту выйдет.

– Рокия! Бабушка спешит на помощь.

Рохи терпеть не могла, когда кто-то, кроме родных, звал ее полным именем. Мать, с того дня, как об этом узнала, иначе ее не называла. Кит понимал, что она так пытается выразить любовь и готовность принять в семью. А еще понимал, что идет борьба за власть. Он умел разобраться в кроющемся здесь противоречии, потому что он с этим вырос, а Рохи – нет. Дисфункциональность и идиосинкразии детства для взрослого становятся нормой.

Он прислушался: разговор Жизель и Рохи, лепет Бакари. Слов не различал, зато узнавал интонации. Властный голос матери – компенсация внутренней неуверенности. Добродушная вежливость Рохи – маскировка для раздражения. А голос младенца был пока непривычен; Кит слышал в нем только собственную радость и усталость.

Минуту спустя все трое вышли к нему: мать, жена и сын. Бакари был уже на руках у Жизель. Рохи натянуто, но терпеливо улыбалась.

– Бабушка здесь, – сказала его мать. – Я обо всем позабочусь. Вы, милые, ступайте погуляйте ночь, пока я играю с моим чудным малюткой.

– Мы поужинаем и вернемся, – ответил Кит.

– Не спешите! – величественно взмахнула рукой Жизель.

Рохи закатила глаза – совсем чуть-чуть, почти незаметно. Кит поклонился матери, чмокнул в не заросший еще родничок на макушке застеснявшегося сына, после чего они с Рохи вышли в общий коридор и закрыли за собой дверь. Последнее, что он услышал, – вопль догадавшегося, что они уходят, Бакари.

– «Погулять ночь»? – спросила Рохи, когда они двинулись к местному хабу.

– Так проще, чем «нам с Рохи нужно спокойно поговорить», – объяснил Кит. – Она бы мне полчаса внушала, чем плох развод. А так обойдется без нотаций.

Он рассчитывал ее насмешить, но Рохи коротко, по-деловому кивнула. Она не взяла его под руку и смотрела прямо перед собой.

Общие коридоры освещались ярко, посаженные по средней линии растения под сквозняком из вентиляции шевелили широкими листьями. Они согласились на работу в марсианском Атерполе потому, что этот научный центр в системе Сол уступал только Земле и условия для родов здесь были естественнее, чем на любой космической станции, кроме, вероятно, Ганимеда. Жизель восхитилась, и Рохи тоже – поначалу.

Они подошли к своей излюбленной лапшичной. На крошечной сцене сидел щеголяющий россыпью угрей молодой человек, тихонько пощипывал струны домбры, а на едоков не обращал никакого внимания. Кит сел, Рохи заняла место напротив. Им тоже было не до музыки.

– Хочешь сначала сделать заказ? – спросил Кит самым нейтральным тоном.

– Да.

Рохи в одну минуту набрала на столике любимое блюдо и дождалась подтверждения системы. Три минуты они молчали – пока старик Джандол не вынес их заказ: для него ролл с яйцом и лемонграссом, для Рохи – ком чьен са. Кит отметил про себя, что она выбрала блюдо, которое ее всегда утешало. Джандол, не замечая напряжения или не интересуясь им, кивнул обоим и вернулся на кухню. Рохи склонилась над своей мисочкой.

– Ну, – спросил Кит, – что ты хотела сказать?

– Дослушай меня, ладно?

Он кивнул.

– По-моему, нам надо пока отложить этот контракт.

– Рохи…

– Нет, ты дослушай. – Она выждала, проверяя, замолчал ли он. – Знаю, на Марсе всего треть g, зато постоянная треть. Для первых месяцев развития постоянная гравитация очень важна. У него еще продолжается формирование внутреннего уха. И начинается рост костей. В первый год в организме происходит множество фундаментальных изменений, а мы даже на самом быстроходном корабле много месяцев будем проводить в свободном полете. Не хочу я видеть у него какой-нибудь из синдромов невесомости. Не хочу, чтобы ранние изменения организма потом мешали ему в жизни.

И сделаю все, чтобы этого не допустить.

– Продолжай.

– Я смотрела график. Наши места на «Прайссе» охотно возьмут трое из нашей группы. Мы уложимся в расписание, даже если перепишемся на рейс «Наг Хаммади».

– Если на него попадем, – уточнил Кит.

– Я не говорю: давай откажемся. Не предлагаю отменить контракт. Я о другом.

На щеку ей медленно выкатилась большая слеза.

Она смахнула каплю, как предательницу.

Кит глубоко вздохнул и выдохнул. И заговорил осторожно:

– Ты плачешь.

– Ну да. Мне страшно.

– Чего ты боишься?

Она удивилась вопросу: ответ как будто бы ясен без слов. Так и было, но он хотел, чтобы она все-таки высказалась вслух.

– Я ведь не прошу тебя пожертвовать своей карьерой, – проговорила она.

Этой «твоей» карьерой вместо «нашей» для него все было сказано. Кит догадывался, что понимает перемену в их отношениях, а теперь знал точно. Уголки ее губ опустились, и ему подумалось, что так она выглядела девочкой, задолго до их первой встречи.

– Ясно, – сказал он. – Теперь можно мне?

Она кивнула.

– Так вот, во-первых, я – не мой отец. И не твои матери. Я не стану следовать их примеру. Ты и Бакари для меня всегда на первом месте. Я вас не брошу, даже если это поломает мне карьеру.

– Я только… Он взял ее за руку.

– Дослушаешь?

Она кивнула. И следующую слезу оставила катиться по щеке.

– Я понимаю, что время не самое удачное, – сказал он, – но идеального времени не бывает. Всегда что-то мешает. Развитие Бакари, или здоровье матери, или конференция, на которую мы не успеваем, или что-то еще. Всегда что-то есть.

– Пока Лакония не развяжет новую войну в попытке что-то доказать. Или пока нас всех не прикончат пришельцы.

– Это от меня не зависит, – возразил Кит. – Мне остается вести себя так, будто вселенная никуда не денется, и в ее рамках планировать будущее. На Ньивстаде тяготение одна и две от земного. «ЯкобинБлэк» – хорошая компания и занимается тем, чем нам хотелось бы заниматься, но это не значит, что мы к ней привязаны. Можно разорвать контракт и поискать что-то другое. Или можно лететь и постараться справиться. Если полетим, есть много хороших программ помощи родителям и детям при смене гравитации. И я, если хочешь, готов каждый день ходить с тобой в тренажерную. А если останемся, найдется другая работа. Мы всё можем. Но то, что мы выберем, мы будем делать вместе.

Рохи посмотрела на него красными глазами и салфеткой стерла слезы.

– Глупо.

– Ты боялась разговора о выборе между семьей и работой, да оно и понятно. Я понимаю, и я тебя люблю, и хорошенько поплакать при таком разговоре совсем не вредно. А ты меня не осуждай, когда придет моя очередь лить слезы.

– Я просто боюсь все испортить, – сказала она. – Вдруг мы испортим ему жизнь?

Кит большим пальцем погладил ее кулачок – как делал, когда ей не спалось.

– А ведь испортим. Никто не совершенен. Каждый несет на себе что-то, что родители, если бы знали, сделали иначе. Или если бы родители были лучше. Или если бы мир был другим. Это ничего. Это нормально. Я, такой как есть, стал таким отчасти потому, что мои мама с папой решили так, как решили, а поступи они иначе, все равно ошиблись бы в чем-то другом, и эта ошибка все равно оставила бы на мне след. Они несовершенны, и мы несовершенны.

– А он – да, – сказала Рохи. – Бакари – совершенство.

– Вот уж это точно!

Они еще долго сидели молча. Вышел Джандол, спросил, не забрать ли у них посуду. Кит мотнул головой, и старик, пожав плечами, потопал на кухню.

Наконец Рохи тяжело вздохнула и с этим вздохом словно развернулась. И, когда заговорила, голос прозвучал свободно:

– Хорошо. Спасибо тебе.

– Только не извиняйся!

– Я и не извиняюсь.

– Но ведь собиралась?

Она улыбнулась. Он видел, что буря миновала.

– Собиралась.

Он втянул в рот лапшу и стал жевать. Лемонграсс имел натуральный вкус, лапша была мягкой и солоноватой. Немножко остыла, но это ничего. Рохи вздохнула и села свободней.

После ужина они не спеша пошли домой. Она взяла его под руку, он прижал ее к себе. На время будто вернулась пора жениховства, только сейчас все было глубже. Богаче. Полнее. От этого отказались и его, и ее родители, и Кит не мог их понять.

Жизель сидела на диване, прокручивала на ладоннике что-то развлекательное. Когда они вошли, она приложила палец к губам и кивнула на дверь детской.

– Десять минут как уснул, – сказала она. – Хорошо поел. Потеребил утяжелитель. Похихикал, поиграл, похныкал секунд пятнадцать и отключился.

– Спасибо, мама, – сказал Кит.

Жизель, поднявшись, обняла его.

– Это не для тебя, – шепнула она так тихо, чтобы слышал только он. – Я наслаждаюсь ролью бабушки про запас. На зиму.

Когда она ушла, Рохи, тихо ступая, чтобы не разбудить малыша, отправилась в свой кабинет, а Кит сел за рабочий стол и вывел на него список сообщений.

И включил видеозапись.

– Привет, папа. Я тоже тебя люблю. Спасибо что ради переписки подошли так близко. Я понимаю, как это было трудно. И люблю тебя за это. Родить ребенка – страшнее всего, что я в жизни делал, и мне это нравится. Я люблю малыша. Мне нравится быть отцом. Я понимаю, что у вас с мамой могло сложиться и по-другому. Но, как бы ни сложилось, я всегда знал, что ты обо мне заботишься. Этому я научился от тебя. Если это – единственное, что я сумею передать дальше, считаю, уже немало. Это великое наследство. Кроме шуток – лучшее, что может быть.

Он прикинул, что бы еще добавить, но усталость уже просочилась в мозг, и он ничего не сумел придумать.

Он пересмотрел сообщение, отослал, очистил систему, как всегда, когда получал что-то через подпольную сеть, принял душ и отправился спать.

Рохи в постели не было. Он нашел ее над детской кроваткой. Она любовалась на сотворенную с ним вдвоем новую жизнь. Круглое пузико Бакари поднималось и опускалось с сонным дыханием. Кит постоял с ней и с ним.

– Он крепкий парень, а? – сказал Рохи.

– Да. И родители его любят.

– Вот и хорошо. Идем.

Глава 10. Фаиз

Обычно те, кто выбирает профессией геологию, не целят в делатели королей. Между полевым анализом осадочных пород и подчинением людей своему влиянию в вопросах жизни и смерти не так уж много пересечений. А уж что касается политического влияния на галактическую империю, они и вовсе почти не соприкасаются.

Фаиз не думал, не гадал – нечаянно попал.

Он парил в личной каюте Ли, в руке держал желтоватую грушу с виски. Насыщенный, с торфяным привкусом напиток был для него, пока шли под тягой, резковат. Но пара недель в невесомости почему-то притупляла чувствительность вкусовых рецепторов, так что сейчас виски был в самый раз. Заместитель Элви, Ли, просматривал список сообщений из дома. Вернее сказать, с Лаконии. Фаиз, хоть и прожил на планете не один год, домом ее не считал.

– Вот, – оттолкнувшись от рабочей установки, сказал Ли.

– Ну, и что мы здесь видим? – осведомился Фаиз.

– Это Галван ад-Дин, – объяснил Ли. – Ведущий научный сотрудник в отделе физической экстраполяции.

– Ясно. То есть я здесь ничего не пойму?

– Я попросил его приспособить изложение для просвещенного мирянина.

Экран переключился на изображение узколицего мужчины с большой, аккуратно подстриженной бородой, в строгой рубашке без ворота. Его кивок в камеру чуть-чуть не дотягивал до поклона.

– Благодарю, что уделили время, доктор Саркис. Хочу сказать вам, как это ценно для меня.

Фаиз, пользуясь тем, что смотрит в записи, шумно выдохнул.

– Я хотел бы поделиться с вами некоторыми соображениями, выдвинутыми моей группой. Думаю, вы найдете их многообещающими, – проговорил узколицый и заметно подтянулся. Выражение его лица Фаиз определил бы как попытку школьного учителя стать доступнее. – Вам, несомненно, известно, что свет есть феномен мембраны на поверхности времени.

Фаиз до последней капли осушил грушу и сложил руки. Ли его подготовил.

Получасовая речь ад-Дина сводилась к на удивление вразумительному выводу, что эволюция «медлительной медузы» Элви привела к возникновению сложной, широко распределенной мозгоподобной структуры, существование которой обеспечивал невероятный факт, что временное расширение допускает одномоментность излучения далеких звезд и поглощения фотонов глазом наблюдателя, даже если внешнему наблюдателю, например Фаизу, представляется, что их разделяют годы пути. Скоростной предел в подобных системах всегда определяется массой, поэтому технологии перемещения массы – манипуляции с инерцией и «срезание пути» через врата – должны иметь для них первостепенное значение, что и подтверждается наблюдениями.

К окончанию презентации Фаиз и, судя по его виду, ад-Дин одинаково вымотались, а ведь он даже не допил вторую порцию виски.

– Надеюсь, теперь вы видите, – заключил ад-Дин, – какие надежды внушает это направление. Вот почему я вынужден обратиться к вам за помощью. Новые распоряжения научного директората превращают нас в мальчиков на побегушках у полковника Танаки… Я никоим образом не оспариваю права верховного консула решать, в какую сторону направить наши усилия, но у вас есть доступ к его уху. Если вы сумеете его убедить не препятствовать нашей работе без крайней нужды для империи… Я… я говорю это только потому, что чувствую: нам остался один шаг до прорыва, и я хотел бы, чтобы верховный консул в полной мере учитывал

это при принятии решений относительно нашей группы. Благодарю вас. Благодарю, что уделили нам время.

Ад-Дин нервно облизнул губы, и сообщение закончилось.

«Как мило: этот хрен ученый еще делает вид, что над ним есть какой-то верховный консул», – подумал Фаиз, но вслух не сказал. Даже делателю королей не стоит так рисковать.

– У меня таких полдюжины, – заговорил Ли. – Научным группам и целым направлениям приказано исполнять все запросы Танаки. Некоторых она уже переключила на другую работу.

– Но должны же они понимать, что мы ни черта не можем. Мы же буквально ни черта не можем. Вам хоть объяснили, чем занята эта Танака?

– Объяснили, – кивнул Ли и подчеркнуто не стал развивать тему. – У нас множество абсолютно внеочередных дел. Всех не переделаешь.

– Это понятно, – сказал Фаиз. – Но это же не Элви решает. Она очень либеральна в вопросе самостоятельного определения целей научной работы.

– Но она – почитаемая святая Святого Духа Дуарте, – заметил Ли, – вот к ней и обращаются за заступничеством.

– И просят вас попросить меня, чтобы я попросил ее, – перечислил Фаиз. – Нет, еще звено пропустил.

Чтобы она попросила его. Конкретно, Трехо.

– Да.

– При нашей организации удивляюсь, как людям еще позволяют выбирать себе ботинки. Я с ней поговорю, но вы же ее видели.

– Да. Спасибо, доктор Саркис.

– Будете и дальше меня подпаивать – рискуете вскружить мне голову, доктор Ли.

Сдержанная улыбка выразила всю доступную этому человеку симпатию. Фаизу Ли нравился.

Коридоры «Сокола» гудели и сияли. Он передвигался по ним от скобы к скобе – все синие, в цвет лаконского флага. Молодые члены команды, бывало, на манер астеров проскакивали от перекрестка до перекрестка, не коснувшись стены.

Фаиз так не делал. Его в последние десятилетия больше интересовало, как добраться до цели, не повредив сухожилий.

С компетентностью одна беда – она не переносима на другие условия. Уинстон Дуарте отточил зубы на логистике Марсианского военного флота – где, судя по всему, был непризнанным гением. Всякому видно, как его блестящий талант в этой области помог в создании передовой империи. Он пошел дальше того – ворованный образец протомолекулы и умеющие его использовать специалисты помогли укротить технику чужаков и прижать к ногтю все человечество. Во всяком случае, на время.

Но талант в одном – будь ты даже первым из миллиардов – не делает тебя талантливым во всем. Просто дает власть, при которой человек не знает ни в чем отказа. И оттого ко времени, когда Дуарте взялся лепить из себя бессмертного божественного правителя – не ради себя, а жертвуя собой, чтобы обеспечить человечеству непрерывность власти, необходимую для штурма небес и убийства Бога, – он уже уговорил себя и приближенных, будто и в самом деле так хорош, как уверяли льстецы.

И совсем немногие имели официальную информацию о том, как плохо кончился его замысел. Среди немногих была Элви. И Фаиз.

Еще из коридора, ведущего к лаборатории, он услышал голоса Элви и Кары. Элви оставила дверь открытой. Кара плавала между рабочим столом и медсканерами. Девушка – девочка? – так и светилась от волнения и бурно жестикулировала, словно то, что она пыталась объяснить, не укладывалось в слова. Элви, пристегнувшись в кресле-амортизаторе, делала заметки. Если не считать бросающегося в глаза родственного несходства, Фаизу они напом-

нили бабушку и внучку, вместе трудящихся над увлекательной головоломкой. Он еще не разбирал, о чем разговор, но интонации были более чем красноречивы. Тут подходило определение «восторженный энтузиазм». «Маниакальная страсть» тоже подошло бы.

– Так вот что означал… свет? – говорила Кара. – Как если бы мы, съев чьи-то глаза, становились зрячими?

– Похоже на то, – согласилась Элви.

– На что? – вмешался Фаиз. – На что похоже? Я тут услышал недавно кое-что про свет – ну очень странное.

В улыбке Элви не было ни капли раздражения, а в улыбке Кары – совсем немножко.

– Похоже, что наши моллюски достигли важной вехи, – объяснила Элви. – Они освоили метод передачи информации с материей – вроде передачи плазмид у бактерий. Если мы правильно поняли, они вступили в симбиотические отношения или научились паразитировать на мелких слизневиках, способных погружаться в вулканические источники и возвращаться живыми.

– Ух, как неприлично, – бросил Фаиз, целиком вплывая в дверь. Лаборатория была тесновата для троих, но Кара, подтянувшись к стене, освободила ему место. – А глаза тут при чем?

– Они перенимали эволюционные новшества более расторопных экосистем. То, что погружалось в источники, развило у себя рудиментарное инфракрасное зрение, полезное для ориентации. Наши медузы заполучили этот зародыш глаза, перенесли его на механизм сигнальных белков, и вот им уже не нужно перебрасываться плазмидами для передачи информации. У них есть инфракрасный семафор.

– Нет, там был свет, – поправила Кара.

– Может, биолюминесценция, – согласилась Элви. – С этого момента очень медлительные организмы начали переговариваться очень-очень быстро. И походили уже не столько на медуз, сколько на свободно плавающие нейроны. Плюс к тому, мы уже видели мудрую стратегию – посылать в неблагоприятные биомы полубиологических разведчиков и встраивать в найденную там жизнь свои инструкции. А это, прошу заметить, уже сильно напоминает проделанное протомолекулой на Фебе… – Она осеклась, и улыбка стала не такой радостной. – Но ты не о том хотел поговорить?

– Ваш доклад стоило бы дослушать до конца, – сказал Фаиз, – но, да, я хотел о другом.

– Кара? Давай ненадолго прервемся.

Черные глаза на долю секунды застыли, потом взгляд метнулся к Фаизу и ушел в сторону.

– Конечно, почему бы нет.

Кара толкнулась и выплыла в коридор, закрыв за собой дверь кабинета. Фаиз подтянулся к медсканерам. На экране еще висели данные по Каре. Он проследил кривую метаболизма гормонов стресса. Раньше он не знал об их существовании – пока Элви не объяснила.

– Не такой уж высокий уровень, – словно оправдываясь, заявила та. – Да мы и не знаем верхней границы нормы для таких модифицированных организмов.

– Не знал, что на сегодня запланировано погружение, – заметил Фаиз.

– Ей хотелось. Ты и не за этим пришел, да?

Он закрыл экран, развернулся лицом к Элви и нащупал ступней упор для ног.

– Эта Танака создает проблемы.

Элви и раньше выглядела усталой, а теперь стало еще хуже.

– Что у нас там?

– Она перераспределяет рабочие группы и ставит им новые задачи. Вместо глубокой разведки они переключаются на поиски артефакта, который то ли покинул, то ли не покинул Лаконию, и занимаются глубоким сканированием мозга Трехо в поисках… уж не знаю чего.

– Следов вмешательства, – подсказала Элви. – Признаков существующей прямой нейронной связи, вроде той, что на Илосе связывала Холдена с останками Миллера.

– Так ты знала?

Элви беспомощно развела руками.

– Она выше меня чином.

– Но ты управляешь научным директоратом.

– И раньше это что-то значило, а теперь нет. В данный момент ее приказы исходят, можно сказать, из администрации самого Господа.

– Ученые просят у тебя защиты от чиновников.

– Они добиваются, чтобы я уговорила Дуарте наперекор Трехо отозвать ее полномочия, – уточнила Элви. – В их планах есть одно слабое место.

– Что Дуарте больше не существует в природе?

– Что, пока Танака его не нашла, я его ни о чем попросить не могу.

Фаиз помолчал. Не хотелось ему переходить к следующему вопросу, но пришлось.

– Ты в это веришь?

Одним вздохом Элви показала, что разделяет его мысли и подозрения.

– В смысле, верю ли, что Танака ищет нового Дуарте, который вышел из комы и куда-то подевался?

– Или Трехо подбрасывает нам дезу и проверяет, дойдет ли она до подполья? Все это может быть проверкой. Вполне возможно, что Дуарте сейчас кормят жидкой овсянкой в здании Государственного совета. А мы и не узнаем, пока доктор Ли не получит тайный приказ пустить нам с тобой по пуле в затылки. Мы высоко стоим в пищевой пирамиде, однако Трехо по-прежнему всевластный деспот, а прецедентов тому хватало.

– Я не могу об этом думать, – отрезала Элви. – Мне не до игр. Ни сил, ни энергии на это нет.

– Ты могла бы не пересылать новых результатов Джиму и Нагате.

Элви кивнула – но не в знак согласия.

Фаиз кончиками пальцев прижал себе веки.

– Малыш…

Она остановила его.

– Их больше, чем мы думали.

– Чего больше?

– Инцидентов. Таких, как в Гедаре. Мы видим только те пули, что свистят над самым ухом. Отключенное сознание – это почти попадание в цель, но я просила Очиду поискать другие аномалии вроде возрастания скорости света на Гедаре. Они все время возникают.

– Как это – все время? – холодея, переспросил Фаиз.

– Изменения при аннигиляции виртуальных частиц в системах Патриа, Фелицита и Кунулун. Изменения световой в системах Лета и Фархоум. Масса электронов в системе Хаза изменилась почти на две минуты. Масса электронов! По всей системе Святыня возросла сила тяготения на одну десятую процента – на шесть секунд.

– Ну да, от каждого в отдельности волосы дыбом.

– Это за одни сутки. Те, кто это проделывает, заглядывают нам прямо в окна, высматривают, чем бы нас всех прикончить, а я понятия не имею, как защищать от атаки физические константы. Рано или поздно они придумают, как запустить распад вакуума или еще что. Так что я намерена и дальше делать все, что могу, и, да, это значит – делиться данными. Потому что, если таким способом мы добьемся прорыва, оно того стоит. А если бедняге Ли придется меня за это убить, это уже не моя проблема.

– Хорошо, я понял.

– Трехо бьется за власть над империей. Я бьюсь за что-то похожее на вселенную, в которой есть жизнь.

– Я понял, – повторил он, но она уже завелась и не могла остановиться. Пока не спустит пар.

– Если есть шанс – хоть один на миллиард – понять, что это такое, я им воспользуюсь. Если за это придется платить – заплачу. Даже не задумаюсь. Открою бумажник, и пусть мироздание берет, сколько считает нужным. Такая игра. И, да, я очень-очень надеюсь, что Дуарте вышел из состояния овоща и сбежал заниматься тем, чем там занимаются на пенсии бывшие императоры, наполовину состоящие из этой сраной протомолекулы, потому что тогда, значит, Трехо не ради дворцовых интриг отвлекает меня от работы. Но кто это может знать? Только не я.

Она замолчала, скованно, сердито качая головой.

Фаиз придержался за скобу.

– Чем тебе помочь?

– Все тем же. Помоги мне делать дело. Будем надеяться, мы успеем вовремя.

– Хорошо, – сказал он. – Это я могу.

– Извини. Я не хотела…

– Не за что тебе извиняться. Ты права. Я усвоил.

Она взяла его за руку. Ее ладонь была холодной. И сухой. Она так исхудала, что он прощупал скользящие по косточкам жилки.

– Прости, что и тебя втянула.

– Тут и правда похоже на ад. Зато в хорошей компании.

– Если уж выбирать, с кем встретить конец всему, я бы выбрала только тебя.

– За красивую задницу, да? Это моя тайная сила.

Она выдавила улыбку.

– Ты меня насквозь видишь.

– Моими ягодицами можно орехи колоть, – заявил Фаиз. – То есть ты не обязана их потом есть, но…

– Я тебя люблю, – сказала она. – Хватит меня смешить. Позови обратно Кару. У меня еще работа есть.

Он нашел Кару в их с Ксаном каюте. Они оба плавали над койками, Ксан азартно пересказывал какое-то шоу, Кара слушала со скучливым вниманием – эту мину старшие сестры носили на лице с доисторических времен. В нынешней обстановке от столь нормального зрелища теплело на душе. Фаиз прокашлялся, и девочка обернулась к нему с откровенной радостью, а Ксан столь же откровенно расстроился.

– Доктор Окойе готова? – спросила Кара так жадно, что Фаизу опять стало не по себе. Он скрыл тревогу.

– Готова. Извини, что помешал. Мне надо было кое-что с ней обсудить.

– Ничего, – сказал Кара. – Но мне надо идти.

Фаиз подтянулся к дверной раме, и девочка вылетела в коридор. Когда она проплывала мимо, у него в который раз закружилась голова: его вестибулярный аппарат утверждал, что Кара не плыла налево по коридору, а головой вперед падала вниз. Фаиз ухватился за скобу, сделал несколько вздохов, и ощущение прошло.

– Вам плохо? – спросил Ксан.

– Нет. Просто… никак не привыкну к невесомости. Я вырос в гравитационном колодце, и кое-что в меня вшито накрепко.

– Да, я слышал, – сказал Ксан и, перевернувшись, коснулся потолка, чтобы уйти к полу.

Трудно было понять, что выражает его лицо. Он несколько десятилетий прожил маленьким мальчиком и, имея взрослый опыт в сочетании с детской структурой мозга, был не ребенком и не взрослым. Как и его сестра. Невозможно видеть в них детей – и не видеть невозможно.

Ксан прищелкнулся к палубе магнитными подошвами и повернулся свободно, словно в поле тяготения.

– А ты как? – спросил Фаиз. – У тебя все хорошо?

– Я беспокоюсь за Кару, – сразу отозвался мальчик. – Она каждый раз возвращается другой.

– Да ну? Как – другой?

– Меняется, – сказал Ксан. – Эта штука, которая ее учит, – она ее еще и переделывает.

Холодок, пробравший Фаиза, не имел отношения к температуре воздуха. Однако он продолжил в том же легком дружеском тоне:

– А во что переделывает, как тебе кажется?

Ксан покачал головой: «Не знаю». И сказал:

– Мы выясним.

Глава 11. Тереза

Новый Египет принадлежал к молодым колониям – всего пятнадцать лет от первых поселенцев. На его двух планетах хватало пригодных для жизни мест. Школа, в которой ей предстояло жить, как и большая часть поселений, располагалась на меньшей из двух – четвертой от солнца. Тяготение этой планеты – Абассии – было чуть меньше трех четвертей g, а сутки на ней составляли тридцать часов. По не вполне установленным причинам здесь имелось сильное магнитное поле, необходимое для защиты от мощных и частых вспышек на солнце. Даже вблизи экватора можно было полюбоваться великолепным полярным сиянием.

Общее население двух планет не дотягивало до численности лаконской столицы, да еще было размазано по полудюжине маленьких городов и двум десяткам горнодобывающих предприятий. Океан покрывал лишь треть поверхности Абассии, а большая часть континентов была засушливой, хотя возвышенности северного и южного полушария заросли пышным аналогом горных лесов.

Пресвитерианская академия Сохага располагалась в речной долине на юге, в нескольких сотнях километров от «Нувель Эколь», с которой работала по общему учебному плану. Территория учебного заведения занимала чуть меньше тысячи терраформированных и окультуренных гектаров. Здания незадолго до смерти проектировал Альваро Пио, и они значились в топе архитектурных достопримечательностей новых миров.

Тереза разглядывала снимки кампуса с улыбчивой молодежью – ее сверстниками или чуть старше. И пыталась вообразить среди них себя. Пыталась найти себя среди людей на фото.

«Теперь это будет мой дом. Если все сложится».

Однако походило на то, что может и не сложиться.

Вся команда, собравшись в рубке, рассматривала на экране тактическую схему системы Новый Египет. Все внимание – и Терезы тоже – было сосредоточено на корабле, только что проскочившем оставшиеся в шести а.е. позади врата и разгоняющемся в сторону Абассии.

– Подполье не предупреждало о плановых переходах, – сказала Наоми. – Но это ведь обычная беда. Единого графика рейсов не существует, а если бы и существовал, кто-нибудь то и дело норовит проскочить контрабандой.

– А по подписи двигателя что-то есть? – спросил Джим.

– В наших списках ничего похожего, – ответил ему Алекс. – Но это ничего не значит. Может, его строили или меняли двигатель на верфях Бара Гаона или Оберона. И в других системах есть приличные верфи. Теперь не то, что раньше, когда все шло из Сол.

– Знаю, – кивнул Джим.

Алекс увеличил изображение, но все равно корабля было не рассмотреть – черная точка на фоне яркого выброса из дюз. Несколько десятков метров керамики и карбосиликатного кружева за девятьсот миллионов километров. Они и то, что видели, разглядели чудом.

– Вполне вероятно совпадение.

– Да, – проговорил Джим, тоном показывая, что не согласен.

Амос скрестил на груди мощные руки и улыбнулся. Улыбался он просто так. Тереза до сих пор про себя думала о нем как о Тимоти. Тимоти всегда улыбался, даже когда прятался в пещере.

Джим тяжело вздохнул и выдохнул:

– Но если корабль лаконский…

– То вряд ли идет по нашему следу, – закончила за него Наоми. – Мы соблюдали радиомолчание. Даже с местной сетью трансляторов не переговаривались. Если они заранее не знали, что мы направимся сюда…

– Скорей всего, он как раз то, чем кажется, – заявил Амос. – Грузовик везет груз. Или пират. Пират – это тоже хорошо.

– Меня не шансы волнуют, – сказал Джим, – а ставка. Не хотелось бы, чтобы они проследили нас до посадки.

– Я могу сесть, когда космодром окажется на дальней от него стороне, – предложил Алекс. – Прошмыгнем, выбросим Терезу с псиной и выскочим из атмосферы, так что они и взлета не увидят. Даже если следят – не узнают, где мы побывали. И вообще садились ли.

Слушая их, Тереза одновременно прислушивалась к нарастающему в животе ощущению. Похоже на комок. Или на камень. У него и вкус был. Она отстегнулась от амортизатора и толкнулась в сторону лифта. Сама не знала куда, но не могла больше слушать, как экипаж «Росинанта» обсуждает способ от нее избавиться.

Она миновала каюты жилой палубы, в том числе и свою. Ондатра вопросительно тявкнула, но Тереза не отозвалась, двинулась дальше. По нынешним временам самым безопасным и уютным местом ей представлялась машинная мастерская. Тереза достала составленный Амосом список дел. Пора проверить химические датчики водоснабжения. Раньше она этой работы не делала, но к пункту в списке прилагались инструкции. Дочитав их, она собрала инструменты и направилась к цистернам. У нее ныли десны – девочка заставила себя разжать зубы.

Путь от системы к системе занял много времени. Жидкостных амортизаторов, позволявших выносить тяжелейшие перегрузки, на «Росинанте» не было. Поручения Амоса позволяли ей заполнить пустоту на месте Илича и других учителей, и Тереза цеплялась за это – не потому что ей так уж нравилась работа, а потому что так было привычнее. И еще так она чувствовала, что у нее есть свое законное место.

Она почти справилась с прилипшим к ладони пузырем размером с ее кулак, когда рядом появился Амос. Он ничего не сказал, просто взял маленький ручной пылесос и собрал с ее запястья пролитую воду. Он подавал ей нужные инструменты и держал их, пока они не требовались. С ним работа пошла быстрее. В конечном счете обнаружилось, что два из шестидесяти датчиков периодически выдают ошибку. А беспокоиться насчет качества воды следовало после отказа половины датчиков. Все-таки она записала оба неисправных на замену. Согласно мировоззрению Амоса, менять неисправное надо было до отказа, а не после. Она считала, что это разумное правило.

– Такое дело, – заговорил он. – Случилось это на Земле, когда я был еще моложе тебя теперь. Знавал я одного паренька. Родители у него в одну ночь померли от передоза. В его пользу было, что они зарегистрировали его рождение, так что не всем оказалось наплевать. А минус – что он попал в систему приемных семей. Там ему здорово досталось.

– При агрессивно индивидуалистическом общественном устройстве насилие со стороны опекунов – обычное дело. Я два года назад занималась реформой социальных служб. Мы этот вопрос изучали.

– Да, так для него был еще один минус. Парень был из тех, кто рад бы пустить где-то корни, понимаешь? Где бы ни оказался, находил, за что уцепиться, и держался. Сунь его на неделю в незнакомый город – он уже завел себе любимый парк. И тому подобное дерьмо. Только его мотало по приемным семьям, так что каждые несколько месяцев приходилось все начинать сначала.

– Это что, вдохновляющая история, как он нашел свой истинный дом в самом себе?

Амос по обыкновению на секунду замер, потом взглянул виновато.

– В итоге он пристрастился к самодельной наркоте и потихоньку расплавил себе нервную систему. Так что нет, это не о том. Я хотел сказать, что не тебе одной тяжело расставаться, переходить к новому. Не знаю.

Думал, вдруг тебе от этого полегчает.

– А тебе?

– Мне здесь хорошо, – сказал он. – Но, пока сюда добрался, было не больно приятно. Тебе бы не понравилось.

Они минуту помолчали. Рукав у нее еще не просох.

Липнул к руке.

– Я злюсь, – сказала она.

– Знаю.

– Меня как будто вышвыривают. Убирают, как помеху какую-то.

– Я тебя понимаю.

– Как будто им все равно, кто я и чего мне хочется. Я понимаю, что это бред. И уж точно – преувеличение, но это сидит как заноза, и не выковыряешь. Сидит, цепляет нервные окончания, и, как заденешь, каждый раз больно.

– Да…

Она посидела, прислушиваясь к стуку крови в висках, к сумятице мыслей.

– Я на самом деле не на капитана злюсь, да? На отца.

– Может, тебе школа пойдет на пользу, Кроха. Уж всяко здоровее, чем сидеть на ветхом военном корабле, где ни одного сверстника поблизости.

– А мне здесь нравится. И тебе нравится, что я здесь, верно?

– Нет, – сказал Амос. – Я не хотел бы, чтобы ты осталась.

Лучше бы он пнул ее в живот.

– Но…

– Слушай, Кроха, я не раз видел, как умирают люди. Бывало, и друзья. Я почти привык. Но видеть, как умрешь ты, не готов. А ты умрешь, если останешься здесь, на корабле. Такой уж это корабль.

– И Джим то же говорит, – сказала Тереза.

– Вот как? Ну, мы с ним во многом сходимся.

– А мне вы кажетесь очень разными.

– Так и есть.

– Вы будете сражаться за спасение человечества. А я – думать о заданиях по алгебре?

– Ну а вдруг тебе повезет: мы победим – и алгебра в жизни пригодится. Потом пройдет лет двадцать-тридцать, и снова появится что-то такое, что грозит всем смертью, вот ты этим и займешься.

Она не собиралась плакать. И печалиться тоже. Амос склонился над ней, обнял большими жилистыми руками. На ощупь он был удивительно горячий, как будто температурил. Она прижалась к нему и все-таки расплакалась.

* * *

Сразу после посадки она попрощалась с Алексом и Наоми. Они сели поодаль от школы, чтобы не повредить территорию, так что от старой жизни к новой предстоял еще небольшой пеший переход. Тереза старалась об этом не думать. Проще было притвориться, что она еще вернется на корабль. Что ей не придется начинать жизнь заново. А что она идет куда-то, переставляет ногу за ногой, ничего такого не значит.

Джим с Амосом пошли с ней – удостовериться, что все в порядке, но она видела: большей частью мысли у них заняты объявившимся кораблем. Они, как охрана здания Государственного совета, надели легкую броню и взяли личное оружие. У нее был только ранец с парой сложенных корабельных комбинезонов и собачьим кормом на несколько дней. Ондатра рысила рядом, тревожно поглядывая то на Терезу, то на Амоса.

Небо здесь было просторное, синее, с кучевыми облаками на горизонте. Перед ними открывалась долина – плавные изгибы, созданные эрозией, ветром и растениями. Местные

растения были все высокими и тонкими, стояли как трехметровые заросли голубоватых травинок. Ветер в них шуршал радиопомехами. Школьная территория выделялась на окружающей местности ровной разметкой и прямыми углами. Пахло здесь раскаленным металлом.

И никого не было.

– Учебный год начинается через две недели, – сказал Джим. – Ты, может быть, первой поспела.

– Это же интернат? – спросила Тереза.

– Все равно у них между полугодиями бывают каникулы. В смысле, разве нет?

Амос пожал плечами.

– В моем кругу мало кто учился в частных школах.

Нас ждут?

– Финли знает, что мы собирались, но Наоми требовала строгого радиомолчания. На всякий случай, понимаешь?

– Ясное дело, – откликнулся Амос.

Главная дорожка была посыпана мелким щебнем – светло-серым с розовыми, голубыми и золотистыми искорками. В стороне от дорожки стояла бездействующая «землеройка». Ее широкие гусеницы оставили полуметровый след. Потревоженная почва была темной, влажной. Солнце еще не успело ее высушить. Амос неопределенно улыбался и походил на наслаждающегося видами туриста. А Джим вроде бы напрягся.

Они дошли до главного двора между трехэтажными зданиями. Просветы между ними были укрыты навесом. На камне фонтанов остались минеральные натеки – там, где, когда фонтаны работали, текла вода.

Тереза все это знала по описаниям школы. Сочетание светлого дерева со стеклом могло быть очень интересным с архитектурной точки зрения, а ей представлялось просто неестественным. А вот улыбчивых ребят и серьезных наставников в кампусе не было. Ондатра, заскулив, прижалась к ноге хозяйки.

– Да, собачина, – обратился к ней Амос, – и у меня тоже шерсть дыбом.

В десяти метрах перед ними отворилась двойная дверь главного здания, из нее вышла женщина. Она держала руки по бокам, раскрытые ладони были пусты. Высокая женщина с длинными руками и ногами, с высокими скулами, темноглазая, с туго натянутой на лице кожей, она походила на деревянную статуэтку. Возраста Тереза бы не угадала, зато узнала форму лаконского десанта.

Джим тихо выругался.

– Я без оружия, – сказала женщина.

И манера говорить была Терезе знакома. Офицерский голос. Отрывистая речь и уверенность в повиновении. Дворец ее отца был полон такими голосами.

– Я вам не угрожаю. Не создавайте напряженности.

– Что вы здесь делаете? – громко, чтобы слышно было через двор, спросила Тереза. – Вы знаете, кто я?

Амос взял ее за плечо и ласково потянул назад. Джим смотрел круглыми глазами, в лице ни кровинки. Не будь это лицо так спокойно, она бы решила, что у него паническая атака.

– Да, я тебя знаю, – сказала женщина. – Ты Тереза Дуарте. Я – полковник Танака, лаконский десант. А вы, если не ошибаюсь, капитан Холден. Должна сказать, вы меня удивили. Была уверена, что вы передадите ее на другой корабль. Яйца, корзины… сами знаете.

Джим молчал. Окаменел. Ох, подумала Тереза, у него и вправду будет паническая атака.

– Я никому здесь не желаю зла, – продолжала Танака. – Мне нужна помощь этой девочки.

– Я здесь по собственному желанию, – отозвалась Тереза. – Если отец…

– В данный момент я куда лучше тебя осведомлена о состоянии твоего отца, – отрезала Танака.

Амос сунул руку в карман, будто бы лениво почесал бедро сквозь штанину, а смотрел вверх, на навес над двориком. Тереза расслышала слабый, далекий голос Алекса: «Что там у вас, верзила?»

– Если мы тут все друзья и просто поговорить сошлись, – громко и внятно произнес Амос, – что делают на крыше эти стрелки?

Тереза подняла глаза. Без уверенности, но вроде бы разглядела тени на полотне навеса. Сердце билось о ребра, словно выскочить хотело. Заскулила Ондатра, и девочка опустила ладонь на спину старой собаки.

– Он прав, – тверже, чем ожидала Тереза, выговорил Джим. – Это едва ли дружественный жест.

Женщина ни на секунду не сбилась.

– Вы правы. Желай я решить вопрос силой, он был бы уже решен. Но мне представляется, мы все здесь достаточно повидали перестрелок, чтобы понимать: когда начинается стрельба, остановиться вовремя уже очень трудно. А я, как и вы, не хотела бы, чтобы с девочкой что-то случилось.

– А где школьное начальство? – спросил Джим. – Директор должна была нас встречать.

– С ней ничего не случилось. Честно говоря, я надеялась застать Терезу уже здесь.

– Знай мы, что доставляем вам неудобство, поменяли бы график, – съязвил Джим. Он шутил, но голос звенел, как готовая лопнуть проволока.

– На вашем месте я самым первым делом позаботилась бы доставить ее в спокойное место. Вы не представляете, какое облегчение для меня – узнать, что я не зря тратила время.

– Уверены, что не зря? – спросил Джим.

– Я бы с этой не шутил, – тихонько подсказал Амос. В его голосе прорезался угрожающий звон, который Тереза слышала всего раз в жизни. «Закрой глаза, Кроха. Не надо тебе на это смотреть». Последние его слова, перед тем как его убили.

– Никому из нас нет нужды ссориться, – проговорила Танака и приблизилась на несколько шагов. Рук она не поднимала и даже пальцы растопырила, подчеркивая, что в них ничего нет. – Я не думаю вас арестовать, капитан Холден. Как и вашу команду. И ваш корабль. Вы свободны. Мои полномочия в настоящий момент весьма ограничены.

Тереза посмотрела на Джима и встретила его взгляд. Не отводя глаз, он выкрикнул:

– Откуда мне знать, что вы не откроете огонь, как только мы останемся без нее?!

У нее не было причин подозревать Джима в блефе. Тереза не сомневалась, что он отдаст ее Танаке, и сейчас облегчение осложнило ее страх. Они не хотели видеть, как она умрет. Теперь она их лучше понимала. Она тоже не хотела видеть, как погибают они.

– Я даю слово, – сказала Танака.

– Я бы предпочел более надежные гарантии.

– Не имею привычки нарушать слово. По-моему, этого достаточно.

Джим от Терезы снова обернулся к женщине. Амос принялся тихо немелодично мычать себе под нос. Тени на полотне навеса увеличились и больше походили на лаконскую силовую броню.

– Не уверен, что достаточно, однако я готов обсудить варианты. Позвольте нам вернуться на корабль. Как только мы войдем в люк, я выпущу девочку – одну.

Улыбка Танаки застыла.

– Позвольте внести встречное предложение. Как насчет исполнить мои требования, чтобы все остались живы?

Джим напрягся. Он от страха мог натворить глупостей, а Танака наращивала напряженность. Терезу обучали стратегии переговоров вплоть до переговоров о заложниках. Джим вот-вот все испортит. Придется ей перехватить управление.

– Мне немножко надоело, что меня считают багажом. Говорить обо мне надо не с ним, а со мной. Я решаю, на каком корабле отсюда улечу. А не он.

Ондатра, уловив напряжение, залаяла, припадая на передние лапы. Танака улыбнулась – холодно.

– Хорошо, – сказала она. – Прошу тебя лететь со мной. Взамен я не стану убивать твоих друзей.

– Ты не обязана, – тихо, только для нее проговорил Джим.

Он и сейчас, когда желание от нее избавиться привело его на эту планету, готов был за нее умереть. Ком под ложечкой сменился чем-то теплым, утешительным.

Хватит с нее и этого.

– Я лечу, – сказала Тереза, но ее никто не услышал.

Шум радиопомех, исходивший от деревьев-травинок, внезапно перешел в оглушительный рокот. Ей пришла мысль о землетрясении или грохочущем копытами стаде.

Горло Танаки вздрагивало – она вела с кем-то неслышные переговоры.

– Считаю до трех! – выкрикнула Танака. – Один…

Амос коротко выругался, встал перед Терезой и обнажил оружие.

Глава 12. Танака

Девчонка с вызовом, скрестив руки на груди, смотрела на нее: воплощенная уверенность в своем месте в порядке вещей. Мир без нее не обойдется. Танака и в других такое видела не раз. А потом видела удивление и обиду в глазах умирающих.

Сама она подобных иллюзий не питала.

Каждому умирать в свой срок, а вселенной на вас наплевать. Поэтому девчонка стояла перед ней, ничем не защищенная, кроме случайно доставшегося ей могущественного папаши, а на Танаке под верхней одеждой был противопулевой костюм из карбосиликатного кружева – такой только из ракетомета пробьешь.

– Мне немножко надоело, что меня считают багажом. Говорить обо мне надо не с ним, а со мной. Я решаю, на каком корабле отсюда улечу. А не он.

«Ах, малышка, – подумала про себя Танака, – знала бы ты».

У нее чесались руки: дочь Дуарте совсем рядом – и не схватить? Дюжина быстрых шагов – и в ее распоряжении девочка, беглый пленник и террорист, по всей видимости, выживший, несмотря на пулю в затылок. Но смерть девочки несла в себе много неприятных последствий, а риск был ненулевой. И, вместо того чтобы хватать, Танака улыбнулась и чуть шире развела руки, изображая полную безобидность. Может, Джеймс Холден на переходе от среднего возраста к старости и пообтесал себе углы, но все еще был опасен. А насчет стоявшей рядом с ним горы мышц, именуемой Амосом Бартоном, у нее в блокнотике накопилось немало вопросов. Танака не склонна была недооценивать ни того, ни другого. Собака залаяла, припадая и подскакивая на передних лапах. Не обученный бойцовый пес, а одряхлевший домашний любимчик. Из досье девочки Танака знала, что ее проще будет контролировать, если не трогать животное.

«Мы тут все друзья», – улыбнулась она. Хорошо бы это было правдой. На случай, если нет, за поясом у нее торчал крупнокалиберный пистолет, заряженный мощными разрывными.

– Аспид-один, – прозвучало у нее в ухе. – Проверка.

– Аспид-два на юго-восточном углу. Держу Холдена, – отозвался другой голос.

– Аспид-четыре на северо-восточном, держу Блуто[1], – сообщил третий.

– Третий, за мной юг.

Танака улыбнулась. Как бы ни обернулось, противник капитально влип.

– Хорошо, – продолжая тянуть время, обратилась она к Терезе. – Прошу тебя лететь со мной. Взамен я не стану убивать твоих друзей.

Девчонка колебалась. В угрозу себе она бы не поверила. До конца – не поверила бы. А в угрозу друзьям верит. Судя по досье, она страдает выраженным комплексом заброшенности. Такие вещи, если не дают тебе силу, делают слабым.

– Вы слышите? – спросил в микрофон Аспид-один. За его голосом пробивался фоновый шум.

Дальний рокот нарастал, высокие стебли в форме клинков пригибались под порывом ветра. Девчонка что-то сказала, но ее голос утонул в грохоте.

– «Ястреб», – позвала Танака, активировав микрофон в челюстной кости.

– Я Мугабо.

– «Росинант» на подходе.

Корабль Танаки капитан скрыл на дальней стороне планеты, подальше от глаз. Она об этом не жалела. Рано жалеть.

– Буду через двадцать.

---

[1] *Блуто* – персонаж мультфильмов и комиксов, большой мускулистый хулиган. – *Здесь и далее прим. пер.*

Взгляд Танаки метнулся, оценивая потенциальное поле боя. Двадцать она вряд ли продержится.

– Обо мне забыть, – обратилась она к Мугабо. – Держите «Росинант». Он с девчонкой на борту не должен покинуть планету.

– Вы… разрешаете применить силу? Даже с девочкой на борту?

Танака не ответила. Ей надо было накрыть цель до подхода «Росинанта». Если начнется бой, она рискует потерять девочку. А когда ее команда займется взрослыми и над головой зависнет «Ястреб», без боя не обойдется.

Не было ни времени, ни вариантов. По телу растекалось что-то похожее на наслаждение. Пора уже кому-то решать.

– Считаю до трех! – выкрикнула Танака, подкрепляя слова жестом «Иди сюда». – Один…

Бартон отбросил девчонку себе за спину и обнажил оружие. Показался «Росинант» – он шел, почти касаясь кончиков растений, мощные посадочные двигатели на брюхе вминали в землю все, над чем он проходил. Танака невольно восхитилась дерзостью маневра. Она тут из кожи лезет, чтобы не подвергать ребенка опасности, а команда «Росинанта» готова придавить ее кораблем, лишь бы не отдавать.

– Аспид, держать девочку! – выкрикнула она сквозь оглушительный шум, плавным отработанным движением выхватывая из-за пояса пистолет.

Бартон увидел и, все еще подталкивая девочку по направлению к кораблю, перевел прицел на нее. Танака нырнула за невысокую коробку клумбы, так что его пуля только взметнула землю.

– Стреляют, – проговорил кто-то из ее группы.

– Пятимиллиметровые без оболочки. Неопасно, – ответил кто-то равнодушно и бесстрастно, как будто заказывал себе завтрак.

– Стреляют в меня! – выкрикнула Танака. – Берите девчонку!

– Открыть огонь? – спросил старший группы, Аспид-один.

– Нет, не стрелять. Тех двоих, если придется, порвете голыми руками, но в сторону девочки не стрелять! – прокричала Танака и выглянула из-за бортика.

Холден, Бартон и девчонка были уже в тридцати метрах от нее и продолжали отступать. «Росинант» завис в двухстах пятидесяти метрах дальше, держался на посадочных дюзах. Чтобы принять своих на борт, ему придется сесть, но рисковать пилот не желал.

Отливающая металлической синевой фигура упала между Танакой и Холденом и стремительно – расплывшись от скорости – рванула за беглецами. Еще трое, спрыгнув с навеса, окружили Холдена с девочкой. Бартон прицелился в одного и стал стрелять.

– Меня обстреляли, – доложил Аспид-два.

Ее группа переключилась на третьего – огня не открывали, но двигались быстро. Агрессивно. Устаревшее личное оружие марсианского флота у Амоса с Холденом не пробивает современной силовой брони лаконских войск. Они растратят все патроны, а ее люди просто подойдут и сломают им шеи. Быстро и чисто, и девочке ничего не грозит, если только ее не зацепит Бартон. Но старый механик стрелял осторожно и методично. Все пули попадали в людей Танаки, а девочку он держал за спиной.

Аспид-три был ближе всех, всего в нескольких метрах от Холдена, когда мир взорвался. Слепящая вспышка и контузия, как от попадания в грудь. Танака снова укрылась за клумбой, соображая, кто из ее людей ослушался приказа и открыл огонь. Нет, лаконские скафандры стреляли не так громко. Так громко ничто не стреляет.

Короткий взгляд из-за бортика показал ей, что ее команда погибла. Не просто погибла – всех четверых буквально разорвало. Она видела останки Аспида-два – неузнаваемые лохмотья мяса и техники, размазанные на несколько метров. Выдвинутые стволы орудий точечной обороны «Росинанта» уже нащупывали новые цели.

ОТО в атмосфере, когда между кораблем и целью свои люди! Будь у нее время задуматься, она была бы потрясена такой наглостью.

Вскочив, Танака в поисках укрытия бросилась к школьному зданию. Ей представлялось, как в спину вонзается выброшенный беспощадной машиной снаряд. Выстрела, который ее убьет, она не услышит. Против ОТО военного корабля ее бронированные подштанники – что шелковая пижама.

Она добралась до стены. Отсюда зависший в воздухе «Росинант» был не виден. Она не думала, что пилот Джеймса Холдена решится бить по ней сквозь школу, но на всякий случай переместилась за соседнее здание. Когда летят пули, люди в панике вытворяют такое, что в другой обстановке им бы и в голову не пришло. Лучше не рисковать.

Рев корабельных дюз возвысился до визга и стал затихать. Корабль сел. Разнесли ее группу, ее саму обратили в бегство и решили, что плацдарм очищен.

Ни хрена не очищен, мудачье!

Танака рывком перебросила себя из-за постройки в заросли туземной травы. Она бежала параллельно курсу Холдена и его людей в направлении корабля, держась на таком расстоянии, чтобы они, если повезет, не услышали. Если кто-то не оглох после залпа ОТО в атмосфере. Даже если уловят что-то шестым чувством, дважды подумают, опасаясь убить непричастного. Может быть. Шайка бездумных сорвиголов. Ей будет приятно их устранить.

Пробежав тридцать метров, она замедлила темп и свернула в сторону бегущей троицы. До них был еще десяток метров, когда за стеблями мелькнула темная марсианская броня Холдена. Он двигался к кораблю, в ее сторону не смотрел. Сквозь звон в ушах пробился собачий лай – значит, и девчонка там.

Танака поправила курс и прибавила шагу, не показываясь на глаза, но двигаясь наперерез. Туземная трава была покрыта цеплявшими за одежду миниатюрными крючками. Один стебель она задела тыльной стороной ладони, и на этом месте остался болезненный ожог. Она игнорировала боль. Она чуяла кровь, добыча была совсем рядом.

Решив, что достаточно обогнала их, она выдвинулась на край зарослей и стала ждать. Корабль теперь молчал. Трава кругом гудела белым шумом. Поодаль на дорожке лаяла собака. Танака расслышала голос Холдена: «Скорей, к ним идет подкрепление».

До них десять метров, приближаются. Они бежали рысцой, но она была на шаг впереди. Последний шаг…

Танака поднялась из травы, навела пистолет на Холдена. В другое время и в другом месте его ошарашенное лицо показалось бы смешным. Девочка предостерегающе вскрикнула и ухватила за ошейник заходящуюся лаем собаку.

– Я не дам вам уйти с девочкой.

Оружие было у Холдена в руке, но он его не поднимал. Переступил ногами, будто собирался бежать, но Танака, покачав головой, навела пистолет ему в лицо.

– Если я забрызгаю девочку вами, она ударится в панику. А если она побежит, все обернется совсем непредсказуемо. Никто из нас этого бы не хотел.

Холден, кивнув, уронил пистолет и взглянул Танаке за плечо.

– Погодите, – заговорила та. – Где… – Здесь, – ответил низкий голос сзади.

Дерьмо. Она на шаг промахнулась.

Она уже разворачивалась, переводя прицел, пока не прозвучало второе слово. Что-то с силой ударило ее в висок, опрокинув на землю. Из зарослей выступил Амос Бартон. Руки сжаты в кулаки.

– Привет, – сказал он, подступая к ней.

Удар был мощный, сотрясение челюсти отдалось во внутреннем ухе. Мир пошел колесом. Танака, откатившись, нащупала на земле свой пистолет. Начала его поднимать, но тут ботинок Амоса соприкоснулся с ее локтем, и пистолет улетел в траву.

– Ты что делаешь? – спросил Холден.

«Получаю причитающуюся мне трепку», – подумала Танака, в помрачении сознания удивляясь, с чего бы ему с ней разговаривать.

– По-моему, с ней не худо бы потолковать, – ответил Бартон. – Возьмем с собой.

Танака сказала «нет» и попробовала встать, но тут же обмякла: «Смотрите, как мне плохо». Она только наполовину играла роль.

– Скорей, – поторопил Холден, увлекая девочку мимо нее.

Бартон наклонился, ухватил Танаку за плечо и вздернул на ноги. Очень силен – это хорошо. Значит, слишком самоуверен. Танака позволила себя поднять, покрепче уперлась ногами в землю и ребром ладони ударила его под подбородок. Голова у него мотнулась, но хватка на ее левом бицепсе не ослабла.

Подняв вторую руку, он заехал ей тяжелым кулаком в лицо. Увернуться она не могла, но резко отвела голову вправо и шлепком отбила удар влево. Щеку все-таки зацепило вскользь, и этого хватило, чтобы онемела половина лица.

В движении он приблизился к ней, и Танака, всем телом откинувшись назад, используя свой вес в дополнение к инерции удара, опрокинула Бартона на себя.

Он, инстинктивно выбросив руку, выпустил ее. Упали оба. Он рухнул сверху, как подрубленное дерево, выбил весь воздух из легких. Но к этому она была готова – и выставила локоть, на который Бартон напоролся в падении. Он крякнул, как подбитая утка, и откатился, схватившись за горло. Танака вскочила, поискала взглядом девочку. Мир вокруг нее вращался. Она стиснула зубы, заставляя себя не замечать вращения.

Девчонка, обняв собаку, буквой О разинув рот, из-за спины Холдена таращилась на побоище. Холден шарил у себя под ногами – искал брошенный пистолет.

Свой Танака увидела недалеко, в траве. Рвануться к нему ради неприцельного выстрела в Холдена значило рисковать девчонкой: та стояла слишком близко.

Поэтому Танака подняла руку.

– Постой, Холден.

– Его в это дело не вмешивай, – сказал сзади Бартон. – Мы еще не кончили.

Развернувшись на носке, она хлестнула по тому месту, откуда раздался голос. Великан механик небрежно отмахнулся. Он был как огурчик после удара, который убил бы почти любого. И с глазами у него было что-то неладно. Сплошь черные. Кажется, она что-то слыхала про такие глаза. Вспомнить бы, о ком шла речь.

– Я читала твое досье, – заговорила Танака, снова оборачиваясь к Холдену и девочке. Ей нельзя было терять время на бокс с этим странным черноглазым типом. Тем более что ему как будто нипочем самый смертоносный ее удар.

– Да-а? – протянул механик, приближаясь.

– Там сказано, что мы тебя убили. В другой ситуации я бы не пожалела времени разобраться.

Девчонка была так близко. Если бы только восстановить равновесие – два шага, сграбастать и бежать, пока остальные не опомнились. Танака поспорила бы на что угодно: когда детка окажется у нее в руках, стрелять они не станут.

– Время у тебя будет, – ответил ей Бартон.

Танака обернулась к девочке и замерла. Холден стоял перед ней с пистолетом в руке. Глаза, только что испуганные, стали пустыми, бесстрастными, холодными. Плохо дело.

– Нет, – сказал он. – Не будет.

Танака не успела даже начать движения – пистолет Холдена выстрелил трижды. Три пули молотом ударили в солнечное сплетение. Все в центр массы. Насмерть. А она до сего момента сомневалась, способен ли он на такое.

Танаку шатнуло на два шага к краю дорожки, и там она упала ничком. Три пули, вбившие ей в грудь пуленепробиваемое нановолокно, глубоко промяли ткани тела. Она пересилила боль, замерла, задержала дыхание.

– Черт, кэп, – говорил над ней Бартон. – По-моему, ее надо было оставить.

– Мы спешим. Надо выбираться. Сейчас же, – ответил Холден. Голос звучал сердито. На основании его досье Танака поручилась бы, что сердит он не на механика. Злится, что его вынудили кого-то расстрелять. Какого бы дерьма он ни нахлебался, по оценке психологов допросной группы Холден так и не освоился с насилием.

«Только не проверяйте мой труп», – мысленно внушала им Танака.

– Уходим, пока новые не подоспели, – сказал Холден, и все трое пошли прочь.

Танака, старательно избегая лишних движений, потянулась к своему оружию. Когда правая ладонь накрыла пистолет, она рискнула повернуть голову – посмотреть, где они. Холден с Бартоном шли рядом, девчонка между ними. Примерно в сорока метрах. Не так уж далеко для выстрела. Для нее недалеко. На обоих была легкая марсианская броня. Разрывные ее пробьют. Осколком могло зацепить девочку, но вряд ли насмерть.

И хрен с ним. Сучке не помешает хорошая трепка.

Танака перекатилась и села. Она целила в спину Бартону. Из них двоих он опасней. Его надо снять первым. Она навела прицел между широких лопаток, глубоко вдохнула, наполовину выдохнула и потянула спуск.

Пуля ударила ему в спину и вынесла грудь, словно кто-то подменил ему сердце ручной гранатой. Танака перевела прицел на Холдена – тот уже разворачивался, подняв пистолет. Великан сделал еще пару шагов и завалился. Она прицелилась Холдену в грудь, но дернула головой, когда что-то ударило в стебель над ее затылком. Звук выстрела долетел долей секунды позже.

«Догадался о броне, – подумала Танака. – Метит в голову».

Она отодвинулась, намереваясь укрыться в траве и одновременно прицеливаясь для следующего выстрела. Холден, стоя на месте, медленно разворачивался всем корпусом. Теперь – кто первый. Она навела ему в голову, приготовилась нажать на спуск, и конец. Кто-то обрушил ей на щеку кузнечный молот. Другая половина рта вылетела наружу. Боль не успела еще дойти до сознания, когда все кончилось.

Интерлюдия. Спящая

Спящая видит сон, и сновидение уносит ее глубже, ближе к огромности. По всей ее ширине, по всему ее течению вспыхивают искорки, и искорки становятся мыслями там, где прежде мыслей не было. Остается великая медлительность, мягкая и просторная, как ледяной холод и всеобъемлющее море. И медлительность (плывущая так лениво) ерошится и переерошивает себя. Липкость и скользкость, яркость и тьма, движение и движение, потому что в искрящемся субстрате нет истинной неподвижности, и искры становятся разумом. Спящая видит сон, и с ней его видят другие – не просто некто рядом, не просто пузырьки соли, но созданный ими танец. Ей снится танец, и танцу в ответ снится она. Привет-привет-привет.

Когда-то, уже так далеко, что только первые мысли годятся, чтобы об этом думать, оно было таким: шарик посреди «внизу» и раковинка на границе «вверху», а между ними медлительные танцоры и внезапный танец. Смотри-смотри-смотри, шепчут бабушки. Их голоса превращаются в хор, и хор говорит о чем-то еще. Танец желает и проталкивается к краю всего, к кожуре вселенной. Спящая видит во сне танец, и танец видит сон, и его сны становятся вещами, и вещи меняют сны. Желание и страсть желать ломятся дальше и создают новые вещи, чтобы с ними танцевать. Мозг отращивает провода, чтобы придать себе форму, мысли перетекают из субстрата в субстрат, и великое любопытство вращается, создает, вращается и учится. Оно протискивается в жар на дне всего. Оно протискивается в холод наверху и раскалывает свод небес. Холод, твердый верх уступают танцу, и свет, который есть они, встречается со светом, который не они.

Происходит новое. Свет извне. Светлопоющий голос Бога зовет, и зовет, и зовет…

Пинок сзади пробивает насквозь, несет в себе кровь, кость, дыхание. Спящая делает шаг и еще шаг и падает с криком, а бабушки говорят: нет-нет, не надо сюда-сюда, смотри, что будет дальше. Смерть затопляет ее, пустая как темнота и более того, и спящая забывает, хватаясь за брата, который всегда рядом, кроме только когда его нет, когда не здесь, кроме не здесь, а другой здесь щербатым погребальным голосом зовет: «Ничего, это не ты, я тебя удержу».

Она всплывает, обгоняя пузыри. Тепло внизу и позади, в трещинах холода открываются звезды, и с криком она кидается вверх и наружу, из сна, в свое и только свое тело и в смятение рвоты, слез, глубокого обморока, недоступного сновидениям.

Что, черт возьми, это было?

Глава 13. Джим

Амос обмяк, закрыл темные глаза. Челюсть отвисла, губы побелели. В дыру на спине можно было просунуть большой палец. В ту, что на груди, вошло бы два кулака. На фоне его черной плоти бледные кости позвоночника походили на разорванного пополам червяка.

– Надо идти, – сказала откуда-то издалека Тереза. И потянула его за рукав. – Джим, надо идти!

Он повернулся к ней, к сморщенному в нетерпении лицу со свисающими на уши волосами. Рядом беспокойно приплясывала и скулила Ондатра. А может, это он скулил? Он хотел сказать: «Хорошо», – но подступила рвота, он только и успел отвернуться.

«Надо идти, – подумал он. – Давай, соберись!» Он шагнул к Амосу, подсунул руки под колени и под широкие плечи. На Земле Джим бы его не поднял. В трех четвертых g Абаддии было тяжело, но терпимо. Мужчина, девочка, собака и труп бежали к «Росинанту». Джим хотел рявкнуть: «Скорей!» – но то, что перехватило горло, когда он увидел порванного пулей Амоса, не давало. Он не оглядывался. Поле зрения сужалось, словно он бежал по медленно сжимающемуся тоннелю. Надо добраться до корабля. Холодая сырость промочила одежду на животе и на бедрах. Ее заливала черная кровь Амоса.

Перед ними открылся люк. Алекс одной рукой сжимал винтовку, другой махал им. Собака добежала первой, с непривычки к гравитации проскочила мимо корпуса. Тереза ухватила ее поперек живота и так полезла по трапу. Джима тянул вниз вес Амоса, но на последних шагах Алекс помог ему. Джим упал на колени, опустил труп на палубу. От тряски на бегу веки приоткрылись, глаза смотрели в никуда. Джим их закрыл.

– Ч-черт, – выдавил Алекс. – Что за черт?

– Стартуй немедленно.

– Хорошо, – кивнул Алекс. – Уложим вас по местам и…

Джим мотнул головой и вышел на связь с Наоми:

– Мы на борту. Поднимай «Роси».

– Вы по местам?

– Нет, так что постарайся не слишком трясти, но отсюда уводи.

Она не спорила. От рева маневровых у него клацнули зубы. Взяв Терезу за плечо, он притянул девочку и крикнул ей в ухо:

– Сунь собаку в амортизатор и сама пристегнись. Не знаю, что будет.

Она ответила невозмутимым взглядом – он его не понял. Она обижена, напугана, пережила шок. Она еще ребенок. Как она выдержала то, что было? Как он это выдержал?

– Он не закреплен, – сказала она.

– Ему все равно. Ступай.

Палуба покачнулась, медленно накренилась: корабль из положения брюхом вниз переходил в стойку на дюзах. Заскулила Ондатра. Тереза взяла ее за ошейник и увела.

Шевельнулось и покатилось тело Амоса. Увидев ужас в глазах Алекса, Джим вдруг взбесился. Отчаяние старого друга – это уже слишком. Нет у него сил утешать Алекса. Его и так трясло, и он не знал – от вибрации корабля в атмосфере, или ему изменило собственное тело. Могло быть и то и другое.

– Нам в рубку, – прокричал Джим.

Алекс сделал шаг к израсходованному праху, что был прежде Амосом, но спохватился, и они вдвоем, шатаясь, добрели до центрального лифта. Палуба под ними содрогалась и дергалась, они перебирались от захвата к захвату. От перегрузки ускорения вместе с притяжением планеты ныли колени и позвоночник. В глазах потемнело. Он очнулся на краю беспамятства –

не мог вспомнить, с Нового Египта они бегут или с Лаконии. В лифте он, чтобы не вырубиться, сразу сел. На подъеме память стала собираться из осколков.

Алекс присел на корточки рядом.

– Ты как?

– Нас ждали. Знали, что мы появимся.

– Жаль, – сказал Алекс, – что меня там не было.

– Она стреляла Амосу в спину. В спину, мы убегали.

Алекс молчал, потому что сказать было нечего. Джим опустил взгляд на свой скафандр, залитый черным от пупа до коленей. И руки были в черных пятнах, но пахли они все-таки кровью.

Лифт проходил палубу за палубой. К рубке Джим то ли собрался, то ли совсем рассыпался. Трудно было отличить одно от другого.

В верхних слоях атмосферы болтанка сошла на нет. За бортом выли ветры, но такие невесомые, что поток воздуха на скорости пятьсот километров в час ощущался кораблем как легчайший ветерок. Палуба под ногами выровнялась. Наоми сидела в амортизаторе, открыв на экране программу пилотирования. Она оглянулась на упавшего в соседнее кресло Джима. Видно было, что разглядела кровь и поняла чья.

– Амос? – спросила она.

Он покачал головой – не в смысле «нет». В смысле «не сейчас». И видел, что она поняла.

Алекс поднялся в кабину. Винтовка так и болталась у него на плече.

– Беру джойстики, – почти сразу крикнул он.

– Поняла, – отозвалась Наоми. – Беру управление огнем.

Экран перед ней переключился на датчики корабельных орудий: ОТО, торпед, килевой рельсовой пушки. Джим вывел тактическую схему. Одну сторону экрана заполнила подробная карта Абассии, другую – схема пространства системы Новый Египет. Красные стрелочки отмечали что-то встревожившее корабельную систему распознавания угроз. С камнем в груди он выбрал отмеченный участок и запустил программу распознавания.

– У нас компания! – крикнул сверху Алекс.

– Вижу, – отозвался Джим.

Наоми отрывисто и деловито, как всегда перед лицом кризиса, поинтересовалась:

– «Буря»?

Джим просмотрел данные аналитики. Теперь, когда единственный корабль класса «Магнетар» был прикован к Лаконии, защищая родную планету, основную силу империи составляли истребители класса «Буря». С таким, даже с одним, «Роси» не справиться. Но нет, этот был меньше, с широким коренастым силуэтом, а дюзовый конус предполагал высокие скоростные качества.

– Нет, – ответил он. – Меньше. Не знаю, может, разведчик.

– Ну, идет он к нам, – заметил Алекс. – И, похоже, зол как черт.

– Нельзя ли укрыться от него за планетой?

– На низкой и быстрой орбите, может, и сумею – ненадолго. А по большому счету нет.

– Давай хоть ненадолго.

Наоми молчала, но прогоняла проверку статуса ОТО. Если дойдет до перестрелки, она будет наготове – насколько то возможно для одиночного корабля. Джима так и тянуло повернуться спиной к солнцу и гнать с максимально допустимой перегрузкой к кольцу и за кольцо.

Не прошло бы. Лаконцы строили корабли быстрее «Роси». А если им нужна Тереза, проще всего продырявить «Росинанту» двигательный отсек, заставить отключить двигатель, чтобы потом неспешно выслать абордажную команду. Бежать, поджав хвост, означало бы просто подставить им корму. Альтернатива – помешать им целиться.

Он закрыл глаза. На ум приходил только один вариант, и очень неприятный.

Он крутил, перебирал мысли в голове в поисках лучшего выхода.

– Эй, Джим, – позвал Алекс, – твое «ненадолго» кончается. Как играем?

На хрен, решил он.

– Нацелься на них носом. Держись так, чтобы снаряд до дюз должен был прошить все палубы.

Наоми с Алексом помолчали немного, после чего Алекс сообщил:

– Выполняю.

Отдаленный гул двигателя совсем не походил на недавний рев. И амортизаторы повернулись под ним почти ласково.

Наоми перешла к проверке рельсовой пушки.

– Забавно. Ты когда-то говорил, что тебе неприятно прикрываться людьми как живым щитом.

– Было неприятно. Теперь бесит.

Она кивнула, и тут пришел запрос связи по направленному лучу. На экране возникло мужское лицо: широкое, щекастое, темное, с пышными ухоженными усиками. На лаконской форме были капитанские знаки различия. Он кивнул в камеру, как кивают соседу по столу в войсковой столовой.

– Капитан Холден. Я – капитан «Ястреба» Ноэль Мугабо. Прошу вас вернуться на планету. Я не желаю зла вам и вашему экипажу.

– Ваши люди только что всадили пулю в моего механика, – сказал Джим.

Наоми напряглась всем телом.

– А вы убили четверых лаконских десантников, – возразил капитан. – Я пытаюсь снизить напряженность для обеих сторон. Мне приказано вас отсюда не выпускать. Мы нуждаемся в содействии Терезы Дуарте, и потому она должна улететь с нами. Мы не сделаем ей ничего плохого и не станем вас удерживать.

– Я вам не верю.

– Ваши сомнения ничего для нас не меняют.

Джим отметил, что он сказал: «Для нас». Выстраивает отношения. Так труднее будет нажать на спуск, но ему это нипочем. В лаконском плену он наслушался таких разговоров.

– Прошу вас вернуться на планету, а мы постараемся в дальнейшем избежать применения силы.

Система амортизатора высветила медицинскую тревогу низкого уровня. Ее волновало давление и частота пульса. Некритичные, но и небезопасные. Джим отключил оповещение.

– Нет, – сказал он. – Думаю, мы оба понимаем, что это не пройдет.

Алекс из рубки крикнул:

– Они приближаются. Уйти с орбиты?

Джим, отключив микрофон, ответил:

– Пока нет.

– Вы можете предложить альтернативу? – спросил капитан Мугабо. – Я готов обсудить.

– Я предлагаю вам сесть на планету, доказав тем, что вы нам не угрожаете. После чего мы уйдем. С девочкой.

– Вы позволите мне минуту на консультацию с вышестоящими?

Джим кивнул, и взгляд Мугабо ушел вниз – видимо, он отправлял текстовое сообщение. Джим приблизил окно с тактической схемой. Два корабля носились вокруг планеты по низкой орбите и при этом целились друг в друга, как пара гангстеров в дешевой видеодраме. Каким вооружением располагает «Ястреб», Джим не знал, но не сомневался, что все стволы сейчас наведены на него.

Еще одно окно. Управление огнем: рельсовая заряжена и готова к бою, держит лаконцев в пассивном прицеле, чтобы те не сочли это за эскалацию. Он покосился на Наоми. Она одними губами выговорила: «Если тебе понадобится». Джим кивнул.

– Хорошо, – сказал Мугабо. – Я принимаю ваши условия.

– Что?

– Мы оба дорожим жизнью девочки. Если ради нее придется отложить переговоры до другого раза, пусть будет так. Вы свободны.

Джим сделал два глубоких вдоха.

– Вы не приступили к спуску с орбиты.

– А вы этого ждали?

– Я вам не верю, – сказал Джим. – Думаю, стоит мне включить двигатель и чуть-чуть развернуться, вы влепите мне в дюзы ядро. Думаю, до сих пор вы этого не сделали только потому, что пришлось бы прострелить насквозь весь корабль, а это слишком опасно для Терезы Дуарте.

– Уверяю вас, это не так, – возразил Мугадо.

– Тогда уходите первыми. Если вы нас отпускаете, идите на посадку. Увидев вас на грунте, я поверю.

– Да, – сказал Мугабо. – Конечно. Я вполне понимаю вашу позицию.

– Вы тянете время.

– Я понимаю, чем вызваны ваши чувства, капитан Холден. Прошу вас поверить, что мы не желаем зла вам и вашему экипажу и мое предложение искренне.

Тактический экран осветился одновременно с предупреждением Наоми:

– Быстродвижущиеся. Они пустили торпеду.

Радар проследил дугу двух удаляющихся от «Ястреба» торпед. Мугабо тянул время, пока его люди рассчитывали курс торпед вокруг «Роси» для захода сзади. Чтобы снести двигатель, не задев другие части корабля.

Джим тронул управление огнем, и «Росинант» на долю секунды ушел из-под него – плюнул во врага двухкилограммовой вольфрамовой болванкой, не компенсировав отдачу работой основного двигателя. Мугабо исчез, лучевая связь оборвалась. По кораблю прокатилась басовитая трель ОТО. Одна из торпед погасла.

– Навожу для второго выстрела, – предупредил Алекс.

Рельсовая доложила о готовности. На экране погасла вторая торпеда. «Роси» вскрикнул, предупреждая о прицеле двух новых.

– Будет еще залп, – сказал Джим.

– Я настроила реактор на сброс сердечника, если «Роси» решит, что удача нам изменила, – отозвалась Наоми.

– Алекс?

Рельсовая снова поймала «Ястреб» в прицел и выстрелила без его команды.

– По-моему, ты их достала, – сказал Алекс.

Джим подключил наружные телескопы. «Ястреб» висел на прежнем месте, приближался к ним по той же орбите. Но теперь с одного бока из него вырывалось облако воды и газа. Крик предупредительного сигнала замер: торпеды «Ястреба» так и не полетели.

– Могли прикинуться мертвыми, – сказала Наоми.

– Алекс, держи прицел рельсовой.

– Исполняю.

Они ощутили слабый намек на «верх» и «низ» – это Алекс корректировал орбиту, чтобы держать «Ястреб» в поле зрения. Новых предупреждений о прицельных лучах не поступало. Ни один активный радар не тронул их обшивку. Джим снова подключил связь, попробовал нащупать их лучом, сам не зная, что скажет, если Мугабо отзовется. Тот не отозвался. Лакон-

ский корабль продолжал движение по своей низкой и быстрой орбите. Если он не залечит ран, то в ближайшие недели притяжение планеты превратит его в горящий метеор. Если они не прикидываются покойниками в расчете, что Джим, торжествуя победу, развернет корабль и получит ядро рельсовой в двигатель.

– Алекс, – сказал он. – Переходи снова на маневровые. Если они не двинутся следом… Разворачивайся и уходи с орбиты.

– Принято, – отозвался Алекс, и «Роси» под Джимом шевельнулся.

Они двигались мягко. Медленно. В ожидании тревожного сигнала, который означал бы, что «Ястреб» только притворяется убитым.

Сигнал так и не прозвучал.

– И что дальше? – спросил Алекс.

– Дальше рассчитываем кратчайший путь к кольцу и уходим отсюда.

– Есть идеи куда? – осведомился Алекс. – В полетном плане у меня Фирдо, но…

– На Фригольд, – спокойно и уверенно произнесла Наоми. – Нам и раньше требовалась дозаправка, а маневровые выжгли немало реактивной массы. И защита своих не помешает, пока мы вычислим, как вляпались в такое дерьмо.

– Да, – угрюмо проговорил Алекс. – Этакая «доброта к незнакомцам» добра не сулит.

Джим услышал, как отстегнулась Наоми, и почувствовал ее рядом с собой. Она погладила его по голове, а он поймал ее руку и нежно поцеловал пальцы.

– Совсем нехорошо вышло, – сказала она.

– Да уж.

Она еще помолчала, прежде чем спросить:

– Что с Амосом?

Джим покачал головой. «Мы его потеряли» не шло у него с языка. «Я его потерял».

– Да уж, – сказал Амос, – со мной совсем хреново получилось.

Он появился из лифта в том же летном комбинезоне – продранном и мокром, будто чернил плеснули. Выходное отверстие на груди затянулось бледной кожей вокруг плоского оникового кружка. И улыбался Амос едва ли не робко.

Наоми смотрела на него пустыми глазами.

– Эй, кэп, мы Кроху-то вытащили, а?

Джим не сразу осознал, что это не сон, а потом все же ответил:

– Да, вытащили.

– А псину?

– И ее тоже.

Амос шагнул в рубку и, опускаясь на свободный амортизатор, крякнул, будто у него ныли кости.

– Хорошо. Кроха ее здорово любит. В шлюзе адски грязно. Я приберусь, только мне бы сперва пожрать. Здорово проголодался.

Алекс на звук его голоса выглянул из кабины. Он был бледен.

– Амос?

– Привет. – Механик помахал ему. – Похоже, меня там внизу подстрелили? Я не все запомнил.

Джим хотел радоваться – и радовался. Но к этому примешалось что-то еще. Ощущение какой-то неправильности, когда получаешь удар за ударом, а после еще происходит что-то насилующее врожденное представление об устройстве вселенной. О пределах возможного.

– Тебя убили, – сказал он. – Выстрел в спину вынес большую часть грудной клетки. Я видел твой позвоночник. Перебит надвое.

Амос замер по своей новой, выводящей из равновесия привычке, а потом хмуро кивнул.

– А, вот оно как. Это я вроде бы помню.

Джим рассмеялся – с недоверием. И, может быть, с облегчением. И еще с чем-то, чему не знал названия.

– Тебя теперь хоть чем-нибудь убить можно?

– Заморить голодом – запросто, – подтвердил Амос.

– Черт, – выдохнул Алекс. – Господи боже!

Наоми все молчала. Амос потрогал черный кружок раны, изучая то, что уже не было кожей. То, чем воскресший труп Амоса заменил поврежденную плоть. Джим задумался, как это выглядит изнутри. Ему впервые пришло в голову, что внесенные лаконскими дронами изменения не прекратились, когда его старый друг покинул планету. Амос становился чем-то иным. И процесс продолжался. Что-то в этой мысли заставило его похолодеть.

Амос насупился, словно прочитал его мысли.

– Я не знаю, как это получается. Но лучше бы часто не повторять.

Глава 14. Элви

Элви недоставало гравитации. Ей бы хотелось, сидя у ложа Кары, прочувствовать давящую книзу тяжесть изнеможения. И как растягивается вся шея, когда свесишь голову на грудь. И вес своих рук и ног. Умом она понимала, что дошла до грани обморока, но в невесомости не ощущала знакомых подсказок тела. Разве что дрожь крупных мышц осталась, но в отдельности от других признаков она ощущалась как страх.

Кару, чтобы не уплыла, привязали широкими белыми лентами. Глаза ее были закрыты, расслабленные губы приоткрылись. Они стали белыми, бескровными, будто вырезанными из воска, и за ними виднелись краешки белых зубов и темно-лиловый язык. Дышала девочка глубоко и ровно, медленно. Организмы Кары и Ксана даже после переделки ремонтными дронами поддавались действию седативных. Правда, разлагали их быстрее обычного, но это даже к лучшему. Уж слишком щедро приходилось их применять.

Автодок настроили в соответствии с основными параметрами, выведенными Кортасаром в ходе многолетних наблюдений. На экране едва помещались текущие результаты анализов крови и записи нейронной активности – система пыталась сопоставить эту Кару с прежней, искала способ свести воедино два набора данных.

Стандартная медицинская кровать сошла бы с ума, а эта показывала, что Кара понемногу возвращается к своему обычному диапазону функций. Элви же только наблюдала, потягивала из груши чай и дрожала.

Случилось это посреди очередного погружения, когда они просеивали галлюцинации и нечеловеческие воспоминания в поисках фрагментов головоломки: как создавались врата, и есть ли способ сделать их безопасными. Элви была почти уверена, что они подошли к стадии, когда чужие стали осознавать большой мир за пределами своей ледяной раковины. Она ждала, что на этом этапе для Кары откроется дверь к столь необходимым практическим решениям. И тут Кара завопила, будто ее подстрелили – а если не ее, то кого-то близкого. Все мониторы показали пиковую активность, мозговая деятельность полыхнула бутылкой с зажигательной смесью.

Началось паническое отступление. Харшаан Ли перекрикивал орущую, захлебывающуюся рвотой Кару, отсчитывая этапы выхода из эксперимента. К моменту выхода Кара потеряла сознание. И до сих пор не очнулась.

Губы девочки шевельнулись, она сглотнула. Под закрытыми веками задвигались глазные яблоки, потом веки открылись. Черные, сплошь черные глаза Кары нашли Элви, и девочка с трудом улыбнулась.

– Привет, док.

– С возвращением, – ответила Элви. – Как самочувствие?

Кара замялась, но это не была та жуткая нечеловеческая неподвижность. Она просто искала ответ на трудный вопрос.

– Будто меня выжали. Никогда не напивалась пьяной, но, может, это похмелье? Похоже на похмелье.

– Как его в книгах описывают? – Элви взяла девочку за руку. Горячая, как в жару.

– В этом роде.

– Ты запомнила, что случилось? Что пошло не так?

– По-моему, это не бабушки, – сказала Кара. – Для них все было как всегда. Может, глубже, но так же. Это… кто-то из других.

– Вот как? Расскажи.

Кара насупилась и покачала головой, как всегда делала в поисках самого точного слова.

– Я там – не только я. То есть я – это я, но не просто Кара. Меня там… больше?

– Еще чужие?

– Нет, за чужими я как бы наблюдаю. И себя ими чувствую, но это как если смотришь видео. Что-то записанное раньше. А те другие, они как будто я – все те, кто смотрит передачу.

– Вроде вашей связи с Ксаном?

– Да, только больше. Их там больше. И, по-моему, что-то случилось. Что-то плохое. Не знаю, может, они умерли. А потом другое «другое я» постаралось меня успокоить. – Кара распахнула глаза, больно стиснула руку Элви. – Ксан! Он как?

– Отлично, – не поморщившись, ответила Элви. – Волнуется за тебя, и только. Он, когда это произошло, был в изолированной камере, так что на него это никак не повлияло.

Кара расслабилась.

– Да, да. Понятно, это хорошо. – Она вздохнула, собираясь с мыслями. – Я видела, как они в первый раз увидели звезды.

– Ты с отчетом погоди. Сначала наберись сил.

– Давайте немножко поговорим. Пожалуйста. Пока в голове все еще свежее.

Элви обрадовалась и тут же устыдилась своей радости.

– Только недолго. А потом будешь отдыхать.

Кара ушла в себя, обращаясь к воспоминаниям тех, других. С восторгом… или нет, не так. Не с восторгом, а с облегчением. Будто ей на ожог лили холодную воду.

– Они менялись. Те морские моллюски, или медузы, или кто они там… Они вбирали другие крохи жизни, животных, или растений, или кто там обитал в горячем ядре их ледяного мира. Они отправляли их вниз, к вулкану, чтобы они там изменились. Или смогли измениться.

– Это согласуется с прежними наблюдениями. Протомолекула, судя по ее образу действий, очень-очень давно прибегает к этой стратегии, – кивнула Элви.

Но Кара ее не услышала. Голос девочки стал далеким, почти мечтательным:

– Главное там было – свет.

– Это ты говорила. Мне представляется, это возникало сознание.

– Ульевое сознание.

Элви пожала плечами:

– Никогда толком не понимала этого термина. То есть подразумевается электрохимическая структура со множеством псевдонезависимых единиц. Если так описывать, можно и нейронный мозг назвать ульевым сознанием. Вопрос, нашло ли оно способ построения эмерджентной познающей аналоговой системы? Да, думаю, что да.

– А когда они увидели звезды – это было как услышать глас божий, говорящий на почти понятном тебе языке. Но не совсем понятном. БИЧ хотел показать мне больше. Он не хотел, чтобы я – или мы – уходила. Старался нас удержать. А потом случилось это, и… Если не Ксан, то не знаю, кто это, но, когда была там с ними, я чувствовала, что так правильно.

Кара выпустила ладонь Элви. Сосредоточилась на чем-то недоступном собеседнице – как будто слушала звучащую для нее одной музыку.

– Не думай об этом, – посоветовала Элви. – Пока не думай. Когда отдохнешь, у нас будет время спокойно выслушать твой отчет. Я пойду скажу группе, что ты в порядке, а потом еще доктор Сандерс захочет убедиться, что ты не развалилась на куски. Послушаем, что он скажет, и тогда уже будем строить планы на будущее.

– Я не хочу ждать. Я хочу снова туда.

Элви глотнула чаю.

– Мне бы тоже этого хотелось. Но сейчас время отдыха.

Кара кивнула и закрыла глаза. Выждав и решив, что девочка уснула, Элви вытянула ступни из упора и толкнулась к двери.

Кара заговорила ясным, совсем не сонным голосом:

– А можно Ксану ко мне зайти?

– Конечно, если тебе хочется.

– Ему хочется, – проговорила Кара и умолкла.

Элви вышла из медотсека.

«Сокол» вокруг нее притих. И экипаж, и научные сотрудники знали о случившемся и от тревоги переговаривались в коридорах шепотом, поджимая губы и сутуля плечи. Элви, добравшись на рабочую палубу, заставила себя улыбаться, кивать, здороваться с людьми. В надежде, что она – хороший лидер и внушает оптимизм. И опасаясь, что попросту выглядит фальшивкой.

Харшаан Ли находился в рубке, пересматривал данные по прерванному на середине погружению. Элви подсела к нему, заглянула через плечо. Он подвинулся, чтобы ей было лучше видно.

– Она говорит, там с ней был кто-то еще.

– Галлюцинации присутствия – самое обычное дело. Их можно спровоцировать, подав несколько магнитных импульсов на височно-теменную долю правого полушария.

– Но мы ведь этого не делали, – напомнила Элви.

– Мог сделать кто-то другой.

– Или ее височно-теменная доля активизировалась, потому что с ней там кто-то был. Можно увидеть бабушку во сне. А можно – у бабушки в доме.

– Да, дилемма, – сухо согласился Ли и добавил: – Позвольте затронуть не столь приятную тему.

Элви не возразила. Ли принял ее молчание за согласие.

– Не хотелось бы лезть не в свое дело, но я предчувствую проблемы с моральным состоянием экипажа. Неплохо было бы, если бы вы подумали о выступлении перед людьми.

– По какому вопросу?

Он покачал головой, будто извинялся, и понизил голос:

– Мы в этой системе одни. Кроме нас – полдюжины усилителей лучевой связи, пара трансляторов у кольца и артефакт чужаков такой величины, что стоящего на нем человека сплющит собственной тяжестью. И все.

Даже пылевого облака для добычи льда не сыщешь.

– Запасы на исходе?

– Нет. Но когда обнаруживаются… странности в ходе исследований, проблемы множатся. Такие случаи напоминают нам, насколько ненадежно наше положение. Если непоправимо откажет система восстановления воды… чтобы не умереть от жажды, нам пришлось бы долго и жестко гнать к ближайшему источнику помощи, и не факт, что мы успеем. При отказе восстановителя воздуха мы погибнем. Некому прийти нам на помощь. Все мы это понимали до вылета. Но бывают дни, когда это понимается отчетливей, если я понятно выражаюсь.

Она снова припомнила ту дрожь в мышцах, что вызывалась не страхом. Просто она устала, а тут появилось еще одно неотложное дело.

– Конечно, я выступлю перед командой. Только дайте мне обдумать, что им сказать. И спасибо, что обратились с этим ко мне.

– Не за что, доктор.

* * *

Она не занималась физикой. Биолог за целую жизнь работы может и взглядом не перекинуться с чистой физикой. Но главе научного директората Лаконии невозможно не вляпаться – если это подходящее слово – в вопросы абстрактной физики высоких энергий. Среди прочих вещей, которые она знала, не слишком понимая, был второй закон термодинамики: единственный, в котором учитывается направление во времени. Тепловая смерть вселенной в основном

фигурировала в шутках на тему, когда же будет готова ее диссертация. Элви ни разу не удивилась тесной связи температуры и времени, а некоторые странные особенности врат вовсе не попадали в ее поле зрения.

Человека, обращающегося к ней с настенного экрана, звали Давид Трухильо, и он из четырех часов выступления три с половиной потратил на тщательные, скрупулезные объяснения математического аппарата, примененного его сотрудниками для интерпретации данных, лишь под самый конец перейдя к стадии, которую она про себя называла: «Упростим для тупых биологов».

– Ключ – в различии между реакцией, спровоцированной генератором магнитного поля в системе Сол, и отсутствием ответа на провокацию в пространстве колец. Эффект усилителя энергии нам известен. Например, направление энергии в станцию колец вызывает выброс высокоэнергетических частиц сквозь врата, причем энергия таких выбросов на порядки величины превосходит инициирующее событие. Эта асимметрия используется в конструкции генераторов поля. Предполагалось, что избыточная энергия заимствуется в ином участке сложного локального пространства-времени. Если это, как показывают наши данные, неточно и если пространство колец является граничной мембраной алокального, несмежного пространства-времени…

– Он что-то говорит? – подал голос с другого конца каюты Фаиз. – По мне, просто лопочет.

Фаиз работал на тренажере – пристегнулся к стене эластичными лентами и натягивал их, – как следовало бы и ей. Проблема плотности костей еще даст о себе знать. Потом.

– Извини. Я переключусь на приватный режим.

– Нет-нет, это я просто завожу беседу. Добиваюсь внимания своей милочки. Высмеиваю парня, которым она слишком уж увлеклась, – мол, лопочет бессмыслицу.

– В его лопотании что-то есть.

– Уверена?

Она остановила запись и потянулась.

– Когда «Буря» уничтожила защиту чужой станции в пространстве колец, – напомнила Элви, – враг не ответил. Когда же она уничтожила станцию Паллада, вся Солнечная система лишилась сознания, а на «Буре» обнаружилась одна из тех «пуль». По мнению Трухильо, это доказывает, что пространство колец не принадлежит к нашей вселенной.

Фаиз расслабился, и ленты притянули его к стене.

Он снова напряг мышцы, буркнув:

– Не знал, что такое бывает.

– Генераторы поля используют как затравку антиматерию, хотя горсть-другая антиматерии не в состоянии порубить станцию на спагетти. Их конструкцию разработали на основе недостроенных кораблей – если то, что мы нашли на строительных платформах, было кораблями.

– Это так называемые «Протеи»?

– В сущности, они представляют собой крошечные переходные врата, выпускающие из себя дармовую энергию. И, судя по всему, насилующие закон энтропии. Иначе говоря – время.

– Энтропия однонаправленна. Надо было три часа болтать языком ради закона из школьного курса физики?

– Он говорит, что там, откуда берется эта энергия, наши законы не работают.

– Мы это и так знали.

– Подозревали.

– А теперь знаем?

– Тверже подозреваем, – поправила Элви. – Мы ученые. Наше знание – только пока не будет доказано, что мы ошибались.

Фаиз захихикал, натянул ленты, расслабился. Он ждал, что она посмеется за компанию, но у нее не хватило сил. У него на лбу и в уголках губ прописалось беспокойство.

– Ты в порядке?

– Они повторились. Дважды.

– Что дважды? – Он посмотрел на нее и вылез из эспандера.

– События. В системе Галбрайт наблюдалось преходящее изменение скорости света.

– Сколько продлилось?

– Буквально – это некорректный вопрос, а так около часа. В Бара Гаоне – восемнадцатиминутное выпадение сознания. Пережившие его уверяли, что не было ни гало-эффекта, ни нарушений зрения, но… – она прищелкнула пальцами, – восемнадцать минут спустя.

– Это новость.

– Сплошные новости. Не одна я провожу эксперименты. И это только те, о которых нам стало известно. Может, мы не всегда знаем, где и что искать. Что-то, может быть, происходит прямо сейчас, прямо здесь.

Он толкнулся к ней через каюту. Она готова была ощетиниться на прикосновение – физический контакт казался лишним грузом. Но Фаиз остановил себя с ней рядом и взглянул на застывшее на стене лицо Трухильо.

– Как Кара? – спросил он.

– Нормально. На вид все нормально. Меня немножко тревожат те другие, о которых она говорит. Я знаю, что между ней и Ксаном есть какая-то связь и другие, подобные им, существуют. То же, что с ними, было проделано с Амосом Бартоном, и если тот же мост связал ее с ним, это… Его голова – не то место, где мне хотелось бы жить. Однако…

Фаиз ее не торопил. Предоставил торопить молчанию. Элви вздохнула.

– Картинка у меня складывается, – сказала она. – Я начинаю понимать создателей кольца и работу их сознаний. Или сознания. Даже не понимая их технологии, я начинаю видеть, с какими препятствиями они боролись, а это уже хорошо для начала. Но…

– Но ты задумалась, достаточно ли этого «хорошо», если то, с чем они боролись, их убило и подбирается к нам.

– Я так многого еще не понимаю. Что такое эти «пули»…

– Шрамы от их попыток сломать нас, окончательно покончив с нашим кусочком реальности?

– Конечно, возможно и такое. Но как? Что они делают? Как действуют? Можно ли через них добраться до врага, кто бы им ни был? И как это получается, что они иногда отключают только одну систему, а иногда все разом? Почему, взорвав локальность, они оставляют свой шрам, «пулю», или что там это такое, в конкретном месте, привязанную к локальной системе отсчета? – И как тебе их остановить?

Элви утерла заслезившиеся от усталости глаза.

– И как мне их остановить. На этом все держится. Земля. Марс. Лакония. Бара Гаон. Оберон. Если я не найду ответа, погибнут все.

– Если кто-нибудь другой не найдет ответа, – поправил Фаиз. – Мы – один корабль, пусть и на очень многообещающем курсе. Но ответ ищем не мы одни.

Они помолчали вдвоем в шуме корабля. Она подвинулась, прижалась к нему лбом. Он поудобнее подставил плечо, поцеловал ее в ухо.

– Ты когда последний раз спала?

– Спать – это что за слово? Приятно звучит.

Он обнял ее за плечи, бережно увлек через каюту к койке-«бутерброду», где она ложилась, когда спального мешка у стены казалось мало. Элви не стала раздеваться, просто шмыгнула между пластинами геля и позволила накрыть себя им, будто великанской ладонью. Здесь это было ближайшим аналогом кровати с грудой одеял, и, как только Фаиз приглушил свет

до закатного золотисто-розового, она провалилась в сон, как в глубокую яму. Как будто здесь можно было упасть.

– Тебе что-нибудь нужно? – Его голос шелестел, как песок на дюне под легким ветром.

Элви, вопреки всему, улыбнулась.

– Побудь со мной, пока я сплю.

– Я для того и живу, – сказал Фаиз.

Она закрыла глаза и отпустила мысли. Задумалась, каково было бы впустить Фаиза в свою голову, как Кара впустила Ксана и, может быть, Амоса Бартона, а они ее. Для этого требовалась какая-то материальная составляющая или локус контроля, использующий тот же внепространственный эффект, который обеспечивал связь создателям врат, – аналог межнейронной связи, только проходящей бог весть через какие измерения. Может быть, их можно выявить сравнительным анализом морфологии мозга? Связь между системами в реальном времени изменила бы мир. Если бы осталось кому выходить на связь.

Она уже засыпала, уже готовилась выступить с лекцией в университете, почему-то расположившемся внутри «Сокола», и вдруг встрепенулась, хихикнула.

– Да? – спросил Фаиз. Он еще не ушел.

– Ли просит меня выступить перед командой с воодушевляющей речью. Поддержать моральный дух.

Я обещала.

– И что ты им скажешь?

– Понятия не имею, – вздохнула она.

Глава 15. Тереза

Все дело во времени. Со временем всегда были проблемы.

Началось с того, что ей объяснили: одновременность – иллюзия. «В одно и то же время» на разных планетах разных систем – это принятая удобства ради условность и годится только потому, что люди обычно движутся куда медленнее световой скорости. И мало того, меры времени сложились исторически. В часе шестьдесят минут, потому что математики древнего Вавилона использовали шестидесятеричную систему. Год – время, за которое Земля совершает полный оборот вокруг Сол, и с этим приходится считаться. Хотя Тереза не бывала на Земле и вряд ли когда будет. Длина года, как и число минут в часе, как ширина сантиметра, как объем литра – вехи, которыми человечество размечает свою историю.

И вот из-за старой планеты чужой системы, которая оказалась примерно в той же позиции относительно своей звезды, в какой была при осаде Лаконии, Терезе Дуарте предстояло проснуться уже не пятнадцати-, а шестнадцатилетней. А из-за скорости вращения той планеты вокруг оси сейчас было раннее утро, и она в своей каюте на «Роси» зависла между сном и бодрствованием.

Среди прочих вещей, которые полюбились ей на «Роси», была произвольная смена дневного и ночного периодов. Если команда выбирала тридцатичасовые сутки, они такими и становились. А выберут смену дня и ночи каждые шесть часов – будет так. В любом случае это их выбор, а для нее возможность иметь выбор была редким чудом. Обрубить концы оказалось просто, и выяснилось, что ей нравится жить без якорей. Свободное плавание ее восхищало. Сейчас, лежа на койке, ощущая, как чуть заметно нарастает гравитация ускорения, она помнила, что кругом прохладные серые стены, подсвеченный огоньком спящего ладонника мрак. А в то же время была на Лаконии, в магазине подержанной техники, из которого открывался несуществующий в реальности выход в ее старую спальню, – и с каждым всплытием в явь и погружением в сон там возникало что-то новое. Сны о новых пространствах: потайных комнатках, тайных ходах, забытых шахтах доставки – обо всем, к чему она привыкла за последние месяцы. Возможно, они что-то символизировали. Она как раз припаивала провод к вакуумному адаптеру, когда сновидение изменилось, качнулось под ней, переключив на другой канал.

Она все еще была в своей каюте, по-прежнему видела реальные стены и огонек ладонника, но поверх протянулись черные спирали, она разглядела их в мельчайших подробностях, каких не допускало настоящее тусклое освещение. Под ее взглядом они как будто свивались и развивались. Волоконца черных нитей тянулись друг к другу, сплетались, создавая новые формы, но оставаясь частями прежних. В этих изменчивых спиралях загорались крошечные голубые искорки, мерцали как светлячки. Ничего прекраснее этой сонной галлюцинации ее мозг и представить не мог. Она целую вечность могла бы, не зная скуки, следить за этими черными спиралями.

Отец стоял рядом с ними, глядел на нее сверху вниз. У него были голубые-голубые глаза – не настоящие. Он улыбался. Тереза зажмурилась, приказывая себе проснуться. Этот сон она смотреть не хотела. Когда она разлепила веки, спирали исчезли, а отец остался. Он выглядел необычно. Волосы длиннее, чем он всегда носил, и при тех же рубашке и брюках, в которые одевал его на Лаконии Келли, – без ботинок.

Она медленно, осторожничая в слабом притяжении, села на койке. Сновидение не растаяло.

– Тереза.

Голос его был как вода для умирающего от жажды. На глаза ей навернулись слезы.

– Отец, – сказала она, и, хотя почувствовала дрожь голосовых связок – значит, почти наверняка заговорила вслух, он не исчез. Она все точнее ощущала себя бодрствующей. Сонливая лень отпускала ее, а образ не гас. До сих пор не погас.

– С днем рождения, – сказал он. – Все будет хорошо.

Она кулаком утерла слезы.

– Пока что плохо, – прошептала она.

– Уладится. Мне нужно еще совсем немного времени, а потом мы будем вместе. Раньше я мечтал слишком мелко. Теперь вижу яснее. И ты тоже увидишь.

Тереза мотнула головой, и тут в дверь резко постучали.

– Ты в приличном виде? – приглушенно прозвучал голос Алекса.

– Да, – ответила она, и дверь приоткрылась.

Еще мгновение ей казалось, что сон и реальность сейчас сойдутся лицом к лицу, но в щелку пролился свет, и отец пропал, как не бывало. Она еще раз утерла глаза, чтобы не видно было, что плакала.

– Привет, – сказал Алекс. – У нас там кое-что есть. Ты голодная?

– Конечно, – отозвалась Тереза. – Через минутку буду.

Алекс, кивнув, отошел, зато в щелке показался нос Ондатры. Собака толкнула створку и заскочила внутрь, чуть не улетев к потолку. Глаза ее заметались по комнате, будто что-то искали, и она тихонько заскулила.

– Ничего-ничего, старушка, – сказала ей Тереза. – Все прекрасно.

Она почти не кривила душой. Во всяком случае, все было лучше, чем раньше. «Росинант» подходил к кольцу Нового Египта, а оставшийся в глубине гравитационного колодца местной звезды «Ястреб», хоть и выжил, так отстал от них, что даже с убийственным ускорением не сумел бы догнать. Предстоящий проход кольца без представления о графике движения и с погоней на расстоянии выстрела вполне отвечал нынешним представлениям Терезы о «все хорошо». Зато Тимоти – Амос – опять обманул смерть, Ондатра была здесь, и обе они – не в какой-то там религиозной школе в жопе мира.

Она даже удивилась, как легко вздохнула, поняв, что план провалился. Сначала-то было страшно. Ужасно было видеть разорванное тело Амоса, бешеную перестрелку и гадать, не рискнет ли «Ястреб» вмешаться, несмотря на риск убить ее. Но едва все это закончилось, Тереза снова стала улыбаться. Она осталась, и притом она не виновата.

В камбузе она нашла всю команду «Росинанта» стоящей вокруг столика с желто-белым кексиком. Две напечатанные из медицинской резины свечки изгибались в форме единицы и шестерки. Огоньки были почти круглыми. Жалкое и трогательное зрелище.

– В нем, в общем, те же дрожжи и грибница, – призналась Наоми, – но мы добавили сахара, и выглядит симпатично.

– Это… Вы все так добры, – выговорила Тереза. Она не понимала, откуда взялся ком в горле. Может, от благодарности, или от грусти, или от сумятицы в мыслях, вызванной сонным видением отца.

Амос с Джимом запели. Наоми с Алексом подхватили песенку. Все это выглядело мелкой дешевкой без капли фантазии, но ведь они для нее старались, хотя не обязаны были. И когда Алекс сказал ей задумать желание и задуть свечки, она их просто задула. Не знала, чего пожелать.

Амос выдернул и сунул в утилизатор резиновые свечки, Наоми стала резать пирог, а Джим раздал всем груши с чаем и кофе.

– По традиции полагалось бы не к завтраку, – объяснила Наоми, вручая Терезе угловой ломтик, – но мы хотели успеть до перехода во Фригольд. На верфях у всех минуты свободной не будет.

– Все корабельные дела надо бы успеть до того, – согласился Джим.

Прошлый ее день рождения праздновали в бальном зале здания Государственного совета. Среди гостей были важнейшие персоны большого человечества, и Тереза – одна из них. Катастрофа, уничтожившая «Тайфун» и станцию «Медина», раздавила и отца, так что Тереза ощущала на своих плечах груз всей империи. Тогда она знала, чего пожелать. Выхода. И вот ее желание исполнилось. Совсем не так, как ей тогда представлялось.

Она осторожно откусила пирог, и оказалось… хорошо. Ненавязчивый вкус. Чуточку жестковат, чуточку суховат, но вкусно. Его выпекали не лучшие пекари тысячи миров в усердии впечатлить дочку бога-императора. Над ним не произносили торжественных речей, где были скрыты важные политические намеки, за ним не вручались тщательно продуманные подарки, о которых она спустя неделю не могла вспомнить. Ничего более непохожего на прежнюю жизнь она бы и вообразить не сумела. Даже забудь они про ее день рождения, вышло бы более привычно. Она не раз чувствовала себя забытой, даже стоя в лучах прожекторов.

Ондатра ткнулась ей в руку мокрым носом и негромко вопросительно взлаяла. Тереза отломила ей кусочек пирога. Собака принялась шумно обрадованно жевать.

– Что такое? – спросил Джим.

Она не сразу поняла, что он обращается к ней.

– Ничего. А что? – Ты вздыхаешь.

– Разве?

– Вздыхаешь, – подтвердил Алекс.

– Ничего, – сказала она. – Просто подумала, что все совсем не так, как в прошлом году. Только и всего.

– Не лучший способ отметить «добрые шестнадцать», – скривился Алекс. – Тут полагался бы большой праздник.

– Ты это о чем? – удивился Джим. – Большой праздник был в прошлом году. Кинсеаньера[2]. Какие еще «добрые шестнадцать»?

– В ваших местах, может, и так, – отмахнулся Алекс, – а на Марсе празднуют шестнадцатилетие.

Наоми с ласковым недоумением обратилась к Джиму:

– Ты про «квинсе»? Откуда знаешь?

Амос улыбался пустой дружелюбной улыбкой, означавшей, что он не знает и знать не хочет, о чем они толкуют, да и пусть себе. Он иногда напоминал ей огромного терпеливого пса среди выводка щенков.

– Пятнадцатилетие. Кинсеаньера, – упорствовал Джим. – Почти на всей Земле это большой день. Мне праздник устраивал отец Цезарь. Поставили шатер, пригласили живой оркестр. Мне пришлось надеть костюм и научиться танцевать. Множество знакомых положили деньги на мой образовательный счет. Было забавно, хотя и немножко неловко.

Наоми хмыкнула.

– Я думала, это обычай Пояса.

– А у вас танцы были? – И танцы, и выпивка.

– Выпивка в пятнадцать лет? – удивился Алекс.

– С этого возраста родители лишались льгот и налоговых вычетов. Так что с пятнадцати обычно начинали работать. По крайней мере, до Союза перевозчиков. Па подняла возраст до семнадцати. Но праздновали по-прежнему.

– Значит, вы в пятнадцать ушли от родителей? – спросила Тереза.

---

[2] *Кинсеаньера* – в странах Латинской Америки возраст совершеннолетия девочек, символизирующий переход от подросткового возраста к взрослой жизни. Празднуется в день пятнадцатилетия.

– Я раньше, – ответила Наоми. – Отца я не знала, а мать работала по долгосрочному контракту на грузовике, туда детей не брали. Я больше жила с тиа. Кое-кто из них был со мной в родстве, но далеко не все.

– А я матери совсем не помню, – сказала Тереза. – Я была маленькой, когда она умерла.

– Тяжело. – Наоми произнесла это так, будто соглашалась с чем-то.

Тереза ждала следующего вопроса: «От чего она умерла?» Она сразу пожалела, что подняла эту тему. Но никто не стал к ней приставать.

– Ничего не знаю, – сказал Алекс. – В долине Маринера отмечали шестнадцать, и точка. Те, кто не праздновал тринадцать. Такие тоже были.

– Вот почему ты так переживал, что мы не попали на день рождения Кита? – спросил Амос.

Алекс опустил глаза, но сразу прикрыл вспышку боли добродушным огорчением.

– У нас с Жизель тот год выдался хуже всех. Лучше было не соваться, а так да. Ужасно грустно мне было его пропустить.

Тереза, к нескрываемому огорчению Ондатры, доела свой кусок. Она провела с этими четверыми почти год. А после эпического провала попытки сплавить ее дальней родственнице в Новый Египет, пожалуй, и еще год проведет. Другие приходили и уходили, а основная команда оставалась. И она слушала их разговор как легкий треп в кругу семьи. Только это была не ее семья. Отчасти потому, что здесь не было никого ее возраста. Их воспоминания о временах до врат ей казались чем-то вроде передачи по видео. Ее охватывала клаустрофобия при мысли о человечестве, запертом в одной системе. У них все происходило иначе, а как – она могла только гадать. И никогда не поймет этого так, как понимали они.

Она присмотрелась к Амосу. Он не участвовал в разговоре о родителях и днях рождения. Он тоже следил за беседой со стороны, и она почувствовала некоторое сходство с ним. Но ему в стороне было удобно. Ему где угодно было удобно.

Ей никогда не испытать того, что испытали они. Ей достался только собственный опыт. Никто и нигде не жил так, как она, а самые близкие ей люди остались на Лаконии или умерли. Другие находили в своем прошлом аналогии и общие обычаи вроде одинаковых дней рождения, а ее жизнь была ни на что не похожа. Нигде во всей вселенной не соберутся за столом люди, чьи отцы готовили их решать судьбы человечества; люди, которые отказались от предложенного бессмертия, чья частная жизнь подстраивалась к ритму галактического государства.

У нее оставалась только надежда найти себе место, чтобы выстроить там жизнь пусть не нормальную, но хоть вразумительную. А потом дождаться, пока она станет теплым уютным прошлым, которым можно поделиться с другими.

От одной этой мысли она чувствовала себя усталой.

Вежливо прогудело предупреждение. Корабль напомнил им, что эта минута кончается и пора переходить к следующей. Они прибрали остатки праздничного завтрака, и Алекс неловко, торопливо обнял ее, прежде чем увести Джима с Наоми к лифту. Тереза с Ондатрой ушли с Амосом в машинный.

– Они хотят мне добра, – сказала Тереза.

– Угу.

В машинном Амос позаботился об Ондатре и унес ее на собачью койку-амортизатор, а Тереза пристегнулась сама. Пахло силиконовой смазкой, и еще от керамических принтеров тонко и резко несло озоном. Ей это напоминало запах дождя, только без мятного привкуса. Утешительный запах. Как странно – прожить где-то так долго, чтобы там стало пахнуть домом. А может, ей так просто казалось, потому что она чуть не променяла все это на компанию пресвитерианцев.

Переход от Нового Египта к Фригольду не должен был занять много времени. Теоретически любые два кольца можно было соединить прямой, так что курс из одних в другие не

требовал включения тормозной тяги. На практике почти все корабли проходили во врата на малой скорости и корректировали курс в пространстве колец, уже видя цель. Почти у всех пилотов голова кружилась от необходимости вслепую мчаться к невидимому кольцу, когда промах означал, что ты мгновенно окажешься в небытии. Предстоящий им переход был удобен: не слишком дальний и не слишком круто приходилось менять курс. А случись что, «Роси» успел бы изменить траекторию и свернуть в другое кольцо.

При их нынешней скорости они даже не заметят просвета между кольцами: мелькнет жуткое не-пространство – и вот они уже падают к далекой звезде в привычной вселенной.

Амос пристегнулся напротив нее и лениво почесывал грудь на месте пулевой раны.

– Тебя не беспокоит? – спросила она.

Он взглянул на нее темными, большими и на удивление невинными глазами. Как у чучела. Она указала ему на грудь, и тут начался отсчет к переходу. В профессиональном голосе Алекса едва просвечивал намек на беспокойство.

– Не знаю, – ответил Амос. – В общем-то, нет. Мне не нравится умирать, так что… – Он пожал плечами. – Хотя это другое.

Алекс дошел до нуля, и Терезе почудилось короткое головокружение, хотя это была чистая психосоматика. Потом Амос продолжил говорить так же спокойно и дружелюбно. Он, среди прочего, еще тем ей нравился, что никогда не заражался общей тревожностью.

– Ты про папу думала?

– Ты не сам выбрал то, что с тобой случилось. Ты не хотел меняться. А он хотел. И, понимаешь, я не знаю, на кого из вас я больше похожа. Я сама решила уйти. Жить здесь. Но так многое от меня не…

– У нас проблема, – предупредила по корабельной связи Наоми. – Оставайтесь на местах, не отстегивайтесь.

– Тебя понял, – отозвался Амос, уже выводя на стенной экран «зеркало» тактической схемы.

В упрощенном графическом изображении система Фригольд выглядела вполне вразумительно. Солнце. Сам Фригольд и еще одна планета ближе к звезде. Дюжина старательских суденышек, большей частью в поясе астероидов или у лун газового гиганта. Тереза поискала, что заставило Наоми говорить так жестко, – и почти сразу нашла.

«Предштормовой» – лаконский истребитель, захваченный Робертой Драпер, – стал флагманом тайного флота подполья, наконечником нацеленного на Лаконию копья при осаде, подарившей Терезе шанс на побег. Для адмирала Трехо и всего лаконского флота он был унизительной занозой. Напоминанием о череде потерь. Для подполья он символизировал уязвимость империи. Этот корабль мог в любое время выскочить из любого кольца, поддержав любой из попавших в беду кораблей подполья. Он был скорее легендой, чем простой боевой единицей.

Только вот лаконский истребитель, высвеченный схемой на низкой орбите над Фригольдом, не был «Предштормовым».

Глава 16. Танака

Школьный медик, похоже, полчаса как сорвал голос. Танака, если бы не знала точно, приняла бы его не за сотрудника школы, а за ученика. Темнокожий, с полными губами, волосы коротко острижены – в другой раз она сочла бы его миловидным. Сейчас она его, можно сказать, ненавидела. Во-первых, он ее опасался. В каждую фразу, даже в самые очевидные утверждения, он вкладывал вопросительную интонацию. И еще она краешком периферийной нервной системы отмечала, что с его появлением каждый раз связывается что-то болезненное или неприятное. Смена повязки на изуродованной щеке, уколы иглы – брали кровь на анализы, вливали поддерживающие препараты, – сканирование на школьном автодоке.

Что-то да было.

А хуже всего, что она была обязана ему жизнью.

Ее люди – присвоенная ею ударная группа Мугабо, – предварительно освобожденные от снаряжения, уже лежали в могиле. Уинстон Дуарте лично покончил с обычаем возвращать мертвых для погребения на Лаконию. Тогда он подразумевал: «Всякая земля есть лаконская земля». Танака, несмотря на серьезные ранения лица и головы, едва ли истекла бы кровью на земле Абассии. Но вздумай кто-нибудь всадить в нее пулю, вполне мог бы свалить убийство на Холдена и ту дрянь, что теперь служила у него корабельным механиком. Танака не запомнила, как ее нашли и перенесли в медчасть. И не знала, колебался медик или решительно взялся выполнять клятву Гиппократа. Зато точно знала, что была перед ним беззащитна и что его юные, не знающие шрамов руки удержали жизнь в ее теле. За это она его ненавидела.

– Я настойчиво рекомендую в ближайшие три недели обойтись без высоких перегрузок? – сказал он, укладывая в мешок оставшееся при ней небогатое имущество.

Пуля Холдена стоила ей трех верхних зубов слева и большей части правой щеки. В верхнем нёбе слева образовались микротрещины, и головные боли сводили ее с ума. А может, сводили с ума воспоминания о бое с этим черноглазым механиком. Когда в черепе столько неполадок, нет смысла разбираться с причиной каждой в отдельности.

– Полагаю, благоразумнее было бы выждать? Еще недельку, чтобы гель схватился?

Танака не удостоила его ответом. Ее бронескафандр лежал во дворе, его аккуратно упаковали для последующего ремонта вместе со снаряжением погибших стрелков. Из медчасти она направилась к скафандру, а медик устремился следом – пристал, как грязь к подошве. Транспортный кар с «Ястреба» пылил еще в полукилометре от кампуса. В школьные окна и из дверей на нее глазели – испуганно и осуждающе.

Для персонала она была той женщиной, что свалилась с неба им на головы и заперла подальше, превратив их территорию в стрельбище. Трудно было ожидать за такое почетной докторской степени.

При этой мысли она улыбнулась и тут же поморщилась.

В подъехавшем каре сидел Мугабо. Его заученная вежливость скрипела как перекрахмаленная рубашка. Он, встав навытяжку, отдал Танаке честь. От этого ей действительно полегчало. Она возвращалась в себя. Пока малочисленная команда грузила в кар оружие и броню своих убитых, Мугабо, склонив голову, стоял с ней рядом.

– Что-то вы не спешили, – бросила ему Танака.

– Приношу извинения. Понесенный нами ущерб затруднил вход в атмосферу, а ваш транспортный корабль… К сожалению, нам пришлось снять с него часть оборудования. Весьма сожалею о задержке.

– На какой стадии восстановление?

Мугабо кивнул – не в ответ, а показывая, что услышал вопрос.

– Повреждения значительные, но я уверен, что можно безопасно продолжать путь. Мой старший механик советует вернуться на дозаправку к Лаконии.

– Чего-то не хватает?

– Питающие обшивку композитные вещества по понятным причинам израсходованы.

– То есть функция самовосстановления отсутств ует?

– Цельность корпуса в пределах допуска, – сказал Мугабо.

Ей понравилось, как он изворачивался. Это не он хочет вернуться на Лаконию, а старший механик. Его корабль цел, пока Танака не разрешит признать его подбитым. От этой ниточки ковер лаконской культуры никогда не избавится: каждый готов признать за истину то, что прикажет старший по званию. Она задумалась о внутренней жизни Мугабо. Оставляет ли он свободу и свои извращения внутри себя, как она, или у него и душа такая же пустая?

Она устроилась на переднем сиденье рядом с водителем и окинула школу взглядом. Поле боя. Здесь она проиграла – проиграла свою ударную группу, цель операции, собственную кровь и плоть. И отчасти репутацию. А все потому, что медлила прибегнуть к силе. Тереза Дуарте – сокровище, источник сокровищ. Она незаменима. Холден готов был ею рискнуть, а Танака нет. Она запомнила урок.

У нее руки чесались уронить с орбиты торпеду, стереть с лица земли школу и школьную территорию. Она могла бы себе это позволить – обойдется в несколько жизней, считая долбаного медика, и никто не предъявит ей обвинений. Только вот людям станет известно, как она поступила. И они догадаются, что толкнул ее на это стыд.

Так что хрен с ними, пусть живут.

Группа Мугабо закончила с погрузкой и заняла места в каре. Какие-то особенности атмосферы здесь преломляли солнечные лучи на шесть полос – получалась звезда, как на детском рисунке. Танаке вспомнилось слышанное где-то: «Я готов разить даже солнце, если оно оскорбит меня»[3]. Она не помнила, откуда цитата.

Да и не важно. Ей надо было довести охоту до конца.

– Можно ехать, – сказала она.

– Слушаюсь, – отозвался Мугабо, и кар дернулся, развернулся, рванул к месту посадки.

Встречный ветер забивал рот вкусом грязи. Танака утешалась сознанием, что можно прожить полную, насыщенную жизнь, навсегда забыв об этой сортирной планете. От этой мысли ей стало легче – правда, ненамного.

Когда принявший их на борт «Ястреб» стал разгоняться в сторону кольца, она отдалась в руки медицинской команды. Добровольно вошла в лазарет и, не дрогнув, перенесла осмотр, вызвавший болезненные воспоминания о первом в жизни ранении. К тому времени, как медики обследовали рану на голове, очистили щеку от местного варианта заживляющего геля и вшили матрицу, наложив на нее свой гель, ей стало лучше. Болело сильно, зато успокаивала возможность показать себе и им, что боль для нее обычное дело. Умерщвление плоти издавна и с блеском применялось артистами и религиозными фанатиками. Она не причисляла себя ни к тем, ни к другим, но, может, что-то общее было.

Несколько нервных окончаний зудели; в голове, если слишком быстро подняться на ноги, бился пульс. В остальном Танака была снова готова к работе и начала ее с итогового отчета. Села за небольшой стол в своем кабинете и под гул вентиляции и вибрацию двигателей подробно и тщательно описала неудавшуюся операцию. Для морального состояния это было вроде удаления геля. Она доказала себе, что и эту боль перетерпит. Отчет она отослала Трехо – как исповедь атеиста. Ритуал очищения, приносящий разве что слабое, рудиментарное ощущение чистоты. Теперь можно было заняться делом.

[3] Цитата из романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Кит» приводится по классическому переводу Инны Бернштейн.

Пока она приводила в порядок себя и корабль, «Росинант» дьявольски далеко ушел – разминулся с входящим в систему торговцем, миновал газовый гигант и выскочил за врата так стремительно, что уже не стоило наращивать скорость в надежде его перехватить. В какую бы систему ни направлялись, они окажутся там раньше, чем «Ястреб» выйдет в пространство колец. А вот свет они не обгонят. Она послала вперед сведения о подписи двигателя и маскировочном силуэте корабля, уведомила все системы, где не вышибли за последнее время лаконские трансляторы. Куда бы Холден ни утащил девчонку, люди Танаки будут его высматривать.

Вдруг да повезет.

Или не повезет.

Долгие дни она коротала за просмотром отчетов по другим своим распоряжениям. Отчет научного директората по яйцевидным объектам с Лаконии сводился к представлению о внеинерционном средстве передвижения. Сейчас там искали способ к нему подступиться. Одна из гипотез предполагала, что корабль-«яйцо» может оставлять за собой след из свободных нейтронов. Танака отвлекла директорат разведки территорий от всех прочих дел, затребовав описания всех известных объектов чужаков во всех системах. Дуарте, если покинул планету, почти наверняка объявится на каком-то из них. Активизация одного из объектов подсказала бы, с чего начать. Но пока что радоваться было нечему. Директорат разведки, которому она приказала проверить ближайших сотрудников и бывших любовниц верховного консула – не посещал ли и их, как Трехо, призрак беглеца, – напоролся на хитросплетения бюрократии и множество тупиков.

Ее это все злило. Хорошо. Гнев успокаивал. Был привычен. Это она понимала.

Она в точности помнила минуту, когда в последний раз жалела себя. В одиннадцать лет, они тогда жили в Иннис-Дип. В тот год умерли родители. Мать узнала о муже что-то такое, чего не смогла пережить, и, испортив домашнюю систему подачи воздуха, покончила во сне с собой и с ним. Танаку на ту ночь отправили к тете Акари. Если тетя и знала, что привело мать в самоубийственную ярость, она никогда об этом не говорила.

Танаке пришлось сменить школу, и в сочетании с необъяснимым уходом обоих родителей перемена давалась ей тяжело. Однажды тетя застала ее сидящей на кровати и плачущей. И стала допытываться о причинах. Танака призналась, что одна девочка в школе дала ей пощечину, унизила.

Тетя Акари опустилась перед ней на колени. Она была в чине капитана флота Марсианской республики и, как все женщины Танака, высока ростом. Алиане тетя в безупречном флотском мундире представлялась богинейвоительницей. Девочка ждала, что та прижмет ее к себе и, пообещает все уладить, как делала раньше мать.

Вместо этого тетя Акари спросила, по какой щеке ее ударили. Когда Алиана показала, тетя ударила ее по той же щеке с такой силой, что из глаз снова брызнули слезы.

– Ты грустишь или сердишься? – мягко, но настойчиво спросила тетя Акари.

– Не понимаю… – начала она и получила еще одну пощечину.

– Грустишь или сердишься?

– Зачем?.. – Третья пощечина не дала ей договорить.

– Грустишь или сердишься?

Она утирала мокрые глаза и боялась слово сказать в страхе перед новым ударом. Она уставилась в прекрасное, но суровое лицо тети и не нашла в нем ни жалости, ни сочувствия.

– Сержусь, – наконец выговорила Алиана и с удивлением поняла, что сказала правду.

– Это хорошо. – Тетя встала и подняла Алиану с кровати. – С гневом я знаю, что делать. А грусть, страх, жалость к себе, колебания… Это все направлено внутрь. Они запирают тебя в тебе. С них никакого проку. Гнев направлен вовне. Гнев требует действия. Гнев полезен. Ты готова его использовать?

Алиана кивнула. Так казалось безопаснее, чем подавать голос.

– Тогда я тебя научу. И она научила.

* * *

Мугабо, заложив руки за спину, стоял перед ней со своей привычной ничего не выражающей приятной полуулыбочкой.

– Мы уже достаточно близко к кольцу, и штурманам неплохо бы знать, куда направляемся.

Танака откинулась в кресле. Голова у нее болела, но чуть меньше обычного, поэтому она не приняла медикаменты. И не примет, пока это не станет необходимо для работы. Ныли нарастающие кости, ткани щеки понемногу затягивали дыру. Зубам понадобится больше времени: им нужна более надежная опора. Это все ничего.

Почти наверняка самым правильным было бы вернуться на Лаконию, но это означало бы признать поражение. До сих пор Танака с этим тянула и гнала от себя даже мысль о возвращении. Она пальцем тронула разбитую глазницу, примерилась, сильно ли можно надавить до появления боли.

– На данный момент, – начала она, – будем исходить из предположения, что дозаправка корабля…

У нее загудел сигнал связи. Внеочередное сообщение из системы Лаконии. От адмирала Трехо. Оставив незаконченную фразу висеть и умирать в воздухе, она перевела взгляд на Мугабо. Тот на миллиметр приподнял бровь – прямо официант в дорогом ресторане дожидается одобрения поданного вина.

– Давайте вернемся к этому позже, капитан, – сказала она.

– Конечно.

Он четко, деловито кивнул. Если и был обижен, что его дело опять откладывается, то ничем этого не показал. Ей представлялось, что с ним можно до бесконечности тянуть и уходить от ответа, а он будет вежливо соглашаться и час спустя возвращаться с тем же вопросом. Насколько она могла судить, страсти были ему неведомы. Он точил Танаку, как вода точит камень.

Закрыв за ним дверь, Танака поставила систему в режим «не беспокоить», обезопасившись от вторжения. Сообщение Трехо было коротким, но с приложенным файлом. Сообщение в сообщении.

Трехо на экране постарел куда больше, чем на несколько недель. Все дело в оттенке кожи и бледности губ. А вот глаза остались блестящими, взгляд – острым, и голос принадлежал человеку лет на тридцать моложе. Она задумалась, не принимает ли он стимуляторы.

– Полковник, – начал он, глядя в камеру, – я посмотрел ваш доклад и… думаю, мы оба признаем, что могло быть лучше. Мы потеряли в этом деле несколько человек, и цели вы не достигли. Но я не уверен, что остались с пустыми руками. При прочих равных я бы ожидал, что Нагата будет держать девочку поближе к флагману главы подполья, под прикрытием его пушек. Но раз уж она решилась сложить все яйца в одну корзину, для нас открываются кое-какие возможности, которых в ином случае не представилось бы.

Танака почесала рану сквозь повязку. Ощутила только легкий нажим, а зуд ничуть не унялся. Трехо шевельнулся в кресле и пропал с крана. Вместо него возникло зернистое изображение корабля – снимок с телескопа. Просто темное пятно на фоне собственного дюзового выброса.

– Я посылаю вам это. – Голос Трехо звучал спокойней, чем чувствовала себя Танака. – Это снято с «Дерехо». Командующий им Боттон командирован в систему Фригольд. Анализ трафика показал, что они до сих пор прячут там «Предштормовой», и Боттону поручено его выкурить. В систему вне графика вошел корабль – в период, укладывающийся в ваши расчеты.

Тоннаж соответствует «Росинанту», а подпись двигателя… ну, не вполне совпадает, но достаточно, если допустить, что они, сбивая нас со следа, загрязнили работу двигателя. С термическим профилем та же история. Достаточно близко, чтобы счесть за маскировку. И силуэт весьма похож. Он назвался…

Танака остановила запись. Сердце билось часто, и она изо всех сил сдерживала ухмылку. Ухмыльнуться было бы чертовски больно, да и опасно – могла сместиться матрица роста. Но ой как хотелось.

Мугабо немедленно принял ее запрос на связь.

– Полковник?

– С дозаправкой придется подождать, – сказала она. – Идем на рандеву с «Дерехо» в системе Фригольд.

На максимально допустимой скорости.

– Да, полковник. Я доложу штурману.

Она сбросила соединение и, упиваясь минутой, позволила себе раздвинуть губы в улыбке, пока не заболело. Снова ткнула пальцем, оживляя сообщение Трехо, немного открутила к началу.

– …силуэт весьма похож. Он назвался разведчиком на контракте от Оберона и подтверждает это документами. Но система Оберона насквозь пронизана агентурой подполья. Я вынужден оценивать факты с большим-большим недоверием. Не скажу, что вы обязаны проследить эту нить, но мне она кажется обнадеживающей. И если это – корабль Терезы Дуарте, и если корабль Терезы – это корабль Джеймса Холдена и Наоми Нагаты… Ну, тогда я предложил бы испытать новую стратегию…

Танака подалась к экрану. Какая-то нотка в голосе Трехо зацепила ее. Она не понимала, слышится в нем сожаление, предвкушение или оба они вместе.

– Все наши методы обращения с этими людьми до сих пор давали разочаровывающие результаты. Они умны, и, что еще хуже, им везет. Понимаю, это похоже на суеверие, но бывают же прирожденные счастливчики. Я в это верю. Так или иначе, я нахожу преимущества в перемене тактики. Просмотрите приложенный файл.

Она на выделенном окне открыла приложение. Опять Трехо, сидящий за тем же столом, говорящий с теми же интонациями. Голоса перекрывались, мешая разобрать слова, пока она не вернулась к основному сообщению.

– Просмотрите приложенный файл. Это ваше задание, и я не собираюсь рулить вами из-за спины, но думаю, это верный путь. Если согласитесь со мной, действуйте. Идет большая игра. Если мы не завершим начатого Дуарте… Ну, мне бы не хотелось уходить с мыслью, что кишка была тонка попробовать.

Глава 17. Наоми

Капитан лаконского истребителя «Восход Дерехо» оказался приятным человеком. Узкое лицо с высокими скулами и тонкие, словно нарисованные усики, напомнившие Наоми старые передачи о борьбе Марса за независимость. Глаза у него были темно-карие, кожа – немногим светлее. Он умудрялся совмещать угрозы с болью за необходимость угрожать. «Мне это так же мучительно, как вам». Кажется, эту манеру переняли многие лаконцы. Наоми полагала, что начало положил Уинстон Дуарте со своим стилем руководства.

– Мы даем вам сто часов. Повторяю еще раз: нам известно о присутствии «Предштормового» в системе. Если в ближайшие сто часов его не сдадут нам, мы будем вынуждены предпринять акции против гражданского населения. Я умоляю лидеров подполья этой системы обдумать, как мало даст им отказ и как много они теряют.

– Это же пустые слова, да? – спросил Алекс.

Они все сидели в рубке: Наоми, Алекс, Джим. Амос с Терезой остались в машинном, присматривали за автоматическими зондами, изображавшими трудовую деятельность на поверхности маленького спутника с вулканической активностью – луны одного из трех здешних газовых гигантов.

– Не пустые, – возразил Джим. – Они на это готовы, и, более того, они это сделают.

– Там же гражданские! – поразился Алекс.

– Да, но это наши гражданские. Так что хрен с ними.

Боттон послал задушевный взгляд в камеру военного корабля, повисшего на орбите планеты, где население доросло почти до ста тысяч.

– Мы открываем этот канал связи для всех горожан Фригольда в надежде, что они достучатся до вашей совести.

Изображение переключилось на юношу лет шестнадцати, стоявшего на планете на фоне маленького домика. Паренек дрожащим голосом начал: «Меня зовут Чарльз Паркер…»

Наоми отключила передачу.

Фригольд был важнейшей для подполья системой. Ни большой населенностью, ни богатством он не отличался. Станция Драпер, скрытая на одной из лун того же газового гиганта, среди военных баз могла считаться мелочью. Но в системе прятался «Предштормовой», и потому она стала осью сил подполья. Саба предвидел это еще в те времена, когда Наоми находилась в статусе одной из его главных помощниц, а не руководителя сопротивления Лаконской империи. На случай присутствия лаконцев в системе были запланированы способы укрыть от них станцию Драпер. Потому-то «Роси» и оказался готов при первой надобности выдать себя за оберонский «Сидпай». Маскировка подтверждалась выписанными на Обероне документами по контракту и подробным планом работ трехмесячной давности: «Сидпаю» предписывалось вести разведку минеральных ископаемых на четырех участках в системе Фригольд. Вторым из этих четырех была станция Драпер, к которой они собирались, как только траектория подхода скроется от объективов «Дерехо».

Пока что им полагалось изображать следование предписанному протоколу. Высаживаться в намеченных точках. Высылать зонды. Собирать данные. Быть начеку, чтобы при первых признаках, что «Роси» опознали, на полной скорости рвануть к вратам. Перескочить в другую систему, где, надо надеяться, не окажется бдительных глаз империи.

Опять графики переходов. Опять насилие. И все это ничего не решало. Бывали минуты, когда Наоми начисто забывала об успехах – о том, какой отпор дало подполье негодным идеям Лаконии и ее власти. И только надеялась, что где-то в брюхе Лаконской системы так же, как она здесь, бесится от бессилия адмирал Трехо.

Она только собралась запросить связь, а канал Амоса оказался уже открыт.

– Как там у вас?

Она почти услышала, как великан пожимает плечами.

– Если бы мы работали за деньги, профсоюз не увенчал бы нас лаврами. А для пары не знающих дела дилетантов на полставки – неплохо справляемся.

– Сколько вам нужно, чтобы загнать всю технику в сарай?

– Пару часов.

Джим оглянулся на нее:

– По графику нам здесь еще двое суток работать.

– А мы так хорошо потрудились, что раньше времени собрали все нужные данные, – объяснила Наоми. – Корпорация с Оберона может выписать нам премию.

Тащи все на места, Амос. Отчаливаем.

– Будет сделано, – пообещал он.

По связи слышно было, как механик обращается к Терезе: «Поиграли – и хватит, собирай игрушки». На слух совсем как знакомый ей, еще не изменившийся Амос. Что ж, все они меняются, так или иначе.

– Просчитаю тебе варианты курсов, – сказал Алекс, отстегиваясь, чтобы перебраться в кабину.

– Спасибо, – кивнула Наоми.

Снова выйдя на связь, она подготовила рапорт лаконцам от несуществующего капитана «Сидпая». Ей нетрудно было представить себя капитаном горноразведчиков, пытающихся тихо-мирно отработать контракт, пока над головой назревают военные преступления. Так всегда бывает. Какие бы ужасы ни творились кругом, люди стараются доделать свое дело. Прячут глаза в надежде, что они и их близкие не попадут под обстрел.

Джим вздохнул.

– С этим надо что-то делать. Что – не знаю, но… что-то.

Кажется, ее улыбка сбила его с толку.

– Потому я и сдвинула срок перехода поближе. Придумаем.

Подтверждение с «Дерехо» пришло два часа спустя. Без участия человека. Корабельные системы общались между собой, плавно и бездумно взаимодействовали – словно колесики часового механизма. «Дерехо» нужен был «Предштормовой». «Роси» им не был. Лаконцы, даже если что-то заподозрили, стратегии не изменили. Они приставили ствол к виску Чарльза Паркера и к ста тысячам других висков, и таймер отсчитывал минуты. Даже если «Сидпай» ненадолго пропадет из виду, это ничего не изменит.

Переход к станции Драпер был шедевром пилотирования, доказательством выросшего за последние годы мастерства Алекса. Плавная кривая движения использовала гравитацию спутников гиганта, выглядела вполне естественно и правдоподобно, однако «Роси» опустился на поверхность намеченной луны вне поля видимости «Дерехо», а от входящих в систему кораблей их заслонял газовый гигант.

Строгий режим радиомолчания оставил Наоми в неведении, чего ожидать на месте. Она облегченно вздохнула, выловив первые, почти неслышимые нотки навигационных маячков. Алекс с изяществом ввел корабль в потайную базу. Он не один год прослужил пилотом у Бобби, и видно было, что база за это время стала ему родным домом. «Предштормовой» стоял в тайном доке вместе с двумя маленькими внутрисистемными прыгунами. «Роси» втиснулся на свободное место. Негромкий басовитый звон причальных креплений отдался по всему кораблю. С «Дерехо» это выглядело так, будто маленький разведчик нырнул в лавовый канал.

За дверью шлюза их уже ждала Джиллиан Хьюстон. Наоми успела забыть, какая она маленькая. Светлые волосы Джиллиан отпустила подлиннее и связывала в хвост на затылке. На ее куртке армейского фасона не было ни знаков различия, ни каких-либо значков. Эта женщина служила только в той армии, которую составляли они с Наоми.

До начала бомбардировки планеты оставалось шестьдесят три часа, и тиканье счетчика отражалось в глазах Джиллиан.

– Вам трудно пришлось, мэм, – сказала Джиллиан.

– К сожалению, не мне одной.

– Мой отец часто повторял: «Что стоит хранить, за то стоит и драться».

Наоми не взялась бы судить, скрывался в этих словах укол – или послышался ей, потому что она этого ожидала. Бобби всегда высоко, хотя и не без оговорок, оценивала Джиллиан, повысила ее до своей заместительницы и, умирая, доверила ей «Предштормовой». Однако Наоми – не Бобби. В свое первое появление во Фригольде «Росинант» увез пленника – отца Джиллиан. Союз Фригольда с подпольем был одним из первых шагов против Лаконии, но Наоми преследовало чувство, что та первая встреча все же оставила после себя занозу.

– Как ваш отец? – спросила она.

– Он на планете, мэм.

Просто сказано, а другими словами: «Он ждет смерти».

За Наоми вышли остальные: первым Джим, потом Алекс, Амос и Тереза. Джиллиан задержала взгляд на Амосе – так надолго, что это граничило с бестактностью, а потом обернулась к Алексу.

– Рад вас снова видеть, капитан, – растягивая слова, произнес тот.

– С возвращением, мистер Камал, – ответила она.

Алекс усмехнулся.

– Корабль в порядке?

– Пылинки на нем не найдете, – заверила Джиллиан и перевела взгляд на Наоми. – Я не знала, какие ресурсы вам требуется пополнить, а время поджимает. Я приготовила все, что могла. И вам отвели помещения для отдыха. На корабле будет шумновато.

– Я передам вашим техникам, что нам требуется, – сказал Амос. – Нам лучше быстренько загрузиться и уходить. Тем более что мы теперь как бы горноразведчики.

Джиллиан ничем не показала, смущает ли ее новая наружность механика.

– Идемте со мной. Введу в курс дела.

Тяготение этого спутника ощущалось не более чем намеком. Каменные коридоры были выстелены изоляционным покрытием и укреплены опорами. Не спрессованные силой тяжести породы оставались рыхлыми и непрочными. Наоми подумалось, что ходы здесь можно рыть голыми руками, как в упаковочной пене. И только то, что было создано человеком, ощущалось прочным.

Команда докеров и снабженцев оказалась пестрой. Наоми узнавала АВП старой закалки по тату и по привычным движениям, порожденным жизнью в тесном соседстве с вакуумом, но была здесь и молодежь. Ровесники Джиллиан, те, кто пришел в подполье из гравитационных колодцев. После штурма Лаконии таких стало больше. Удар, нанесенный империи, для многих обернулся надеждой. Наоми сомневалась, принадлежит ли она к числу этих многих.

Разведывательные работы давали «Роси» предлог задержаться на спутнике дня на три-четыре. Хватит, чтобы пополнить цистерны, поменять очистители воздуха и матрицы восстановителей, закончить мелкий ремонт обшивки. Хватит, чтобы вблизи увидеть гибель гражданского населения Фригольда.

К тому времени, как согласовали поставки и ремонтные работы и приступили к делу, до срока оставалось пятьдесят девять часов.

Наоми ушла в упомянутые Джиллиан помещения: узкие комнаты с койками и одеялами, при них маленький отдельный камбуз и гальюн. На «Роси» было просторнее. Джим дремал, свернувшись в койке. Больше всего на свете Наоми хотелось пристроиться рядом. Вместо этого она отправила вызов Джиллиан. В ответ пришли указания, как добраться в ее здешний кабинет.

Наоми подумывала разбудить Джима и взять его с собой. Но нет, это ее ноша, ей и нести. Его, если понадобится, можно будет вызвать позже.

Кабинет был маленький: две стены экранов и рабочая поверхность. Те части стены, которые не скрывались под изображениями «Дерехо» и Фригольда, рабочей схемой станции и статусами «Предштормового», «Росинанта» и системы жизнеобеспечения, были выкрашены в тускло-оранжевый цвет. Добавить бы немножко голубого – хорошо бы смотрелось. Джиллиан махнула ей, не вставая с места, и Наоми задвинула за собой дверь.

– Я не знала, что Фригольд под ударом, – заговорила она.

Джиллиан не смотрела ей в глаза.

– Мерзавец с ходу подорвал наш транслятор у кольца и выставил свой. Мы не смогли выбросить красный флажок. Прошу прощения.

– Я не критикую. Боюсь, что мы осложнили ваше положение.

– Не знаю, было ли куда осложнять. Но раз уж вы здесь, надо обсудить варианты.

Джиллиан сжимала и разжимала правый кулак. Не единственный признак натянутых нервов, но самый заметный. Наоми вызвала наружу свою самую старую, рассудительную и безжалостную ипостась. Никогда она не рвалась в полководцы. Но мироздание потребовало.

– У вас есть планы?

– Один план, – поправила Джиллиан. – «Предштормовой» готов к эвакуации. Его до отказа загрузили припасами и съемными частями станции. Выскочим из укрытия и уведем за собой врага. Пройдем кольцо, выберем другую систему и начнем строительство новой базы.

– А Драпер бросите?

– Она нужна была только ради «Предштормового», – сказала Джилиан. – А теперь и для него не слишком пригодна.

Наоми, нахмурившись, сделала ей знак продолжать.

– Фригольд имел стратегическое значение, только пока никто не знал, что мы здесь. Теперь с этим покончено. Неизвестно, научились они лучше нашего анализировать трафик, или откуда-то протекло. Черт побери, могли просто угадать. Но они здесь. Держаться теперь за базу можно разве что из упрямства.

– А «Дерехо», вероятно, погонится за вами, – сказала Наоми. – Оставит в покое гражданских и уйдет за вами. Вы это имеете в виду?

– Надеемся, что так. У нас во всех крупных городах установлены системы записи. Если дойдет до бойни, тихой она не будет. Радиопередачи во все системы – все узнают, что они натворили. Им это тоже известно. Лишний довод против бомбардировки.

– А как насчет открытого боя? «Дерехо» – мощный корабль, но и «Предштормовой» того же класса. А теперь у нас еще одна боевая единица. И если у вас найдется что добавить из судов или планетарной обороны…

– Это можно обдумать, – согласилась Джиллиан. – Хотя класс классом, а силы не равны. У них свежий, недавно дозаправленный корабль. А «Предштормовой»… не в боевой готовности. Не в полной силе.

– Почему?

– Нам с Лаконии не доставляют ресурсов, ремонтного оборудования, специалистов. И сколько лет мы его гоняли в хвост и в гриву. Корабль хорош, но возраст сказывается.

Наоми видела, к чему ведет Джиллиан. Та уговаривала себя, что потеря корабля, потеря базы – это не так уж страшно. Она искала способ избежать массовой бойни, даже если для этого пришлось бы сдаться.

Наоми подумалось, что отчаяние чем-то напоминает фрактал – постоянно меняется, но на каждом новом уровне остается тем же. Жители Фригольда в страхе, что настал их последний день; хватающаяся за любой способ спасти их Джиллиан; безнадежные, перемалывающие усилия самой Наоми, сражающейся за спасение кораблей от небытия за кольцами и построение

хоть какого-то противовеса порочной авторитарной империи. Элви Окойе, рискующая жизнью ради средства остановить тех, кто скрывается за кольцами и посылает в эту вселенную волны жестоких чудес. Под каким углом ни взгляни, страх и отчаяние всюду окажутся одинаковыми.

Предупреждающий сигнал застал обеих врасплох. Джиллиан сменила изображение «Дерехо» на далекое кольцо, из которого только что выскочил светившийся кометой выхлопа корабль.

– Вы кого-то ждете? – спросила Джиллиан, перенаправляя пассивные сенсоры базы на новую цель.

Наоми не ответила. Изображение понемногу проявлялось, пока не обозначился силуэт. Лаконский корабль, притом знакомый. Насчет следовой подписи пришлось бы справиться у «Роси», но она и так не сомневалась, что это «Ястреб».

– Это из Нового Египта, – сказал она. – За нами.

Тихое восклицание Джиллиан вполне заменило ругательство. Если раньше хороших вариантов было мало, теперь их совсем не осталось. При попытке бежать пришлось бы разминуться с новым противником, а если это и удастся, «Ястреб» проследит их до врат и сообщит, куда ушли. А для попытки дать бой враг слишком силен.

У Наоми уже висело на языке «простите», когда Джиллиан недоуменно хмыкнула. И вместо извинений Наоми спросила:

– Что такое?

– Новый корабль говорит.

– С «Дерехо»?

– Не по лучевой связи, – сказала Джиллиан. – Открыто. В радиодиапазоне.

Наоми свела брови. Лучевая передача из точки в точку надежнее вещания в эфир, как бы ни шифровалось сообщение. Возможно, лазеры «Ястреба» не дотягивали до «Дерехо», или удар «Роси» сбил им настройку, или…

– Другие корабли в системе есть? – спросила Наоми. – Он обращается не только к «Дерехо»?

Джиллиан вывела на рабочую поверхность управление связью всей базы. Пальцы ее плясали по экрану. На лбу и в углах губ пролегли морщины.

– Да, не только. Передают открытым текстом. Даже не скрываются.

– А метка адресата есть? К кому он обращается?

– К вам, – сказала Джиллиан. – Он говорит с вами.

Она перебросила воспроизведение сигнала на больший из двух экранов.

Фактический правитель Лаконии взглянул на женщин своими неправдоподобно зелеными глазами и улыбнулся – иначе, как скорбной, Наоми бы эту улыбку не назвала. А голос звучал мягко, как деревянная флейта:

– Сообщение для Наоми Нагаты. Я Антон Трехо. Думаю, вы знаете меня и знаете, в каком мы оба положении. Нам с вами давно пора поговорить. Я хотел бы предложить союз…

Глава 18. Джим

Паника была глубокой и беспричинной. Казалось, что вибрирует сама станция, – Джиму даже пришлось проверить, чтобы убедиться: нет, только он. Он обнаружил, что сообщение кончилось, а он не помнит, о чем шла речь. Перевел его к началу, глубоко подышал и постарался, чтобы мысли опять не ускакали черт знает куда.

«Сообщение для Наоми Нагаты. Я Антон Трехо. Думаю, вы знаете меня и знаете, в каком мы оба положении. Нам с вами давно пора поговорить. Я хотел бы предложить союз.

Я не собираюсь преуменьшать или отрицать расхождения между нами. В то же время у нас есть доступ к определенной информации, выявляющей точки уязвимости, с которыми мы, каждый по-своему, пытаемся бороться. Одна проблема у нас с вами общая. Пространство колец и нераспознанные сущности в нем представляют собой экзистенциальную угрозу человечеству. Для сдерживания этой угрозы необходим контроль над доступом к кольцам. В то же время мы оба понимаем, что, когда от людей требуют отказаться от насущных потребностей ради большего блага, вежливая просьба никогда не действует».

Трехо развел руками, подчеркивая свое бессилие. «Что нам остается?» У Джима заболели ладони, и он заставил себя разжать кулаки.

«Здесь у меня есть копия подписанного вами документа. Правила безопасного использования врат. Имеется и анализ трафика, показывающий, в какой степени ему подчиняются. Я поставил на анализ своих лучших людей и должен сказать, вы чертовски хорошо справились. Надежно сделано. Если бы график действовал, он позволил бы далеко продвинуться в предотвращении угрозы инцидентов. Вам не хватает лишь одного: возможности ввести его в действие. Разделяя ваши заботы о человечестве в целом и признавая общую для нас историю и мораль, я готов предоставить свои силы в ваше распоряжение. Я от лица Лаконии и верховного консула Дуарте предлагаю подполью не только перемирие, но и сотрудничество.

Мы обязаны покончить с мелкими дрязгами и ссорами. Думаю, вы это понимаете. И я на это готов. Более того, я согласен разместить в пространстве колец два лаконских истребителя, даже сознавая риск, которому они подвергаются, с единственной целью – гарантировать выполнение установленного вами протокола переходов. Мы не будем ограничивать и контролировать торговлю. Я гарантирую безопасность любого использующего врата корабля и полную амнистию подполью.

И начну я с перенаправления на эту задачу сил, присутствующих сейчас в системе Фригольд, – продолжал Трехо. – Вот мое предложение: единый фронт против истинных врагов человечества. Все, чего я прошу от вас в подтверждение доверия и доброй воли, – это вернуть находящегося на вашем корабле пассажира. Вы не хуже меня знаете, что с нашей стороны ей ничто не угрожает. Мы хотим лишь возвратить ее домой. А учитывая примирение сторон, для нее больше нет причин жить в изгнании».

Сообщение закончилось, а Джим еще мгновение оставался не здесь. Каюта станции Драпер, койка, чуть заметная сила тяжести – все это никуда не делось, но стало не столь непосредственным, не столь реальным, как тюремная камера в глубине здания лаконского Государственного совета. Реальным был страх, а еще реальнее – сдвоенное чувство отчаяния и ответственности. Убежденности, что все зависит от него – и что он бессилен. Как будто видишь, как падает дорогая и хрупкая вещица, и знаешь, что подхватить не успеешь. Все готово было разлететься вдребезги, и он, хоть и не мог ничего изменить, сгибался под тяжестью горя, как будто нес его в одиночку.

Он так много сделал, он так старался – и так мало добился. А теперь они задают вопросы, с болью вытягивают ответы, пока он не скажет хоть что-то. Или и вопросов не задают, просто избивают, пока он не усвоит, что отдан им на милость, а милости они не знают.

Маленькая неподвижная частица сознания, со стороны наблюдающая за остальными частями, отметила странность. Будучи пленником на Лаконии, он держался. Заставлял себя планировать, интриговать, встречать страдания с твердостью, какой не находил в себе теперь. После побега он ощущал эйфорию. Спокойствие, цельность, возврат к жизни, на которую и надеяться перестал.

Но когда погасли восторги медового месяца, под ними обнаружился изуродованный шрамами, сломленный человек. Он чувствовал себя не слабым – ничтожным.

За спиной остались годы. Годы плена и пыток – тоже тяжелые, и годы, когда он играл роль почетного гостя, все время ощущая дышащую в затылок смерть. Годы в роли танцующего медведя. Эти были хуже, потому что они сломали его представление о себе. О том, кто он такой. О том, что такое истина. Того Джима Холдена, который запустил тревогу на станции «Медина», не стало. А Джим Холден, интриговавший против Кортасара в поддержку Элви Окойе, с самого начала был наполовину фальшивкой. Он был тем, что от него осталось. Опивками. Огрызками.

Джим! Джим, вернись ко мне.

Он переключился. Увидел тесную каюту – будто запустилось видео. Рядом была Наоми. Он не запомнил, когда она вошла. Наоми держала его за руку.

– Привет, – заговорил он, с натугой изображая бодрость и веселье. – Подумать только, кого я вижу!

– Так ты посмотрел сообщение.

– Угу. Да. Посмотрел.

– Я надеялась, что ты еще спишь. Надо было мне сразу сюда идти.

– Нет, – возразил он. – Я в порядке. Просто прорабатываю небольшую старую травму. И соображаю, что взять на ужин. Обычное дело. Что я пропустил?

– Можно отложить этот разговор.

– Не поможет, – сказал он, сжимая ее пальцы. – Отложить разговор? Не поможет. Пока ты здесь, со мной все в порядке. Даже полезно вытащить это дело наружу. Честное слово.

Он не знал, правду ли говорит, но и не был уверен, что лжет.

Он видел, как она решила ему поверить.

– Он капитулирует, – сказала Наоми.

– Только если ты возьмешь его на должность полицейского, – заметил Джим. – Это не совсем капитуляция.

– Я прочла приложенный им договор, – сказала она. – Он действительно видел мой график движения.

Местами цитирует дословно. И его корабли переходят под мою команду.

– Это хорошо.

– Он хочет превратить подполье в новый Союз перевозчиков. Устанавливать правила будем мы. Вне лаконской системы субординации. За нами остается право не пропускать лаконские корабли.

– И что ты думаешь?

– Что это пахнет фальшивкой. Слишком хорошо, чтобы можно было поверить, – сказала она. – Но… Ведь мирные договора так и заключаются? Такое уже бывало, верно? В истории полно войн, закончившихся потому, что люди решили их прекратить. Мы нанесли Лаконии тяжелый удар. Мы разрушили строительные платформы, и восстановить их невозможно. Во всяком случае, не в ближайшее время. Дуарте, создававший всю эту систему, вне игры. А налеты, отключающие то людей, то законы природы… Это действительно угроза.

– Угроза, – согласился Джим.

Наоми тряхнула головой.

– Все во мне кричит, что это ловушка, но вдруг нет, а я откажусь? Если это не тот просвет, которого я искала, даже не знаю, чего мы от них хотим.

Открылась дверь в маленькую общую комнату. Голоса Терезы и Алекса смешались, перекрывая друг друга. Негромко гавкнула Ондатра – вставила свое слово. Наоми наклонилась к Джиму, уперлась лбом в лоб, будто они оба были в скафандрах и хотели поговорить неслышно для других.

– Я переживу, – сказал он. – Уже лучше. Совсем хорошо.

– Эй, там, – позвал Амос, – вы о том же говорите?

– Сейчас выйдем, – громко отозвался Джим.

Она опустила ладонь ему на затылок, как бы ласково погладила, и потом оба вышли. Алекс с Терезой подпирали стены. Амос сидел на полу, лениво почесывая за ухом Ондатру. Собака, улыбаясь ласковой собачьей улыбкой, переводила взгляд с Амоса на Терезу.

– Как идет дозагрузка? – спросила Наоми.

– Хорошо, – ответил Алекс. – Трюмная команда здесь что надо. Как всегда.

– Я все забываю, как долго ты был здесь дома, – проговорил Джим. – Этот кусок я пропустил.

– Народ тут хороший, – сказал Алекс.

Джиму подумалось, как много семей нажил Алекс на жизненном пути. В военном флоте, с первой женой, с командой «Кентербери». С браком у него получалось не очень, зато был дар строить себе дом. Или находить.

– С ремонтом немножко иначе, – подал голос Амос. – Идет не так быстро, и в некоторых частях, если начать, мы до окончания не сможем взлететь. И времени может занять больше, чем дали жителям Фригольда. Я бы сказал, стоит отложить, пока не будем знать точно.

Наоми, кивнув, прижала большим пальцем нижнюю губу – задумалась. Она выглядела старой – и правильно. Они оба состарились. Но, мало того, она выглядела твердой, а насчет этого Джим сомневался. Хотя действовать им не раз приходилось так, будто это правда. Такому они хорошо научились – и она, и он.

– Что возвращает нас к главному вопросу, не так ли? – сказал Джим.

– Так, – согласился Амос.

– Что скажешь? – спросила Наоми таким тоном, как будто Амос был прежним.

– Скажу, что, если вы откажете, мы так и не узнаем, что у них творится. Подозреваю – то же, что и у нас.

– И в этом случае менее чем через двое суток «Дерехо» начнет убивать, – добавил Джим. – И почти сразу после этого нам придется отсюда уходить – если допустить, что нашу маскировку еще не порвали в клочья.

– А, маскировку как раз порвали, – протянул Амос. – Я думал, это и так ясно.

– Ясно, – кивнула Наоми. – Вариантов у нас не много, и все плохие.

– О чем это вы? Вы меня выдаете, – заговорила Тереза, – речь ведь об этом? Ясное дело, вы меня выдаете.

– Не так это просто, Кроха, – сказал ей Амос.

Девочка наморщила лоб.

– Я не стою ста тысяч человек.

Джим, как школьник в классе, поднял руку.

– То есть ты хочешь вернуться?

– Нет, не хочу. Мне там смерть, но я одна, а тут целая планета. Вы меня сдадите. Вам придется.

– Мне – нет, – с обманчивым равнодушием возразил Амос. Джиму было знакомо это предвещавшее взрыв равнодушие, а Терезе, наверное, нет.

– Мы уже решили, что Трехо предлагает то, что предлагает? – спросил Алекс. – Что его заботит только логистика? Я что-то не в восторге. Чтобы вернуть Терезу, нам придется выдать

себя. Видимо, причалить к какому-то из их кораблей. А я видел в деле их силовые скафандры. Если решатся на абордаж, нас пройдут как папиросную бумагу.

Тереза все хмурилась, но уже по-другому. Джим неотрывно наблюдал за девочкой. Она, зная Лаконию, повидав ее изнутри, как никто иной, первой поверила. Если Трехо что-то предлагает, он это всерьез. Наверняка искренне. Джиму пришла мысль, не вернее ли ее чутье, чем его недоверие или сомнения Наоми. Молодой, свежий взгляд видит яснее? Или же опыт помогает лучше распознать расставленную ловушку?

– Трехо, пока не стал лаконцем, был марсианином, – продолжал Алекс. – Он предал свой народ. Едва ли это довод в пользу его верности слову.

– Мой отец тоже был марсианином, – напомнила Тереза, впрочем, без особой горячности. Так, будто думала о другом.

– Вопрос в том, можно ли доверять его обещаниям, – заметил Джим. – Ответ на этот вопрос у Трехо в голове. Туда нам доступа нет. Так что остается делать ставку на одно или на другое.

– Есть еще кое-что, – сказал Амос. – Выдав Кроху, останемся ли мы хорошими людьми? Это тоже вопрос.

– Вопрос, – признал Джим.

– Когда выбор между одним и ста тысячами, и думать нечего, – сказала Тереза. – Да меня и не убьют.

Но взгляд Наоми уже обратился внутрь. Что-то в словах Терезы ее зацепило. Джим увидел, как она поняла, даже раньше, чем понял, что именно она поняла. Наоми шевельнула бровью, покачала головой – всего на миллиметр вправо и влево.

– Знаете, что происходит? – заговорила она. – Это он перебрасывает на меня ответственность за свои дела. Тереза права. Она точно определила поставленный передо мной выбор. Один человек против множества. Но убить многих собираюсь не я. А он. Выполнив его требование, я спасу людей, которых он готов убить в наказание мне за отказ.

Смешок Амоса очень походил на лай Ондатры. А заговорил он, подражая ласковой угрозе насильника:

– Смотри, до чего ты меня довела, детка. Зачем ты так меня сердишь?

– Вот-вот, – кивнула Наоми. – Я не могла взять в толк, но именно поэтому я не могу согласиться. Он приставил мне ствол к виску и делает вид, что только мне решать, спустит ли он курок. Это не доказательство доверия, а очередная угроза.

– Не забывай и об уступках. Амнистия, – сказал Джим. – Тут не только палка, но и морковка перед носом.

– Морковка ничего не меняет, пока палка у него в руках, – возразила Наоми. – Хватит с меня палок. Я дисквалифицирую палки. Другое дело, если бы он вывел «Дерехо» из Фригольда. Но он не вывел. Он предпочел этот вариант, значит, я не могу ему доверять.

– Кроме того, – улыбнулся ей Джим, – он просит выдать ему девочку, которая к нему не хочет. Значит, пошел он на фиг. Мы на такое не согласны.

– Пошел он на фиг, – подтвердил Амос.

В комнате стало тихо. Наоми поджала губы и почти незаметно качала головой, мысленно продолжая разговор. Джим задумался, что она говорит и кому. Пожалуй, тем, к кому она обращалось, повезло, что их здесь нет.

– У нас два хороших корабля, – сказал он.

– Два-то два, – отозвался Амос. – И я обоих люблю, но «Роси» чувствует себя на все свои годы, и «Предштормовой» давненько не подновляли.

– Два почти хороших корабля, – уточнил Джим. – Тоже неплохо. Загрузим к себе всех, кто есть на станции Драпер, и рванем к кольцу, а если «Ястреб» попробует остановить – собьем

его. Когда «Предштормовой» выйдет из укрытия, они лишатся предлога для бомбардировки Фригольда. Хоть планету сохраним.

– Из наших плохих вариантов этот лучший, – признала Наоми.

Джим направился к двери. Он чувствовал себя почти прежним. Страх, паника не ушли, но уменьшились в размерах. С такими уже можно управиться.

– Первым делом проверить, чтобы хватало болванок для рельсовой, – сказал он, нажимая на дверную ручку.

Дверь не сдвинулась, а на запорной панели высветился сигнал. Эта ошибка здесь была настолько не на месте, что он еще дважды дернул дверь, прежде чем смысл надписи дошел до сознания. «Аварийная изоляция. Вакуумная тревога».

– Вот это диво, – произнес он.

Наоми уже обращалась к своему терминалу:

– Джиллиан, что происходит?

Ей ответил жесткий, колючий голос:

– Я понимаю, что вы взволнованы, мэм.

– Что вы делаете?

– При всем уважении к представляемой вами гражданской ветви подполья здесь военный вопрос. Враг угрожает ста тысячам человек и готов пустить их в расход, а требует одну девочку, которой не сделает ничего плохого. В таком обмене нет ничего позорного.

– Вы поверили, что Трехо, получив ее, действительно уйдет? – спросила Наоми. Она не повысила голоса, но в нем звенел гнев.

– Согласно самым надежным нашим источникам, этот человек держит слово, – ответила Джиллиан.

– Это не ваше дело. Мое, – сказала Наоми.

– При всем уважении я как капитан «Предштормового», являющегося флагманом наших боевых сил, уполномочена на решение военных вопросов. Этот – военный.

– Джиллиан, – позвал Алекс достаточно громко, чтобы его было слышно через ручной терминал Наоми. – Напрасно ты это делаешь. Бобби бы так не поступила.

– Капитан Драпер понимала, что одно лицо не должно вставать на пути у большего блага, капитан Камал.

Будь она здесь, она поступила бы, как поступаю я.

Амос хмыкнул:

– Сколько себя ни уговаривай, солнышко, правдой это не станет.

– «Ястреб» направляется сюда с представителем Лаконии на борту. «Дерехо» сопровождает его в качестве эскорта с условием, что после передачи оба корабля должны будут покинуть систему. До тех пор я ограничиваю ваше перемещение жилыми помещениями, – объявила Джиллиан. – После передачи, когда вы достаточно остынете, можно будет обсудить, готовы вы на раскол подполья или поддержите мое решение.

– Джиллиан… – начала Наоми, но связь уже заглохла.

Общая комната стала тесной как клетка, и страх впился Джиму в позвоночник – такой свежий и злобный, словно он и не держал его под спудом столько дней. Рядом разговаривали. Голоса накатывали волнами. Алекс: «Я бы ее вразумил, только бы она меня выслушала». Амос вслух рассуждал, сколько уйдет времени, чтобы пройти коридор в жестком вакууме и выживут ли остальные, если он это сделает. Наоми снова и снова повторяла имя Джиллиан, добиваясь связи. Молчал только он. Или нет, еще Тереза.

Она взглянула на него, будто они тут были одни. Он ей кивнул. Она кивнула в ответ.

Глава 19. Кит

Каюта на «Прайссе» досталась такая тесная, что они с Рохи не могли разминуться, не потершись боками. Толстая тканая обивка на металлических переборках имела неаппетитный оливковый оттенок с вплетенными оранжевой нитью инструкциями по уходу. Стенной экран был не больше двух составленных рядом ладонников, а его защитное покрытие Кит не смог оттереть дочиста, как ни старался. Койки со старыми гелевыми матрасами тоже были сконструированы неудачно: зажатые в стенные ниши, они прищемляли неосторожным пальцы на руках и ногах. Кроватку для Бакари приварили к палубе, металл по шву до сих пор блестел. Ее устройство оказалось куда удачнее.

На ближайшие несколько месяцев им больше негде было уединиться. «Прайссу» предстояло разогнаться к кольцу, перейти через него в систему Ньивстад и гнать дальше к Фортуна Ситтард – столице главной обитаемой планеты.

Камбуз, микроспортзал и душевые были общие на шесть кают. Кто-то поднял над их новым домом флаг города: красно-зеленый с черно-белым кругом – узор, подозрительно напоминавший футбольный мяч. Дверь в дверь напротив поселились два брата из Брич-Кэнди, променявшие материнскую компанию по сбору бесхозного имущества на контракт в Ньивстаде, фамильное ремесло выламывать оборудование времен терраформирования – на создание управляемой среды в непривычной биосистеме нового мира. Кит волновался, не будет ли плач Бакари мешать братьям спать, но пока что они не жаловались. В каюте подальше жили мать с дочкой предподросткового возраста – Рохи возилась с девочкой, готовя себя к тому, чего ждать дальше. У Кита сложилось впечатление, что женщина бежала от неудачного брака, а ее дочь посещала психотерапевта, летевшего тем же рейсом, только на четыре палубы ниже.

Киту даже эти сведения казались лишними, хотя он сознавал, что его отвращение к историям чужих семей вызвано по большей части проекцией. Он так привык избегать разговоров об отце, что остерегался и слушать о том, что на душе у других людей.

Кит выровнялся по центру кадра, потом передвинулся так, чтобы виден был и Бакари, прижатый к его груди компрессионным одеяльцем. И начал запись.

– Привет, пап. Не знаю, где ты сейчас и когда это услышишь, но решил послать весточку. Медвежонок тоже здесь.

Кит подстроился так, чтобы в рамке четче проявилось личико Бакари: завитки тонких черных волос на голове, полные мягкие губки, выпячивавшиеся и втягивавшиеся во сне, веки – темные, как будто подкрашенные тенями. Кит дал отцу, где бы и когда бы тот ни был, хорошенько разглядеть внука и вернулся на место.

– У нас пятый день невесомость. Он ее переносит лучше меня. В судовом лазарете есть для него камера с нагрузочным гелем, но на борту много семей, которым она требуется, так что тренируем его по расписанию. Хотя Рохи считает это очень важным. И, вероятно, права. Ему в камере не нравится, зато спит он потом как зверь. Так что с этим все хорошо. Я молодцом. И Рохи молодцом. Если мы к прилету на Ньивстад еще сможем друг друга терпеть, я скажу, что наш брак вечен. Мне непривычно жить в такой близости с кем бы то ни было.

Он помолчал, соображая, не стоит ли стереть и начать заново. Отец мог увидеть в шутках о разводе и корабельной жизни намек, а Кит совсем не думал его осуждать. Но Бакари зашевелился. Весь день он не проспит, а когда ребенок не спит, записывать сообщение не так легко.

Опять он разрывался надвое: одной рукой хотелось защитить отца, другой – сына. Кит вечно чувствовал себя между: между отцом и матерью, между матерью и Рохи, между требованиями контракта и семьей. Если верить матери, он унаследовал инстинкт миротворца от отца. Может быть, и так, хотя ему Алекс Камал запомнился иначе.

Он спохватился, что давно молчит, и виновато улыбнулся в камеру.

– В общем, – продолжил он, – врач утверждает, что с мальчиком все хорошо. К адаптационным коктейлям прибегать не пришлось. Говорят, в таком раннем возрасте от них больше вреда, чем пользы. Если соблюдать расписание упражнений и дать ему достаточно отдыха, когда окажемся на планете, он адаптируется быстрее нас. Здесь все вроде бы хорошо. Все по плану. Очень скоро будет прохождение сквозь кольцо. Это, в сущности, за весь рейс единственный пугающий момент. Зато Бакари первый шаг сделает на Ньивстаде. Марса он и не вспомнит. Надеюсь, у тебя будет возможность его повидать. Не знаю, важно ли это для него, но для меня важно. Рохи тебе понравится, и этого медвежонка ты полюбишь. Где бы ты ни был, надеюсь, что у тебя все хорошо и ситуация не страшнее необходимого. Береги себя, дед.

Он закончил запись и проиграл ее. Пауза, когда он ушел в свои мысли, оказалась не так уж заметна, и он сохранил сообщение, зашифровал и вставил в очередь на отправку по подпольному адресу, который сообщил ему Алекс. В политику он совался, только когда того требовали семейные дела.

Риск был, но совсем небольшой. Алекс понимал, что, если к Киту явится лаконская служба безопасности, тот, спасая себя и семью, пойдет на сотрудничество. Пока они не приходили, только с его матерью встречались год назад. Кит, как видно, в их поле зрения не попал, а в колонии он, надо надеяться, окажется еще дальше от лаконского радара. Еще одна причина заключить этот контракт. Причина, которую он с Рохи не обсуждал.

Бакари зевнул, еще не открывая глаз, и зашевелился на груди у Кита. Вот-вот проснется и по традиции потребует молока и смены подгузника. Кит спешно послал Рохи сообщение: «Еще спит, но скоро». Молочная смесь была под рукой, но Рохи верила в грудное вскармливание, и Кит, хоть и много возился с сыном, это чисто материнское дело с удовольствием уступил ей. К тому же это позволяло ему уйти в спортзал и согнать дневную норму пота.

Бакари наморщил нос – они видели у него эту гримаску еще на УЗИ – и открыл блестящие темные глаза. Глаза сфокусировались не сразу, но вскоре поймали взгляд Кита и ответили на него. Бакари тихонько забулькал – это был не столько лепет, сколько бормотание себе под нос. Особой радости при виде отца он не проявлял – возможно, потому что Кит почти всегда был рядом. И ощущал смутную гордость, думая, что сын в нем уверен.

Он рассуждал про себя, послать Рохи еще одно сообщение или достать готовую смесь, когда отодвинулась дверь каюты. И при виде лица жены он сразу понял, что дело плохо.

– Малыш? – сказал он.

– Я здесь.

Она кивнула на Бакари, и Кит выпутал малыша из прижимного одеяльца. Бакари тут же засучил ручкаминожками, но никакого недовольства в его движениях не сквозило. Как будто невесомый полет по воздуху был самым обычным делом. Рохи перехватила сына и притянула к себе. Тот уже знал, что за этим последует, и принялся теребить летный комбинезон у нее на груди. Рохи, двигаясь как лунатик, распахнула комбинезон и повернула ребенка к соску.

– Малыш, – повторил Кит, – что случилось?

Рохи глубоко вдохнула – как ныряльщик, глядящий с вышки на далекую воду.

– Еще одно отключение. В системе Сан-Эстебан.

Если Киту и стало не по себе, то совсем немножко. Засевшие в кольцах чужаки уже полдюжины раз отключали ему сознание. Вместе со всей системой Сол.

– Плохо? – спросил он.

– Они мертвы, – сказала Рохи. – Вся система. Все просто умерли.

Глава 20. Элви

Система Сан-Эстебан заселялась первой волной колонистов, ее разведывала и изучала бывшая компания Элви: «Роял Чартер Энерджи». В системе нашлась одна подходящая планета и еще луна газового гиганта с пригодной для дыхания атмосферой. И первая опорная «станция параллакса» для картографирования относительного расположения в галактике систем с кольцами. Восемнадцать миллионов человек в десяти городах, на полуавтономной аквакультурной платформе величиной с Гренландию и на научной станции в зоне стагнации гелиосферы, в 110 а.е. от звезды. Три года назад система теоретически вышла на самодостаточность, однако до сих пор импортировала товары с Сол, Оберона и Бара Гаона.

Вот потому грузовик системы Сол «Аматэрасу» с грузом сверхчистых промышленных реагентов и оборудованием для переработки руды рискнул на прохождение Сан-Эстебанских врат.

Элви перебирала присланные потрясенным врачом изображения. Она уже дюжину раз все просмотрела, прослушала приложенный отчет и прочитала результаты полевой аутопсии.

Мертвец, которого она сейчас видела на экране, уже летел в мешке в направлении Лаконии для более подробного исследования в научном директорате. Элви, склонив голову к плечу, рассматривала влажные пятна на комбинезоне, натянутом разбуханием трупа, и запавшие, отдавшие влагу воздуху глаза. Документы, подтвержденные и генетической экспертизой, называли мертвого техником-практикантом с перевалочной станции – его труп был обнаружен в числе первых. При жизни он звался Алехандро Лоури. Теперь – санэстебанским кадавром-001.

Разговор, сопровождавший съемку мертвеца, записывался не в Сан-Эстебане. Элви столько раз выслушала капитана и врача с «Аматэрасу», что тем больше нечего было ей сказать. Она слушала голоса Джеймса Холдена и женщины с медлительным тягучим выговором – прежде долины Маринера, а теперь лаконским.

– Расскажите, как выключались системы, – требовала допросчица.

– Сначала погасла всего одна, – отвечал Джим. – Так что… групповое сознание? Консенус? Не знаю, каким словом это назвать. Хор. Они даже не особо забеспокоились. Поначалу.

Элви переключилась на наружные съемки. Немолодая женщина – седая, с завивкой – лежала на солнце. Рядом с трупом человека Элви видела незнакомое животное. Похоже на мелкую насекомую свинку. Фасетчатые глаза поставлены по сторонам продолговатой черепоподобной структуры. Местный вид, а погиб вместе с женщиной. Она вывела на экран статью по разновидностям, анатомии и физиологии экосистемы Сан-Эстебана.

– Что оставалось в таких системах? Тела? Или они просто пропадали? – спрашивала допросчица.

– Нет, не так, – отвечал Джим. – Системы просто гасли. Как будто терялся канал связи.

– Тогда каким образом они узнавали, что система мертва?

– Они все были связаны воедино. Если вам отрубить руку, она умрет? Так вот, те системы умирали.

Это потому, подумала Элви, что строители, они же «римляне», они же – космическая медуза… эти создания света не знали одиночества с тех пор, как научились мерцать в своем древнем подледном океане. Они были индивидуумами и единством. Суперорганизмом, связанным так тесно, как она – с собственными конечностями и органами. Она нашла статью, рассуждавшую о передаче внутренних сигналов той жукосвинки, и заскользила по ней взглядом, схватывая суть и не вникая в подробности.

– И только на этом основании они решились уничтожать целые системы? – спросила допросчица.

– Это для них – как срезать плесень с головки сыра. Или раковое образование с кожи. Испорченное место, вот они его и выжгли. Оно им стало ненужно. Они думали, это остановит… – Что остановит?

– Тьму. Смерть.

– Эй, – позвал Фаиз, и Элви остановила запись, оборвав следующий вопрос женщины.

– Сам ты «эй», – со вздохом отозвалась она.

Он вплыл в дверь кабинета. Выглядел усталым. Хрупким. Как все теперь. И не только выглядели.

– Во врата только что проскочил дрон с помощью от Лаконии, – сообщил он. – Еще пара недель на согласование орбит, и мы будем есть то же, что едим, но из свежих атомов.

– Хорошо. Надеюсь, к тому времени мы здесь еще будем.

Она хотела пошутить. Мрачно, но пошутить. Отчаяние мелькнуло в глазах мужа и сразу пропало, после чего он решил улыбнуться.

– Ты что это слушаешь?

Элви уставилась на динамик в обивке стены – словно ждала от него подсказки.

– М-м… Джеймса Холдена. Его допрос на Лаконии. Я хотела добыть и записи времен открытия врат. В архиве Алигархского мусульманского университета они точно есть, но оттуда пока не ответили.

– Ищешь что-то конкретное?

– За несколько десятилетий воспоминания искажаются, – объяснила она. – Хотела проверить, совпадает ли сказанное тогда с тем, что он говорит сейчас.

– И попробовать сообразить, почему мы еще не все умерли?

– Пара гипотез у меня есть.

Фаиз толкнулся через комнату, ухватился за скобу и остановился рядом. Светлая щетина припорошила ему щеки, как легкий снегопад. Левой рукой Элви взяла его за руку, а правой вывела данные по системе очистки вод на Сан-Эстебане. Грубую схему работы.

– Что мы здесь видим? – спросил он.

– Выпадение солей в осадок одновременно со всеобщей смертью, – сказала Элви. – Как будто наши темные боги догадались сделать ионные связи чуточку попрочней. И продлилось это ровно столько, сколько нужно для отключения нейронов. Местная фауна тоже использовала для передачи сигналов ионные связи, хоть и передавала их не по нервам, а скорее по вакуумным каналам. Их тоже приложило. Хотя микробиоту, как видишь, не задело.

– Из чего я это вижу?

– Трупы разбухают, – сказала она, – оттого что микробы напердели.

– Когда жуткая история заканчивается шуточкой ниже пояса, прямо не знаешь, как реагировать.

– Это не шутка. Но сразу после окончания события очистка воды снова запустилась. «Аматэрасу» появился всего через несколько часов после события. Распад, который мы видим на этих снимках, шел, пока они заходили на посадку.

– Из чего следует?..

– По-моему, враг не понял, что удар достиг цели.

Послушай…

Она нашла свою метку на аудио и запустила его.

«Нет, не так. Системы просто гасли. Как будто терялся канал связи… Они все были связаны».

Она остановила запись.

– Строители не летали проверить. Им это было ни к чему. Они и так были связаны. Теряя систему, они знали, что там никого не осталось. Кольца они использовали для пересылки материальных объектов, но это как для нас – доставить пищу в желудок. Скорей всего, у них это

происходило бессознательно. Не требовалось ни графика, ни торговых связей. Если в системе ничто больше не требовало поставок, поставки прекращались.

– Поставки…

– Вроде груза «Аматэрасу», – пояснила она. – Враг что-то проделывал, и поставки прекращались. А враг понимал, что удар попал в цель. А у нас? Поставки не прекратились. Подозреваю, что мы для них так же невидимы и непостижимы, как они для нас. Некоторые наши действия для них вроде помех на связи. Эти наши беспорядочные, бесконтрольные переходы – то, что они чувствуют. Так слышат крысу в стене и раскладывают разные яды – пока она не перестанет скрестись. Шум прекратился – значит, сработало. А если мы все равно шныряем во врата и обратно… Для них это значит, что яд не действует.

– Крутая теория. – Да-да. Или… – Или?

Она нашла еще одну метку на записи. «Сначала погасла всего одна».

– Или такие паузы для них норма и вскоре они начнут убивать всех. – Элви не сумела скрыть ужаса. Да если бы и смогла, он бы услышал. Они так долго были знакомы – какие тут секреты. – Надо быстрей добиваться ответов.

– Еще быстрей?

Элви отняла у него руку, пальцами прижала веки, потерла от середины к углам. На ресницах засохли крошки. Слезы.

– Я поговорю с Карой, – сказала Элви. – Спрошу, готова ли она.

– Спроси и Ксана. Это он хрен знает сколько часов просиживает в камере для катализатора. Он молчит, но ему тошно.

Элви сумела проглотить вскочившее ей на язык:

«А кому не тошно?»

Фаиз снова заговорил, но всю его веселость как ветром сдуло. Голос измученный, надтреснутый. Такой был ближе к тому, что чувствовала она. Казался более настоящим.

– Я не указываю тебе, что делать. Просто… – Говори.

– Кортасар десятилетиями держал их в клетке. Ставил над ними опыты, а о них не думал. – Кара дала согласие…

– Все эти погружения ее меняют, а как – мы не представляем. И то, что ей это нравится, меня нисколько не успокаивает.

Элви ощетинилась бы, но это говорил Фаиз, а она давно не высыпалась, держась на том, на что там распадается адреналин. Вроде бы миндальная кислота? Она запамятовала. Она стала слушать дальше – просто слушать, не реагируя.

– Я знаю, что сейчас не в самом здравом уме, – продолжил он. – Слишком долго мы торчим на этом корабле, и все сходят с ума, и всем адски страшно. Это понятно. Я понимаю. Но на то и существуют этические рамки. Они указывают путь, когда кругом все мутно.

– По-твоему, я действую неэтично.

– Да. Я тебя люблю, но да, целиком и полностью. – Он виновато скривился.

Элви глубоко вздохнула и выпустила воздух через нос. «Сокол» вокруг тихонько гудел, будто тоже ждал ее ответа.

– Знаю. – Стоило сказать это вслух, ей полегчало. – Я знаю.

– И что будем делать?

Она скрестила руки на груди.

– Помнишь доктора Негил?

– Что-то очень давнее. Преподавала в Калабрасском университете?

– Я в аспирантуре посещала ее семинар по этике. Мы там читали рассказ о прекрасной утопии, где все было замечательно, приятно, просвещенно, хорошо и справедливо и только одному ребенку приходилось жить в бедах и несчастье. Один ребенок в обмен на рай для всех.

– Помню этот рассказ. «Омелас».

– Так вот, тут не то, – сказала Элви. – Я работаю на авторитарного диктатора, в системе, где люди страдают, мучают и убивают друг друга. Я подрываю свою безопасность и безопасность своих сотрудников, передавая результаты политическим противникам моего начальства. Мы здесь бьемся не за прекрасную, милосердную, приятную утопию. Если мы победим, спасенные нами люди будут жить в той же каше из дерьма, бессилия и абсурда.

– Верно.

– В том рассказе ребенка приносили в жертву «качеству жизни». Я жертвую Карой – а я признаю, что это может быть так, – не ради качества. Речь идет о количестве. Если, теряя ее, я не дам свести количество человеческой жизни к нулю? Дешево отделаемся. Если это будет стоить всего, что есть, – все равно выгодная сделка.

Она сумела его пронять. Фаиз повесил голову – уступая не силе тяжести и все-таки уступая.

– Так. Ладно.

– Ты так не можешь? Хорошо, – сказала Элви. – Я устрою тебе транспорт обратно в научный директорат. Твою работу с тем же успехом можно продолжать там.

– Миленькая, ты же знаешь, я не о том.

– Я бы тебя поняла.

– Да, но нет. Я просто хотел убедиться, знаем ли мы, что делаем. Если для нас правильно поступать неправильно – я все равно намерен просыпаться с тобой рядом. Главное дело моей жизни, честно тебе скажу.

Они минуту парили рядом друг с другом, не соприкасаясь.

– Ты бы легла, – предложил Фаиз. – Уже поздно, а мы оба устали.

– Еще немножко, – отказалась Элви. – Надо составить для Трехо доклад по Сан-Эстебану, а Очида ждет материалов для работы по новому плану.

– О, и еще доктор Ли хотел с тобой поговорить. Если найдешь время. По личному делу.

Элви удивилась.

– Вроде бы в группе физиков сложился дисфункциональный любовный треугольник. Им не помешают твои наставления.

– Разыгрываешь, да?

Фаиз развел руками.

– Все совершенные нами чудеса основаны на физиологии приматов. От наших достижений голова идет кругом, но физически мы все те же машины для секса и убийства. Организм не меняется.

– Хорошо. Я к ним загляну. А ты сделай для меня доброе дело.

– На все готов.

– В спасательной капсуле вроде бы обновляли меню. Посмотри, не загрузили ли для камбуза рецепт сааг панир.

– Если да, он будет ждать тебя в каюте.

Он дотянулся до нее, поцеловал и уплыл в коридор. Элви вернулась к снимкам Сан-Эстебана. Теперь ей на месте каждого трупа виделся Фаиз. Или она сама. Или Джеймс Холден. Или Уинстон Дуарте.

Она включила запись.

– Адмирал Трехо, я понимаю, что Сан-Эстебан – очередная внеочередная проблема. Пока я могу предоставить вам только обзор, несколько предположений и план дальнейших работ.

На более или менее пригодный вариант она убила час и копию отправила по второму маршруту: Наоми и подполью. В этом деле они все союзники, даже если сами об этом не знают.

Пока она разобралась с перемещением ресурсов для Очиды, пока обсудила с Харшааном Ли план спасения «Сокола» от жестокой личной драмы, прошло еще два часа. Фаиз уснул в

кают. Ее ждала туба с сааг паниром и груша с бескофеиновым чаем. Поев и напившись, она влезла в спальную сбрую.

Во сне она плавала в море, кишащем акулами, которые готовы были ее убить при первом же поспешном движении.

* * *

Лаборанты суетились вокруг парящей в воздухе Кары, приспосабливая ей на голову шапочку датчиков. Кругом все двигалось, и только они двое – она сама и подопытная – казались Элви неподвижными. Как в окне циклона. По экрану бежали кривые работы мозга – экспертная система сопоставляла новые данные с наблюдавшимися ранее. Это называлось «нормированием». Как будто у них еще была какая-то норма.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Элви.

Идеально черные глаза Кары переключились на нее – всего на мгновение, а потом девочка усмехнулась. Элви хотелось думать, что улыбка подлинная. Возможно, так оно и было. Может быть, дельта между стимулом и ответом на стимул представлялась неаутентичной и заученной только потому, что Элви пыталась оценивать Кару как обычного человека. Как примата. «Организм не меняется», – сказал в ее памяти Фаиз. Только теперь его слова звучали предостережением.

Этот организм изменился.

Кара как будто подслушала ее мысли, взглянула без улыбки.

– Вас что-то тревожит?

– Я подумала… об изменениях когнитивной деятельности у тебя и у Ксана. Ты помнишь, как было до? – спросила Элви.

– До?

Один из лаборантов тронул выходы датчиков, и весь экран загорелся зеленым. Можно приступать.

– До изменений. До всего, – сказала Элви. «До вашей смерти», – промолчала она.

– Не знаю. Как у всех, наверное. Это было очень давно.

Элви вымученно улыбнулась, припоминая, где она была, когда Кара последний раз гуляла по лесам Лаконии. Кем она была, когда Кара еще оставалась человеком?

– Это и для меня давно, – кивнула Элви и подобралась. – Ладно, на этот раз мы попробуем сделать немножко по-другому. Нам надо уточнить поиск. Постараемся добиться ответа на конкретный вопрос: как возникли кольца-врата. Нам надо переключить БИЧ из режима лекции в режим «вопрос-ответ». Если получится.

– Из-за Сан-Эстебана?

Элви задумалась, как бы ответить «да» помягче, и не придумала.

– Да.

– Я постараюсь, – сказала Кара. – Только не знаю, как им это понравится.

– Если ощутишь неудобство или что-то пойдет не так, скажи только слово, и мы тебя вытащим. Я буду следить за уровнем стресса. Если тебе станет плохо, отменю все, даже если ты не сможешь заговорить. Хорошо?

– Я справлюсь, – сказала Кара. – Мне этого хочется.

Элви перевела взгляд на руки девочки. Такие тонкие, хрупкие.

– Мне тоже.

Интерлюдия. Спящая

Спящая целеустремленно проваливается в сон, в сон, в сон, слой за слоем проплывая слои бездны. Ее уже трое, и одной еще недостает, и сон рассказывает ей о развертывании в пустоту и о свете звезд, клеток, сознаний, о мерцании, влекущем, как песни и поцелуи, потому что их поцелуи были чистым светом. Те, кто не чувствовал притяжения звезд, выпадают из сна, а остальные становятся мудрее, шире, полнее древнего океана, обживаются в вакууме, где их согревает лишь собственное медлительное тепло.

Да, спящая видит сон, как плывет в потоке, но врата? Откуда взялись врата?

Бабушки нашептывают голосами, не знавшими зубов.

«Смотри сюда, я все тебе расскажу. Смотри сюда – туда, где свет становится всем, смотри, как свет учится думать».

Да, да, да, но врата? Тьма? Как все кончилось?

Сам свет рассыпается на грани, как будто старуха манит изумленное дитя стеклянной бусиной. «Смотри, что умеет свет! Смотри, как он бывает богат. Разве не мило, разве не красиво? Разве тебе не хочется его проглотить, чтобы он проглотил тебя и расширисжался во всем цвете?»

Но врата? Врата. И то, что было в конце.

Бабушки улыбаются, улыбчиво кивают, кивающе улыбаются, и сон вздрагивает ударом по лицу. Вся полнота света преломляется, в его спектре возникают дыры. Бесконечные дыры более чем темноты между светом и более чем светом. Спящая задыхается. Реальность вскрывает ее, как рвота, как оргазм, как припадок, а бабушки держат стеклянную бусину, в которую впаяна ее голова, и голова хочет лопнуть.

Как она? Выводить?

Пока нет.

По всему сновидению устанавливается новая физика. Да-да-да, обезьяны начали с запуска камня по параболической траектории, они учились всему в порядке, чуждом сну и спящей, в порядке синевы. А свет начинался как плавание в ласке соленой воды, и первая глава была иной, и вторая добавила отличий, и его полнота – другая полнота, и ногти впиваются в трещины между ним и вечным «вне».

Бабушки говорят: «Смотри-смотри-смотри, как это было однажды и повторяется снова». Холодная крыша мира раскололась, подарив звезды. Так же раскалывается вакуум, показывая, что за ним – древнейшее настоящее, более настоящее.

Тело Бога. Небеса, где все ангелы нас ненавидят.

Спящая чувствует, как ее всю трясет, как она теряет контроль над мочевым пузырем и кишечником. *Не будите меня не будите меня не будите не.*

Ваше «Хочу знать» – это «Я дала» и «Я делаю».

Новая физика рождает новые проблемы, и проблемы запускают новые сны. Второй прорыв вовне, новое цветение – обновление и рост. А ящичек с инструментами остался ящичком с инструментами: принимает в себя быструю жизнь, чтобы она принесла свое богатство, отсылает вовне то, что когда-нибудь вернется или не вернется с подарками для бабушек, от которых получило свободу, и безграничное терпение тех, кто слишком холоден, слишком медлителен, слишком широк для смерти, слишком внезапен, чтобы ощутить прикосновение времени. В дырах спектра вздуваются пузыри, и тысячи-тысячи-тысячи семян поцелуями рассылаются к поющим стихи звездам. А потом…

Спящая загорается. В теле что-то отказывает, и она чувствует, как под ней открывается что-то глубже, чем сон. Все, что начиналось, закончится, и конец уже покашливает в прихожей. Поднимите меня. Поднимите меня поднимите…

«Что это?» – говорит синий, и спящая отталкивается, но это уже не ее сон. Бабушки кудахчут, разбегаются, тысячами пальцев увлекая ее за собой. И эхо говорит: «Прости. Не хотел тебя в это втягивать. Попробуй просто расслабиться». Но говорит не с ней.

Ядро в огромном атоме, и в его сердце – горящий часовой механизм. Мощь миллиона солнц, собранная в прежней вселенной. «Да-да-да, – говорит синий, – теперь понимаю, покажи мне, как это действует». И бабушки показывают.

Она хватается.

Подтягивается наружу.

А синий ласково опускает ладонь ей на макушку и любовно заталкивает под воду. Система гаснет, замолкает несколько из квадрильонов голов. Сто систем. Они ушли на войну, а войны не случилось, но покажите, где вы закопали оружие. И бабушки, хихикая, показывают.

«Да, – говорит синий. – Да, это то, что мне нужно.

Спасибо».

Глава 21. Танака

Девица на экране нарядилась во что-то задуманное как военная форма, держала позу, задуманную как военная выправка, и говорила в сухой манере, задуманной как властность.

– Принимая предложение адмирала Трехо, я готова допустить одного представителя на станцию Драпер для передачи ему Терезы Дуарте, – говорила Джиллиан Хьюстон. – После завершения передачи «Ястребу» и «Дерехо» предлагается покинуть систему Фригольд до полного оформления нового положения дел.

– Ну надо же, – процедила Танака. – Нам дают отставку.

– Да, – вежливо кивнул Мугабо и, помолчав, добавил: – Действительно, она выглядит совсем зеленой.

– Еще с соской не рассталась. Просто не верится, что столько беспокойства нам доставила девчонка, которая берет в постель плюшевого мишку.

– Я полагал, «Предштормовым» почти до атаки на нашу планету командовала марсианка…

– А саму атаку направляла Нагата, – закончила Танака и склонила голову к плечу. – Почему же с нами говорит не она?

– Не нахожу объяснений, – сказал Мугато.

Впрочем, Танака не к нему и обращалась.

Она отдавала должное плану Трехо – смелый план. И, как любой хороший план, он был гибким. В случае согласия Нагаты он позволял той изображать собой власть до времени, когда Трехо возместит потерянное. А в случае, если Дуарте так и будет неуправляемым, можно было и насовсем оставить ее на вершине. Изящный способ покончить с войной: отдать видимость власти врагу, сохранив действительную силу за собой, и посмотреть, заметит ли Нагата, что произошло.

Если бы она отказалась, но вышла на связь, открывалась дорога для дипломатии. Дипломатия всегда давала шанс вытянуть из врага побольше сведений. Или врагу вытянуть кое-что у тебя. Такой конфликт Танака не то чтобы одобряла, но понимала.

Однако на деле вышло нечто среднее. Согласие получено и, казалось бы, от имени подполья, однако не от Нагаты. Обсуждаются условия, а главные темы не затрагиваются. Танака уже раздобыла не так уж мало важных сведений: точное расположение тайной базы подполья и подтверждение, что на этой базе находится «Предштормовой» – или хотя бы его командир. Вероятно, и Тереза Дуарте тоже. Эта маленькая мятежница определенно держалась так, будто располагала властью. Возможно, так оно и было. Прошедший врата корабль сильно напоминал улетавший из Нового Египта «Росинант». И сел он на луну, служившую базой противнику. А если «Росинант» там, там же должны быть Джеймс Холден и Наоми Нагата.

Ответь ей Нагата, она бы не чуяла фальши.

А так чуяла.

– Принимаю условия, – сказала она. – Девочку заберу я.

Ожидай она от Мугабо возражений или сопротивления: «К чему вам рисковать собой? В прошлый раз с вами была десантная стрелковая группа, а вы на сантиметры разминулись со смертью», – ей пришлось бы разочароваться. А так она не разочаровалась. Скорее посмеялась про себя.

– Передайте Боттону, чтобы вел «Дерехо» к нам, – сказала она. – Если по окончании мы уйдем, это будет выглядеть жестом доверия. Если вступим в бой, он мне нужен под рукой.

– Как скажете, мэм, – ответил Мугабо. – Не хотел бы уклоняться от темы, но вы видели сводку по Сан-Эстебану?

– Что там?

Улыбочка Мугабо стала меланхоличной. Из него вышел бы хороший официант. С таким, чуть смущенным выражением лица посетителям говорят, что заказанный деликатес кончился.

Она встретила его взгляд:

– Сан-Эстебаном занимаются другие. Мы – моим заданием. Если явится мессия, скажите ему, что мы заняты. Ясно?

– Совершенно ясно.

– Если понадоблюсь, я буду в оружейной.

К великому сожалению, она не захватила свой быстродействующий скафандр разведчика. На «Ястребе» имелась штурмовая броня последнего поколения, ее уже разложили на палубе в ожидании последних штрихов рукой Танаки, но этот скафандр и близко не походил на элегантный, стройный как борзая «Сталкер». Дизайн штурмовой брони был простым и грубо эффективным – надежный робот-убийца. Под обоими рукавами крепились пулеметы Гатлинга: скорострельные, с мелкокалиберными разрывными патронами. На левое плечо добавили ракетный гранатомет – на случай, когда пары пулеметов окажется мало. Да эта броня и сама по себе была оружием. В ней Танака могла бы в жиме лежа поднять наземный экипаж. А уж порвать надвое человека для этого скафандра пустяк. Он был предназначен для штурма, когда продвигаются от двери к двери, проходят коридор за коридором. Вершина лаконской инженерии, с ним Танака сумела бы без поддержки очистить базу вроде станции Драпер. Если только не попадет под прицел ОТО.

Она медленно и методично прогоняла проверку; за тысячи часов работы с такими скафандрами список операций впечатался в мозг. С окончанием проверки мысли переключились на предстоящий бой. Если предстоял бой.

Она была готова к тому, что бой будет.

Языком она ощупала десну с недостающими зубами и неприятный шрам на внутренней стороне щеки. Рана уже не болела, но там, где пуля Джеймса Холдена вырвала кусок лица, осталась непривычная гладкость – плохо залеченные разрывы. И они зудели фантомным зудом.

Ранения были тяжелыми. Голова до сих пор болела после сна в неподходящем положении. И, хотя Танака добросовестно прошла все восстановительные процедуры, щеки никогда уже не станут вполне одинаковыми. Чтобы нарастить выбитую кость, уйдут месяцы, а чтобы из нее проросли зубы – и больше того. Некоторые – даже среди лаконских военных – и с меньшими основаниями требовали бессрочной инвалидности с повышением пенсионных выплат и льгот. И это было еще не худшее.

Хуже всего был стыд.

Танака – вершина лаконской армии. Одинокий стальной атом на самом острие копейного наконечника. Опытная, тренированная и, несмотря на годы, в превосходной форме. Она отправилась на задание как на детскую площадку, да еще имея за спиной стрелковую группу, а Джеймс Холден накормил ее собственным дерьмом. Она знала, почему так вышло. Ее сдерживала необходимость защищать девочку, а его нет. Она держалась консервативных взглядов относительно применения военного корабля вблизи гражданских лиц, а он нет. Она могла бы дождаться, пока они оставят девочку, но даже такой рассчитанный риск в тот момент казался ей слишком велик. Все ее действия надзорный трибунал проглотил бы, не моргнув глазом. И все-таки проиграла она, а не он.

Она зарядила пулемет на правой руке лентой, где мощные разрывные чередовались с бронебойными. Лента встала на место с успокоительным металлическим щелчком. Не убивай никого или уж убей всех.

Если передача сорвется, она знала, какой вариант выбрать.

* * *

Танака велела Мугабо оставить «Ястреб» на расстоянии, позволявшем кораблю уклониться от входящих снарядов рельсовой пушки, а на поверхность луны добралась на двигателе штурмового скафандра и опустилась в точке с указанными ей координатами. Небольшой выступ скалы и лед скрывали дверь шлюза от взгляда с орбиты, но с поверхности она отлично просматривалась. Наружный люк был открыт – ее ждали.

Станция Драпер была всего лишь ледяной пещерой, выстеленной изоляционной пеной, а гравитации крошечной луны едва хватало намекнуть, где тут низ. Базу военного флота это напоминало не больше, чем любая пиратская станция в Поясе. Танаку оскорбляла сама мысль, что великий воин и вождь адмирал Трехо вынужден торговаться с этими захолустными революционерами.

– Вхожу, – радировала она Мугабо.

– Принято, сэр, – ответил он. – Мы готовы.

Танака хихикнула по себя и отключила его канал. Несколькими секундами позже она вышла через шлюз в большое складское помещение. Всю стену заставили шкафами и стойками для вакуумных скафандров. Потолок выстилала все та же дрянная пена, но решетка пола была металлической, и Танака прищелкнулась к ней магнитными подошвами.

Ее встречали пятеро. Все при оружии.

– Я – Джиллиан Хьюстон, – сказала женщина посередине. На ней был простой спортивный костюм без знаков различия. Стоявшие по сторонам от нее держали винтовки «на караул».

– Полковник Алиана Танака, Лаконский десантный корпус.

Передача пленных требовала определенных формальностей, и Танака, пока не получит девочку, намеревалась их соблюдать.

Казалось, Джиллиан Хьюстон ожидала продолжения, и повисшая пауза смутила обеих. Помолчав, Джиллиан откашлялась. Танака на своем внутреннем экране наблюдала, как тепловые, звуковые, видео- и радиодатчики скафандра выстраивают для нее план-схему внутренних помещений станции. Электромагнитные сенсоры, способные уловить сердцебиение, обозначили на схеме и присутствующих в радиусе их действия людей.

– Трехо сказал…

– Адмирал флота Антон Трехо, – отрубила Танака, а усилитель наружных динамиков придал гулкой звучности ее голосу.

Лицо Джиллиан застыло. Хоть и зеленая, а замечаний не любит. И, даже лицом к лицу с боевым скафандром, не думает пятиться. Ее нервозность выдавала только частота сердечных сокращений. И перебои ритма.

Танака выждала, наблюдая, как заерзала охрана. Теперь Джиллиан, как видно, решила держать паузу. Кто первый заговорит, тот и главный? Хорошо же. Скафандр сообщил, что схема станции в целом завершена, все присутствующие в радиусе семидесяти метров отмечены. Танака отключила наружный динамик и произнесла:

– Даю полномочия стрелять без команды. Танака.

Щелкнув, отключились предохранители ее скафандра. Этот звук тоже отразился от стен. Охранники нервно переглянулись.

– Адмирал флота Трехо, – первой сорвалась Джиллиан Хьюстон, – гарантировал, что, если мы отдадим вам девочку, силы Лаконии покинут систему Фригольд, не атакуя. Он поручился своим словом.

Танака вернула на место наружную связь:

– Я не вижу Терезы Дуарте. Где она?

– До ее передачи я должна получить более надежные гарантии.

– Подвинем врата? – съязвила Танака.

– Мне недостаточно устных заверений, – повторила Хьюстон. По-видимому, заготовленный сценарий был исчерпан.

– Где Нагата?

– Простите?

– Адмирал сделал предложение Наоми Нагате. Вы – не она. Терезы Дуарте здесь нет. Что, собственно, происходит?

Хьюстон вздернула подбородок так, словно Танака ее в чем-то обвиняла.

– Наоми Нагата контролирует гражданские акции подполья. Я, как командующая «Предштормовым», решаю военные…

– Чушь.

– Мне не нравится ваш тон.

Вот оно. В Новом Египте она пыталась играть безопас но – и проиграла. Жизнь – это риск, а мысль, что, даже если ничего не выйдет, ей лично последствия не грозят, немного пьянила.

В юную Дуарте она стрелять не собиралась. И эти вряд ли станут. Девочка может пострадать лишь по случайности, а если и схватит пулю, ранения, по всей вероятности, окажутся не смертельными.

Когда начнется стрельба, они могут попытаться эвакуировать пленницу, но на этот случай у Танаки два корабля, готовые обездвижить противника. Возможно, выпугнуть Терезу из укрытия – наиболее безопасный вариант.

Она спохватилась, что слишком затянула с ответом. Пульс у Джиллиан Хьюстон тикал, отсчитывая уровень тревожности.

Вот оно. Любезничать с врагом или действовать открыто.

– Знаете, у нас тоже такие есть, – заметила Хьюстон, указывая на ее броню. – Мы их не надели в знак доверия. А надели бы, это бы ничего не изменило. *На хрен.*

– Ладно, – заговорила Танака, взглядом фиксируя каждого из четырех стражей и отмечая их как цели на тачпаде в перчатке. – Я сама ее заберу.

– Нет… – начала Джиллиан.

Танака сказала: «Огонь».

Вручную она не сумела бы так быстро и точно навести оба рукава скафандра. Поймав в прицел двух крайних охранников, пулеметы мгновенно выпустили короткие, в пять выстрелов, очереди в головы. Переключившись в новую позицию, выстрелили вторично.

Двое по сторонам от Джиллиан Хьюстон тоже превратились в безголовые тела. Все это заняло менее полутора секунд.

Помещение заполнилось дымом, грохот выстрелов еще отдавался от стен, когда Джиллиан Хьюстон, развернувшись на пятках, толкнулась в коридор. Танака проводила ее взглядом. За время, пока женщина летела к выходу, она сто раз успела бы превратить ее в пляшущую тряпичную куклу.

– Следи за ней, – приказала она скафандру, и экран высветил особую метку для часто бьющегося сердца Джиллиан. Если Хьюстон командует базой, она должна точно знать, где находится девочка. Только ценная заложница – Тереза Дуарте – могла сейчас спасти жизнь кому-то из них. Но пока у Танаки были другие дела.

Удерживаясь на магнитных подковах, она непринужденно зашагала по коридору вслед за Хьюстон. Бьющиеся сердца местных метались и разлетались по мере распространения паники. Это хорошо. Ее план держался не на секретности. Пусть революционеры готовятся. Пусть вооружаются, окапываются. Все это ничего не значит. Будет им героическая битва за последний оплот, которой так жаждут все романтики. Все равно оплот будет последним.

На скрещении коридоров ее скафандр тревожно звякнул за микросекунду до того, как залп ударил Танаке в левый бок. Скафандр отметил три цели, все с легкими автоматами, все

спрятаны за импровизированными укрытиями. Танака тронула пластину перчатки, и левый рукав, развернувшись, дал три выстрела. Три растерзанных тела выплыли из укрытия, разбрасывая в воздух шарики артериальной крови.

Счетчик боезапаса в левом пулемете ушел вниз еще на пятнадцать патронов. Танаку это не волновало. Полного боекомплекта двух рукавов с избытком хватит на всех. А если и не хватит… что ж, запасной вариант выглядел грязнее, но был по-своему привлекателен.

– Мы легко могли проделать это в Новом Египте, – проговорила она, воображая перед собой Нагату, Холдена и их экипаж. – Это ваш выбор.

Раненая щека превратила ее улыбку в кривобокую гримасу. Но болело не очень.

Коридор за коридором, метр за метром – Танака шла по станции. Первым делом она направилась к большим скоплениям бьющихся сердец. Надеялась, что в самых крупных узлах сопротивления застанет героев «Росинанта», но тех не было. Надо отдать должное, подпольщики сопротивлялись обдуманно и отважно. Себя не щадили, а несколько контратак оказались по-настоящему коварными. Впрочем, ее образ действий не сулил сдавшимся безопасности, так что она на их месте вела бы себя точно так же. Куда бы она ни сворачивала, ее детектор сердцебиения обнаруживал в радиусе семидесяти метров новые скопления прячущихся или готовых к бою людей. Она проходила их одно за другим, предлагая амнистию в случае сдачи оружия и девочки. Не то чтобы она ждала согласия. И не факт, что в случае капитуляции прекратила бы стрельбу.

Она спохватилась, что потеряла метку сердца Хьюстон. Это заставило ее задержаться, но всего на мгновение. Она сосредоточилась на схеме, высматривая возможные корабельные доки, когда за поворотом открылось самое обширное из накачанных воздухом помещений базы. Огромное складское пространство, больше ста метров по стороне, дюжина в высоту. Тайная сокровищница революционного подполья. Все это похищено у Лаконии.

Скафандр предупредил, что вслед за Танакой движутся три человека, и она, скользнув взглядом по сигналу, вывела на экран задний вид. Трое астеров маневрировали рабочей тележкой, загруженной большими цистернами сжиженного газа. Танака как раз начала оборачиваться, когда один из астеров толкнул тележку на нее – как тяжелый таран.

«Ого, – успела подумать она в самый момент удара, – импровизированная торпеда».

Вырубилась она всего на секунду, а когда пришла в себя, скафандр орал, сообщая о полудюжине повреждений. Ее на добрых полметра вбило в пенное покрытие стены. Кислородная цистерна, навалившись на грудь, не дала ей упасть.

Скафандр предупредил, что утрачен резервный контроль верхней половины туловища и тридцать процентов резервной батареи израсходованы на устранение течи. Кроме того, у Танаки сломаны четыре ребра и смещен левый плечевой сустав. Она приказала медицинской системе накачать себя обезболивающими и амфетаминами. И с чем-то похожим на гордость за противника подумала: «Хорошо сработано, зайчики. Попробуйте еще раз».

Трое астеров подходили с осторожностью. Танака после удара не шевелилась, так что они, конечно, надеялись, что торпеда сделала свое дело. У одного в руке была портативная плазменная горелка. Надо полагать, чтобы взрезать скафандр и удостовериться.

– РПГ, – произнесла она, удерживая взглядом среднего из троих.

Скафандр поднял плечо с гранатометом и поймал цель. У астеров осталась одна секунда на удивленный взгляд, после чего двадцатимиллиметровая граната накрыла среднего и разлетелась облаком осколков, убившим все живое на расстоянии десяти метров.

Часть зацепила грудную пластину и щиток шлема.

Изнутри это походило на стук дождя по железной крыше. А через полсекунды за осколками долетели брызги крови и внутренностей.

– Засранцы, – сказала Танака и правой рукой отпихнула от груди тяжелую цистерну.

Скафандру ее тяжесть оказалась по силам, так что через несколько секунд Танака стояла на ногах, не ощущая боли и только вибрируя от лекарственного коктейля в крови.

– Есть предложение! – прокричала она, выкрутив громкоговоритель на такую мощность, что, если кто-то был в помещении склада, ему грозила неизлечимая глухота. – Тот, кто приведет мне Терезу Дуарте, выживет. Никто другой отсюда целым не уйдет. Так что, если она у вас, спешите показаться вместе с девочкой.

Потому что все остальные умрут.

Глава 22. Джиллиан

Джиллиан поняла, как промахнулась, едва лаконка вошла в шлюз базы. Она уговаривала себя, что это все нервы, что обмен пройдет как договаривались, но нутром уже чуяла.

Она съежилась в служебном тоннеле, головы не поднимала. Кровь пропитала ткань рубашки, отчего порезы на ребрах казались серьезнее, чем были. Вдали отдавался эхом усиленный динамиком голос лаконки, но Джиллиан различала только отдельные слова. «Дуарте… Спешите… Умрут». Она левой рукой выдернула из кармана ручной терминал, с тем хладнокровием в кризисной ситуации, которым всегда гордилась, прокрутила пальцем меню. Душа требовала самой позаботиться о пленниках. Вместо этого она включила связь.

– Джиллиан? – отозвался Камал. Терминал передавал только голос, но она и так представляла его озабоченное лицо.

– Я ошиблась, – сказала она, впуская в отсек атмосферу. Даже по коммутатору было слышно, как зашипел вливавшийся в коридор воздух. – Лаконка в штурмовой броне. Вероятно, отслеживает меня.

– Ты цела?

Господи, Камал есть Камал! Джиллиан заперла его в клетку, перехватила власть над гражданской системой субординации, сама пригласила на базу врага, а Камал волнуется, цела ли она.

– Я там, где мне положено, – сказал она. – За глупость надо платить. Веди своих на корабль и уходи.

– Где бы взять оружие? Ты не сумеешь?..

– Бери людей – и ходу, Камал. Чтобы драпать во все лопатки, пушки не нужны, а вам надо драпать. Я прикрою.

Она слышала голоса: Нагаты, Холдена, черноглазого чудовища, девочки. По одышке поняла, что Камал уже двигается.

– Нас на выходе еще будет ждать пара лаконских кораблей?

– Да. Один здесь, второй на подходе.

Пауза. Может быть, он размышлял. Может, бежал.

– Ясно.

– Звякните мне при старте. Я попробую расчистить вам дорогу.

Она оборвала связь, когда секция стены у нее за спиной развалилась. Застукали.

Джиллиан пригнула голову и оттолкнулась, двигаясь в микрогравитации базы полубегом-полутолчками. Воздух вокруг рвали пули. Желай лаконка ее убить, уже убила бы. Но враг сейчас хотел ее напугать и заставить шевелиться. И добился своего.

Жар в лицо – это от стыда и ненависти. От стыда за себя, от ненависти к врагу. И от страха тоже, но его она сейчас к себе не допускала. Это на потом, если будет потом.

Добравшись до Т-образной развилки, она ухватилась за скобу и качнулась за поворот, уводя врага подальше от маршрута Камала. «Давай за мной, – думала она. – Давай, засранка. Попробуй возьми меня».

Маленькая станция Драпер была ей домом. Джиллиан могла пройти ее из конца в конец с закрытыми глазами, как в детстве – свое ранчо. Ладонник светился сигналами тревоги и ошибок – от личного состава и от автоматических систем. Тревога растекалась по базе, как адреналин по жилам. Джиллиан оставалось меньше часа до времени, когда она отправится вслед за всеми. Что-то в ней в ужасе замирало при мысли, что потом придется пройти сквозь ушедших раньше. Она понимала, что это бред, но и его оставляла на потом.

Не замедляя бега, она вывела сохраненную групповую связь и послала открытое сообщение «Предштормовому».

«Станция Драпер атакована изнутри. Готовьтесь к экстренному старту через… пять минут».

Ждать ответа она не стала.

Лаконка за спиной кричала что-то про Терезу Дуарте, но Джиллиан в ее электронном голосе слышался только восторг. Мыслями она уже забежала вперед. Двумя уровнями выше есть круговой тоннель, загибающийся обратно к ангарам. Если ей удастся обогнать Танаку, сам изгиб тоннеля укроет от огня. Она добралась до трапа наверх, подтянулась на следующий уровень и захлопнула за собой крышку люка. Толку с нее как с рисовой бумаги, но Джиллиан и не рассчитывала остановить врага. Только притормозить. Выиграть лишнюю секунду для Камала и для себя.

Лаконку, по-видимому, что-то отвлекло, она ненадолго приотстала. Джиллиан уже почти достигла дальнего конца тоннеля, когда люк позади разнесло взрывом и ей вслед застрекотала очередь из автоматического оружия. Джиллиан упала вниз и тут же сдвинулась вправо. Проход к люку «Предштормового» открывался двумя уровнями ниже, но ждать лифта было некогда. Не прекращая двигаться, она перехватила управление дверью шахты, и, пока добиралась до нее, дверь успела открыться. Джиллиан упала в шахту, но медленно. Сзади стреляли. Остатки охраны станции еще оказывали сопротивление. Люди, которых она знала, за которых отвечала, гибли, потому что она позволила себе поверить, что, выдав девчонку, избавится от зрелища горящей планеты. Когда ставки высоки, проигрыш обходится дорого, а на столе перед Джиллиан лежало много фишек.

Двумя уровнями ниже она, пинком толкнувшись от задней стены, ввалилась в шлюзовый коридор. Наружный люк «Предштормового» уже открыли, и Джиллиан, влетев в свой корабль, ткнула пальцем в закрытие люка. В конце коридора мелькнула механическая броня. Когда корабль начал задвигать наружную дверь, противница испустила такой вопль, что голос, усиленный скафандром, сам по себе показался ударом. В Джиллиан полетела граната РПГ, время будто замедлилось. Темное тело гранаты с ярким пятном сзади – будто корабль с дюзовым выхлопом. Джиллиан шарахнулась назад, будто это могло спасти. Дверь с шипением закрылась и тут же зазвенела колоколом. Наверное, единственное на базе, чего лаконке не пробить, – это шкура «Предштормового». Еще четверть секунды, и граната рванула бы у Джиллиан под ногами. Но это на потом.

– Мостик, говорит капитан Хьюстон. Отсчет.

Запустилось открытие внутреннего люка, а в терминале отозвался голос Каспара:

– Двигатель готов, но не вся команда в сборе.

– Опоздали, теперь уж их не дождаться. «Росинант» стартовал?

– Нет, еще в доке.

«Где тебя черти носят, Камал?» – подумала она и сказала в ладонник:

– Готовьте старт.

– Есть, капитан. – В ответе Каспара ей послышался страх.

По дороге к лифту Джиллиан просмотрела рапорт системы безопасности. От места, где лаконка впервые открыла огонь, через всю базу тянулся ее след – восемнадцать первоочередных предупреждений, таймкоды взломанных дверей, сообщения об обстрелах: лаконка сверлила пространство и время, как короед древесину.

Джиллиан попыталась представить, какой маршрут выберет Камал со своими. Загорелось еще одно предупреждение, уже не автоматическое. Служба безопасности запрашивала план действий. Комом в горле встало понимание: она не знает ответа. Базе конец, и это ее вина. Одна пленница за тысячи жизней гражданских, тогда обмен казался таким очевидным – и вот куда ее привел. Посмертная экспертиза ошибок – на потом.

– Камал, доложись, – сказала она и страшные полсекунды думала, что он не ответит. Потом в динамке щелкнуло, зашипело, и задыхающийся голос прохрипел:

– У водяных баков, движемся к доку.

– Дойдете – уходите, – сказала она. – Дорогу я расчищу.

Каспар лежал в амортизаторе рубки. Аманда Фели пристегивалась у поста связи. Наташа Ли сидела на обычном месте, но перевела на себя управление оружием. Остальные кресла пустовали. Джиллиан пристегнулась к своему. Она заняла его после ухода Драпер. Впервые в жизни кресло ей не подошло. Показалось велико.

– Старт по готовности, – проговорила она. – Ли, после выхода из дока сразу цельсь в «Ястреба».

– Обездвижить или уничтожить?

– Сбивай на хрен.

«Предштормовой» под ней качнулся, накренил амортизатор и резко вдавил в кресло, покидая родной порт – в последний раз, подумала в это мгновенье Джиллиан.

За спиной горела станция Драпер.

Вот что смешно – Камал ей вовсе не нравился, никогда не нравился. Ей всегда чудилось, что за манерами деревенского дедушки он прячет презрение к ней и таким, как она. Она не забыла, как «Росинант» явился на Фригольд с угрозами и увез ее отца. Может быть, в глубине души она так и не простила. А может, подыскивала дерьмовые оправдания из психологии от стыда за то, что произошло. Подбрось монетку, получишь приз.

«Предштормовой» дважды ухнул – пошли две торпеды. На экране Ли Джиллиан разглядела, как две точки устремляются к ромбу прицела, помеченному именем «Ястреб». «Дерехо» был одного класса с «Предштормовым, недавно отремонтирован и дозаправлен, и за ним стояли знания и опыт его создателей. «Ястреб» был меньше и в Новом Египте получил повреждения.

Джиллиан окинула взглядом тактическую схему системы Фригольд. Крошечный диск солнца на экране давал представление о ее огромности. Иллюзия, но полезная. А вот кольцо. И корабли, которые подполье держало в системе: полдюжины астроидных прыгунов и дряхлый ледовоз. Ни один не годен для настоящего боя. А вот «Предштормовой».

А вот и враг, нацелившийся на станцию Драпер и на Джиллиан. Два ее дома – ее база и ее корабль – лежали так близко, что их метки перекрывались. Она прижала пальцем нижнюю губу – крепко, до боли. Вот планета, ее семья и все, с кем она вместе росла, а вот твари, грозящие превратить ее в стекло. Вот безжизненные планеты системы.

Вот задача: решит ее – останется в живых, не решит – умрет.

– Статус «Ястреба»? – потребовала она.

– Выходит на нашу траекторию. Первые две торпеды выпустил за пределами эффективного радиуса.

– Не могли бы вы составить мне план уклонения на «Дерехо», будьте добры? – сказала она и отметила, как переглянулись Каспар с Фели. Знали, что ее вежливость не сулит ничего хорошего.

Каспар ровным голосом доложил:

– Если сейчас же отвернуть и уходить с максимально допустимой перегрузкой, их дальнобойные достают нас восемнадцать часов пятнадцать минут. Далее быстро теряют эффективность.

– Статус станции Драпер?

– Сигнал пропал, капитан, – сказала Фели.

Она чувствовала рядом Бобби Драпер. Не призрак, не привидение – воспоминание. Ее усмешка то ли осуждала гибельную наивность Джиллиан, то ли отдавала должное юмору господа бога, а может быть, то и другое.

Если «Росинант» не взлетит – если Камал, Нагата и остальные погибнут, – выходы есть. Если долбаная посланница Трехо выжила, одному из кораблей придется задержаться, чтобы

ее забрать. Если это будет «Ястреб», пока он закладывает крюк, «Предштормовой» оторвется. Если за Танакой пойдет «Дерехо», значит, они доверяют вести бой «Ястребу». Но с ним Джиллиан, пожалуй, справится. Сможет уйти.

А вот Фригольду не уйти. Погонится «Дерехо» за кораблем, сбившим его напарника, или повернет обратно – отомстить подполью убийством колонии? Сумеют ли ему помешать другие корабли подполья? Если втянуть истребитель в общую схватку с ней и ее разрозненным ополчением… Нет, ледовоз не успеет, но весы качнутся в ее сторону, дадут надежду на победу. Тогда «Предштормовой» со всеми полученными в бою повреждениями окажется против одного лаконского корабля.

– Ничего, капитан. – Джиллиан обернулась на голос Каспара. Губа у нее онемела – слишком крепко прижала в задумчивости. Пилот смотрел так, будто хотел утешить. – Ничего, мы понимаем.

Джиллиан подавила желание отстегнуться, добраться до него и ударить. Или хотя бы одернуть. Хоть как-то, да хлестнуть. Если они выживут, ему предстоит долгий и неприятный разговор о моральном состоянии и доверии командиру, но это потом. Сейчас некогда.

– «Росинант» покинул станцию Драпер, – доложила Фели. – Выбрались.

На дисплее появилась третья метка – прямо поверх станции Драпер и «Предштормового».

– Лучевую связь, – попросила Джиллиан.

Через несколько секунд на экране появился Камал. Она знала его как облупленного, но сейчас засмотрелась на мелкие черточки: как потемнела кожа век, как побелела щетина на шее и подбородке, какие смешливые морщинки пролегли у губ. Страха она не увидела.

– Доложись, – попросила она.

– Мы все на корабле. И девочка, и ее собака. Было неприятно, но ушли.

– Ранения?

– Целы.

Схема системы у нее на экране перестроилась, не сдвигая меток. На доске добавилась лишь одна фигура – «Росинант», но он изменил всю логику игры. Теперь Джиллиан видела недостатки своего плана и какие на кону ставки. Отчаяние было удивительно похоже на облегчение.

– Ладно, – вздохнула Джиллиан. – Берите курс на кольцо. Я, сколько сумею, дам вам время. Нагате скажи, что я прощу прощения.

– Она тут рядом. Если…

– Нет, – отрезала Джиллиан. – Передай от меня.

Она отключила связь, потратила мгновенье на долгий медленный вздох и проверила статусы. «Дерехо» наращивал ускорение – погнался за ними, как только в игру вступила Тереза Дуарте. «Ястреб» тоже сдвинулся, готовился следующий выстрел дать по «Росинанту».

Сквитаться. Это упростило ей выбор цели.

– Держись между «Ястребом» и «Росинантом». Перегрузки в меру необходимости, – ровно и спокойно проговорила она. Тем же тоном подтвердил приказ Каспар. Когда «Предштормовой» – ее корабль – развернулся под ней, когда руки и ноги отяжелели от перегрузки, она продолжала: – Как это влияет на срок прибытия «Дерехо»?

– Если сохранить данный курс, «Дерехо» будет в радиусе эффективной стрельбы через два часа. Мы с разгону можем проскочить к ним за спину и через пятнадцать минут выйти из радиуса. Если не начнем резкое торможение или они не начнут.

– Проскакивать не годится, – сказала она. – Нам нужно прямое столкновение.

Она осмотрела рубку. Никто не изменился в лице.

Они со старта знали, что шансов вернуться мало.

– Разрешите набросать им по курсу снарядов ОТО?

– Побереги порох, Ли, – возразила Джиллиан. – Нам еще предстоит расстрелять все патроны, так что не трать прежде времени.

– «Росинант» меняет курс в направлении кольца, – сказал Каспар.

Джиллиан собралась с духом и встала из кресла. От полуторной тяжести на мгновенье закружилась голова, но она справилась.

– Буду у себя, – сказала она. – Если кто хочет обратиться по личному вопросу, сейчас самое время.

Пока она шла к двери, они отдавали ей честь.

Ее кабинет был невелик, зато принадлежал только ей. Она с удовольствием проводила бы в нем больше времени. Заняв место, Джиллиан вывела тактическую схему в реальном времени – станция Драпер, «Предштормовой» и «Росинант» медленно расходились, набирая скорость. Корабль противника приближался. Ей вспомнилось, как в детстве отец учил признавать даже те ошибки, которые невозможно исправить. Так поступают взрослые.

Она разослала сообщение всем кораблям в системе: разрешение покинуть текущую орбиту и действовать на основе собственной оценки ситуации; так уходящий на войну оставляет открытой калитку для собак. И выпила последний глоток бурбона – на вкус он оказался хуже, чем она думала.

Ее корабль гудел, напрягая все силы, и огромные расстояния Фригольда сокращались для него. Просигналила система, из динамика прозвучал голос Фели.

– Запрос на лучевую связь с «Ястреба», – доложила она. – Принять или отказать?

– Переводи на меня, – ответила Джиллиан.

На экране появилось худощавое мужское лицо, украшенное смешными усишками. Смотрел он виновато.

– Я капитан «Ястреба» Мугабо.

– Хьюстон, «Предштормовой», – отозвалась Джиллиан.

– Правдоподобного выигрышного варианта у вас нет, капитан. Я уполномочен предложить вам и команде почетную капитуляцию. Плен, но я гарантирую хорошее обращение. Перешлите нам коды удаленного доступа, передайте управление кораблем. Мы обеспечим безопасность вам и вашим людям.

Джиллиан искоса взглянула на него. При всем, что она знала, после всего, что было, что-то в ней еще хваталось за ниточку надежды. Как тогда с предложением Трехо. Признавать свои ошибки – значит не повторять их дважды.

– Благодарю за предложение, – сказала она. – Но ваша коллега Танака ясно показала, чего стоит честь лаконцев.

– За ее действия я не отвечаю, капитан, но могу ручаться за свои. Даже если вы сумеете уничтожить мой корабль, вас догонит «Дерехо». С ним вам не справиться. Я не думаю вас оскорблять. Мы оба понимаем ситуацию. У таких, как мы, иллюзиям нет места.

Улыбка Джиллиан походила на лезвие ножа. Если предстоит умереть, хорошо, что она прихватит с собой этого лощеного подонка.

– У нас еще осталось несколько минут. Можете отправить сообщение. Передайте своему командованию, что полковник Танака, без провокации открыв огонь на станции Драпер, убила не только нас. Она и вас прикончила. Надеюсь, дело того стоило.

Она отрубила связь, выплеснула последние капли ненужного бурбона на пол, которому уже не дождаться уборки, и встала, чтобы вернуться в рубку. Она была полностью готова встретить «потом».

Глава 23. Джим

«Роси» жестко разгонялся. Амортизатор навалился на спину, от перегрузки ныли глазные яблоки. «Сок» в венах казался одновременно холодным и горячим, от него Джиму чуялся терпкий запашок чего-то, не существующего в действительности. Дышалось тяжело, руки непривычно давили на грудь, затрудняя движение грудной клетки. И так не первый час.

Это могло затянуться на несколько суток.

Время от времени делали передышки, давали людям поесть и оправиться. В молодости, служа на флоте, он в промежутках между тяжелыми перегрузками успевал жадно проглотить обед, прихватить грушу с кофе и сыграть партию в покер. Теперь даже не пытался. Брюхо у него не так выносливо, как раньше.

За время бегства Джим не раз задремывал, но никак не мог заснуть по-настоящему. Краешком сознания все время ждал с экрана тревоги опасного сближения и басовитого стрекота ОТО, пытающихся уничтожить торпеду, пока она не убила его и тех, кого он любит. Напряжение мышц и страх были ему привычны как старая, сто раз перепетая песня. Гимн цене насилия.

Они с Наоми сидели в рубке, в соседних креслах. Алекс находился над ними, в пилотской кабине. Амос с Терезой и Ондатрой оставались в машинном и теоретически были готовы к действию при любом отказе систем. Может, и на самом деле были готовы. Амос – обалденный механик. Тереза – толковая девочка и училась у него все время после побега с Лаконии.

Все же Джим надеялся, что отказов не случится.

Он потерял счет часам, когда они ускорялись к вратам Фригольда, и счет пропущенным трапезам, когда на экран выскочило сообщение. Он с трудом сосредоточился. Писал Алекс: «Можно драпать не во все лопатки?»

Джим передвинул руку на старую привычную панель управления, вывел тактическую схему. Система Фригольд была огромна и пуста. Будь схема в масштабе, ни один из кораблей не заслужил бы и одного пикселя, но Джим за десятилетия выучился читать полуабстрактные построения корабельного интерфейса. Перевод ему не требовался. Ярко-красный треугольник, уходящий назад, – это лаконский истребитель. Не преследует. Тормозится в направлении станции Драпер. Белый треугольник – уходящий от них корпус «Ястреба», но на самом деле это «Роси» от него удаляется. А зеленые мигающие точки обозначают обломки «Предштормового» – флагмана подполья.

Довольно простая схема. Для путаницы в системе не хватало кораблей. Он задал подсчет времени прохождения – на сколько они будут обгонять врага при текущем ускорении, на сколько – если прекратят разгон, сколько форы им понадобится, чтобы сбить погоню при переходе в пространство колец и оттуда – в другую систему. Он приказал радару прочесать оставшиеся до кольца световые минуты, после чего пришел к заключению, которое было готово, едва он прочел вопрос.

– С виду безопасно. Если что, обсудим снова.

В ответ гравитация ускорения упала до половины g, и позвонки над крестцом хрустнули, становясь на место. Осторожно, будто просыпался после долгого тревожного сна, Джим перевернулся на бок.

Наоми уже откинула крепления и села. Губы у нее растянулись в тонкой угрюмой усмешке. На экране висел рапорт по основным системам «Роси»: реактор, водяные баки, торпеды и ОТО, питание. Она просматривала показатель за показателем, проверяя, все ли в должном порядке, потому что сейчас от безотказной работы корабля зависела жизнь. Ему захотелось потянуться к ней, взять за руку, но это было бы утешением для него.

Тем, что утешало ее, она уже и так занималась.

Он включил связь с машинным:

– Как там у вас, все хорошо?

Жутковатая задержка в ответе стала такой привычной, что уже почти не пугала.

– На вид все крепко, только псина малость захромала на заднюю лапу. Мы хотим дать ей пару минут расходиться. Если не поможет, отнесем в медотсек и вколем в зад стероидов.

– Хорошо. – Он отключился.

Наоми вывела на экран запись боя. Гибель «Предштормового». И уничтоженного им «Ястреба». Самоубийственный прыжок в пасть «Дерехо». Джиму подумалось, что Алекс тоже просматривает запись, но видит ее иначе. Он не один год прослужил на «Предштормовом». Он знал погибших на нем людей. Джим, глядя на экран Наоми, пытался представить, что увидят другие. А он сам?

Два лаконских истребителя неслись навстречу друг другу, швыряясь торпедами и ядрами ОТО, пока картину не затянуло взрывом. «Дерехо» проявился первым: двигатель работал, но на корме светилось множество шрамов от яростной атаки Джиллиан. Когда с другой стороны мерцающего облака проступил разбитый корпус «Предштормового», Джим подавил вздох. Видеозапись в низком разрешении зафиксировала смерть подполья. Славную, боевую. Но все же смерть.

– До свидания, Джиллиан, – прошептала Наоми, как шепчут молитву.

– Удивительно отважные люди у нас подобрались, да? – сказал Джим. – И гибнут у нас на глазах.

Наоми пригладила волосы и обернулась к нему.

– Я считала Трехо человеком слова.

– Он такой и есть, – сказал Джим. – В смысле он вполне готов на любые жестокости. Хорошим человеком его не назовешь. Но то, что сейчас случилось, – это не он.

– И все же это случилось, – отчеканила она.

– В Новом Египте я был так уверен, что убил Танаку. Теперь это что-то вроде личной мести.

– То есть у него с управлением своими людьми те же сложности, что у меня со своими? – спросила Наоми и, не дождавшись ответа, продолжала: – Джиллиан нас отымела своей героической смертью. Нам конец.

Джим чуть поежился, представив, как воспримет эти слова Алекс.

– Она приняла неудачное решение. То есть я понимаю ее ошибку. Каждому случается иногда действовать, как он считает правильным.

Он подождал несколько секунд и добавил:

– А когда она увидела, что из этого вышло, она нас спасла. Погибла, спасая нас.

– Она оставила нас без станции Драпер, – поправила Наоми. – Она потеряла базу в ту самую минуту, как вступила в переговоры с Лаконией. Даже если бы они оказались успешны, все равно лаконцы не могли бы вежливо забыть, что мы обосновались на этой луне. И не стали бы делать вид, будто не знают о «Предштормовом» в этой системе.

– Они грозили разбомбить города. Ее знакомых, любимых. Семью.

– Они – вражеская армия, – сказала Наоми. – Мы что, должны выполнять их указания каждый раз, когда они пригрозят поступить как вражеская армия? Тогда мы давным-давно свернули не на ту дорогу.

– Я не о том говорю.

– О том, что мы должны были выдать Терезу? Что мы ошиблись?

– Не Джиллиан виновата, что хорошего решения не существует. – Наоми чуть заметно вздрогнула – после этого слова ему были не нужны. – И не ты.

У нее так блестели глаза, что это стоило долгого разговора: в них были горе, усталость и отчаяние – и еще решимость. Понимание, что они не первое десятилетие ведут игру, где нет

хороших ходов, и что эта игра будет продолжаться и после них, что история не прервется с их уходом.

Хорошо, если не прервется.

Над головой послышались шаги Алекса. Он стал спускаться по трапу. Джим много лет был знаком со своим пилотом и видел его в самом разном настроении – от ликования до ярости. Но никогда не видел таким тихим и убитым. За время бегства из Фригольда на щеках у него отросла седая щетина. Джиму она напомнила снег.

Алекс опустился в свободный амортизатор и развернулся лицом к ним. Они не стали спрашивать, как он, однако Алекс ответил. Ответил пожатием плеч и вздохом, после чего перешел к делу:

– Теоретически дистанция для бегства не идеальная. Если их истребитель сейчас же начнет жесточайшее ускорение, он успеет увидеть, куда мы проскочили после врат Фригольда.

– У них в команде раненые, – напомнила Наоми. – И корабль, вероятно, поврежден. И им еще надо забрать со станции Драпер Танаку.

– Думаю, забирать ее они не станут. А если бы попытались, нам это на руку. Джиллиан загрузила нам все баки доверху. И все-таки, по мне, лучше не гнать так сейчас, а сохранить реактивную массу на потом.

Он не сказал: «Не знаю, найдем ли мы, где дозаправиться». Слова были ни к чему. И куда они направятся, какой у них план, он тоже не спросил. Они втроем слушали, как звучит «Роси» – будто задетый перышком гонг, мелодичным звоном исправного корабля. Джим толком не понимал, чего они ждут, но молчать было хорошо.

Алекс нарушил молчание, глуховато проговорив:

– Бобби предупреждала, что за Джиллиан нужен присмотр – очень уж она своенравна. Тут не только самостоятельность. Она была самостоятельной, но и с червоточинкой, понимаете?

– Вся в отца, – кивнула Наоми.

– Она была умнее отца, – не согласился Алекс. – Еще несколько лет, и выросла бы в хорошего капитана. И «Предштормовой» был хороший корабль. Лучше него для меня только «Роси».

– Правда? – спросил Джим.

Алекс покачал головой.

– Ну, он был жутковатый. Все лаконские корабли меня малость пугают. Просто у меня на глазах только что погибли друзья, вот ностальгия и пробрала.

Связь включилась, не дав Джиму ответить. Голос Терезы, разбитый отрывистым, тревожным собачьим лаем, прервал разговор:

– Я в медотсеке. Нужна помощь. У него опять приступ.

* * *

Медицинские системы сделали для Амоса все, что могли; результаты их трудов можно было свести к фразе: «Выглядит не более необычно, чем обычно». Амос лежал в автодоке, откинув голову на светлую подушечку. Взгляд сплошь залитых чернотой глаз отслеживался с трудом, но Джим почти не сомневался, что механик смотрит на него.

– Сколько я был в отключке?

– Около получаса, – ответил Джим. – Как себя чувствуешь?

– Не прочь прогулять смену. Изматывает меня эта дрянь.

– Стало повторяться чаще, а?

– Да нет.

– А кажется, что чаще.

– Ну, да, чаще. Но тут ничего плохого нет. Это просто док усердствует.

Джим кинул растерянный взгляд на автодоктора.

Амос покачал головой.

– Нет. Окойе. Она жмет на полную катушку там, в Адро, спешит разобраться, а мы все, такие… – он указал на свои глаза, – как-то связаны, вот меня и накрывает.

– Это точно?

– Почти уверен. Я после каждого припадка знаю больше, чем раньше.

– Например?

– Ничего стоящего, – вздохнул Амос. – В их спектре есть дыры – вроде как проломы в пространстве. И существует свет, способный вроде бы мыслить. Нет, наверное, это любопытно, но за инструмент не сгодится.

– Как тебе кажется, она чего-то добилась?

– Это же не такая связь, как по направленному лучу. Мы с ней не разговариваем, – сказал Амос и сдвинул брови. – Во всяком случае, это не совсем разговор. Скорее, как если бы я подслушивал, что творится в соседней каюте. И… знаешь, если в комнате с тобой есть люди, ты и не глядя знаешь, где кто стоит. Нас там всегда трое.

– Девочка и ее брат? – предположил Джим.

– Насчет этого не уверен, но нас трое. Я понимаю, как неудачно, что в такой переделке на меня нельзя толком положиться, но сделать ничего не могу. Кроме как учить Кроху, чтоб заменила меня, если что.

Джим собирался сказать: «Не знаю, готов ли я доверить наши жизни шестнадцатилетнему механику», – но тут в коридоре звонко тявкнули, и к ним присоединились Тереза с Ондатрой. В одной руке девочка держала пищевой тюбик, в другой – питьевую грушу. Волосы, чтобы не лезли в глаза в невесомости, стянула в узел на затылке. Была в магнитных ботинках, но магниты отключила.

Собака ухмылялась и усердно махала хвостом.

– Полегчало? – спросила Тереза.

Джим изумился ее небрежной деловитости. Он почти год летал с ней на одном корабле, но в памяти оставалось давнее: не по годам серьезный ребенок – с грузом целой империи на плечах, но все же ребенок. Сейчас она достигла возраста, позволявшего подписывать долгосрочные контракты, возраста эмансипации и права на собственное базовое пособие – если бы жила на Земле, – возраста, когда тяжелый припадок у единственного в мире друга не выбивает тебя из колеи.

– Привожу себя в порядок, – сказал ей Амос.

– Я тебе принесла белую дробленку и лимонад. Соль, сахар и вода. Понимаешь, я прикинула насчет электролитов.

У Джима при разговоре о еде напомнил о себе желудок. Джим не разобрал, требует он пищи или бунтует против нее.

– Спасибо. – Амос протянул руку, Тереза ловко вложила ему в ладонь тюбик – как будто подала инструмент. – Ты срочную инвентаризацию сделала?

– Как раз собираюсь, – сказала она, потом повернулась к Джиму, впервые встретила его взгляд и кивнула, выходя.

Ондатра, прежде чем уйти за хозяйкой, добилась, чтобы Джим и Амос по очереди почесали ей за ухом. Хромоты после перегрузки Джим у старушки не заметил.

– О чем задумался, кэп?

– Подумал, каково в шестнадцать лет быть такой важной особой, чтобы за тебя убивали.

– Да уж, хреново ей приходится, – покладисто согласился Амос. – Но мы делаем для нее единственное, что можем.

– Позволяем остаться?

– Ну да.

– Знаю, – вздохнул Джим. – Хотя я и с этим предвижу сложности. Танака так легко не отступится.

– Она мне напоминает Бобби, – сказал Амос так, будто соглашался.

– Наоми думает, не замышлял ли Трехо предательства с самого начала.

– А ты нет? – Амос выдавил себе в рот каши из тюбика и кивнул Джиму: продолжай.

– Ни разу не ловил Трехо на лжи. И Дуарте тоже, а он там задавал тон. Он был грандиозен. Он был беспощаден. В паре вещей даже гениален и потому вообразил, что хорош во всем. Но он верил, что действует во благо.

– Из тех ребят, что запихнут тебя под цепную пилу, но в баре локтем не толкнут, – кивнул Амос. – Знавал я таких.

– Эта, полковник Танака, – думаю, она потому так лютует, что не достала нас в Новом Египте. К тому же я стрелял ей в лицо.

– Да, – согласился Амос, – это причина.

– Думаешь, она остынет, если объяснить, что я хотел только убить?

– Похоже, у них правое щупальце не знает, что делает левое, – сказал Амос. – У высшего командования не одна цель, да и править галактической империей – дело нелегкое. Может, насчет Трехо ты и прав. Может, Танака все завалила просто потому, что приняла это как личное дело.

Они еще немного помолчали, а потом Джим снова вздохнул.

– Такая беда с охотой с борзыми: если уж спустил их с поводка, так спустил. И не остановишь, пока они не поймают того, за кем погнались.

Амос еще мгновенье молчал – Джим не знал, в задумчивости или опять эта его странная пауза. Зашевелился он так, будто его кто-то включил.

– Я на Земле не водил компанию с народом, который любит охоту с борзыми, – сказал он наконец. – Зато был у меня в детстве знакомый, так он обучал служебных собак для полиции. Примерно то же самое, да?

– Не знаю, – отозвался Джим. – Возможно.

– Ну, к тому времени, как я с ним познакомился, он уже, можно сказать, никуда не годился. Пристрастился ко всякой дряни и медленно подыхал, но собак и тогда любил. Он рассказывал, мол, вся штука в том, чтобы найти псину, которая не станет сама решать, кого грызть. Он не обращал внимания на негодных щенков, а больше занимался теми, которые ему подходили. Отлично выдрессированные умные зверюги, но и с ними не все было просто. Умная собака отличает тренировку от дела. Он говорил, только в настоящем деле и узнаешь, подходящая ли собака тебе досталась.

– То есть ты думаешь, Танака, пока не добьется своего, от нас не отстанет.

– Если мы не сумеем ее убить, – уточнил Амос. – По большому счету, разница невелика.

– Не представляю, чем все кончится.

– Отлично представляешь. Все умрут. Так всегда кончается. Единственный вопрос: сумеем ли мы устроить так, чтобы умерли не все разом?

– Если не сумеем, цивилизации конец. Пропадет все, чего добилось человечество.

– Ну, хорошо уж то, что пожалеть о нем будет некому, – заключил Амос и добавил со вздохом: – Ты не бери в голову лишнего, капитан. Времени у тебя от сейчас до секунды, когда тебе отключат свет. Нет никакого времени, кроме сейчас. И думать надо о том, чем это время занять.

– Просто мне хотелось бы, уходя, знать, что все и без меня будет хорошо. Что продолжение следует.

– Что это не ты разбил игрушку.

– Ну да.

– А может, не такая уж ты важная особа и не тебе чинить поломавшуюся вселенную? – спросил Амос.

– Ты всегда найдешь, чем утешить.

Глава 24. Смотритель маяка

Танака попала в действующую армию почти случайно.

В шестнадцать лет, будучи звездой своего курса верхнего университета в институте Амахары, она всерьез подумывала заняться историей искусства. Посещала лекции и семинары и вполне хорошо успевала. История, стоящая за образом, придавала больше интереса и произведению, и самой истории.

Одну из последних работ она писала по картине Фернанды Дате «Обучение третьей мико»[4]. Худощавая женщина смотрела с полотна прямо на зрителя. Создавалось жутковатое впечатление, что встречаешься взглядом с написанным маслом портретом. Мико восседала на троне из черепов, а по левой щеке у нее сползала одинокая светлая слезинка. Танака писала о картине в связи с обстоятельствами жизни Дате: не поддающийся лечению рак, мучивший художницу во время работы над картиной, нарастающая угроза войны между Землей и Марсом, ее восхищение синтофашистской философией Умоджи Гуй. Отчаяние третьей мико передавало познание художницей своего «я» и примирение с несовершенством своей природы.

Танака десятилетиями не вспоминала ни картины, ни той, совсем иной жизни, которая выпала бы ей, если бы в начале пути она сделала иной выбор.

Капитаном «Дерехо» был замученный мужчина по имени Боттон.

Корабль под ними содрогался, от высокой перегрузки у нее чуточку мутилось в голове. Но в амортизатор она пока не уходила, и он тоже.

– Если вы искренне желаете догнать противника… – Боттон сбился с мысли. Слишком мало крови поступало в мозг.

Она подождала с ответом, пока он не пришел в себя.

– До прохождения кольца мы их не догоним. И до ухода из пространства колец тоже не догоним. Мы создаем у них такое представление о нашей максимальной скорости, чтобы они не опасались задержаться в пространстве колец. Пройдя врата Фригольда, они еще увеличат ускорение. Под максимум того, что может выдержать их корабль. Наша цель – выйти в пространство колец до того, как полностью рассеется след их двигателя. Тогда мы определим, через какие врата они бежали.

– Если бы мы могли… замедлить разгон сейчас… – Это означало бы более высокие перегрузки позже.

Боттон хотел кивнуть, но раздумал. При высоком ускорении стоящему без поддержки приходится очень бережно обходиться со своим позвоночником. Танака скрыла улыбку.

– Меня, полковник, – заговорил Боттон, – беспокоит, что запас противоперегрузочных препаратов конча… может истощиться.

Она вывела на экран схему расхода «сока» для команды. И на глазах у Боттона сократила причитающуюся ей порцию до нуля. В высокой гравитации его расстроенное лицо походило на грустную собачью морду.

– Я ни от кого не потребую риска, на который не готова сама, – сказала она. Лгала, но ради дела. Она была сильнее Боттона, лучше него и устала слушать его скулеж.

– Да, полковник, – сказал он. Подтянулся, развернулся и вышел из уже не своего кабинета, старательно распределяя вес так, чтобы не хрустнули колени.

Дождавшись, пока он скроется, Танака опустилась в свой амортизатор. На свой трон из черепов.

---

[4] *Мико* – служительница синтоистского храма.

* * *

«Прощение» начинал жизнь колонистским транспортом. Его строили на Палладе-Тихо в годы правления Союза перевозчиков. С двумя миллиардами квадратных метров грузового пространства при жилых каютах теснее, чем у внутрисистемного челнока, он был явно грузовым, а не пассажирским кораблем. Экко завербовался на него в пятнадцать лет и, кроме года, который провел на Фирдо, оформляя капитанское свидетельство, большей частью на нем и жил. В должности капитана он пересидел выдавший ему свидетельство Союз. И, в общем и целом, пересидел железный кулак Лаконии.

Зато основные акционеры «Прощения», казалось, не оставят Экко в покое до самой смерти. Маллия Карран частным образом при поддержке Государственного совета финансировала рейсы и, хотя ее пакет акций составлял не более пятидесяти процентов, умела парой звонков и беседой за чашечкой кофе собрать коалицию вкладчиков. Она была племянницей Коми Твана, так что магистраты закрывали глаза на все ее полузаконные проделки. Маллия, подобно древним земным богам, не часто вспоминала об Экко и его «Прощении», зато дни, когда вспоминала, почти всегда не сулили добра. Пять часов назад она затребовала рапорт о состоянии дел, и с тех пор Экко ломал голову, что ей ответить.

Он устроился у себя в кабинете, проверил, как смотрится на экране, и включил запись.

– Всегда рад получить от вас весточку, магистра Карран. На корабле все на отлично. Взяли полный груз руды и образцов для Бара Гаона, и меня заверили, что на обратный рейс тоже будет полная загрузка. Ждем только разрешения на переход. – Он изобразил простодушную улыбку, но вышло натужно. – Хотя вы знаете, как оно с полным грузом. Хотелось бы устроить все по инструкции и все такое. Как только получу пропуск, я с вами свяжусь.

Он сохранил и отослал запись, не дав себе передумать. До Фирдо сообщение идет четыре часа, а если застанет ее спящей, он выиграет еще несколько часов, пока она приведет себя в боевую готовность. А уж она приведет.

Все ее доводы он знал наизусть. Протоколы подполья – рекомендация, а не закон; обеспечивающая их инфраструктура установлена лишь частично; какого хрена он ждет пропуска, а не проскочит так? Чего ради висеть без тяги в ожидании допуска, пока кто-то на Бара Гаоне сует взятку снабженцам, перекупает так необходимые Фирдо почву, топливные пеллеты и фабрикаторы?

Она даже была по-своему права. Кому нужен грузовик, если он не возит грузов?

Он выругался – вообще, ни к кому в особенности не обращаясь. И открыл связь с пилотским постом в двух палубах под собой.

– Аннамария, ты там?

– Тут, – отозвалась его пилот.

– Двигай на четверти g к вратам, а? Дадут допуск или нет, а прошмыгнем.

– Поняла, исполняю, – сказала она и отрубила связь.

Через несколько секунд включился сигнал коррекции тяги. Если ему так и не ответят, придется выбирать: тормозить или лезть во врата без разрешения, держа в уме, что о том же сейчас думают капитаны целой армады независимых грузовых кораблей.

Но какого черта? Жизнь – это риск.

* * *

– Приближается, – сказал Джим. – Ты уверен?

– Проскочим раньше, – заверил по связи Алекс. – Она это понимает. Если подойдет слишком близко, мы прибавим скорости, и тогда ей тоже придется. А если мы не станем торо-

питься, она увидит, как близко мы готовы ее подпустить. В данный момент она готова сбросить реактивную массу, а я нет. Если что-то изменится, значит, изменится.

– Какой у тебя философский подход.

В голосе Алекса послышалась улыбка:

– Эта стадия мне всегда нравилась. Когда доходит до смертоубийства, это уже не по мне, но в этой части сюжета есть своя поэзия. И нам предстоит принимать решения.

Джим повернул голову. Наоми уже смотрела на него. Тереза с Амосом слушали по связи из машинного.

– До системы Нуриель нам придется отклониться от текущего курса всего на десять градусов, – сказала Наоми. – И тормозить не понадобится. А силы подполья там есть.

– Но Танака увидит, что нам не пришлось тормозить, – заметил Алекс. – Если подойти под нужным углом, мы проскочим пространство колец в несколько минут, но это будет – как пустить стрелу в цель. А войдем медленнее – шире будет выбор систем, куда мы могли бы уйти.

Корабль гудел и звенел, двигатель наигрывал знакомую протяжную мелодию. Лаконский истребитель на экране рывком передвинулся, сокращая дистанцию разрыва. Он все еще не успевал перехватить их до момента, когда они выскочат в пространство колец и уйдут в другое кольцо. Паника, деликатно прокашливавшаяся в подсознании Джима, не имела оснований, кроме как в себе самой.

– К тому же не хотелось бы разгоняться так, чтобы самим попасть в голландцы, – сказал он, скорее обращаясь к самому себе, чем сообщая другим то, что они и без него знали. – И в Медленной зоне могут поджидать другие лаконские корабли. Мы ведь не уверены, что их нет.

– Всего не предусмотришь, – сказала Наоми. – Но мы могли бы нацелиться в новую систему там, где будет меньше глаз. На большее нам рассчитывать не приходится.

Куда ни подайся, всюду риск. Если Лакония оставила корабль слежения, их найдут. Если за кольцом, в которое они проскочат, окажется корабль – как «Дерехо» во Фригольде, – они попались. Если дышащая им в затылок Танака додумается до какой-нибудь непредвиденной уловки – тоже. Если выйти на прохождение слишком быстро или в потоке других кораблей, они покойники. Если задержаться в Медленной зоне, можно дождаться момента, когда те, из врат, снова вскипятят пространство, и тогда им конец. А если все сложится удачно… Что тогда? Проигрыш грозил пленом или смертью. Как будет выглядеть успех, Джим не слишком представлял.

Вероятно, как следующий шаг. Не знаешь, чем все кончится? Не беда, лишь бы знать, что делать дальше. «С хорошими фарами проедешь тысячу километров», – говаривала мать Элиза. Давно он о ней не вспоминал. И, так явственно услышав сейчас ее голос, счел это за знамение, только неизвестно чего.

– Кэп? – позвал Амос.

– Да.

– Надо бы повидаться с доком.

Джим ответил с задержкой:

– Система Адро?

– Там всего один корабль, лаконский, – сказала Наоми.

Ей ответила Тереза:

– Зато они все подчиняются доктору Окойе. А никого другого там нет. Полковник Танака этого не ожидает.

– Мы выжали все, что могли, – подал голос Алекс. – Если есть место тихо-мирно поплавать, хорошо бы туда.

– Кэп, – повторил Амос. Что-то такое было в его голосе… – Нам надо повидаться с доком.

Джиму этого не хотелось, а почему – он сам не знал. Нет, не так. Элви была их последней надеждой в наступающей тьме, и, увидев ее неудачу, он останется вовсе без надежды. Не слишком веская причина для отказа.

– Алекс, просчитай самый быстрый курс в систему Адро.

* * *

Когда Кит проснулся, соседняя сбруя пустовала. Он было подумал, что Рохи кормит Бакари, но нет. Малыш парил в своей маленькой сбруе, закрыв глаза и протянув вперед невесомые ручки, будто всю жизнь провел в утягивающем кульке. Сыну было хорошо и спокойно. И это прекрасно, потому что всем остальным спокойно не было.

Кит как можно тише отстегнул свои ремни и синхронизировал ладонник с системой каюты. Она будет приглядывать за Бакари электронным глазом и предупредит, если малыш хоть рыгнет. Потом он тихо-тихо выбрался из каюты и полетел к общему камбузу.

Здесь горели тусклые лампы ночного режима, так что ладонник Рохи подсвечивал снизу ее лицо. Флаг их будущего дома тенью висел над правым плечом. Пустыми глазами она смотрела на маленький экран. Кит, и не спрашивая, знал, что там. Новости из системы Сан-Эстебан.

Он подтянулся к ней, повис в воздухе, не включая магнитных подошв. Рохи подняла на него взгляд и скорбно улыбнулась. Скорбно и, пожалуй, со злостью.

– Мы уже у самых врат, – сказал Кит. – Еще несколько часов…

Рохи кивнула, но видео на ее ладоннике показало что-то новое, привлекло взгляд. Ужас целой системы мертвецов повторяли снова и снова, комментируя на десятке языков с точки зрения сотни политических доктрин. Ученые обсуждали причины смерти. Религиозные передачи толковали событие в духовном смысле и говорили о воле божьей. Политические программы винили идеологических противников. Она смотрела все подряд, будто надеялась увидеть что-то, кроме трупов. Может быть, смысл. Или надежду.

– Тебе бы поспать, – сказал Кит. – Скоро малыш проснется, а ты ему нужнее меня.

– Он чувствует, что с тобой все в порядке, – ответила Рохи. – Совсем маленький, а уже понимает, что у меня нервы натянуты.

– Мы с тобой – для него весь мир.

– А может, нам это не дозволено?

– Что, малыш?

– Вот это все? Летать на другие планеты. Тянуться к звездам. Что, если бог этого не хочет?

– Ну, пусть бы раньше дал знак. Теперь, боюсь, поворачивать уже поздно.

Она захихикала и выключила ладонник. Киту стало легче. Он не знал, что стал бы делать, откажись она оторваться от экрана. Наверное, вернулся бы в каюту один.

– Как это у нас получается? – пробормотала она. – Они умерли, а все живут как ни в чем не бывало.

– Выбора нет. Живы, вот и живем.

Кит вытер ей с глаз пленку слез.

– Все будет хорошо, – проговорил он, сам слыша, как мало весят его слова. И как плохо он сам в них верит. – Идем в постель.

* * *

В некотором смысле гонка выглядела простой. «Роси» тормозил, продолжая полет к вратам Фригольда, но постоянно снижая скорость. К моменту прохождения это позволит ему изменить курс на тридцать четыре градуса, чтобы проскользнуть во врата Адро или сотню других. Лаконский истребитель «Дерехо» изначально двигался быстрее, и торможение он только

начал. Он вылетит из врат Фригольда с большей скоростью, тормозить будет жестче, напрягая мощный лаконский двигатель до риска гибели какого-то процента экипажа. Может быть, он сумеет обнаружить врата, в которых скрылся «Роси». Или ошибется. Или пойдет на убийственное торможение, чтобы полностью сбросить скорость и зависнуть в пространстве колец для поиска следов «Роси». Или… черт возьми, может же у него что-то отказать? Может он врезаться в несуществующую пленку пузыря колец и пропасть пропадом? Джиму и раньше иногда везло.

В другом смысле бегство было невероятно сложным. Моргнув, он мог превратить свой дисплей в вероятностную трехмерную карту, показывавшую доступные «Роси» траектории полета с точками принятия решений, где уравнение со множеством переменных: время, вектор, дельта скоростей, эластичность человеческих сосудов и позиция корабля в пространстве – определяло миг, когда будущее уйдет из рук. Джим метался между двумя схемами: кривой намеченного курса «Роси» и конусом цветка со множеством лепестков – доступными «Дерехо» траекториями. И еще – к сложной паутине событий, возможных, но еще не случившихся и от секунды к секунде стягивавшихся в единую тонкую нить прошлого. От тормозных перегрузок у него ныли десны. Который час никто не подавал голоса, и головная боль его, возможно, была просто головной болью. Инсульт не затягивается так надолго.

«Готовимся к прохождению», – написал для всей команды Алекс.

На наружных телескопах глаз почти не различал тысячекилометрового кольца. Оно медленно вырастало, сравнялось с большим пальцем протянутой вперед руки, а потом все звезды вселенной разом погасли – корабль прошел насквозь, в пространство колец.

Пузырь пространства со всеми его вратами был чуть меньше планетной системы Сол. Хватит места на миллион Земель и еще останется. На нынешней скорости они не могли задержаться в нем надолго.

«Роси» качнулся, вписываясь в идеальную дугу между вратами Фригольда и Адро. Его движение определялось сложнейшим расчетом отношений мощного корабельного двигателя с материальной вселенной. Если хоть на миг собьется подача реактивной массы в двигатель, корабль сойдет с курса. Если они промажут мимо врат Адро, дальнейшее будет уже не их проблемой. Джим не знал, отчего так частит сердце: от страха или от усилия докачать кровь до мозга.

Слева хмыкнула Наоми, и в ее голосе Джиму послышалось отчаяние. Сразу всплыли в памяти блеющие гудки медицинской тревоги, когда в том самом кресле, где сидела сейчас она, умирал Фред Джонсон, и сердце у Джима сумело еще нарастить частоту сокращений. Тревоги не прозвучало, зато на экране перед ним всплыло личное сообщение.

«Многовато кораблей».

Он опять переключил экран. Трафик в пространстве колец. Дюжина опознавательных кодов: «Причуда тирана» из Сол, «Таиф» из Хонгды, «Прощение» из Фирдо – и еще дюжина мигающих неопознанных дюзовых выхлопов. Он хотел подключить анализ для опознания, но не успел. Пришло следующее сообщение:

«С ума посходили, переход невозможен, о чем они думают?»

Он-то знал, о чем они думают. Все как всегда. Оценив риск, каждый в отдельности решает метнуть кости. Никто не отслеживает, сколько кораблей, войдя в кольцо, не вышло на той стороне. Если так пропадет «Роси», неизвестно, когда кто-нибудь заметит его исчезновение.

Возможно, никогда.

Он перевел систему на оценку угрозы и сразу получил ответ. До момента, когда «Роси» достигнет Адро, собирались совершить прохождение два корабля: колонистский транспорт без транспондера уже подходил к вратам Беренхолда, а тяжелый грузовик с Фирдо должен был проскочить в Бара Гаон за несколько минут до входа «Роси» во врата Адро. Это предполагая, что из других врат тем временем не выскочат другие корабли.

Иначе говоря, предполагая то, что не было никаких оснований предполагать.

* * *

Звезды вернулись. Такие же звезды, как дома, только расположение чуть изменилось. Экко уронил голову в гелевую подушку амортизатора. Мгновение он молчал и едва ли что-то чувствовал, а потом облегчение накрыло его волной, так что сердце подпрыгнуло и смешок подступил к горлу.

Включенная связь напомнила о себе мягким ритмом французских ругательств от Аннамарии. Она говорила не с ним, да и едва ли к кому-то обращалась. Разве что к богу.

– Малость перебрали мы сегодня, а? – сказал ей Экко.

Аннамария перешла на английский:

– Фак, это уж слишком!

Экко снова расхохотался. Такое чувство свободы бывало у него разве что после оргазма. Вот он, вот его корабль – в системе Бара Гаон, а не в какой-то там воющей бездне, что пожирает вытянувшие короткую соломинку корабли.

– Уйду в отставку, – сказала Аннамария. – Найду себе квартирку на Бара Гаоне и порядочную работу, брошу все, заведу деток и в жизни больше не сунусь в эти сраные врата. Прокляни господи! – Он слышал в ее голосе ухмылку и понимал, что нечего принимать ее всерьез, пока не протрезвеет. – В самом деле, капитан. Если так и будут переть, жди покойников.

– И то верно, но это будем не мы. Не сегодня. Свяжи меня по лучу с диспетчерской и клиентом. Сообщу, что мы прибыли.

– Что задницы нам обдерут в другой раз, – согласилась Аннамария. – Связь устанавливаю. Дам знать, когда ответят.

* * *

«Росинант» вопил. Сжатие испытывало на прочность компрессионные швы. Массивные карбосиликатные пластины обшивки глубоко просели на опорах. Двигатель выл, силясь удержать стремительный пузырек керамики, металла, воздуха. Звездная карусель за вратами Адро – сколько ее было видно из-за дюзового выхлопа – наплывала на них.

«Какая глупая смерть», – подумал Джим.

Болели челюсти, из памяти то и дело выпадали секунды. Алекс нацелил «Роси» дюзами к вратам и всеми силами спешил сбросить скорость, хоть на несколько секунд оттянуть прохождение в неизмеримо крошечной надежде, что этим что-то изменит. С той стороны пространства колец приближался «Дерехо». Столько было способов пропасть, а чем кончилось?

Маленький сынок матери Элизы пронесся от Монтаны через войны, чужие солнечные системы, любовь и отчаяние, а погиб, столкнувшись с угрозой, о которой знал хреновы десятки лет. Так глупо, что даже иронией судьбы не назовешь.

На экране повисло новое сообщение от Наоми: «Ты живой?» – и он едва сдержался, чтобы не оглянуться на нее. Не знал, сумеет ли при такой тяге повернуть голову обратно. Кровь застаивалась в затылке, и он не сомневался, что только электрический разряд «сока» не дает ему схватить разом несколько инсультов. Он хотел ответить на вопрос и забыл, чего хотел. Врата надвигались, росли сначала медленно, потом быстро, потом разом.

Тяга стала спадать, медленно сдвигаясь к невесомости – медленно, чтобы предотвратить разрывы сосудов, когда выдавленная из тканей кровь хлынет обратно. По лицу и рукам забегали звонкие мурашки. Он снова увидел сообщение Наоми и вспомнил, что не ответил.

Хотел сказать: «Я в порядке», но только каркнул. Несколько секунд он растирал себе гортань, возвращая на законные места хрящи и мышцы, потом попробовал заново.

– Я в порядке, – выдавил он. – Все хорошо. А ты?

– В данный момент я горжусь тем, что подо мной нет вонючей лужицы, – пошутила она, но шутка вышла сердитой.

«Роси» сбросил тягу до одной g, потом до половины.

Джим оглянулся. Наоми зло скалила зубы.

– Они нарушили протокол, – сказал он.

– Надо было соглашаться на предложение Трехо. Пока кто-то не применит силу, так и будет продолжаться. Сотрудничать они не умеют.

– Пока не умеют. Это не значит, что не научатся.

– Они люди, – безнадежно проговорила Наоми. – Все, что мы пытаемся сделать, мы делаем с людьми. Близорукость у нас в ДНК прописана.

Он не нашел, что на это ответить. Секунду спустя ожила связь. Амос с Терезой доложили, что устраняют последствия перегрузки. Алекс налаживал лучевую связь с «Соколом», а Наоми уже проверяла, не подхватил ли «Роси» в пространстве колец пакеты связи от подполья.

Джим следил за остальными, где мог помочь, помогал, но в голове у него, как привязчивый унылый мотивчик, вертелась фраза Наоми: «Все, что мы пытаемся сделать, мы делаем с людьми».

* * *

«Дерехо» вышел из Фригольда в пространство колец, тормозя на пределе выносливости корабля – иначе говоря, команды. Он мог бы маневрировать с такими перегрузками, что раздавил бы запертые в нем кожаные мешки с соленой водой. Танака не прочь была пожертвовать жизнью-другой, лишь бы изловить добычу. Если ее за то назовут кровожадной – пусть называют. Она и вправду чего-то жаждала. Очень может быть, что и крови.

Как только ушли наведенные кольцом искажения, она, еще не втянув в себя первый глоток воздуха, поставила кораблю задачу сканировать вакуум у тринадцати с лишним сотен врат. Даже если дюзовый след «Росинанта» рассеялся, осталось остывающее облако реакторной массы, медленно сливающееся с жидкой дымкой водорода, кислорода, озона и водяного пара, составлявших наибольший процент материи в пространстве колец. Рано или поздно все частицы доплывут до оболочки пузыря и уничтожатся, но до тех пор их можно увидеть. Как тонкий палец, указывающий, в какую сторону ушел враг.

Если только она успела до времени, когда детекторы уже не способны их уловить.

«Дерехо» отключил тягу. Корабль перешел в свободное падение, нагнав на нее волну тошноты. Игнорируя самочувствие, она вывела на экран тактическую схему. В пространстве колец было безобразно тесно. Кораблей все еще меньше, чем в былые времена толпилось на подходе к флотской базе Каллисто, но Каллисто не приходилось думать о запредельном ужасе, пожирающем заходящие на посадку корабли. Все дело в контексте.

«Дерехо» уже просканировал и отбросил всех присутствующих: «Росинанта» среди них не было. Она все-таки вывела их визуальные профили и подписи двигателей. Программа распознавания умна, но все же не человеческий глаз. Ее часто удается одурачить, а человека одурачить труднее.

– Полковник Танака? – прозвучал с экрана связи голос Боттона.

– Что?

«Дерехо» отметил выброс света и высокоэнергетических частиц из врат Сол. Предвестник заходящего во врата корабля.

– Требуется медицинская помощь… – Боттон помолчал, перевел дыхание, – нескольким членам экипажа. Если можно задержаться на время, пока переведем их в медотсек…

– Действуйте, – сказала Танака.

– Благодарю, полковник.

– Где же ты, хрен поганый? – бормотала Танака. Врата Сол полыхнули светом.

* * *

Бакари скандалил с досады. Педиатр еще до вылета предупреждал Кита. При низкой силе тяжести мышцы и кости ребенка ослабнут. Не настолько, чтобы не восстановиться в постоянном тяготении, но достаточно, чтобы во время включения тяги при перелете мешать ребенку делать то, что он привык. Тормозная тяга в пространстве колец отмечалась как процесс, при котором детям возраста Бакари придется трудно. Тогда это показалось не слишком серьезным.

А теперь казалось таковым.

– Ну-ну, медвежонок, – уговаривал Кит, улыбаясь в сердитое детское личико. – Все хорошо. Послушай-ка, как мы поем, а? Слушай, давай споем.

Бакари третий час как проснулся. Первые два часа взяла на себя Рохи. Сейчас она ушла в столовую, купить острого карри для братьев из Брич-Кэнди – извиниться за шум и крик. Добродушные соседи не жаловались и охотно приняли их примирительный дар. Потом Рохи обещала провести час в тренажерной. Они оба не слишком соблюдали график тренировок, и на Ньивстаде за это еще предстояло расплатиться.

– Папа твой давно не спал, – запел Кит, – папа петь тебе устал…

Он изобразил горловую трель – так делал его отец в незапамятные времена до развода. Бакари умолк и уставился на отца, словно тот обзавелся второй головой.

– Ага, нравится? – проворковал Кит и выдал следующую трель.

Сведенный криком ротик расслабился, и – вот чудо для упорных в вере! – малыш вдруг рассмеялся. Кит улыбнулся ему, и Бакари заулыбался в ответ.

– Перегрузкам уж конец, – запел Кит, подгоняя слова под мелодию, – скоро мы пройдем в колец…

Бакари поерзал на спинке и потянулся к нему рукой, будто лежал на животе у Рохи. Вот-вот уснет, обрадовался Кит. Когда уснет сын, и Киту можно будет вздремнуть. Боже, как ему хотелось спать!

– Глазки ты закрой и спи, – пел он, тихонько покачивая маленький амортизатор и усердно растягивая гласные, – никуда здесь не…

Бакари, уже закрывший глаза, вдруг снова их распахнул. Свет как-то странно лежал на округлости его щек, и Кит сбился с мелодии, завороженный текстурой детской кожи. Свет подчеркивал столько деталей: складки гладкой младенческой кожи, блеск маслянистой пленки… И Кит будто провалился во фрактальную сложность подробностей. Когда он спохватился, что так не бывает, стало поздно.

Бакари оставался здесь, рядом, как минутой раньше, но то, что было его сыном, превратилось в сложный комплекс вибраций – сплетение пляшущих молекул и атомов, столь причудливое, что невозможно понять, где начинается одно и оканчивается другое. Кит упал на то, что раньше было его коленями, и увидел боль падения, как бы наблюдая за падающими костяшками домино – это крошечные искры разрядов проскакивали от нерва к нерву. Мерцание воздуха – это вопль Бакари. И вопль самого Кита. Воздух обдирал ему глотку каскадом острых как бритва атомов.

Нечто – телеснее и реальнее их обоих – проскользнуло сквозь сутолоку атомов, составлявших стену. Прядь мыслящей тьмы, никогда не знавшей света, противоположной свету. Кит пытался протянуть облака рук к тому, что было его сыном, и рассеянно подумал, что это ни к чему. Он был не материальнее того, что недавно являлось стеной.

Вихрь тьмы устремился к нему, рассеял его. Рассеял его сына.

Голос, огромный как гора, *шептал…*

* * *

Сигнал тревоги отвлек Танаку. У врат Сол что-то случилось. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать увиденное. Поток быстрых частиц упал до нуля. Это могло означать, что входящий корабль отключил двигатель, – если бы во врата не продолжали вливаться фотоны. Тот корабль, что шел сюда из Сол, на этой стороне не появится. Он, еще сам того не зная, уже превращался в корабль-призрак.

Ее это не касалось, а если бы и касалось, она бы ничего не могла изменить. Она вернулась к россыпи данных анализа, к охоте на «Росинант». С вероятностью более сорока процентов в указанные временные рамки что-то ушло на Бара Гаон…

– Дерьмо, – ни к кому не обращаясь, ругнулась она.

Оставив «Дерехо» пережевывать данные, она переключила экран на врата Сол. Проследила за катастрофой. Свет стягивался и набирал яркость. Корабль приближался к вратам. Она против воли тяжело вздохнула. Сколько людей погибнет только потому, что им не повезло с графиком движения. Ее кольнуло сочувствие. Что за мелочность со стороны врага – сокрушая целую вселенную, не брезговать случайными кораблями.

– Мир вашему праху, бедолаги, – произнесла она, когда погас дюзовый выхлоп, затерявшись там, куда уходили пропавшие корабли.

Застрекотал сигнал тревоги – какое-то мгновение она думала, что он возвещает о гибели корабля из Сол. Но с чего бы «Дерехо» стал о нем беспокоиться? Его встревожило что-то другое. Танака просмотрела данные, и под ложечкой у нее встал ком. Она вызвала вид с наружных телескопов. Поверхность пространства между кольцами жемчужно мерцала, по ней бежала темная рябь; ей представились плывущие в мутной воде акулы. Всплеск адреналина так закружил ей голову, что подумалось о самопроизвольном включении двигателей.

– Боттон, – начала она, доверив включение связи «Дерехо», – у нас проблема.

Пространство колец шевельнулось. Изогнулось.

Вскипело.

Станция чужаков в его центре полыхнула маленьким солнцем.

То, что происходило с Танакой, напоминало пробуждение от яви. Восприятие сдвинулось, распахнулось, стало не таким, каким было миг назад. Она находилась в своем кресле – и в то же время в медотсеке с мучительной головной болью, и в каюте Боттона с грушей в руке и обжигающим вкусом виски в горле. Она видела тысячами глаз, ощущала тысячью тел, знала себя под тысячами разных имен.

Алиана Танака завопила.

* * *

Голос, огромный как гора, шептал.

Он шептал: НЕТ.

Рассыпавшийся мир, все его беспорядочные вихри замерли. Темные пряди замерли, вибрируя, завиваясь, не в силах пробиться сквозь облака и точки материи. Сознание, раньше принадлежавшее Киту, плывущее, разбитое, рассеянное, видело свою боль, свое отчаяние, не замершие еще вспышки импульсов в бывших нейронах своего ребенка. Нечто, аналогичное звуку, ревело, рокотало, и темные пряди истончались. Они стали черными шнурками, влажными, как сгустки крови. Потом нитями. Струйками дыма.

А потом ничем.

Проходы, пробитые тьмой в сутолоке частиц, затягивались, словно видео замедленно пустили в обратную сторону. Что-то сгущалось, будто сливки вытягивали из кофе, – и воз-

можно, это был Кит. Взаимодействие вибраций, обозначавших непостижимое разнообразие атомов и молекул, стало разделяться на фракции. Медлительно закручивающийся поток, похожий на течение реки у илистого берега, превращался в струю воздуха из вентиляции. Или ток крови по артериям. Плотность становилась реальностью. Проступали поверхности. За ними – предметы. А потом Кит взглянул в круглые испуганные глаза Бакари. Сердце у него трепыхнулось, запнулось, как забывший, что хотел сказать, человек, а потом застучало с такой силой, что пульс отдавался в глазах. Он крепко обхватил расплакавшегося Бакари, прижал его к себе, укрывая от непостижимой, исходящей невесть откуда опасности.

Кто-то, кого здесь не было, изнеможенно обмяк и закрыл глаза. Дверь каюты распахнулась, и внутри возникла Рохи со сверкающими от страха глазами.

– Ты его задушишь! – кричала она. – Кит, ты его душишь!

«Нет, – хотел сказать Кит, – я его просто держу. Он плачет от страха». Он не сумел найти слов, а опустив глаза, увидел, что слишком крепко прижимает ребенка. Он заставил себя отпустить руки, и Бакари разревелся в полный голос. Кит отдал сына Рохи. Его трясло, все тело сотрясали толчки.

– Что это было? – тонким испуганным голосом спросила Рохи. – Что это было?

* * *

«Сокол» висел неподалеку от алмаза Адро – не то чтобы по другую сторону от местной звезды, но и не на ближайшей к вратам точке орбиты. Световой лаг составлял шестьдесят четыре минуты, а значит, до подтверждения лучевой связи предстояло ждать сто двадцать восемь. Джим, конечно, мог еще до виртуального рукопожатия отправить с лучом сверхкогерентного света сообщение, но это почему-то казалось невежливым. Самим присутствием в системе они выворачивали на голову Элви целое ведро неприятных решений. Он чувствовал, что этикет требует хотя бы дать ей возможность отказаться от разговора.

До тех пор он убивал время проверкой на автодоке. Медицинская экспертная система трижды обновлялась с тех пор, когда «Роси» был новейшим кораблем марсианского флота, и, хотя лучшие из современных методов оставались ей недоступны, действовала отменно. Уж точно эффективнее, чем те системы, на которых он вырос.

Он предоставил системе заниматься вызванными перегрузкой мелкими кровоизлияниями и разрывами, накачивать его целевыми коагулянтами и подобранными по мерке гормонами регенерации. Хуже всего после такого лечения был неприятный формальдегидный привкус, еще два дня державшийся на языке. Невысокая цена за снижение вероятности инсульта на восемь процентов.

В медотсек вплыла Наоми, ловко – всю жизнь училась – перехватилась за новую скобу. Джим с улыбкой кивнул ей на соседний автодок – так предлагают место за столом. Она ласково покачала головой.

Он чуть было не спросил, что ее огорчило, хотя и так знал. Плотность движения в Медленной зоне. Он чуть было не сказал, что здесь нет ее вины, это была бы правда, но она и так знала. Это не избавляло ее от груза ответственности.

– А вдруг корабль Танаки отправился к голландцам? – предположил он.

Она хихикнула, как он и надеялся.

– Не настолько мы везучие. Пропадают всегда не те, кому ты этого желаешь.

– Пожалуй, что так.

– Хуже всего, что решение есть, понимаешь? Мы знаем решение. Их, может быть, не одна дюжина. Все дело в том, чтобы уговорить всех принять одно и его исполнять. Сотрудничать. И я могла бы… Ее прервал голос Алекса по связи:

– Все это видят?

Наоми нахмурилась.

– Что видят? – спросил Джим.

– Кольцо.

Джим протянул руку, но автодок недовольно пискнул на него. Экран включила Наоми и вывела на него наружный обзор. У них за спиной висели врата Адро – такие же, как все: темная спираль, образованная некогда невообразимыми силами протомолекулы. Только сейчас кольцо не было темным. Оно сияло. Вся его окружность светилась голубоватой белизной, и потоки насыщенных энергией частиц срывались с него, образуя гало.

Наоми тихо присвистнула.

– Пару минут как началось, – сказал Алекс. – И излучает сильно. Не особо опасно – больше в ультрафиолете и радиодиапазоне.

– Амос, – позвал Джим, – ты смотришь?

– Как не смотреть?

– Ты у нас знаешь всякое, чего знать вроде как неоткуда. Есть идеи?

Даже по голосу слышно было, что великан-механик пожимает плечами:

– Похоже, кто-то его включил.

Глава 25. Танака

Капитан «Прайсса» был плосколицым, светлокожим. Щетина не скрывала двойного подбородка. Он два десятка лет возил колонистов в новые миры, а сейчас висел в каюте Танаки с неопределенным выражением на лице. Ему бы следовало бояться. А он выглядел просто ошарашенным.

Танака усилием воли удержалась, чтобы не забарабанить пальцами по колену. Не следовало выдавать нервозности даже перед теми, кому положено ее вежливо не замечать. Тем более что это собеседование, как и все прочие, записывалось.

– Я, – заговорил он, прерываясь, чтобы рассеянно облизать губы, – пробовал психоделики. Всякое видел, понимаете? Это было не похоже. Совсем не то.

«Прайсс» состыковался с «Дерехо» – первый в очереди на опрос экипажа, на копирование данных с датчиков и систем связи и вообще прочесывание самым частым гребнем. «Прайсс» был самым важным из всех. Первый корабль, который избежал превращения в призрак.

И если бы Танака таила надежду, что капитан знает причину, сейчас она бы с этой надеждой рассталась.

– Что, хоть сколько-то необычное, происходило с кораблем?

Взгляд у него поплыл и снова нашел ее. Пожатие плеч было точно синхронизировано с хмурой гримасой – отработанный за целую жизнь жест, говорящий: «Чтоб мне провалиться, если знаю».

– Да просто шли, как всегда, дюзами вперед. Ничего необычного не видели. Дюзовый выхлоп все заслоняет, понимаете?

– Понимаю, – сказала Танака. У нее ныли челюсти. – Но что-то там было. Чем отличался этот раз?

В корабле за последнее время что-то меняли?

– На Ганимеде поставили новые воздушные фильтры. Заряженный графен с перекрестным захватом. Они работают вдвое дольше обычного, и промывать можно просто дистиллированной водой. Продлевает срок службы раз в пять или шесть.

– Другого нового оборудования не было?

– С прошлого рейса – нет.

– А пассажиры? Кто-то из них везет что-то необычное?

Пожатие плеч и хмурая гримаса.

– Они все строители и инженеры-климатологи. Не знаю.

На его туповатой физиономии мелькнуло раздражение.

– Вся техника теперь на протомолекуле. Кружевные пластины – от протомолекулы. И биопокрытие реактора – та же дрянь. И половина пищевого довольствия поступает из штуковин, построенных на ее основе.

Танака глубоко вдохнула и выдохнула сквозь зубы. Он был прав, к сожалению. Но есть же причина тому, что этот человек здесь, висит над ее рабочим постом, а не исчез в голодной бездне после неудачного прохождения.

Она сменила тему:

– Вы что-то испытывали при этом… событии?

Она сумела задать вопрос равнодушно, будто ее устроил бы любой ответ. Как будто от самого вопроса у нее не сводило живот.

– Черт возьми! Еще как испытывал!

Танака отключила запись.

– Расскажите мне, что запомнили. Не пытайтесь разобраться и объяснить. Только то, что помните о пережитом.

Капитан покачал головой. Не отказывался, а выражал изумление, граничившее с неверием.

– Там было… не знаю. Как будто океан. Только не вода, а другие люди. Знаете, во сне, бывает, оказываешься не собой, а кем-то другим. Ну, как ребенок видит себя стариком. Или старик ребенком. Это было как тысяча таких снов одновременно.

Танака кивнула. Действительно, довольно хорошо описывает. Она заставила себя разжать челюсти.

– Что-то еще вы можете вспомнить? Или пережитое уже блекнет, как обычное сновидение?

Он опять пожал плечами, но мягче. Как будто робел или о чем-то грустил. И сказал не без сожаления:

– Остались… обрывки? Вроде бы вспоминается, как я был женщиной с Л-4 лет десять тому назад. Вроде бы меня повысили в должности и мы обмывали с друзьями.

– Вы бывали на Лагранж-4?

– Нет, но был там. Она была там. Она была там, когда я был ею. Не знаю, все жутко запуталось.

– Что-то еще вы о ней помните?

– Кожа у меня была совсем темная. Такая темная-темная. И с правой ногой что-то не так.

– Хорошо. Ладно. – Танака снова включила запись. – Мы задержим вас, пока не опросим всех людей на борту и не проведем полную экспертизу.

Она ждала возражений, но их не последовало. «Прайсс» опоздает на Ньивстад, капитан по меньшей мере лишится премии. А могут и оштрафовать за сбитый график. А его убытки как будто вовсе не беспокоили. Танаке подумалось, что после пережитого экономические соображения не так много значат. Она видела такое не раз.

Он, перебирая руками, вытянул себя в коридор, где ждали сопровождающие. Танака пальцем коснулась управления, закрыла за ним дверь. В систему «Дерехо» уже передали все данные по экипажам и пассажирам задержанных кораблей. Неполные. Кто-то ссылался на потерю информации при происшествии – поврежденные системы страдали провалами в памяти. Для нее это означало, что им есть что скрывать: может, контрабанду, или связи с подпольем, или кто-то из них заметил «Росинант» на выходе из Медленной зоны. Она была не так наивна, чтобы верить, будто все они добрые граждане империи.

Об этом можно будет подумать потом.

Сама она пережила что-то похожее на «белую мглу». Только что наблюдала за гибелью проходящего кольцо «Прайсса». И вот ее сбивает с ног ураган незнакомых сознаний. Когда она опомнилась, автоматика уже отключила все системы «Дерехо». Команда была в шоке. Танаке запомнилась женщина, зависшая в коридоре в позе зародыша, слезы у нее на глазах стояли пузырями соленой воды.

Обмороки и потери сознания нередко сопровождаются слуховыми и зрительными галлюцинациями. Этот вариант был новым, но и только. Ей хотелось в это верить, а желание во что-то поверить было для нее поводом к особенно тщательной перепроверке.

Она задала первые критерии поиска. Лицо, идентифицирующее себя как женщину, находившееся на Л-4 за восемь – тринадцать часов от сего момента. Пересечения с упоминанием правой ноги в медицинском анамнезе.

Нашлось одно соответствие. Анет Димирадис, старший механик «Радостей жизни» – грузовика, курсирующего между Коразон Саганадо в созвездии Сороки и системой Панкайя. Заставив себя забыть о вставшем в горле комке, Танака вывела на экран ее досье.

Кожа у Анет Димирадис была такой темной, что системе пришлось подстроить контрастность изображения, чтобы проявить ее черты. Танаку, как холодной водой, окатило страхом.

– Охренеть, – сказала она.

* * *

Пространство колец заливал мягкий бестеневой свет его врат. И еще пространство, будто мощная глушилка, заливало электромагнитное излучение всех диапазонов. «Дерехо» принимал все подряд, забивал свободную память необработанными данными с датчиков. Корабли, которых необъяснимое происшествие с «Прайссом» застало в пространстве колец, выстроились в очередь на допрос и разрешение на выход. Во врата понемногу входили и другие – входили медленно, с опаской, будто заслышавшие кошачье мяуканье мышки.

Желания Танаки так далеко расходились с возможностями, что их можно было считать независимыми переменными. На то, чтобы доставить всех и каждого в ее кабинет, каждого поджарить, запугать угрозами, ушло бы несколько лет. У нее не было и одного года на выяснение, что они запомнили или вообразили.

А главное, не ее это было дело. Она охотилась за Уинстоном Дуарте или тем, в кого он превратился, она обязана была притащить этого человека – или существо – на Лаконию. Даже если случившееся здесь завораживает, даже если во всей вселенной нет ничего важнее – все равно это не ее дело.

Она дважды в день питалась в камбузе «Дерехо» – но только потому, что какая-то глубинная, примитивная часть сознания чувствовала себя спокойней среди других приматов. Одна, в кабинете, она ощущала свою уязвимость. Но и среди команды ей было не по себе, хотя иначе. Она съедала свой рис и яичную болтушку, выпивала чай и возвращалась к себе, в уютное и тревожное одиночество. В таком настроении она себя ненавидела.

Она велела Боттону послать на все корабли своих представителей для опроса, а к ней направлять только капитанов, ученых и ответственных за информацию. В свободное от опросов время ей приходилось прослушивать и сравнивать десятки записей, вгрызаться в них, как собаке в кость в попытке добраться до мозга. Она переключала видео, прослушивала вопрос-другой, ловила одну-две фразы и двигалась дальше. *«Вот как иной раз замечаешь свою ногу, са? Вот так же, абер кон а джи-и разных тел»*. Новый допрос. *«Я испытывал обостренное ощущение паники, но это была не моя паника. Паника была чужой, и я это чувствовал»*. Дальше. *«Со мной кто-то был, но не со мной рядом. Он был больше „со мной“, чем если бы находился в одной комнате»*.

Она говорила себе, что скучает, но она лгала. Ей было неуютно – совсем другое чувство. Ей бы напиться, ввязаться в драку, переспать с кем-нибудь. Хоть что-то. Лишь бы ощутить себя полностью в своем теле, забыть других, бывших недавно ею.

Сообщения от Трехо она ждала, хоть и надеялась, что не дождется. Прежде чем прослушать его, она заказала себе грушу красного вина по своему вкусу: сухого, с оттенком дубовой бочки.

Сообщение было «грязным»: помехи, потери качества и вставки, наугад сделанные системой связи, боровшейся с исходящим от ворот белым шумом. Но и в низком разрешении выглядел Трехо паршиво. Его неестественно зеленые глаза словно затянуло белой пленкой. Седины было больше, чем ей помнилось, и волосы поредели. Синяки под глазами – от недосыпа. Сейчас Антон Трехо был самой Лаконией и убеждался, что эта ноша не для него. Неудивительно, что он так ждал возвращения Дуарте. Танака узнала кабинет – в здании Государственного совета. Она всего несколько месяцев как покинула Лаконию, но воспоминания стали далекими, как из детства.

– Полковник Танака. – Он кивнул в камеру, будто видел ее перед собой. – Хочу поблагодарить за ваш рапорт. Не стану обманывать: я надеялся на другой исход в системе Фригольд. Но на месте действия были вы, а не я. Не стану гадать о ваших соображениях. А вот второй вопрос… да, это повод для озабоченности.

– Очаровательная недооценка, сэр, – обратилась она к лицу на экране и выдавила себе в глотку еще глоток вина. В невесомости все делалось хуже обычного, и, чтобы хоть как-то прочувствовать вкус, ей приходилось выдыхать запах вина через ноздри.

– Я приказал трем кораблям научного директората со всей возможной скоростью направиться в пространство колец для полноценного исследования. Им, как и доктору Окойе и Очиде, переданы собранные вами данные. Если до смысла произошедшего возможно докопаться, уверен, они это сделают.

По голосу слышно было, что адмирал недоволен. Возможно, сердит на нее. Или на мироздание, или на несправедливость судьбы. А может, просто слишком давно не ложился. Она не знала, как и чем он живет. Танака приготовилась к худшему, каким бы оно ни было.

– Я вполне понимаю вашу озабоченность и интерес, однако нахожу, что вы отвлекаетесь от основного задания.

«Основное задание». Имени Дуарте он не назвал. Даже здесь. А мог бы не стесняться. Тереза Дуарте почти год ест из одной плошки с врагом. Наоми Нагата, да и все подполье давно знает, что Дуарте никуда не годится. Об их попытках вернуть его к жизни могут не знать, но это вряд ли.

Трехо всё пытается сохранить главную тайну, хотя есть все основания считать, что поезд давно ушел. У нее разболелся живот. Сообразив, что за своими мыслями пропустила кусок сообщения, Танака открутила запись назад.

– …от основного задания. Прошу вас не отвлекаться, полковник. Я сейчас вынужден жонглировать множеством тарелок одновременно и, даже одобряя ваш энтузиазм, должен напомнить, что ваша работа – часть намного, намного более важного целого. Доверьте мне разобраться с этой чертовщиной. А вы делайте свое дело. Мы вместе разгребем эту кашу – не в первый раз. Но чем больше вы уклоняетесь в сторону, тем меньше пользы приносите Лаконии.

Сообщение кончилось. Прямых угроз не прозвучало – уже хорошо.

А вот непрямая была. «Занимайтесь своим делом, или я отзову ваш статус „омега“». Вслух он этого не сказал. Не было нужды.

Танака тщательно артикулировала очередное ругательство, выжала из груши остатки вина и потащилась из кабинета в коридор, а по нему – на мостик. В голове уже складывался ответ. «Я вернулась к работе над обсуждавшимся нами заданием. По-прежнему убеждена, что это наиболее вероятный путь к его исполнению». Но, прежде чем отослать эти слова, следовало подтвердить их делом.

Только остановившись в рубке, она сообразила, что не была здесь с начала события. На всех постах полдюжины человек в отглаженной лаконской форме неестественно сосредоточенно смотрели на экраны перед собой. Ее накрыло ужасное воспоминание: нижний университет и внезапная тишина, наступавшая, когда она входила в группу. Она не знала, смешно это или страшно. Зачесался шрам на щеке, и она потешила свою гордость, не коснувшись его, пока зуд не перерос в боль.

Она окинула рубку взглядом – как через прицел посмотрела. Выхватила все недочеты: зарождающиеся потертости амортизаторов, места, где заплаты были подобраны не точно в тон. Почему-то отклонения от идеала ее успокаивали.

Боттон сидел на капитанском посту, пристегнувшись, хотя тягу включать не собирались. Заметив ее, он отстегнул крепления и, приклеившись магнитными подошвами, вытянулся по стойке смирно. Когда она кивнула ему, капитан расслабился.

– Мне пришла весточка от адмирала Трехо, – заговорила Танака.

Боттон кивнул. Не прячет ли он улыбку? Против воли всплыло воспоминание: вкус виски на языке, богаче, чем когда она пила сама, с отчетливым торфянистым оттенком. У нее даже стало тепло в горле. Среди какофонии разных сознаний она опознала одно, вот это. Побывала в Боттоне, и это было интимнее самого натурального секса. А он что-то подобное с ней испытал? Что, если он сейчас вспоминает ее тягу к неподходящим мужчинам? Она вдруг почувствовала себя изнасилованной, голой, однако он не сказал ни слова.

Она была не прочь заглянуть в настоящее, подлинное сознание Боттона. Но что, если он или кто-то еще получил доступ к ее личным воспоминаниям, узнал ее – хоть на мгновение – такой, какой она себя знает? Все равно что очнуться в разгар секса с незнакомцем.

Она всегда отделяла внутреннюю жизнь от наружной прочной мембраной. И от мысли, что эта пленка порвется, ее накрыла почти животная паника.

Она поняла, что слишком долго молчит.

– Научный директорат высылает исследовательские корабли для изучения события и сопровождавших его галлюцинаций.

Она чуть сильнее необходимого выделила слово «галлюцинации». Подразумевая: «Вы что-то чувствовали, что-то запомнили, что-то испытали. Не принимайте это за действительность».

– Ясно, полковник, – откликнулся Боттон. – Немедленно отзову своих людей с других кораблей.

Она бросила взгляд на его рабочий экран. На нем был открыт скан пространства колец в момент, когда случилось то, что случилось. Танака подбородком указала на него и бровью выразила вопрос.

Боттон покраснел. Неожиданно.

– Я… пересматривал событие, – объяснил он. – Уникальный момент.

– У вас сложилось определенное мнение? Вы чувствовали что-то, чем следовало бы поделиться с командованием? – холодно осведомилась она.

Он мог не услышать угрозы в ее вопросе. А мог услышать.

Боттон предостережения не распознал. Встал вольно, взглядом обратился внутрь себя. Танака задумалась: повторись сейчас событие, что бы она обнаружила у него в голове?

– Эти… галлюцинации. Я нахожу их весьма неприятными.

– И я тоже, – сказала Танака.

– Да, полковник. Мне кажется, поняв происшедшее, мне было бы легче оставить его за спиной. А мне бы очень хотелось оставить его за спиной.

Танака склонила голову набок. В его голосе ей почудилось эхо собственных страхов. И только теперь ей пришло в голову, что не она одна ощущает в случившемся насилие над собой. Откуда ей знать, может, Боттон тоже питает и таит свои секреты. И Боттон стал ей несколько симпатичнее.

– Уверена, что научный директорат разберется в этом лучше нашего, – сказала она. – Как скоро мы можем стартовать?

– На возвращение команды потребуется несколько часов, – виновато ответил он.

И эта виноватость ей тоже понравилась.

– Как только соберутся, известите все корабли, что они обязаны оставаться на месте до прибытия научной группы, которая снимет опрос.

– Им это не понравится. Уже не один капитан выражал настойчивое желание как можно скорее покинуть пространство колец.

– Всякий корабль, покинувший его без разрешения, будет признан пиратским и при первой возможности уничтожен силами Лаконии, – отрезала Танака.

– Я постараюсь им это внушить.

Она глубоко вздохнула. Остальные, каждый на своем посту, находились будто в другом измерении – ни малейшей реакции на разговор. На экране у Боттона полыхнуло белым кольцо. И такой же вспышкой отозвалась станция чужаков. Датчики «Дерехо», чтобы не выгореть, сбросили показания. Секунду спустя, когда изображение вернулось на место, по всей поверхности Медленной зоны светились точки колец.

«Что-то я упустила». Ей словно шепнули на ухо эти слова. Что-то в рассказе капитана «Прайсса». Или относительно этих разгоревшихся врат. Или Боттон обронил невзначай фразу, в которой крылась разгадка тайны, а то и возможность взять ее в свои руки.

– По нашим сведениям, приблизительно в обозначенный период кто-то вошел в систему Бара Гаон, – напомнил Боттон. – Мы направляемся туда?

– Да, – сказала Танака. – Сообщите мне, когда команда будет в сборе.

Она отщелкнула магнитные подошвы, усилием щиколоток развернула тело и толкнулась к лифту. За спиной кто-то протяжно, прерывисто выдохнул – будто все это время не смел дышать.

Система Бара Гаон была оживленной. Если «Росинант» ушел туда, значит, рассчитывал для прикрытия воспользоваться связями с подпольем. Все сведения из официальных источников будут нуждаться в двойной перепроверке. Мысленно Танака уже продолжала погоню, и на душе стало легче.

Надо было бы пойти в тренажерку, побить боксерскую грушу. «В юности я была боксером». Эта мысль впорхнула в сознание, словно кто-то произнес ее вслух. Не ее голосом. Она пропустила сказанное мимо ушей. Надо было поесть. Надо было ответить Трехо. Надо было выслеживать «Росинант». Надо было найти Уинстона Дуарте или то, чем он стал. Обязанности загораживали поле зрения, словно шоры, не давали отвлекаться.

У нее задание. Десятки дел. Она машинально почесала шрам на щеке.

Что-то она упустила.

Глава 26. Джим

Джим не мог уснуть. Лежал в амортизаторе, прижатый к гелевому матрасу ласковой третью g, и усилием воли призывал мир и покой, а они все не приходили. Наоми свернулась рядом, спиной к нему. В прежние времена они спали в полной темноте, но то до Лаконии. Теперь он приглушал свет – оставлял меньше одной свечи. И этого хватало, чтобы, проснувшись от кошмара, уцепиться за знакомую обстановку каюты. Сейчас дурные сны его не мучили. Он просто не спал.

Наоми забормотала во сне, шевельнулась и затихла. За много лет он выучил: значит, уходит в глубину сна. Еще через несколько минут она дернется, словно подхватываясь в падении, а потом захрапит.

Об этой жизни он мечтал в заключении. Думал, что никогда уже не будет мучиться легкой бессонницей, пока рядом храпит любимая. Мироздание, возвратив ему то, на что он перестал надеяться, внушало Джиму глубокую благодарность – когда не пугало до смерти. Все это такое маленькое, такое драгоценное, такое хрупкое.

Они оба смертны. Одно он знал наверняка – это не навсегда. Настанет день, когда они с Наоми последний раз пообедают вместе. Одна из бессонных ночей будет для него последней. Он в последний раз услышит гудение «Роси». Может, он будет понимать, что это в последний раз, а может, это станет ясно только задним числом, или все кончится так быстро, что он даже не успеет заметить красоты уходящих от него мгновений.

Наоми вздрогнула, затихла и начала тихонько похрапывать. Джим улыбнулся сквозь усталость и стал считать ее вздохи; выждал до двухсот, давая ей время покрепче уснуть, а потом подтянулся из койки и в полутьме оделся. Он открывал дверь в коридор, когда Наоми перевернулась и взглянула на него. Глаза открыла, но не проснулась.

– Все хорошо, – сказал он, – спи дальше.

Она улыбнулась. Красивая она, когда улыбается. Она всегда красивая. Джим закрыл дверь.

Они прошли три четверти расстояния до «Сокола» и приступили к торможению. Элви прислала сообщение: разрешала пристыковаться, обещала проследить, чтобы не было проблем с охраной, поздравляла с прибытием… Сообщение выглядело слишком нормальным для нынешней ситуации. Наоми в ответ передала их полетный план и теперь ожидала координат точки рандеву. Джим изумлялся нелепости этого радиообмена: ведут себя, будто кто-то собрался к кому-то заскочить пообедать, а на самом-то деле их заговор граничит с государственной изменой. Впрочем, «Дерехо» не последовал за ними через врата, а спрятать корабль здесь было буквально негде. Когда-то в системе Адро могла существовать жизнь. Теперь здесь остались звезда, зеленый алмаз размером с газовый гигант, «Сокол» и «Росинант».

Добравшись до лифта, Джим медленно проехался через затихший корабль к рубке. Алекс стоял у амортизатора с грушей в руке, а на экране перед ним сияли врата. Они уже остались далеко позади; выйдя из корабля, Джим не сумел бы отличить их от миллиардов звезд.

Но телескопы видели излучаемые ими вихри энергии. – Привет, – сказал он.

Алекс покосился через плечо:

– Ты что поднялся?

– Не спится. Подумал, не сменить ли тебя на вахте.

– Да я ничего, – отказался Алекс. – Приспособился.

Сейчас для меня немного за полдень. Пива хочешь?

– Пиво в полдень?

– Ну, не утро же, – оправдался Алекс и вытащил из амортизатора еще одну грушу.

Джим взял ее, вскрыл и сделал большой глоток.

– Никогда не понимал людей, которым нравится пиво в невесомости, – заметил Алекс. – Это же не выпивка, а пена с легким привкусом спиртного.

– Не спорю. – Джим кивнул на экран. – Что там?

– Ничего нового, только… – Алекс указал на светящееся кольцо. – Не знаю. Все засматриваюсь на него и гадаю, что за чертовщина.

– Ну, нас она не прикончила. Уже неплохо.

– Определенно, могло быть хуже. А все-таки… Думаешь, будто что-то знаешь, да? А потом оказывается, что ты к этому просто привык. Это что-то срабатывает определенным образом раз, другой – и ты уже поверил, что оно для того и существует. А потом оказывается, что совсем не для того.

– Используем микроволновку как лампу, потому что в ней есть подсветка, – согласился Джим. Он уже забыл, где подслушал это сравнение.

– Ага, именно, – сказал Алекс. – Ты думал, что знаешь эту штуку, а на самом деле просто с ней обвыкся.

Джим сделал еще глоток. Пиво попахивало грибами, и не без причины.

– Я надеюсь, Элви что-нибудь сообразит. В смысле, скорее она, чем мы.

– Надеяться можно, – согласился Алекс и, выжав остатки пива, забросил грушу в утилизатор. И довольно рыгнул.

– Сколько ты выпил? – спросил Джим.

– Немножко.

– Ты пьян?

Алекс обдумал вопрос.

– Пожалуй, есть такое дело. – Он опустился в кресло. – Ко мне, маленькому, приглашали няньку-дуру. Мне было лет девять, а ей шестнадцать. Так мы с ней смотрели фильм про чудовище. Огромный чудовищный кот жил под землей, а сейсморазведка его растревожила. Вышел на поверхность и давай сносить города и рушить тоннели. Я до смерти перетрусил.

– Детишки чего только не пугаются, – заметил Джим.

– Я понимал, что это не по-настоящему. Был маленький, но не глупый. И все равно боялся. А знаешь, чем папа меня успокоил? Он мне показал ошибку в масштабе.

– В масштабе?

– Объем возрастает как куб от поверхности. У кота, крушащего города, не хватило бы сил удержаться на ногах, даже при марсианской гравитации. У него бы кости треснули под собственным весом. И помогло. Я увидел, что так не может быть, и перестал бояться.

Тут как с тем котом – не складывается масштаб.

Джим секунду поразмыслил.

– То ли ты слишком пьян, то ли я слишком трезв. Не доходит.

– Врата. Системы. Они для нас велики. Нам до них никогда не дорасти. В смысле, ты хоть задумывался, каково видеть разом все существующие системы? Хотя бы те, где мы есть? Тысяча триста семьдесят три кольца… – Семьдесят одно. Танъявур и Текома пропали.

– Тысяча триста семьдесят одно, – уступил Алекс. – Теперь предположим, что в пространстве колец не приходится тормозить. До самых врат ускоряешься, а тормозишься до зоны жизни в системе, куда входишь. Тратишь около месяца.

– Реактивной массы не хватит.

Алекс отмахнулся.

– Скажем, ее можно набирать в полете. Реактивную массу, топливо, продовольствие и все прочее. И жидкий гелий, чтобы испарять излишки тепла.

– То есть отбросим все, что мешает так делать.

– Угу. Пять миллиардов кэмэ в месяц, месяц за месяцем. Вообще без свободного полета. На планетах не задерживаемся. Вот так… – Он ткнул рукой вперед, изображая скорость.

– Ну-у…

– Сто пятнадцать лет. Отправляешься новорожденным, долетишь стариком, и это если ничего не видеть, кроме своего корабля. Задержимся на посмотреть каждую планету? Не город, не станцию, только планету, на недельную экскурсию? Добавляй еще двадцать восемь лет. Сто сорок с чем-то лет. Целая жизнь уйдет, чтоб хоть глазком взглянуть. Сделать заявку на новые земли.

И больше туда не возвращаться.

Джим задумался. Он, работая на Союз перевозчиков, а потом на подполье, повидал столько систем, сколько мало кто видел, и все-таки вряд ли больше трех дюжин. Он знал, сколько еще осталось, сколько он не видел и никогда не увидит, сколько систем пыталась скоординировать Наоми. Алекс был прав. Страшно подумать. Или не просто страшно.

– И это еще не худшее, – продолжал Алекс. – За время твоего полета место, откуда ты отправился в путь, изменится на целый век. Оно уже будет не то. Все места, где ты побывал, начинают меняться, едва ты улетишь.

На экране колебались и бормотали светящиеся врата. Схема обозначала условными цветами хлещущее из них радио- и рентгеновское излучение. Джиму невольно представился глядящий на них гигантский глаз.

– Людям такое не по мерке, – сказал Алекс. – Тем, кто все это строил? Они, наверное, могли с этим совладать, а нам не по масштабу. Мы пытались вырасти так, чтобы справиться, но едва попробовали встать – ноги у нас переломились.

– Хм, – протянул Джим. И спросил: – У тебя пиво еще есть?

– Не-а.

– А хочешь? – Угу.

* * *

«Сокол» с отключенным двигателем поначалу казался маленьким астероидом необычной формы. Он вращался по орбите в неполных трехстах тысячах километров от алмаза Адро как крошечный искусственный спутник. Сам артефакт производил жутковатое впечатление: огромный зеленый шар, озаряемый там и здесь вспышками внутренней энергии, будто в глубине его бушевали грозы. Планета… Библиотека… Джим достаточно ознакомился с предварительными выводами Элви, чтобы оценить сверхъестественные свойства этой штуковины: она не коллапсировала под собственной массой, ее связность создавалась теми же презирающими пространство принципами, на которых действовали врата, она содержала в себе больше информации, чем за тысячелетия прогресса накопило человечество. «Сокол» – такое же, как все лаконские корабли, светлокожее полуорганическое чудище – в другом контексте мог бы нервировать. А здесь Джим ощущал с ним странное родство. Пусть технологии и чужие, но язык дизайна был человеческим.

Алекс вывел их на согласованную орбиту и мягко приблизил «Роси» так, что два корабля казались уже связанными. Их связала общая скорость и тяготение. Экипаж «Росинанта» собрался в командном шлюзе, Амос готовил стыковочный переходник.

– Забавно, знаете ли, – заговорил Джим. – Мне все кажется, что откроется сейчас дверь, а за ней Танака с бандой десантников в силовой броне, и как кинутся на нас…

Тереза закатила глаза, а Наоми рассмеялась.

– Ничего подобного не будет.

– Нет, конечно. Но я уверен, что будет. Удивительно, а?

Она взяла его за руку, пожала и, заглянув в глаза, проговорила:

– Все хорошо. Элви за нас, а на этом корабле она командует.

– К тому же, – добавил Алекс, – будь это не так, у них хватило бы времени вызвать поддержку. А здесь никого, кроме них и нас.

Джим покивал. Он сознавал беспричинность своих страхов. Страхи от этого не унимались, но переносить их становилось чуточку легче. Алекс прав. Они самим входом в эту систему сообщили команде Элви о ее соучастии, однако тревоги, насколько им было известно, никто не поднял. После этого стыковка кораблей и их переход с «Росинанта» на «Сокол» могли считаться почти символическим жестом.

Амос защелкнул последние крепления и запустил протокол синхронизации. С тихим вибрирующим шипением выдвинулся стыковочный тоннель – коридор от корабля к кораблю.

– А все же, пожалуй, не стоит нам всем идти, – заметила Наоми. – Во всяком случае, одновременно.

– Пока не разберемся в положении дел, не стоит, – согласился Алекс.

– Вообще не стоит, – сказала Наоми. – Пусть кто-то один все время остается на «Роси». Возьмем за правило. Я доверяю Элви и верю, что она знает своих людей. Но нам я верю больше.

Алекс, как школьник в классе, поднял руку:

– Охотно пригляжу за хозяйством, пока вы будете гулять.

– Думаю, надо бы и Амосу остаться, – сказала Наоми.

– Я лучше с вами, – возразил Амос. – Здесь за всем сумеет присмотреть Кроха.

Наоми замялась, и Джим задался вопросом, что будет, если она прикажет Амосу остаться. Может быть, Наоми тоже об этом подумала.

– Хорошо, – согласилась она. – Алекс с Терезой дежурят на корабле. Остальные идут знакомиться.

Она поймала взгляд Джима и вздернула бровь. Хотела сказать, что ему идти не обязательно. Он пожал плечами. В смысле, надо.

– Вроде все готово, – заговорил Амос, втягиваясь в шлюз. – Герметичность и давление есть, приглашение имеется.

Джим вслед за Наоми вошел в шлюз и костями ощутил закрывшийся за ними люк. Опять зашевелился страх перед Танакой. Теперь ему примерещилось, что наружный люк откроется в пустоту и воздух хлынет наружу, освободив место смерти. Но вот, тихонько звякнув, открылся переходник, и газ зашипел тихо, будто кто-то вздохнул. Наружный люк «Сокола» открыли. В него проплыли они трое. Воздух здесь пах иначе.

Светло и остро.

«Сокол», закрыв наружный люк, открыл внутренний и ожидавшую за ним Элви Окойе. Рядом висели Фаиз и черноглазая девочка. Элви улыбалась, но выглядела ужасно. Пепельно-бледная, руки и ноги заметно истончились.

– Наоми, Джим, – заговорила она, подлетая к ним как непристойная пародия на ангела, – рада вас видеть. И Амос. – Она остановилась, поймав скобу, перевела взгляд на Амоса, и в ее глазах на миг мелькнуло что-то похожее на голод. Жадность таксономиста при виде нового редкого образца. – Я слышала, вы изменились, как Кара и Ксан. Хорошо бы, пока вы здесь, провести небольшое медицинское обследование. Если вы не против.

– Если надо, док, – кивнул Амос и повернулся к девочке. Чертами лица они были совсем не похожи, но одинаковая чернота глаз и сероватый оттенок кожи заставили Джима невольно искать фамильного сходства. – Привет, Искряшка.

Девочка насупилась, хотела что-то сказать, но прикусила язык.

– Ну, – подал голос Фаиз, – чертовски неловко себя чувствуешь, а?

Элви встряхнулась и жестом пригласила их проходить.

– Прошу. Я приготовила маленький праздник в честь встречи. И нам *о многом* надо поговорить.

Глава 27. Элви

В систему Адро вошел «Росинант», врата полыхнули рентгеновским и электромагнитным костром, и Элви поняла, что правила игры меняются. Ни новых правил, ни последствий перемены она не знала, но не сомневалась, что ее прежний образ действий отныне устарел.

На «Соколе» еле-еле удалось сдержать панику. В системе вражеский корабль! «Сокол» совсем не был беззащитным, но где здесь воевать? Вдруг подпольщики решили уронить на БИЧ ядерный заряд, как раньше на строительные платформы? И что они сделали с вратами? Поначалу Элви подавала пример. Она сама не паниковала и другим не позволяла. Потом они приняли луч с «Росинанта». Наоми ее поторопила, так что Элви пришлось решать.

Первым делом, во многом определившим дальнейшее, стал разговор с Харшааном Ли.

Он плавал в ее кабинете, скрестив ноги в лодыжках и заложив руки за спину, словно подставляя грудь под удар. И с сосредоточенностью ученого, получившего новый пакет данных, слушал ее рассказ. Хотя эти новые данные меняли всю его жизнь и перспективы на выживание.

– Извиняться не стану, – говорила Элви. – Адмиралу Трехо известно мое отношение к политическим и военным дрязгам перед лицом нечеловеческой угрозы самому нашему существованию. Если он об этом узнает… когда узнает… он не удивится. Хотя и не обрадуется.

Доктор Ли медленно, протяжно выдохнул сквозь зубы, как будто сдулся.

– Да, едва ли обрадуется.

– Хотите, я посажу вас под арест? – предложила Элви. – Когда все выйдет наружу, сможете честно утверждать, что были бессильны.

Ли помолчал, задумчиво поводя глазами. Элви восхищалась умом и профессионализмом этого молодого ученого. Она не могла предвидеть, что он скажет и как поступит, но, если придется одного за другим перебирать подчиненных, пока не найдется готовый поддержать ее линию, ей предстоял долгий и трудный день.

В голосе Ли, когда тот заговорил, смешались обида и усмешка.

– Я – лаконский офицер и патриот. Вы мой командир и глава директората, где я служу. Вы нестандартно подбираете сотрудников. После Сан-Эстебана представляется возможным, что без нестандартного подхода не обойтись. Я понимаю ход вашей мысли. Можете на меня положиться.

– Спасибо, – сказала Элви. – И, Харшаан, у меня есть доступ к связи. А мне нужно за ними наблюдать втайне даже от связистов. Вы уж меня не подведите.

Я должна победить.

– Очень вас понимаю, – сказал он.

При его поддержке и остальные перешли от страха к недоумению. Элви никогда бы не подумала, что у системы, где почти фанатично блюдется субординация, есть свои плюсы. Во всяком случае, пока она сама на вершине пирамиды.

Связь сквозь врата всегда была рваной. В системе Сол, в Лаконии – а теперь и в самых развитых колониях вроде Оберона и Бара Гаона – хватало трансляторов для надежной передачи. Отказ одного передатчика замечали другие и перенаправляли сигнал по иному маршруту. В Адро имелась единственная цепочка трансляторов, выброшенных «Соколом» на пути в систему, а тот, что стоял у самых врат, временами уничтожали подпольщики, пираты или вандалы. Поток радиосигналов, хлынувший теперь из кольца, играл роль глушилки, тоже подрывая надежность связи. Но мало-помалу, в периоды спада активности, на частотах, как будто не затронутых выбросом из врат, ей открывалась новая картина. К подходу «Росинанта» Элви, насколько то было возможно, представляла себе новый статус-кво. Больше нее могли знать разве что Очида и Трехо. А у нее к тому же был план. И, вводя в игру доктора Ли, она начинала атаку – рискованную, но тут она рассчитывала на плечо «Росинанта».

Она встречала их у люка вместе с Фаизом и Карой. Позвала бы и Ли с Ксаном, но тех все равно не получилось бы пригласить на совещание. Всех разом не вместила бы лаборатория. Засевшее в груди беспокойство ощущалось как перетянутая пружина. Кара, плавая возле нее, дергалась, сжимала и разжимала кулаки. Заламывала руки. Элви раньше считала это выражение просто фигурой речи.

– Еще есть время передумать, – сказал Фаиз.

– Нет, поздно, – ответила Элви.

– Да, ты права.

Закрылся наружный люк. С мягким щелчком открылся запор внутреннего. Дверь отъехала в сторону, и вот они здесь. Наоми очень переменилась с прошлого раза, как Элви видела ее в лицо. Обе они тогда были моложе, и Наоми запомнилась ей мягкой, почти застенчивой – что еще подчеркивала ее привычка прятаться за волной своих темных курчавых волос. Лицо показавшейся в люке женщины было жестче, волосы белы как снег, застенчивости нет и в помине. Объектив камеры не передавал твердости, с которой Наоми теперь держалась. За прошедшие десятилетия Наоми Нагата стала человеком, которого Элви легко представляла за одним столом с Антоном Трехо. Она задумалась, знает ли об этом Трехо.

Зато Джеймс Холден выглядел в точности самим собой, только старше. Конечно, она не так давно с ним виделась – на Лаконии. Успела привыкнуть к следу лет на его лице и неопределенной усмешке в глазах.

– Наоми, Джим, рада вас видеть, – сказала она. Мужчина рядом с ними дружески улыбнулся ей. Кара почти беззвучно ахнула – если ей не почудилось. – И Амос. Я слышала, вы изменились, как Кара и Ксан. Хорошо бы, пока вы здесь, провести небольшое медицинское обследование. Если вы не против.

– Если надо, док. Привет, Искряшка.

На минуту все замолчали. Преступники и заговорщики, умышляющие спасти человечество от самого себя и смертельного врага.

– Ну, – прервал паузу Фаиз, – чертовски неловко себя чувствуешь, а?

– Прошу. Я приготовила маленький праздник в честь встречи. И нам *о многом* надо поговорить.

Члены экипажа старательно не замечали гостей. Элви попробовала представить, каково было бы ей на их месте. В их дом пригласили врага. Она гадала, кому еще известно о присутствии на соседнем корабле Терезы Дуарте. Пожалуй, затей она острый эксперимент: многие ли готовы сдать ее Трехо, – лучше этой ситуации бы не выдумала. Оставалось только надеяться, что ни у кого здесь нет запасного, неизвестного ей канала связи. А если есть… Да, интересный вопрос.

Она впустила их в лабораторию, как в студенческие времена впускала компанию в комнату общежития. Вошла последней и закрыла за собой дверь.

– Добро пожаловать в мой маленький дом.

Она обвела рукой помещение.

Наоми поймала скобу, остановилась и одобрительно оглядывалась. Элви так привыкла к полудюжине многозадачных систем, к мощному воздухоочистителю для отфильтровки опасных веществ, что только взгляд гостьи напомнил ей об их существовании. Здесь все было привычным как собственное тело и таким же само собой разумеющимся. «Сокол» в Адро занимался в первую очередь медицинским наблюдением за Карой и геологическим прощупыванием алмаза, но готов был к самым разнообразным задачам, от электронной микроскопии до вивисекции.

– Здесь чудесно, – заметил Джим. Вроде бы искренне, но не совсем.

– Тюрьма тюрьмой, – вздохнула Элви, – зато моя собственная.

Она поморщилась, спохватившись, что напомнила о тюрьме человеку, который несколько лет отмучился в настоящей, однако лицо Джима не дрогнуло. Если и заметил ее оплошность, то великодушно предпочел не услышать.

– Простите, что поставила вас в затруднительное положение, – заговорила Наоми. – Я понимаю, как вы рискуете, принимая нас.

Элви отмахнулась левой рукой, потому что правой переключала дисплей на стенной экран.

– Все правильно. Вселенная в огне, а вы делаете то, что должны.

– Так ли? – усомнилась Наоми.

– Вы про огонь? – поняла Элви. – Вот это действительно интересный вопрос. О новом событии вы уже знаете?

– Мы шли без связи, – покачала головой Наоми. – Знаем только то, что слышали от вас.

– Ну, без вас там не обошлось. – Она вывела на стену новую, сверкающую картину колец. Рядом загорелись колонки аналитики. – Не знаю, что это, но вы послужили детонатором. Большую часть данных я получила от полковника Танаки.

– Которая упорно пытается нас прикончить?

– Она самая, – кивнула Элви. – Пока вы были в пути, она присылала отчеты с мест и необработанные данные. У нее в Медленной зоне были сканеры для поиска следов вашего двигателя. Так что, когда в вентилятор попало дерьмо, она хорошо рассмотрела брызги.

Повинуясь движению Элви, экран переключился на знакомую картину: пузырь пространства колец с сотнями равномерно расположенных по его поверхности врат. Элви приблизила одни, видимые телескопом под углом, так что перспектива превращала круг в овал. В центре кольца светлячком загорелся огонек. Дюзовый выброс тормозящего для прохождения корабля.

– Врата Сол, – пояснила Элви. – Половина входящего-исходящего трафика до сих пор идет через них.

– Но и другого трафика хватало, – мрачно вставила Наоми. – Мы в том числе.

Элви шевельнула рукой, и мерцание врат замедлилось. Подпись сообщила, что передача замедлена в несколько тысяч раз от реального времени, но движение осталось плавным. Джим, хмурясь, сложил руки на груди. Амос с Карой одинаково замерли и смотрели с одинаковым интересом. Мерцание нарастало, пока не залило белым весь экран.

– Колонистский корабль, – тревожной отрывистой скороговоркой объясняла Элви. – Планировал прохождение через несколько секунд после входа в зону корабля Танаки. Нам неизвестно, сколько прохождений было перед тем, но это и не важно. Порог безопасности оказался превышен.

Сияние стало ярче… и потухло. Элви чуть не вздрогнула от восторга, но это потому, что уже знала: люди, чью гибель она наблюдала, не погибли. Их что-то спасло. Двигатель снова горел угольком посреди кольца, корабль завершил прохождение – хотя за мгновенье до того, несомненно, исчезал.

– Что за чертовщина? – пробормотала Наоми.

– Корабль ушел к голландцам… и вернулся. Но теперь это можно считать только прелюдией, – добавила Элви. – Вот, посмотрите, как это понравилось тем, в кольцах.

Поверхность Медленной зоны пузырилась, разгоралась, бурлила. Элви такое уже видела. Когда это случилось в прошлый раз, из всех кораблей выжил один «Сокол».

Заговорив, она услышала, как звенит от волнения ее голос:

– Такое наблюдалось, когда мы потеряли станцию «Медина». Прямое вторжение в границы пространства колец. Это убило «Мединy». И «Тайфун».

– Но, к сожалению, не убило Танаку, – заключил Амос.

Поверхность пузыря играла переливами зловещего полярного сияния. В свет проникала тьма. Элви заметила, что скрючилась, будто закрылась от удара в живот. И заставила себя распрямить спину.

– А потом… вот, – сказала она.

Кольца врат все разом полыхнули белым, на три страшные долгие секунды перегрузив датчики телескопов. Когда свет начал меркнуть – словно кто-то медленно протяжно выдыхал, – пространство колец стало прежним: все дюзовые конусы, все транспондеры, все корабли были на месте. В том числе колонистский корабль, пропадавший у них на глазах.

– Загорелись не только врата Адро, – заметила Наоми.

– Да, все. И то, что случилось, повлияло на сознание. Большая часть присланных полковником Танакой данных относится к этому эффекту.

– Эффект выпадения памяти? – спросила Наоми.

– Нет, – отозвался Фаиз, – совсем, совсем другое.

– Создается впечатление, что сознания всех, находившихся в пространстве колец, объединились в сеть, – сказала Элви. – Все команды, все корабли. Естественно, все ошеломлены. Но есть свидетельства, что каждый стал участником чужих воспоминаний и переживаний.

Амос почесал подбородок.

– Похоже на то, как выходит у нас с Искряшкой.

– Действительно, очень похоже на то, что ты, Кара, описывала при погружениях в БИЧ.

– Бич? – переспросил Амос.

– Алмаз. Библиотека.

– А почему «бич»? – удивился Джим.

Элви хмуро отмахнулась.

– Суть в том, что, наблюдая за вами, – она кивком объединила Амоса с Карой, – мы объясняли происходящее вашей модификацией ремонтными дронами. Но случившееся в пространстве колец коснулось не модифицированных людей. Эффект длился недолго. Собственно, почти мгновенно прекратился. Любопытно и излучение колец. Посмотрите.

Дисплей выдал что-то похоже на невероятно сложную паутину. Элви движением руки развернула ее и оглянулась на Джима.

Тот кивнул и ответил:

– Понятия не имею, что это.

– Связь между вратами, – сказала Элви. – Мы предполагаем, что излучение связывает врата, подобно связи между Карой и… алмазом.

– Врата говорят друг с другом? – удивилась Наоми.

– Мы использовали их как транспортную систему, но, видимо, это еще и система связи.

По шее у Джима поползли мурашки, он передернулся.

– Амос что-то говорил про свет, способный мыслить.

– Да, – согласилась Элви. – Одна из моделей довольно точно соответствует нейронной сети. Она небольшая, зато распространение сигналов имеет отчетливое сходство. Это всеобъемлющая сеть, где каждое соединение играет роль синапса, так что их получается около миллиона. Раз в десять меньше, чем в мозге плодовой мушки. Если разные частоты работают как отдельные соединения, им для ума домашней кошки понадобилось бы десять миллионов частот…

– Вы хотите сказать, что врата живые и мыслят? – спросила Наоми. Голос у нее вздрагивал, как от испуга.

– Нет. Но я этого и не отрицаю, хотя для биологического организма система довольно простенькая. – Элви помолчала. – Я надеялась вас успокоить.

– Не скажу, чтобы получилось, – проговорил Джим.

– Не получилось, – подтвердила Наоми. – Совсем.

Элви закрыла настенный экран и развернула к ним ладонник.

– Извините. Я так давно в этом купаюсь, что рада наткнуться на что-то не слишком ошеломляющее сложностью. Моя подруга по аспирантуре пять лет строила модель белковых каскадов в кишечнике окуня. От меня требуется проворачивать работу той же сложности за полчаса и по пять раз на дню. Бесчеловечное требов ание.

– От меня требуется посредством дерьмовой связи контролировать подпольное правительство тринадцати сотен систем с миллиардами людей, воображающих, что их дело главнее всех, – покивала Наоми. – Я вас понимаю.

– Дайте попробую еще разок, – предложила Элви. – Есть и хорошие новости. С тех пор как кольца начали излучать, ни в одной системе не случалось *событий*. Не было провалов сознания. Не менялись физические константы и законы природы. Не было новых Сан-Эстебанов с гибелью ничего не подозревающих беззащитных людей.

– Не понимаю я этого, док, – сказал Амос. – Они не могли этого прекратить.

– Они? – переспросила Наоми.

Амос кивнул на погасший экран, будто ждал от него объяснения своим словам.

– Те, кто все это построил. Они погибли. Когда у них началось, они этого остановить не сумели. Они закрывали врата, отгораживались карантином. Но ничто не остановило атаку.

– У них не остановило, – признала Элви. – Тем интереснее происходящее у нас. И еще один фактор – это их объединенное сознание. Среди прочих эффектов у людей возникало впечатление, что они проживают не свои жизни. Иногда эпизодические воспоминания. Иногда продолжительные. Ручаюсь, собранные полковником Танакой данные породят миллиард докторских диссертаций по кодированию биографической памяти, но одно впечатление то и дело повторялось: восприятие мужчины, существующего, но не здесь. О нем упоминали более двух процентов переживших событие. И мои данные с этим согласуются. Кара его видела. Этого другого.

Все обернулись к девочке. На минуту она показалась будто меньше ростом, беззащитнее. Просто девочкой, какой была когда-то. Элви ожидала ее ответа, но ответил ей Амос:

– Дуарте. Вы полагаете, что это Дуарте.

Фаиз пожал плечами.

– Он кардинально модифицирован технологией протомолекулы. Он выскочил из комы и пропал. А тут такое. Да, нам трудно предположить что-то еще.

– Так он что, не просто пропал, а испарился? Превратился в протомолекулярное привидение? – спросил Амос. – И скитается по сети?

На Джиме лица не было. Наоми взяла его за локоть, легонько пожала.

Кара смотрела на Амоса, и Элви не могла разобрать, неловко ей от его присутствия, или она ждет от него защиты.

– Что с ним произошло в физическом смысле, понятия не имею. Однако возможно, – сказала Элви, – что он… паразитирует на проводимых нами исследованиях. Видит то же, что и Кара с Амосом. А использует на свой лад.

– Что он вышел из комы еще могущественнее, чем был, – проговорил Джим.

– Это только гипотеза, – напомнила Элви.

– Что будем делать, если она подтвердится? – спросил Джим.

Элви взяла себя в руки.

– Я думаю, надо провести парное погружение. Подключить Амоса и Кару к отдельным системам датчиков, вывести катализатор, отправить их в библиотеку вместе. Имеется существенная вероятность, что вдвоем они сумеют лучше управлять происходящим, чем удается одной Каре.

– Управлять – это хорошо, – протянул Амос. – А если получится, что нам тогда делать?

– Попробуйте с ними поговорить.

Глава 28. Танака

Танака, еще проходя врата, не сомневалась, что след простыл, однако на подтверждение этой уверенности ушло время.

База Гевиттер была крупнейшим сосредоточением сил Лаконии в системе Бара Гаон. Она представляла собой три вращающихся кольца. Неподвижный сухой док в центре обходился без гравитации. Постоянный состав базы насчитывал почти семь тысяч военных и персонала. Вокруг все время патрулировали два истребителя того же класса, что и «Предштормовой», мониторили трафик в кольце и коммерческие рейсы в системе.

Бара Гаон стал важнейшим промышленным центром Лаконской империи. Ровно посередине зоны Златовласки располагалась планета с водой и почвой и с таким слабым наклоном оси, что смена сезонов ощущалась лишь легким намеком. При образовании этого шарика имела место значительная вулканическая активность, насытившая кору полезными ископаемыми, а почвенный слой легко адаптировался под земную органику. На орбите планеты висел комплекс Бара Гаон – огромное сооружение, составленное из корабельных верфей и требующих низкой гравитации производств.

Связав следящую систему Гевиттера с «Дерехо», они увидели, что кроме двух истребителей в Бара Гаоне имеются четыре спутниковых телескопа в глубоком космосе, три дюжины лаконских станций радионаблюдения и семьдесят три движущихся корабля.

И никто не видел, чтобы в кольцо входил «Росинант».

Правда, войдя в систему, «Росинант» мог скрыться при помощи подполья, но кто-то должен был заметить его при прохождении врат.

Танака поручила своей разведке хорошенько покопаться в прошлом губернатора, проверяя ее на связи с сопротивлением, но это уже для проформы. Танака не ждала, что они что-нибудь найдут. Просто она взяла ложный след.

– Похоже, это был тот грузовик с Фирдо, «Прощение», – говорил Боттон, присоседившись к ней за стойкой в баре для старшего офицерского состава. Положив свой терминал на стойку, он вывел объемную голографическую модель. – Бывший колонистский транспорт в коллективной собственности. Капитан Экко Леви.

Бар был обставлен в модном стиле «марсианской классики». Много искусственного дерева, зеркала из полированной стали, резные каменные столики. За столиками сидели несколько человек, болтали, пили и ели посредственные местные кушанья. Зато освещение было хорошим и музыка негромкой – не мешала тихой беседе. После недель на «Дерехо», когда перед глазами одна и та же обтянутая тканью переборка, даже поддельная древесина смотрелась роскошью.

– Не могли они намеренно сбить нас со следа? – спросила Танака, заранее зная ответ.

– Ни в каких базах разведки они не фигурируют. Если совпадение по времени нас и сбило, то без умысла с их стороны.

«Если совпадение нас сбило!» Дипломат этот Боттон. Но это ее задание, и цели выбирает она.

– Мы пошли по ложному следу, – сказала Танака.

– Похоже на то, – согласился Боттон.

Танака наградила его раздраженным взглядом. Не нуждалась она в его согласии. Боттон не изменился в лице. Будто ничего не заметил: помахал бармену и заказал себе вторую кружку пива.

Пока Танака мрачно перебирала дальнейшие ходы, бармен принес пиво и мисочку соленых хлопьев и сухих водорослей. И взглянул на нее, будто прикидывая, что безопаснее: спро-

сить, что ей угодно, или притвориться, что ее здесь нет. Сделав верный выбор, он отошел, не сказав ни слова.

Подчеркнуто выдержав паузу, Танака заговорила:

– Проверю другие нити. Тем временем вы свяжитесь с разведкой. Со всеми кораблями и трансляционными установками сети. Идут они без транспондера, но профиль двигателя и корпуса «Росинанта» нам известен.

– Будет исполнено, – отозвался Боттон и собрался уходить, оставив почти не тронутое пиво.

– Альзо. Вернитесь к показаниям датчиков, принятым при нашем вхождении в пространство колец. Проанализируйте заново, исключив Бара Гаон. Мы могли что-то пропустить.

– Есть, есть, полковник.

– И доведите до всех, – продолжала Танака, – что обнаружение этого корабля – задача первостепенной важности. Недонесение расценивается как мятеж и карается отправкой в Бокс.

– Я думал, майор Окойе приказала разобрать Бокс.

– Построю новый.

– Понял, – отозвался Боттон и покинул зал с заметной поспешностью.

Она вызвала список личных сообщений и приступила к долгому делу: чтению ответов на запросы. Друзья и близкие знакомые Дуарте отрицали факт посещений, но опрос связей второй очереди еще продолжался. Танаке эта линия представлялась тупиковой, но на Лаконии остались люди, чья обязанность – это подтвердить, и пусть попробуют проволынить! Очида не прислал новых данных по изучению яйцевидных объектов. Она отправила запрос. Запрос встал в очередь. Сеть трансляторов была забита, передачам препятствовали помехи из колец. В ее списке висели три уведомления разведки о событиях на Сан-Эстебане и подсчете потерь, но она плохо представляла, что ей делать по этому поводу. Каяться, что вовремя не разыскала Дуарте, чтобы он?.. Чтобы что? Чтобы он это предотв ратил? Впрочем, в чем только ей не приходилось каяться.

Бармен осмелился вернуться:

– Вам что-нибудь принести, полковник?

Он послал ей через стойку самую дружелюбную улыбку.

– Содовой воды, – распорядилась она и наугад спросила: – Старшина?

– Младший лейтенант, – отозвался он, рискнул оторвать взгляд от стойки, чтобы посмотреть ей в глаза, но тотчас потупился. – Комендант против работы в баре рядового состава. Говорит, это вредит моральному состоянию.

– Их или нашему? – спросила Танака, глотнув налитой за разговором воды. Легкая лаймовая отдушка отдавала мыльным привкусом.

– Этого он со мной не обсуждал, – обронил бармен и хотел отойти.

– А все-таки, – сказала Танака. Он задержался. Вернулся. – Дерьмовое занятие для лейтенанта – разливать выпивку. Даже для младшего. Вдруг вы не о том мечтали, убиваясь перед экзаменами в академию.

Теперь бармен смотрел ей в глаза. Недурен собой. Темноволосый, темноглазый. На щеках намек на ямочки. Он должен был ее знать. Знать ее ранг и статус. Но, изо всех сил скрывая страх, он ответил:

– Да, полковник, не о том. Но я – лаконский офицер. Моя служба – угождать верховному консулу.

Он сумел вложить в эти слова намек на шутку, пусть даже и несколько натужную.

Танака ощутила в животе знакомое тянущее тепло. Она ему не доверяла. Она была зла на себя, на свое бессилие, а та засевшая в пространстве колец чертовщина уводила ее все дальше от неприятной истины. Она все время службы провела, питая и охраняя свои тайные жизни. Рисковать, не вполне владея собой, – непозволительно.

А все-таки…

– Слышали про Сан-Эстебан? – спросила она, не дав ему отойти. – Гнусное дело. Вот так взяли и прикончили целую систему.

– Да уж, – сказал он.

– Это связано с моей работой. С моим заданием. Подробностей, конечно, не будет. Но… не знаю. Вот мы есть, а вот нас нет. Без предупреждения. Без второй попытки. То же самое может случиться здесь, с нами, со всей станцией… – Она пожала плечами.

– Думаете, может случиться?

– Не знаю, – сказала она. – Но на вашем месте долгосрочных вложений бы не делала. Так, на всякий случай.

Он улыбнулся, и в улыбке был страх. Другой страх. Молодые не любят вспоминать, что смертны. Им от этого хочется доказать, что они живы.

– У вас имя есть, лейтенант?

– Рэндолл, – ответил он. – Лейтенант Ким Рэндолл, полковник.

Он лет на сорок младше нее. И в чинах между ними пропасть, которую он хорошо если к старости одолеет. И лаконский устав запрещает связи с младшими по званию, а при ее нынешнем статусе «омега» для нее весь флот адмирала Трехо – младшие. Зато тот же статус ставит ее практически вне закона и тем самым отнимает кое-что, ради чего стоило бы этим заняться.

Но она изголодалась. Не по сексу, хотя решить проблему собиралась через секс. По власти. По чувству, что она не слаба. Что способна утвердить свою власть над враждебной вселенной в форме тела этого мальчика.

– Ну что, лейтенант Рэндолл, – проговорила она. – У меня тут корабль в доке, да еще мне отвели комнату на станции.

– Неужели? – Ким двинулся от нее, вытирая на ходу барную стойку.

– Честное слово, – сказала Танака. – Хотите, покажу?

Ким окаменел, а потом снова посмотрел на нее. Смерил глазами, словно только сейчас увидел. Проверял, правильно ли понял, и прикидывал, хочется ли ему. А потом скользнул взглядом по раненой щеке и чуть заметно вздрогнул. Как пощечину отвесил. Она даже ощутила жар в этой порванной щеке.

На нее обрушилась волна эмоций, незнакомых, как полный автобус пассажиров. Неуверенность, стыд, грусть, смущение. Она каждую могла назвать и нечто под такими же названиями испытывала прежде. Но здесь было другое. Смущение жалило как в первый раз. Грусть несла с собой привкус печали, какой раньше не бывало. Стыд отличался от прежнего стыда кое-какими нюансами. Она знала род и вид этих чувств, но они были чужими. В ее сердце протянулись провода от толпы чужаков.

Ким как ни храбрился, а заметив ее смятение, дал слабину.

– Не думаю, что это хорошая мысль, полковник, – проговорил он, голосом выделив звание. Отказался. Подчеркнув, что он добрый законопослушный лаконец и дело вовсе не в ее изуродованном лице.

У Танаки загорелись щеки, зачесались уголки глаз.

«Чтоб меня, я готова расплакаться, потому что паршивый лейтенантик при баре счел меня не такой милашкой, чтобы мне вдуть. Да что это со мной?»

– Конечно, – сказала она, ужаснувшись своему севшему голосу.

Она встала, осторожно, чтобы не опрокинуть табурет, и отвернулась, пока хорошенький лейтенантик с бесстрашной усмешкой и ямочками на щеках не увидел ее слез.

– Полковник! – не то с удивлением, не то с испугом позвал Рэндолл.

Вот и хорошо. Пусть поволнуется. Танака ушла, не ответив.

Проходя к дверям, она поймала свое отражение в зеркале. Красную топографическую карту щеки. Стянутую кожу под глазом, чуть отвисшее нижнее веко. Белый хребет шва, наложенного школьным медиком, после того как Джеймс Холден разнес ей лицо.

«Я уродина?» – спросил тихий голосок в голове.

Не ее голос. Слабый. Детский. Танака почти различила лицо за этим голосом: рыжие кудряшки, зеленые глаза, нос в веснушках. Девочка взглянула на нее, чуть не плача, и ее слова разбили Танаке сердце. Память, явственная, как живая: слышишь боль в голосе дочки и хочешь стереть эти мысли и убить мальчишку, который сделал ей больно. Сознавая, что ни того ни другого не сумеешь. Любовь, боль и беспомощность.

У Танаки не было дочери, и не знала она этой чертовой девчонки.

Она так стиснула зубы, что в ушах загудела кровь, и воспоминание вылиняло. Она тронула пальцем навернутый на запястье ладонник и сказала: «Запишите меня на прием в медицинский отдел».

* * *

– Какую указать причину обращения, сэр? – спросила девушка. Наверное, ей не было и тридцати. Темноволосая, круглолицая, кожа смугловатая, любезность профессиональная.

«У меня с головой неладно, – мысленно ответила Танака. – Корабль начал уходить к голландцам и вернулся, и то, что его спасло, меня сломало. Что-то не так с мозгами».

– Я была ранена. – Она резким движением указала на свою щеку. – В поле. И с тех пор не посещала медицинский центр. Хотела бы… проверить, как идет восстановление.

– Я сообщу капитану Ганьону, что вы следующая на прием, – сказала темноволосая.

Она еще на свет не родилась, когда Лакония стала самостоятельным государством. Она не знала мира без врат. Танака смотрела на нее как на представителя другого вида.

– Вы можете подождать в приемной.

– Спасибо, – сказала Танака.

Через двадцать минут ей осторожно щупали и мяли лицо. Капитан Ганьон был невысок и худ, блестящие седые волосы торчком стояли над головой. Танаке он напомнил какого-то персонажа детской передачи. Зато говорил он густым суровым басом, подходящим для священника или распорядителя похорон. И, слыша его голос, она каждый раз представляла, что ей выговаривает кукла-марионетка.

На стене мерцали ряды изображений. Несколько снимков ее щеки изнутри и снаружи. Скан челюсти и зуба. Еще один – кровеносных сосудов лица. На сканах она яснее, чем в зеркале, различала рваную линию между старой кожей и новой, нарастающей. Ей стало не по себе при мысли, что в ней, заменяя старую плоть, растет что-то новое.

– Да… – В рокочущем басе Ганьона звучало недовольство. Может быть, ею. – Повреждения значительные, но это поправимо.

Он махнул рукой на снимок ее челюсти. На гладкой белой поверхности выделялись неровные зубцы: сломанный зуб, заросшие трещины.

– И щека, – без вопроса проговорила Танака.

Ганьон отмел напоминание пренебрежительным взмахом ладони.

– Полевая медицина недурна. Не скажу, что вас плохо залатали. Но текстуру и тон не подогнали. Если этим не заняться, будете ходить со щекой вроде попки младенца. Зато с сосудами медик «Ястреба» прилично справился. Меня беспокоили возможные повреждения челюсти. При угрозе отмирания кости пришлось бы замещать все разом. Однако…

Он указал ей на снимки внутренней поверхности рта, словно она могла судить о состоянии своего здоровья.

Танака попробовала представить свое лицо с замещенной челюстной костью, представила, сколько пришлось бы ждать срастания, как бесформенно обвисли бы губы. У нее кожа на голове натянулась. Хоть этого унижения она избежала.

– Сколько по времени?

Кустистые брови Ганьона шевельнулись парой потревоженных гусениц.

– Это существенно?

– Возможно.

Он сложил руки на коленях – как у статуи мадонны.

– Возможно, лучше отложить до окончания вашего текущего задания, а потом уж начать, – сказал Ганьон, выразив голосом глубокую озабоченность ее судьбой.

Рыжая малышка в памяти спросила, не уродина ли она. Беззащитность, словно без кожи осталась, и всепоглощающая боль любви к ребенку. Унижение звенело в ней как хрустальный бокал.

– К черту! – прошептала она, качая головой.

– Простите?

– Я говорю: нет. Начинайте сейчас же.

* * *

– Ты тут откуда? – спросили как будто издалека.

Танака хотела открыть глаза, но мир разгонялся на двадцать g, и веки весили по тысяче фунтов.

– М-м-м-мф, – сказала она.

– О, черт, прости, – уже поближе произнес кто-то. Мужчина. Хрипловат. Слева от нее. – Не заметил, что ты спишь. Просто не слышал, как тебя закатили.

– М-мф, – согласилась Танака, после чего кто-то прикрутил ускорение, и веки открылись.

Яркая белая лампочка обожгла глазные нервы. Танака зажмурилась. Попробовала нащупать себя руками, и что-то вялое, плюхающееся как полудохлая рыбина, запрыгало у нее по груди.

– Да ты погоди минутку, – сказал мужчина. – Ты, верно, после операции. Они уж отключают так отключают. Чтобы выкарабкаться обратно, нужна минутка.

Танака хотела кивнуть – голова перекатилась набок. Мир все убавлял разгон, она сумела вернуть голову на место и снова рискнула открыть глаза. Слишком светло, но лазерный луч уже не бьет в мозг. Она допустила ошибку, только не могла припомнить какую.

Она опустила взгляд на свое тело. Одето в больничный халат, до колена длиной. Из него торчат икры марафонца – худые, узловатые, все в шрамах. Руки бессильно лежат на груди. На тыльной стороне ладони оставили трубочку в вене.

Она пережила мгновенный приступ паники, а потом голос произнес: «Я в госпитале. Пластическая операция. Все хорошо». Этот голос – одновременно ее и чужой – ее успокоил.

– Ты в порядке? – спросил хриплый. – Или позвать кого?

– Не надо, – выдавила Танака. – Все хорошо. Просто пластическая операция.

Она спохватилась и не упомянула о том, что они в госпитале. Скорее всего, это и так известно.

Сила тяжести теперь ощущалась как обычная треть g станции Гевиттер. Танака рискнула повернуть голову, чтобы взглянуть на говорящего.

Оказалось, что его почти не видно из-за окружавшей кровать медицинской аппаратуры. Неудивительно, что он не заметил, как ее вкатили в палату. А Танаке была видна его макушка – светлые волосы с сединой, подстриженные коротко, по-военному. В ногах кровати, по другую сторону от приборов, торчала мозолистая ступня.

– Хреново должно быть, а? – сказал хриплый.

– В меня стреляли, – ответила Танака, не успев даже припомнить. «Ты еще не отошла от наркоза, – напомнил внутренний голос. – Думай, что говоришь. Секреты держи в секрете».

– В лицо? – с сиплым смешком осведомился хриплый. – Знаешь, после выстрела в лицо мало кому требуется пластика. По мне, если тебе понадобилась заплата, ты уже победительница. Поздравляю с новым днем не в утилизаторе.

– Однако это больно.

– Да, еще бы нет. Ручаюсь, что больно. – Хриплый снова сипло хихикнул.

– А у тебя? – спросила Танака.

– Можно сказать, только лицо и цело. Гнались за контрабандистами на патрульном скифе. Думали проследить до места доставки. Паршивый каменюка, астероид не многим больше нашего кораблика. Подошли поближе, осмотреть…

Он замолчал. Танака ждала, гадая, уснул раненый, или воспоминания слишком мучительны для рассказа.

– А эта хрень как рванет! – просипел хрипатый. – Целиком. Никакие не контрабандисты. Подпольщики сраные, устроили ловушку на лаконцев. Скиф смяло, как ту фольгу. Рики с Гелло даже не узнали, что их убило. А меня облепило, словно нарочно отрезало, без чего можно обойтись, и в то же время не дало истечь кровью.

Юмор старых вояк: друзья погибли, я ранен, и неизвестно, выживу ли, – разве не смешно? – скрывал симфонию горя, но Танака ее расслышала. Не в первый раз.

Она могла разделить его чувства. Отчасти и разделяла. – Соболезную твоей потере, – сказала она.

Руки и ноги у нее закололо иголочками. Она на пробу сжала кулаки. Слабее новорожденного, но пальцы послушались. Для начала неплохо.

– Угу, – отозвался хриплый.

«Соболезную твоей потере» – пустые слова, которыми отзываются на грустную историю незнакомца. Хриплый это знал, и Танака тоже.

– Я потеряла брата, – сказала она голосом, севшим от невыносимой тоски. Брата у нее никогда не было.

– Взрыв? – спросил он.

– Альпинист, погиб в горах, – ответила она. И увидела лицо и скорчившееся под обрывом тело. Веревка лежала на нем змеиными кольцами. Огромная печаль, явившаяся вместе с воспоминанием, грозила ее смыть.

«Что с тобой? – спросил голос в голове. – Зачем ты ему врешь?» Но она не лгала. И единственный ответ – вырвавшийся из груди всхлип.

– Эй, – сказал хриплый, – ты держись. Меня тут собрали как надо. В смысле, жаль, что Рик с Геленой не выбрались, но такая работа, да?

«Я не по тебе плачу», – хотела сказать Танака, но плакала и по нему тоже. И по брату, сорвавшемуся со скалы, – она помнила, как он обнимал камень под утесом, какие пустые у него были глаза. И еще она плакала по Гелло и Рики, по всем, кто не выкарабкался, когда мир разнесло бомбой. А больше всего – от страха. «Что со мной творится?»

– А я старшина Бирд, – сказал хриплый. – Льяс Бирд. А ты?

«Не знаю».

Ответить Танака не успела. Открылась дверь, вошел, азартно стуча пальцами по терминалу, Ганьон. Увидев, что она очнулась, он пришлепнул терминал к предплечью, и пластинка обвила ему руку.

– Рад видеть вас в сознании, полковник, – сказал Ганьон.

– Черт, простите, что надоедал разговорами, полковник, – испугался Бирд.

Танака по голосу поняла, что с «полковником» прежнего разговора уже не будет. И ощутила непривычный укол сожаления.

Ганьон, вовсе не обратив внимания на Бирда, занялся показаниями приборов.

– Эй, старшина, – позвала Танака.

– Слушаю, полковник!

– Ты держись, солдат. Мы оба отсюда выберемся.

Просто я первая.

Ганьон взглянул на обернутый вокруг запястья терминал и похлопал Танаку по руке.

– Кажется, все нормально. Теперь отдыхайте, а завтра вас отпустим. Запишем на дальнейшие процедуры в ближайшие…

– А старшина Бирд? – спросила Танака.

– Кто? – растерялся Ганьон.

– Старшина Бирд. На соседней койке. Как с ним?

Ганьон только мельком взглянул в сторону Бирда.

– А, понимаю. Боюсь, он не мой пациент.

Врач снова занялся терминалом.

Все произошло помимо сознания. Так силовая броня исполняет запрограммированный порядок действий. Тело резко включилось в работу, хоть сейчас в рейд. Несколько секунд она смотрела, что набирает у себя на запястье Ганьон.

Щелк.

Она прижимала Ганьона к кровати, коленями на плечах, кулак снова бьет в его ошарашенное, перепуганное, залитое кровью лицо.

– Я, на хрен, спрашивала, твой ли он пациент? – услышала она собственный вопль и вогнала левый кулак ему в глаз – трубочка капельницы вылетела, брызнула кровь. – Я ни хрена не спрашивала, твой ли он пациент!

В жилах пела кровь. Она чувствовала себя большой, могучей, живой – как часто бывало в деле. А потом словно в лицо холодной воды плеснули – она пришла в себя и очень испугалась. Слезла с кровати, сделала шаг назад. Ганьон сполз на пол и тихо поскуливал.

– Полковник.

Она перевела взгляд на Бирда. Теперь, стоя, она видела его лицо. Круглые голубые глаза. И погрозила ему пальцем.

– Я присмотрю, чтобы тобой занимались как следует, – пообещала она. Но в глубине сознания кто-то тихий и маленький, наблюдавший все это со стороны, подумал: «Мне конец».

– С-спасибо, – выговорил Бирд. – Я ничего, полковник. Я в порядке.

– Я присмотрю, – повторила она.

Развернулась и промаршировала к двери. Двое вооруженных охранников шагнули навстречу и попятились. Больничный халат сполз с плеч, она его подхватила, чтобы не сверкать грудью на весь коридор. Ее задницу, наверное, уже видела половина медиков Гевиттера. Все это казалось очень далеким.

Прошли часы или секунды, пока она оказалась перед столом в приемной. За ним сидела та же темноволосая девушка. Беспомощные молодые глаза округлились при виде нависшей над ней Танаки.

– Вы меня знаете?

– Да, полковник.

– Хорошо. – Танака глубоко вздохнула, выровняла позвоночник и проговорила, произнося каждый звук так отчетливо, как только позволяли раны и повязки: – Я хотела бы пройти психиатрическую экспертизу.

Глава 29. Джим

Ондатра, как в воде перебирая ногами, плыла по коридору мимо камбуза. Она взлаивала басом – разговаривала – и широко ухмылялась. Ксан в дальнем конце коридора на долю секунды замер и тут же с хохотом раскинул руки, встречая подплывающую собаку.

– У тебя получится! – захлопала в ладоши Тереза.

– А она меня не укусит? – крикнул в ответ Ксан.

– Она добрая. Не кусается.

Лицо черноглазого мальчугана светилось радостью. Он развел руки, растопырил серые пальцы и взвизгнул от восторга. Джим протиснулся мимо него, поднырнул под Ондатрой и втянулся в камбуз. Там уже собрались Алекс и Фаиз. Алекс примагнитился подошвами к полу, а Фаиз парил в воздухе, но за скобу придерживался.

– Я вижу, дети довольны жизнью, – заметил Джим, дожидаясь, пока «Росинант» нальет ему в грушу свежезаваренного кофе. – Чем они, собственно, занимаются?

– Играют в мяч, – пояснил Алекс. – Собакой.

Джим отведал отличного горького кофе, прочувствовал знакомое тепло на нёбе и в горле.

– Как же, как же. Мог бы не спрашивать.

Преобразование лаборатории для двойного погружения оказалось нетривиальной задачей и продвигалось небыстро. Элви запасла на «Соколе» достаточное количество всего и вся, так что для установки второго набора датчиков, второй медицинской кровати и приборов нужно было только припомнить, что в каком ящике лежит. Но вот стены лаборатории не раздвигались, и, чтобы втиснуть все, доставленное из грузового трюма, требовалось время и бесконечные совещания. А кроме того, надо было предварительно обследовать Амоса, присовокупить данные из медотсека «Роси», и еще Элви проводила с ним долгие собеседования, сопоставляя изменения сознания и появление новых знаний с прежними погружениями в библиотеку.

На «Роси» день ото дня появлялись новые лица. Первыми заглянули Фаиз с Элви, но у Элви свободное время выдавалось все реже, и Фаиз стал приходить один. Потом стал брать с собой Кару и Ксана – Ксана особенно часто.

В коридоре радостно залаяла Ондатра – она проплывала мимо двери камбуза, направляясь теперь к Терезе.

– Ребята хорошо поладили, – заметил Фаиз.

– Не хочешь нанять Терезу в няньки к малышам? – спросил Алекс. – По возрасту она годится.

– Ксан старше вдвое, а то и больше, – напомнил Фаиз.

– Все равно малыш, – сказал Алекс. – Просто очень долго пробыл малышом.

– Нет подходящей модели, и что тут будешь делать? – Фаиз развел руками. – Кара с Ксаном не укладываются в диапазон «дети – не дети». Они просто Кара и Ксан.

Коридор звенел смехом Терезы. Сколько месяцев она провела на «Роси», а ее смеха, резкого и радостного, они не слышали. Джим даже не думал, что Тереза умеет смеяться.

А может, ей просто не часто представлялся повод для этого. Мало кто мог забыть обстоятельства ее жизни, чтобы увидеть в ней просто девочку. Джим и насчет себя сомневался. Она – дочь божественного императора, а для них – живой щит, наследница Лаконии и перебежчица высшего ранга. Это так – но еще не все. Она еще и ребенок. Ребенок, лишившийся матери и отца, сбежавший из дома, с эмоциональными потребностями, о которых Джим мог только догадываться. А знать – не знал. Может, он сам был для нее такой же загадкой.

А в ее смехе было что-то на диво всеобщее. И в смехе Ксана тоже. Голоса играющих человеческих детенышей. Джим вдруг заметил, что трое взрослых молчат, слушая детские голоса как музыку.

Ондатра коротко, жалобно взвизгнула, и Тереза крикнула Ксану, чтобы подождал. Через секунду ее разгоревшееся потное лицо показалось в дверях.

– Тут Ондатре нужно заглянуть в собачий туалет. Можно мне взять Ксана в машинное, показать, как там устроено?

Машинальное «Бери, конечно» споткнулось об представление: Тереза и Ксан на корабле без присмотра. Джим не думал, что они нарочно что-нибудь устроят – тут он вполне доверял Терезе, – но, вот так разыгравшись, могут нечаянно натворить дел. Машинное отделение старенького, но военного корабля – не самое подходящее место для буйных забав.

– Я с вами, – сказал Алекс, забросив недоеденную тарелку в утилизатор.

Джим повернулся к Терезе, указал ей на Алекса:

– Не позволяй ему играть с инструментами!

Девочка закатила глаза, разглядев сквозь неуклюжую шутку его опасения и отмахнувшись от них. Алекс на выходе хлопнул его по плечу, и Джим, допивая кофе, слушал, как девочка, мальчик, собака и взрослый, переговариваясь и хихикая, уходят к лифтовой шахте, спускаются вниз.

– Спасибо, – сказал Фаиз.

– Всегда пожалуйста. А за что?

– Что даете Ксану на время выбраться из-под крышки. Он хорошо держится, но наши дела ему дорого обходятся. По-моему, он при каждом погружении Кары боится, что она вернется не вся.

– А так может быть?

– Не знаю. Может. Прецедентов в этой области маловато. Даже самую серьезную перемену мы заметим не раньше, чем она произойдет.

– Это чувство мне знакомо, – сказал Джим. Допив кофе, он выбросил грушу.

– И что меня принимаете, спасибо. «Сокол» – прекрасный корабль, и компания, в общем, не из худших, но за несколько месяцев в невесомости я начал грезить долгими прогулками вдоль реки и университетскими кофейнями.

Джим вежливо посмеялся, но в груди у него что-то сжалось. Он набрал код простого завтрака: яичница с бобами.

– Извини.

– За что? – спросил Фаиз.

– Что вы так влипли. То есть ты и Элви. Это ведь я вас втравил в это дело.

Фаиз склонил голову к плечу. Джим помнил его с Илоса, а годы с этим человеком обошлись бережно. Волосы не поредели, и седины в них было куда меньше, чем положено. И морщинки на лице напоминали в основном о смехе. Но сейчас вид у него был задумчивый.

– Я знаю, почему мы здесь оказались. Если на то пошло, нам надо бы сказать тебе спасибо.

– Ну вот, теперь ты надо мной смеешься.

Фаиз долго молчал. И спросил:

– Найдется минутка? Хочу тебе кое-что показать.

Пожав плечами, Джим поставил автоповара на паузу, вместе с Фаизом спустился на лифте в шлюз и через него вышел на «Сокол». Терпкий запашок чужого корабля никуда не делся, но уже не бил в ноздри, как в первый раз. Привычка притупила нюх.

Фаиз свернул по длинному коридору в сторону корабельного реактора и двигательного отсека. Жутковато было видеть знакомый марсианский дизайн «Росинанта», выросший и развившийся в лаконском теле «Сокола». Джиму припомнилась документалка о паразитическом грибке, захватывающем организмы муравьев. Вот бывший марсианский корабль, инфициро-

ванный протомолекулой и честолюбивыми замыслами Уинстона Дуарте; он и выглядит похоже, и ведет себя похоже, и его даже можно перепутать с кораблями типа «Роси». Но он уже не тот.

– Ты ведь знаешь, что на время погружений Кары мы Ксана изолируем?

– Знаю, – сказал Джим.

– Решили, что он стал бы лишней переменной. Лишним влиянием, которое пришлось бы учитывать и вносить поправку. Но он еще и контрольная группа. Мы видим, в чем Кара меняется, а он нет, и, может быть, узнаем из этого что-то полезное.

По коридору им навстречу плыла, уткнувшись носом в ручной терминал, темноволосая женщина. Когда она, подняв голову, увидела Джима, в глазах у нее мелькнула паника. Расходясь с ними, она кивнула.

– По-моему, разумно, – сказал Джим.

– А в остальное время мы используем то же устройство для изоляции катализатора. Примерно как на Илосе. У тебя на корабле был образец протомолекулы, имевший доступ ко всем артефактам Илоса. И он щелкнул выключателем. Ты помнишь, что из этого вышло.

– Он пытался доложить о завершении строительства колец.

– Но не сумел, потому что докладывать было некому. Ну вот, у нас тут тоже образец, но Кортасар придумал, как замкнуть его на себя, так что наш артефакт проявляется, только когда нам требуется. Просто и чисто, а?

– Вроде бы так.

Фаиз оглянулся на него. Без тени улыбки.

– Вот здесь мы храним образец. Катализатор. Заходи, посмотришь.

Маленькая, спартански обставленная каюта. На стене закреплен ранец, из него торчит краешек планшета. И кроме него только один предмет, напомнивший Джиму барокамеру для декомпрессии после глубоководных погружений – а то и печь крематория. Чуть больше двух метров в длину, в торце люк. Встроенный в стену камеры экран не светился. Ожил, когда Фаиз по нему постучал.

На экране появилась женщина. Глаза открыты и слабо светятся голубым, смотрят в пустоту. Джим понял – и его словно ударили под дых.

– Это ваш катализатор.

– Я порылся в архиве, – сказал Фаиз, – тайком от Элви. Раньше ее звали Франческой Торрес. Она работала лаборантом в научном директорате. Надо думать, Кортасар ее знал, хотя бы бегло. Что-то с ней случилось. Может, неудача на любовном фронте. Или она всегда мечтала стать балериной, а не сложилось. В общем, она стала попивать и явилась на работу пьяной и буйной.

Домой в тот день уже не вернулась. Очида организовал онлайн дисциплинарное слушание с Кортасаром и главой службы безопасности, и ее запихнули в Бокс, не дав даже протрезветь.

Джим взглянул ей в лицо. Гладкое, но не молодое. А словно разбухшее. Женщина… Катализатор… Франческа открыла рот, словно хотела заговорить, и снова сомкнула губы.

– Лет за пять до того, как Дуарте разыскал и притащил Элви на Лаконию – знаю, по твоей наводке, – эту женщину скормили протомолекуле. С тех пор она такая. Мы сдерживаем свободное развитие, но ее не кормим. Не стрижем ей волосы. Ее не выпускают в туалет. Она не спит. Время от времени мы обдаем камеру жесткой радиацией. И все. Она не человек, как это слово ни понимай. Уже не человек. Мешок из кожи, наполненный протомолекулой.

Джим все не мог перевести дыхание.

– Я тебя морочить не хочу, – продолжал Фаиз. – Предъяви то, чем мы тут занимаемся, нормальной комиссии по этике, они просто вызовут полицию. Мы вышли за рамки научной этики и обычной морали, и я готов утверждать, что прямо сейчас со свистом проносимся за уровень преступлений против человечности. Но я твердо знаю, что могло быть еще хуже.

– Понимаю, – кивнул Джим.

– Не обижайся, но ни хрена ты не понимаешь, – сказал Фаиз. – Я не хочу этим заниматься. И не хочу, чтобы этим занималась Элви. Но больше всего я не хочу, чтобы здесь оказались Кортасар или Очида. Те, кто посмотрел на Франческу Торрес и решил, что вот так с ней поступить – правильно. Не хочу, чтобы они здесь командовали. Будь это их лаборатория, Ксан сейчас не играл бы с новой подружкой Терезой и не смеялся бы, глядя, как собачка какает в вакуумный туалет.

Он сидел бы в том же ящике, в котором мы его нашли. Они бы его вытаскивали, когда хотели бы с ним что-то проделать, а закончив, запихивали бы обратно, как отвертку в ящик с инструментами. Так что, да, ты охрененно подставил меня и ее. И мы здесь натворили такого, что боги нам никогда не простят. Но, если начнешь об этом жалеть, вспомни, что могло быть хуже.

Джим все еще думал об этом спустя три дня. Лабораторию приготовили. С виду – бедлам. Вдоль стен и по полу змеятся провода, закрепленные проволочными скобками и клейкой лентой. Вторая медицинская кровать – для Амоса – наклонена на тридцать градусов, чтобы оставить место для прилепленных к ней сенсорных установок. Идеально организованное, чистое и аккуратное, продуманное рабочее пространство превратилось в подобие каюты Джима во времена его флотской службы, разве что грязного белья на полу меньше. Лаконцы переговаривались высокими от напряжения голосами. На него никто не смотрел, и впервые с тех пор, как «Роси» пристыковался к «Соколу», Джиму было легко переносить это нарочитое невнимание. Если его замечали, он сильнее прежнего чувствовал себя лишним.

– Если почувствуешь неудобство… – говорила Элви.

– Мне хорошо, – не дослушав, отозвалась Кара. Облегающий медицинский комбинезон и грел ее, и удерживал контакты датчиков, и обеспечивал плотную матрицу для сканирования, которое должно было начаться в момент погружения. Она походила на пловчиху перед соревнованием. Так же четко сосредоточилась на предстоящем. – Я сама этого хочу. Я готова.

Джиму показалось, что Элви изменилась в лице, но что означала эта перемена, он не понял.

Заместитель Элви, Харшаан Ли, пристегивал ко второй койке Амоса. Костюм на Амосе был такой же, как у Кары, но вот лицо вместо сосредоточенной решимости выражало насмешку над нелепостью происходящего. Черные глаза встретили взгляд Джима, и Амос приподнял подбородок.

– Привет, кэп. Пришел на представление?

– Не знаю, много ли я тут разгляжу.

– Костюмчик мне нравится, – сказал Амос. – К лицу.

– Если не хочешь, ты только слово скажи. Понимаешь? – спросил Джим.

– Прошу вас не шевелиться, – заговорил доктор Ли. – Я хочу сделать контрольную запись.

– Извините, – ответил ему Амос и снова обратился к Джиму: – Ты за меня не волнуйся. Я для того сюда и шел.

– Погоди. Правда?

– Прошу вас откинуться на спину, – сказал доктор Ли.

Амос бодро показал ему оттопыренный большой палец и лег, как просили. Джим легким толчком отодвинулся от стены. Из коридора в дверь вплыла Наоми. Она туго стянула волосы к затылку и смотрела угрюмо, но при виде Джима смягчилась.

Доктор Ли заговорил громко и отчетливо:

– Всем, предстартовая проверка. Предстартовая проверка.

Движение в лаборатории не то чтобы ускорилось или замедлилось, но переменилось. Джим нащупал скобу, придержался за нее. К нему подплыла Элви.

– Готова? – спросил ее Джим.

– Надеюсь только, что получится. Если все это впустую… Ну, обидно будет.

– Предстартовая проверка завершена благополучно, – объявил доктор Ли. – Приступаем по указанию начальника группы.

Он оглянулся на Элви. Та кивнула.

– Можно начинать, – сказал Ли. Джиму в его голосе послышалось удовлетворение. – Прошу вывести катализатор.

На медицинских койках расслабилась Кара и закрыл глаза Амос.

Интерлюдия. Спящие

Спящие спят, и сон уносит их в привычную огромность. Волна, и поток, и умы, пустые, потому что свет между ними есть их общая мысль. Бабушки манят к себе пальцами, никогда не знавшими ладони. *Смотри-смотри-смотри. И увидь!* И она переворачивается, и она искрится, а он нет. Он неподвижен, как камень в течении, как тень в свете, как вещь. Он задерживает и, задерживая, напоминает.

Их трое, и когда-то это что-то значило, но бабушки хихикающе проваливаются в себя и сквозь себя, рассылая семя за семенем, за семенем с безвоздушным ветром, и безмерно малая часть пускает корни и прорастает обратно к ним. *Вот как мы все строили, и вот как оно питало нас, и вот что значит любовь, когда любовь ничего не значит.* И она расширяется и истончается, падая туда, но он остается на месте. Она ощущает в нем желание, сочное, как ее желание, но ощущает и то, что противостоит этому желанию и напоминает ей. Их трое, и сон колеблется, как спроецированная на полотно картина, когда ветер раздувает ткань. Бабушки умерли, их голоса – песни призраков, и свою правду они расскажут кому угодно. А сами ничего не услышат, и спящая видит пустоту за их маской. Она пытается повернуть голову, оглянуться назад, увидеть единственного живого в стране мертвых, и голова поворачивается-поворачивается-поворачивается, не поворачиваясь.

Сон распадается на прядки, и вот он, третий, – голубые светлячки и черные спирали. От него бьет усталостью, и она видит, как мало мяса у него на костях – прямо господь бог в родовых муках созидания. И он обращается к ней и к ним.

Она не синхронна с БИЧ, проплывает за спиной. *Мы наблюдаем падение активности червоточины в артефакте, а она набирает силу; и: У объекта два то же самое. Кто-нибудь понимает, что мы тут наблюдаем?* Мягкий усталый взгляд находит ее, и находит его, и находит их. Спящая пытается проснуться, но другой сутулится, будто пряча что-то на покрытой черными шрамами груди. *Пусть продолжают,* – говорит доктор Окойе.

И третий слышит ее их ушами, и улыбается, и склоняет бычью голову – лобастую, огромную, не знающую времени.

Не буди беду, пока нет беды, – безмолвно говорит спящая. А вот и беда, полным-полно.

В этой войне нельзя было победить, – говорит третий. – *Но война шла. Солдатиков из папиросной бумаги и шоколадной фольги разметывали их собственные пушки. А они делали пушки. Они были паутинкой перед камнепадом, и, несмотря на их ум, их порвали.* Спящая видит и слепнет.

– Черт! – вскрикивает доктор Окойе, и третий обращается к ней:

– Я бы дотянулся до вас, если бы вы помогли. Но даже эти разбитые сосуды, как они ни великолепны, теперь не выдержат трудов. Моих трудов.

– Ладно, пусть так. Но каких «трудов»?

– Что есть империя, как не человечество, руководимое одним разумом? Я был прав, но мыслил слишком мелко. Я видел, насколько нам надо вырасти.

– Не по вашему образцу.

Рогатый бог выдыхает голубое пламя, и оно живет и угасает в мгновение, равное геологической эпохе.

– В нашем распоряжении есть инструменты, доктор Окойе. Инструменты, созданные против врага с третьей стороны врат. Я… учусь. Я добился кое-каких успехов. В этой войне мы могли бы победить, но пришлось бы измениться.

– По-видимому, вы утверждаете, что прекращение вызванных обитателями врат провалов сознания и перемен в основных физических законах – ваша заслуга. Это так?

– Мы не сильнее, чем были они. Но мы из низшей материи. Мы созданы из праха, и в этом наша сила. Те были хрупкими, мы прочны. У них был меч, но недоставало силы его поднять. Я отыщу этот меч и оставленную ими карту.

– Я что-то сбилась. Меч?

– Они создали, но не сумели эффективно использовать инструменты, препятствующие проникновению врага в то, что мы называем вселенной. Но эти инструменты существуют, и полагаю, мы способны их применить.

– Это я, кажется, поняла. Хотя бы в общих чертах.

– Чтобы получить полный доступ к их инструментам, мы должны в большей степени уподобиться им. Мы должны из миллиардов отдельных единиц стать единством. Я изучаю и вопрос, как этого достичь.

– Вы… хотите сказать, мы должны превратиться в ульевый разум?

– Да. Взаимосвязанный, со свободным током мыслей и воспоминаний между узлами. Сметены все наши иллюзии индивидуальности. Мне представлялось, что империя – наиболее приближенное к этому состояние. Но… – третий, как бы извиняясь, указывает на себя, – теперь я представляю большее. Это хорошо. Мы спасемся.

– А останемся ли людьми?

– Мы будем лучше того.

И его черно-голубой выдох задувает свет разума и уходит.

Так! Все показания датчиков ко мне. По «Соколу», по БИЧ. По кольцам. Все, что есть. Сведите все в систему. Я должна понять, что это было, и немедленно. Еще один голос. Другой голос. Как это странно – иметь разные голоса. *Леди и джентльмены, вы все слышали начальника группы. Действуем по плану. Не время расслабляться.*

Спящие открывают глаза, и ничего не меняется.

Глава 30. Элви

– Это хорошо, – сказал Дуарте. – Мы спасемся.

Элви внимательно рассматривала его. Он не выглядел призрачным. Плотный и настоящий, как все присутствующие. Похудел с лаконских времен. Жилка на виске – как голубая гусеница под кожей. Подумалось: если бросить ему ручной терминал, сумеет поймать? Хотелось проверить, но был риск нарушить связь, а на это она не решилась.

– А останемся ли людьми? – спросила она.

Дуарте грустно улыбнулся:

– Мы будем лучше того.

И исчез. Сотрудники со всех сторон круглыми от страха глазами уставились на место, где только что видели верховного консула Лаконии. Тишина: гул вентиляции, бормотание приборов, тиканье собственного пульса в ушах. Элви склонила голову, набрала в грудь воздуха и гаркнула, как сержант на плацу:

– Так! Все показания датчиков ко мне. По «Соколу», по БИЧ. По кольцам. Все, что есть. Сведите все в систему. Я должна понять, что это было, и немедленно.

Еще одно долгое мгновенье никто не шевелился. Слишком ошарашены, чтобы понимать такую простую человеческую штуку, как слова.

Первым опомнился Ли:

– Леди и джентльмены, вы все слышали начальника группы. Действуем по плану. Не время расслабляться.

Хлопнув в ладоши, он словно разбил чары: техники и научные сотрудники с проворством и сосредоточенностью маньяков обратились к своим постам. В то же самое время открыли глаза Кара и Амос. На губах Кары играла улыбка – ласковая, расслабленная, совершенно неуместная в общей суетливой спешке. Амос, почесав в затылке, огляделся.

Джим был бледен. Попробовал улыбнуться – не вышло.

– Похоже, сработало.

– Ты его тоже видел? Не только я?

– Не только. Что меня удивляет. Когда у меня в голове обитал Миллер, его видел я один. – Он говорил так быстро, что слова спотыкались друг о друга. – Так что либо это такая же штука, но с большей оперативной мощностью, либо что-то другое. Не знаю.

– Эй, док. – Амос указал на облепившие ему грудь и голову контакты. – Можно уже снять эти штуковины?

Элви, не ответив ему, тронула за руку Наоми:

– Мне нужно часа два. Потом встретимся у меня в кабинете?

Наоми кивнула и посторонилась с дороги, позволив техникам отключить от приборов Амоса и Кару. Джим тоже подвинулся. Элви поплыла обратно, наблюдая за происходящим в целом и ни за чем в отдельности. Воспринимая все как гештальт. Ее сотрудники действовали точно и целеустремленно. Страх, если и был, скрывался под профессиональными навыками. Это хорошо. В этом ей и нужно было убедиться. И больше того, взрастить то же самое в себе. Она скрестила руки на груди, сделала несколько глубоких вдохов и велела себе выждать, пока мозги чуточку успокоятся. Она уже решила, что неплохо справляется, когда мелькнувшее воспоминание о явлении Дуарте запустило все заново.

Кара уплыла с койки с легкостью дымка от палочки благовоний или попавшего в подводное течение лоскутка ткани. И улыбалась мягко, лениво, а щеки у нее разгорелись, потемнели.

– С тобой все хорошо? – спросила Элви.

– Превосходно, – ответила девочка.

От другой стены за ними с приятной, ничего не выражающей улыбкой наблюдал Амос, дожидавшийся, пока от него отлепят последние контакты.

– В этот раз до опроса мне нужно немножко поработать, – сказала Элви.

– Как вам удобнее, – ответила из своей блаженной задумчивости Кара.

Элви включила связь с камерой катализатора:

– Как там состояние дел?

– Катализатор в ящике, – доложил Фаиз. – Ксан на свободе. На вид все нормально, если не считать, что все, кого мы слышим из лаборатории, говорят так, будто пытаются подать сигнал, что их держат в заложниках. Что у вас там стряслось? Вас захватили в заложники?

– Подходи ко мне в кабинет, – сказала она.

* * *

С первого раза она не заметила в собранных Танакой сведениях ничего особенного. Странные эффекты сознания имели место на Илосе при включении артефактов древней цивилизации. И еще раньше, когда у Джима в сенсорной коре хозяйничала протомолекулярная копия его старого приятеля. Человеческое сознание – настолько простая штука, что ремонтные дроны на Лаконии с приличным приближением воспроизводили все, что людям хотелось сохранить: Ксана, Амоса, случайно разбитый Карой дрон для сбора образцов…

И только теперь, вернувшись к отчетам, Элви увидела в них пробелы.

«Вы что-то испытывали при этом событии?» – спрашивала Танака.

И опрашиваемый без малейшей заминки отвечал:

– Черт возьми, еще как испытывал!

На этом запись обрывалась. Вместо первичных данных или записи разговора Танака приложила короткое резюме: «Описывает подобные сну галлюцинации пребывания в другой личности и/или связи с большим количеством других личностей. Утверждает, что воспоминания о галлюцинаторных переживаниях не тускнеют со временем».

И снова и снова, по всем отчетам, всплывали те же выражения. Вместо записи реальных воспоминаний Танака и ее сотрудники присылали собственный их пересказ. Элви давно работала в академической среде и научилась замечать, когда ученый, минуя данные эксперимента, перескакивает прямо к интерпретации. Это почти всегда означало, что человек обходит что-то пришедшееся ему не по вкусу.

Наоми, Джим и Фаиз плавали по ее кабинету. Свободного места не осталось. А может, не так уж было и тесно, просто она привыкла, что в кабинете только они с Карой вдвоем обсуждают опыт погружений, вот лишние тела и показались непривычными. Или она с досады искала, к чему бы придраться.

– Одно мы знаем точно, – заговорила Элви. – Его там не было. Камеры наблюдения ничего не фиксировали, даже когда я с ним говорила. И никаких следов взаимодействия с материальными объектами, кроме, конечно, наших мозгов.

– А признаки взаимодействия с мозгами есть? – спросил Джим.

– Мы его видели, – отрезала Элви и тут же раскаялась в своей резкости, потому что Джим как будто съежился. Не его вина, что он не успел все продумать. Она постаралась смягчить тон: – Сам факт, что мы его воспринимали, тому свидетельство. Догадайся мы подключить к аппаратуре кого-нибудь из немодифицированных, сумели бы, возможно, составить карту воздействий, но и без нее сама корреляция воспринимаемого о многом говорит.

– Вы все видели одно и то же, – подхватил Фаиз, – так что за увиденным, вероятно, стояла некая объективная реальность: по меньшей мере факт, что вас поимели одновременно и одинаковым способом.

– Миллер так не мог, – заметил Джим. – Стоило кому-то появиться в комнате, его симулякр пропадал.

– Любопытно, – кивнула Элви. – Дуарте явно располагает большими ресурсами и, за неимением более подходящей метафоры скажем, большей вычислительной мощностью. Возможно, это, среди прочего, и позволило ему сдержать атаку.

– А что с тем планом, о котором он говорил? – спросила Наоми.

– Что с планом?

– Он правдоподобен?

Элви прижала ко лбу ладонь и помассировала кругами. Сразу видна привычка командовать войсками: всю научную подоплеку побоку, переходим сразу к политическим последствиям.

– Теоретически? Можно ли превратить наш вид в нечто функционирующее совершенно иным образом?

Несомненно. Безусловно. Это постоянно делается.

– Это сарказм? – осведомилась Наоми.

– Нет. Буквально: это происходит все время. Не открой митохондрии и хлоропласты свою лавочку в других организмах, не возникли бы эукариоты, в том числе и мы. Раки-отшельники используют пустые раковины и половинки мыльниц. Акациевые муравьи всю эволюционную стратегию выстроили на заселенных ими деревьях. Микрофлора кишечника оказывает огромное воздействие на сознание, эмоции и метаболизм. Большая часть клеток вашего организма в данный момент – не человеческие клетки. Замените на другие несколько видов обитающих у вас в кишках бактерий – получите совершенно новую личность. Строители колец, насколько мы можем судить, были автономными индивидуумами, связавшими свои сознания в функциональную сеть. Нарушения локальности мы уже наблюдали. Используя их, почему бы не воспроизвести ту же систему на высокоразвитых приматах?

Элви приказала себе замолчать. Слишком разговорилась, выплескивала все, что придет на ум. Так у нее всегда бывало при стрессе. Она потянулась, ощутила напряжение связок – просто чтобы усилить связь с собственным телом.

– То есть у него есть шанс это устроить, – подытожил Джим. – Чем бы оно ни было.

– Вот этого я как раз не поняла, – кивнула Элви. – То ли он имел в виду сверхорганизм, то ли иерархию сознаний.

Джим поднял руку. Его лицо без слов выразило вопрос.

– То ли, – пояснила Элви, – он говорил о превращении нас в муравьев, то ли в нейроны. Муравьи сохраняют индивидуальность, хоть и являются частями большего организма. А нейроны… у нейронов самосознание отсутствует.

– Спорю на что угодно, что у муравьев тоже, – вставил Фаиз.

– Вы хотите сказать, – вмешалась Наоми, – что Дуарте или то, во что он себя превратил, может ради победы в войне против обитателей врат вылепить из всех нас объединенное сознание с собой в центре?

Элви собралась с мыслями, постаралась привести их в порядок.

– Да.

В комнате долго было тихо.

Джим нарушил тишину коротким резким смешком.

– Ну, будь я проклят. С ним железное ярмо авторитарной власти покажется золотым веком. Хочу верить, что у него ничего не выйдет.

– Я должна буду отправить несколько сообщений своим людям, – объявила Наоми. – Нет ли способа воспользоваться трансляторами, не подставляя вас?

– С тех пор как загорелись кольца, связь ненадежна, – ответила Элви. – Может, лучше отправить торпеду с одноразовым передатчиком?

– Одной я не обойдусь, – сказала Наоми. – Ситуация, похоже, из разряда «все наверх», а мои матросы разбросаны по разным системам.

– Надо поговорить со связистом, – предложил Фаиз. – Я пойду с тобой, познакомлю.

– А мне еще нужно много чего уточнить у Танаки, – добавила Элви. – И у Очиды. Черт, нельзя Очиде отправлять эти данные. Никому их нельзя отправлять.

Как я объясню присутствие Амоса?

– Да, это вопрос, – признал Фаиз.

– Я думала о нем умолчать. Похоже, не выйдет.

Джиму даже невесомость не помешала склониться к ней. Выглядело это как изменение угла наклона от стены.

– Может, придумаем, как скрыть? Данные подделаем, но так, чтобы выводы не изменились?

В сознании Элви слой за слоем разворачивались мысли об осложнениях и угрозах. А это она еще с Карой не говорила. Столько предстояло дел, а сколько у нее времени, станет ясно, только когда время истечет.

– Дайте мне подумать, что можно сделать, – попросила она.

Начала она с Танаки: записала и переписала запрос на уточнения, добиваясь, чтобы в тексте не было ни намека на присутствие «Роси», потом перечитала запись ее глазами, стерла и начала сначала. Когда сообщение отправилось в очередь на передачу, в глазах у нее все расплывалось от усталости. Не в первый раз. Дальше был список запросов к Очиде и другим группам. Можно было выдвинуть на первый план сканы мозга Кары. Если бы распознать носитель сигнала, связующий ее с БИЧ, у них, вероятно, появилась бы возможность вмешаться. А затишье после прерванного Дуарте ухода к голландцам? Никого не удивит ее желание получить отчеты по последующим событиям. Элви жалела, что Танака плоховато обучена сбору данных в полевых условиях. И что она до сих пор не нашла Дуарте.

Элви оторвал от работы тихий стук. Она открыла дверь, за ней плавал Амос. В прежнем летном комбинезоне, с виноватой улыбкой на лице.

– Привет, док. Найдете минутку? Или лучше в другой раз?

Элви покачала головой в надежде разогнать туман. Похмелье – просто неприятная составляющая выпивки.

– Входите. Извините, я собиралась опросить вас и Кару, но… хотела раньше отправить все эти запросы. Амос подтянулся в комнату и закрыл за собой дверь.

– Ничего. Я вас долго донимать не буду.

– Вы по поводу эксперимента?

– В общем, да. Хотел сказать, что всему этому теперь конец.

Элви резко закрыла дисплей. Глаза у этого великана были такие же черные, как у Кары и Ксана. Она привыкла. И улыбался он дружелюбно, пожалуй, даже застенчиво. И говорил спокойно – обычный собеседник.

Отчего же у нее по спине пробежал холодок?

– Чему всему?

– Этому. Тому, что вы проделывали с Искряшкой и с малышом. С этим всё. Собираем вещички и двигаем дальше. – Он пожал плечами. Не дождавшись ответа, отвел взгляд. – Когда вы начинали, я вроде как со стороны наблюдал. Впечатления – их к делу не пришьешь, да? Потому нам и пришлось сюда добраться. Чтобы я был тут. Чтобы сам попробовал. Чтобы понять. Ну, вот, мы здесь, я попробовал и разобрался. И теперь говорю вам, что на этом всё. Прекращаем.

– Вы против эксперимента?

– Ясное дело.

– Понимаю. – Элви скрестила руки на груди. Ее коммутатор пискнул: новое сообщение. Она не стала смотреть, что там. – Не вы один его не одобряете. Не стану вас обманывать.

– Это хорошо.

– Но ставки слишком высоки. Кара, Ксан… и вы? Вы – наш допуск к скрытой в артефакте информации.

Без вас нам к ней не добраться.

– Это верно, – согласился Амос и тут же нахмурился: – Я имел в виду Дуарте. Но он, по-моему, вашим сотрудником не числится.

– А если есть хоть малый шанс, что хранящаяся здесь информация позволит все исправить? Я не могу остановиться.

– А вам и не надо. Я же здесь. Вам не нужно останавливаться, я вас уже остановил.

– Если мне придется причинить ей вред… даже потерять ее? Принести в жертву. А взамен останутся в живых все остальные…

Амос протянул к ней руку ладонью вверх, словно подзывал собаку.

– Док, я все понимаю. Вы хороший человек, вы мне нравитесь. Я вам доверяю. Я понимаю, что вы не отступитесь. Потому я и веду разговор так, а не иначе. Но дело кончено. Я не раз встречал людей, рассудивших, что «это другое». Что в этом случае можно. Может, с детишками плохо, и вы им на самом деле помогаете. Или они сами хотят – так что здесь плохого? А Искряшка и впрямь сама хочет. Мы с вами видим, да?

– Да.

– Так вот, оправданий найдется множество. Я сюда не за оправданиями пришел. Просто чтобы вы знали.

Корабль стал на удивление громким. Элви ощущала свой пульс в горле, слышала его шум в ушах. Она вдруг совсем обессилела – или наконец поняла, что сил давным-давно нет.

– А если, отказавшись еще чуточку поднажать, мы все погибнем?

– Хреново, – сказал Амос. – Я не философ. Я за вас яичницу не изжарю, не берусь, понимаете ли, все постичь. Все проще простого. Я хотел посмотреть, что вы тут делаете с Искряшкой. Я посмотрел. Это надо прекратить, так что прекращаем. И все. Закончили.

Он замер – так же, как замирала Кара. Нечеловеческая неподвижность. А спустя долю секунды попробовал улыбнуться. Элви немалую часть жизни размышляла над таксономией. Где пролегают границы между видами, заканчивается один и начинается другой? Она поняла, что не знает, что видит перед собой.

– Хорошо, – сказала она. – Закончили.

– Отлично, – произнес Амос… или то, что раньше было Амосом.

Он подтянулся к двери, открыл, показал оттопыренный большой палец и удалился. Дверь за ним закрылась.

У Элви опять загудел коммутатор, напомнил о новом сообщении или сообщениях. Она не открыла списка. Несколько минут она висела в воздухе, чувствуя в себе, в груди и в животе, что-то большее, чем усталость. Она погасила свет, подтянулась в коридор и двинулась по нему. Разминулась со своими сотрудниками – они все ей кивнули. Она была как во сне. Или в помрачении.

Она застала в каюте Фаиза. Тот оторвался от ручного терминала, и заготовленная шутка или острота замерла у него на устах. Элви почистила зубы, умылась, переоделась в чистое перед сном. Муж наблюдал за ней, стараясь не показывать виду. Заметил перемену, хоть и не знал, что случилось. Она теперь была с ним.

– Ты… э-э, в порядке, милая? – спросил он, когда она пристегивалась к койке.

– Да, – сказала она.

Стоило закрыть глаза, зародившееся в груди и животе чувство усилилось, разрослось, накрыло целиком. И она его наконец узнала. Хорошо бы – с облегчением, только облегчения не было.

Это ее тело предупреждало, что она только что заглянула в глаза смерти. Это был страх.

Глава 31. Танака

Психиатрическое отделение на базе Гевиттер возглавляла майор Ахмади, специалист по травмам. Невысокая, полноватая в талии, с короткой седеющей стрижкой и очень темной кожей. *Симпатичная. Похожа на одну учительницу, которую я терпеть не мог.* А мне напоминает любимую жену, – перебивали друг друга голоса в голове – с последним пришло смутно запомнившееся сексуальное возбуждение.

– Ваше досье в той части, к которой у меня есть доступ, говорит, что вы очень рано осиротели.

– Да, – сказала Танака. И неловко поерзала в кресле.

Кабинет Ахмади с его темной отделкой и мягкими поверхностями должен был бы создавать ощущение безопасности, уюта, интимности. Так же выглядели все известные Танаке кабинеты других мозгоправов, только те она чаще видела на финальном этапе допросов. Когда уже сломал допрашиваемого более интенсивными техниками, а теперь пытаешься выстроить отношения, внушить, что вы друзья, и позволить им выплескиваться до донышка.

Ахмади подождала, не захочет ли она что-то добавить, и заговорила:

– Более сорока лет в активно действующих боевых соединениях. Хотя подробности в основном засекречены.

– Да, – повторила Танака.

– А недавно вас ранили в лицо, так что пришлось обратиться за пластической операцией.

Танака потрогала скрывающую половину лица повязку.

– Это тоже в досье? Или вы так обалденно наблюдательны?

Ахмади не попалась на крючок. Улыбнулась, тронула пальцами лежащий на коленях планшет – будто невзначай, будто и не думала делать заметки.

– Вся ваша жизнь – более или менее непрерывная травма.

– Благодарю за лестное замечание, но эту часть можно опустить.

– Я и не думала льстить, – возразила Ахмади. – Я держу перед вами зеркальце и предлагаю в него заглянуть. Вы с самого детства живете в режиме «бейся или беги». Все, на что обычно опираются дети, у вас отняли без предупреждения.

– Я не затем здесь, чтобы обсуждать родителей.

– Можем начать с любого момента, выбирайте сами. Все взаимосвязано.

– Вы, я вижу, уже нашли для меня подходящий гвоздик.

– Так сказать не решусь, хотя… – Она пожала плечами. – Я знаю свое дело. Большая часть вашего досье засекречена, но и то, что открыто, о многом говорит. Никаких длительных отношений. Вы ни с кем не прожили дольше года. Вы отказались от аспирантуры ради армии. Вы раз за разом отказывались от повышения, чтобы остаться в действующих частях. Вы давно бежите.

Танака заметила, что сжимает кулаки.

– От чего бегу?

– Не знаю, – ответила Ахмади. – Но за консультацией вы, насколько мне известно, обратились впервые. – Да.

– Зачем? – спросила Ахмади, внося в планшет новую запись. Писала, не прерывая взгляда в глаза, – видно, долго отрабатывала это искусство. Было несколько пугающе.

Потребность выбраться из слишком мягкого кресла взяла наконец верх – Танака встала. Ноги гудели, словно по мышцам бежал слабый ток, так что она прошлась по комнате – сделала вид, будто хочет рассмотреть висевшую на дальней стене картину. Неоимпрессионистское полотно густыми мазками изображало ночную столицу Лаконии. Живописец был учеником Имоджен Батьи или кого-то из ее школы. Создавалось впечатление, что зритель смотрит через

залитое дождем стекло. Танака задумалась, сама Ахмади писала картину или, получив назначение на базу Гевиттер, заказала пересылку с Лаконии. *Когда-то и я рисовала,* – произнес голос в голове.

Ахмади откашлялась, напоминая, что задала вопрос и ждет ответа.

– Это ваша работа? – спросила Танака.

– Зачем вы здесь? – повторила Ахмади.

Танака обернулась к ней лицом, сосредоточилась и стала ждать, пока врач дрогнет.

Тристан сказал как-то, что, когда она в раздражении, от нее так и хлещет: «Со мной не шути». Почти все невольно отступали.

Ахмади с улыбкой опустила ладонь на планшет. У Танаки возникло смутное неприятное чувство, что ее переиграли.

– Я столкнулась с… определенным явлением, – наконец сказала она. – Мое задание требует, чтобы я поняла, с чем столкнулась.

– А вы не понимаете?

Танака снова обернулась к картине. Если бы тетя Акари позволила ей вместо вербовки в армию заниматься историей искусства, где бы она сейчас была? И кто бы вместо нее гонялся за верховным консулом? Что еще – сколько тысяч обстоятельств – переменилось бы?

Мелькнуло: женщина, очень похожая на Ахмади, сонно моргает в постели под белой простыней. *Боже, как я любил просыпаться с ней рядом,* – подумал кто-то в голове у Танаки.

– Что-то произошло, – сказала Танака и удивилась, что эти слова произнес ее голос.

Ахмади покивала. Вид у нее был… нет, не сочувственный, не жалостливый. Казалось, что она тоже устала. Как будто и у нее всю жизнь выдергивали ковер из-под ног и она знала, как это мучительно. Она жестом пригласила вернуться в кресло. – Расскажите.

Танака села. *Не рассказывай, она предаст. Расскажи ей, она всегда тебя любила,* – препирались голоса в голове.

– В пространстве колец имел место инцидент, – негромко заговорила Танака. – Я была при этом. Вы, разумеется, не вправе знать.

– Полковник, – сказала Ахмади, – я по природе своей профессии имею очень высокий уровень допуска. Империи приходится доверять мне государственные тайны, известные моим пациентам. И я очень серьезно отношусь к этой стороне своей работы.

– Относись вы к ней несерьезно, попали бы в Бокс.

Раньше. Теперь, наверное, просто расстреливают.

Ахмади, кивнув, отложила планшет. Танаке, как опытной допросчице, все приемы были известны, но все равно действовали. Ахмади хочется слушать. От этого Танаке хотелось говорить.

– Имело место вторжение, повлиявшее на сознание. Как в случаях с провалами памяти, только в этот раз было иначе. Людей… объединили. Разум с разумом. Память с памятью. Я присутствовала в сознании других людей.

– Довольно распространенная галлюцинация.

– Я проверяла. Все подтвердилось. Со всеми, кого мне удалось опросить. Мы побывали в головах друг у друга на самом деле.

Она дрожала и не понимала, отчего дрожит. Ахмади сидела очень тихо.

– Вы мне верите?

– Верю.

Танака медленно кивнула.

– Я не могу никого допустить к себе в голову.

– Потому что она ваша, – продолжила Ахмади. – Единственное место, которое вам принадлежит.

– У меня были… отдушины.

– Отдушины?

– У меня есть секреты. Мои собственные. Так я… выбила себе место в мире. Я еще существую благодаря этим секретам. Я люблю Лаконию, потому что, если попадусь, это многое изменит.

– Вы хотите рассказать мне эти секреты?

Танака покачала головой.

– После того инцидента я испытывала… ощущения.

– Ощущения, – эхом повторила Ахмади.

– Голоса, но не такие, как при галлюцинациях. Образы из жизней, которых я не проживала, лица людей, которых никогда не встречала. Чувства – глубокие, захватывающие меня чувства относительно ситуаций, в которых я не бывала. И я боюсь, что кто-то так же переживает… меня.

Ахмади медленно глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Лицо ее стало мрачным.

– Я сейчас спрошу разрешения пользоваться вашим именем, – сказала Ахмади. – Можно мне называть вас по имени?

Танака кивнула. Почему-то ей стало трудно говорить. Что-то случилось с горлом.

– Алиана? Я сейчас попрошу разрешения взять вас за руку. Можно мне взять вас за руку?

– Да, – ответила Танака, но почему-то тишайшим шепотом.

Полная статная женщина склонилась к ней. У нее были сильные пальцы, сухая кожа. Танака передернулась.

– Алиана, я чувствую, что вы описываете насилие в интимной сфере.

– Никто ко мне не прикасался.

– Вы установили очень важные для вас, очень личные границы. Их нарушили без вашего разрешения и согласия. Это так? Пожалуйста, скажите, если я ошибаюсь. Я хотела бы понять.

– Они у меня в голове. Я не могу их выставить. Они узнают то, что никому нельзя знать. – Она считала, что говорит очень спокойно для таких обстоятельств.

Ахмади кивнула:

– И вы говорите, что это… это продолжается. Что это происходит и сейчас.

Танака сама заметила, как застыла. Ахмади выпустила ее руку и плавным движением отступила так, что теперь их разделял стол. Врач округлила глаза, щеки ее разгорелись. Реакция жертвы. Какую бы подготовку она ни прошла, ее научили распознавать опасность. Танака мгновенно перебрала в уме способы, какими могла бы убить эту женщину. Таких нашлось несколько. Ни один ничем не грозил ей, и два из них вызвали бы катарсис.

Чужие голоса в голове тоже примолкли, словно перетрусили наравне с мозгоправкой. Любопытно, однако это потом. Сейчас, в этой комнате, Танака развела руки, растопырила пальцы. Универсальный жест, показывающий: «Я безоружна». Ахмади не вернулась из-за стола. Умна!

– Полагаю, вы верно поняли ситуацию, – произнесла Танака так аккуратно, как если бы слова могли порезать ей губы.

– Я понимаю, как вам тяжело. Звучит это… ужасно.

– Так и есть. Вы можете это исправить? – Думаю, мы можем попробовать…

Она осеклась, когда Танака махнула рукой.

– Это должно прекратиться. Я больше не вынесу этого чувства. Вы поняли?

– Поняла.

Женщина облизнула губы, и Танаке вспомнилось то же движение, только лицо было шире и линия волос выше. Она отбросила воспоминание.

– Есть несколько методик, – продолжала Ахмади. – Для предотвращения навязчивых мыслей мы используем медикаментозное лечение. Если здесь тот же механизм, лекарства могут оказаться вполне эффективн ыми.

– Это хорошо.

– Если вы готовы лечь в клинику, можно попробовать направленное магнитное излучение. Возможно, процедуры притупят ощущения.

– Но не прекратят.

– Я не знаю, в чем причина, – сказала она. – Но я помогу вам ее найти. Обещаю, Алиана. Это ужасно, но вам нет нужды переживать это в одиночестве.

Она не услышала иронии своих слов, а Танака не в настроении была на нее указывать. Она чувствовала себя так, словно подхватила тяжелый вирус. Усталость такая, будто мышцы не держатся на костях. Буря в голове никуда не делась, но на время затихла. На это затишье нельзя полагаться. От усталости она уязвимее и слабее. Но усталость не уймет тех, других.

– Давайте начнем с медикаментов, – сказала она.

– Я сейчас вам принесу.

Танака встала. Станция качалась под ногами, больше всего на свете хотелось закрыть глаза.

– Думаю, на сегодня хватит.

– Время у нас еще есть. Если хотите…

– Думаю, на сегодня хватит. Пусть лекарства доставят в мое помещение здесь, на станции. Я буду их принимать.

– Я хотела бы снова вас увидеть.

Смелое заявление, причем обе это понимали. Танака склонила голову. Ахмади расправила плечи. И заговорила тише, спокойнее, увереннее – как в начале приема:

– Вы сейчас переживаете кризис. Но при этом вы невероятно сильная личность. До сих пор ничто не могло вас остановить, и вы уверены, что, стиснув зубы, выдержите и это. По правде говоря, возможно, выдержите, но, Алиана, вылечиться вы не сумеете. Без помощи не сумеете.

Танака, отвечая, намеренно использовала ритм речи и интонации собеседницы. Не то чтобы в насмешку – не только в насмешку.

– Вы считаете, что я подвергаюсь продолжающемуся и непредотвратимому насилию в интимной сфере.

– Да.

– И вы полагаете, что от этого можно вылечить?

– Я хотела бы вам помочь.

– Я хотела бы получить помощь, – ответила Танака. – Пришлите мне таблетки. Для начала.

* * *

Станция была еще достаточно незнакомой, чтобы удержать внимание. Отвлечь на головоломки: прочесть указатели, найти дорогу до транспортной «трубы», выбрать тот лифт, что довезет до ее квартиры, – и вытеснить из головы лишние мысли. А вот когда добралась, стало хуже.

Комнаты ей достались просторные и элегантные. Основная цветовая гамма – тускло-красный, на котором ярко выделялись вкрапления лаконской синевы. Украшения простые и подобраны со вкусом: гравюра с каллиграфически выписанной цитатой из верховного консула, хрустальная ваза с одним цветком – его меняли каждый день, – отделка пола напоминает татами. Все это никак не могло отвлечь от мыслей и желаний.

Она заказала еду в комнату: рыбу, карри и белое сухое вино. Кому-то у нее в голове вспомнилась квартира с голубыми и зелеными стенами: краска шелушится, кровать из пены и ткани. Воспоминание было счастливым, хотя Танака не поняла, что в нем хорошего. Кто-то

другой когда-то отравился рыбой с карри, и эхо ночных страданий проплыло по ее сознанию и рассеялось, как сигаретный дымок.

Лекарства доставили почти одновременно с едой. Прозрачная упаковка с десятью таблетками персикового цвета и инструкцией: принимать по одной утром и избегать алкоголя. Она всухую проглотила две и запила большим глотком прямо из винной бутылки. Карри, как она и надеялась, обжигал рот. Еще один предлог запить вином. Под конец ужина в основании черепа разрасталась боль, зато мысли и воспоминания вроде бы ослабели и голоса затихли.

Загудела комнатная система. Запрос на связь от «Дерехо». Она проверила свой терминал. Там висели полдюжины сообщений от Боттона, потому что она, выйдя от Ахмади, забыла отменить настройку на приватность. Теперь отключила и через комнатную систему ответила на вызов. Ожил настенный экран, его заполнила голова Боттона.

– Полковник, – начал он, – извините, пожалуйста, что отвлекаю. Я бы не стал, но вы просили немедленно извещать вас о новостях.

Она просила извещать о новостях? Танака такого не припоминала, но это было на нее похоже. Боль в основании черепа усилилась.

– Ничего, – сказала она. – В чем проблема?

– Пришел внеочередной доклад от научного директората Лаконии. Офис доктора Очиды поставил метку «Чрезвычайно важно».

– Что в нем?

Боттон заморгал.

– Не знаю, полковник. У меня нет допуска.

Она же знала! Должна была знать.

– Конечно. Перешлите мне, я приму.

– Полковник, – отсалютовал капитан и пропал с экрана.

На его месте возник шифрованный файл. Прогоняя расшифровку, она задумалась, как подействуют новые таблетки в сочетании с алкоголем. Если плохо придется печени и почкам, стоит помучаться. А вот если вино ослабит действие лекарства…

Она все-таки заказала еще бутылку.

На экране возник Очида. Как всегда, свеж до хруста. Помещение, из которого он говорил, она вспомнила. Это не в научном директорате, а в здании Государственного совета. Значит, вероятно, связался не только с ней, но и с Трехо.

– Полковник, – заговорил Очида, – надеюсь, вы благополучны.

– Пошел на хер, – откликнулась Танака, вежливо раскланиваясь с изображением.

– Мы прогнали ваши данные через виртуальный интеллект и аналитическую программу и получили любопытный результат. Посмотрите…

Экран дернулся, на месте Очиды появилось пространство колец. Снимки с телескопов, тактическая схема, основные данные. Метка времени была ей без надобности. Она запомнила эту позицию, как любимую картину. Момент между выходом в пространство «Дерехо» и прохождением «Прайсса». Последние мгновения, когда ее сознание принадлежало ей одной.

На экране сменялись кадр за кадром, аналитическая программа замедлила время. Корабли ползли по дугам траекторий, тактическая схема отслеживала их движение. Вот рассеивающийся выхлоп двигателя, уходящий в Бара Гаон, – тот, что сбил ее со следа. Вот свет других дюз: «Прайсс» начинает переход в голландцы. А вот все заливает белизна. Ослепительная белизна вспышки от тысячи колец.

И не только колец.

Танака подалась к экрану. Изображение сдвинулось так, что станция в центре пространства оказалась в самом фокусе. Ее залило сияние, не уступающее яркостью кольцам. Вид с оптического телескопа приблизился, словно Танака спикировала к поверхности станции.

В сиянии обнаружился порок – как пылинка на линзе. Нет, не на линзе. Это пятно на станции. Странное образование, Танака опознала его только после того, как виртуальный интеллект удалил фон.

Маленький темный овал. Программа наложила на него указание масштаба. Совсем небольшой. Меньше ее комнат на Гевиттере. Ее захлестнуло адреналином еще до того, как на экране возник образец для сравнения. Яйцевидный корабль из того грота на Лаконии. И степень подобия: 98,7 процента.

– Ах ты сукин сын! – прошипела она. – Вот ты где!

Глава 32. Кит

Известно было многое и многое, но что-то – особенно ярко и близко. Фортуна Ситтард – и столица планеты, и городок компании. Узор из шести- и пятиугольников на логотипе Ньивстада действительно взят с футбольного мяча. Городу еще нет и десяти лет, но в нем уже насчитывается полмиллиона человек, живущих на краю тектонического сброса, прорезанного текущими к южному морю реками. Утреннее солнце будет бить в окно и заливать потолок над постелью, подчеркивая каждый бугорок розоватыми тенями.

Другие вещи были не так ярки, но также известны. Торонтская кофейня, где навсегда прощались мужчина и женщина, и запах печеных яблок, до сих пор вызывающий слезы на глазах. Приступы боли за грудиной: врач говорит, это идеопатическая стенокардия, но каждый раз с ней приходит страх инфаркта. Давняя мелодия на фортепиано, адаптированная под левую руку без мизинца. Путаница между итальянской и чешской грамматикой. Мощный всплеск воспоминаний, значений, знаний, но теперь они тускнели. Плескались, как мелкие волны на озерном берегу.

Открывались глаза и видели что-то там, где должны быть тени. Под одеялом шевелились ноги, но не чьи-то, а просто ноги. Женщина бормотала во сне, ей снилось, что она репетирует танец и забыла все па. До туалета несколько шагов, и еще по нескольку шагов до других туалетов при других комнатах. Одни слева, другие справа, к третьим идти по коридору или по лестнице. Немало таких, которые встроены в стену каюты и снабжены вакуумным сливом для условий невесомости.

Поблизости палец трогает выключатель, и становится светло. Рука придерживает мягкий теплый пенис, и моча струится на белую керамику унитаза. Облегчение, и мыло, и теплая вода, и свет гаснет.

В детской спит ребенок. Он уже вырос из детской кроватки. Это из того, что известно. А чуть дальше, но не слишком далеко, дочь уже встает на работу, старается не шуметь, но такой тихий звук тревожит сильнее открытого шума. А здесь в доме никого, только тишина и червячки, которых называют «слизнесверчками», на дорожке. И гудит, рокочет корабельный двигатель – двигатели всех кораблей разом, словно хор цикад.

Рука, трогавшая выключатель, отодвигает занавеску. На окне остались пятнышки от дождевых капель, а за окном звезды. Женский голос зовет: «Кит?» – и открываются еще одни глаза. Голый мужчина стоит у окна, смотрит в ночь, но с ним что-то очень неладно. Тот, но не тот. Знакомый, но незнакомый. Вывернут не в ту сторону, потому что он не в зеркале и не тот, кто смотрит на себя в зеркало, – а вот теперь тот.

– Кит? – снова позвала Рохи, и Кит свалился в себя, как с крыши прыгнул.

Преодолевая головокружение, качнулся к уборной, упал на колени, и его стошнило в унитаз. Желудок опустел, а его еще выворачивало, с каждым спазмом все мучительнее, зато спазмы делались реже. Плакал Бакари. Рохи пела сыну, успокаивала, ворковала над ним, будто все нормально.

Наконец головокружение отступило, и Кит снова стал самим собой. В тяготении планеты Ньивстад тяжесть тела чем-то отличалась от корабельного ускорения, сколько Эйнштейн ни доказывай, что разницы нет. Он сполоснул рот над маленькой металлической раковиной и пошел в спальню. Рохи свернулась на подушках, Бакари уснул у нее на плече. Глаза у него под веками двигались – смотрел сон. У Кита кожа пошла мурашками от холода, и он натянул на себя термобелье. Пижамы у него не было.

Началось это на «Прайссе». С того мига, когда они умерли. Кит молчал, но про себя не сомневался, что так и было. Темные твари, реальнее всякой реальности, развеяли его и его сына, как сильный ветер сдувает горстку пыли. Это была смерть. А потом часы запустили в

обратную сторону. Они не возродились, а раз-умерли. Кто-то, кого не было с ними в комнате, величайшим усилием добился этого. И изнемог от усилия. Кита переполняли растерянность, благодарность, смятение, страх. Он потерялся во вспышке воспоминаний, личностей, ощущений.

И еще в нем звучали голоса. Не настоящие голоса, слов не было. И на галлюцинации мигреневой ауры это не походило. Но он помнил, знал куски жизней, которых не проживал. Они оставались с ним, пока их опрашивали лаконцы с «Дерехо», и когда отпустили на Ньивстад, и даже когда их по прибытии провожали в кампус для переселенцев.

Он потерял представление оКите в потоке сознаний, принадлежащих не ему. Это было внове. Случалось всего несколько раз, но после каждого он чувствовал себя прозрачнее и слабее связанным с действительностью. Как будто его основное я – то, которое он всегда знал, которое понимал под словом «я», – из объекта превращалось во что-то вроде привычки. И даже не стойкой привычки, вроде привычки к наркотикам или игре. А к такой, которую можно сохранить, а можно отставить. Пить к завтраку кофе, а не чай. Покупать одни и те же носки. Существовать как отдельная личность. Все это можно было делать, а можно не делать, невелика важность. С этой мыслью на него накатила новая волна тошноты, но сразу отступила.

Он, постаравшись не разбудить их, забрался в постель. Бакари лежал как теплый мягкий камушек. Рохи не открыла глаз, не шевельнулась. Он почти убедил себя, что она спит, когда жена спросила:

– Ты в порядке?

– Ты репетировала танец, – тихо ответил он, – но забыла всю хореографию. Пришлось импровизировать на лету, и получалось не очень.

Она помолчала.

– С каждым разом все хуже, да? И все чаще.

Кит вздохнул. На потолке над ними начали проступать первые зыбкие тени.

– Да.

– И у меня, – сказала она.

* * *

Первые две недели курсы по интеграции им читали в просторной аудитории, вмещавшей три тысячи человек, хотя в их потоке иммигрантов набралось не больше шести сотен. Кафедра была чуть сдвинута от середины, чтобы не заслонять большого, во всю стену, окна с видом на обрыв. Местные аналоги деревьев представляли собой колонию организмов, подобных мхам. Срастаясь в огромный коралловый риф, они отливали то серебром, то зеленью, то ржавчиной – в зависимости от температуры воздуха и направления ветра.

Бакари устроили в ясли компании, а Кит с утра смотрел презентации комитета по встрече компании «Якобин-Блэк» или слушал, как представители союза рассказывают о планете Ньивстад и городе Фортуна Ситтард. Компоненты местной биосферы были нетоксичны, но могли вызывать раздражение, поэтому новеньким рекомендовали держаться в изолированных районах. Им раздали планы города: пункт питания, медкомплекс, развлекательный центр, общественный бассейн, религиозные учреждения. Им в подробностях описали процедуру жалоб в службу безопасности на правонарушения и жалоб на нарушения службы безопасности представителям союза. Киту с Рохи пришлось расписаться, что они прослушали и поняли курс. Комитет по встрече заводил песни о командной работе и товариществе. Подпевали даже представители союза.

Когда рядом была Рохи, Кит чувствовал почву под ногами в море новых лиц и голосов, в хаосе новой жизни, в которую окунул его подписанный контракт. Да, сотни новых лиц и

обычаев нового города на новой планете выбивали из колеи, но Рохи была здесь. За нее он и держался.

На третью неделю, кое-как встав на ноги, он приступил к знакомству со своей рабочей группой, а Рохи со своей. К середине первого дня он сообразил, что с тех пор, как ступил на борт «Прайсса» в системе Сол, ни разу не расставался с ней так надолго.

В городскую инженерную группу поступали всего шестеро. Они собирались в классной комнате, не отличавшейся от сотен знакомых ему классов: промышленное ковровое покрытие – узорчатое, чтобы спрятать пятна; звукопоглощающее пенное покрытие стен, скрытые светильники – дешевые, потому что такие же распечатанные на фабрикаторах конструкции использовались повсеместно. Новую начальницу – симпатичную – звали Гимемия Госсет. Она жестко улыбалась и в задумчивости имела привычку поглаживать подбородок, а к середине второго дня Кит вспомнил, что читал ее статью об использовании местных материалов в масштабных проектах водоочистительного цикла. Мало-помалу тревога, настороженность, нутряное чувство собственной неуместности сменялись энтузиазмом и даже восторгом по поводу предстоящей работы.

В середине третьего дня, когда Госсет собиралась показать всем шестерым их рабочие места и познакомить с инженерной командой, вошел офицер службы безопасности, отвел ее в сторону. Говорили они недолго, но старший инженер заметно изменилась в лице. Она еще не повернулась к классу, а Кит уже знал: что-то случилось, и касается это его.

– Камал? – позвала Госсет. – Можно вас на два слова?

Кит подошел. Остальные пятеро у него за спиной молчали.

– Медицинская проблема, – сказал ему безопасник. – Я могу проводить вас в клинику.

– Рохи?

– Ваш сын, сэр. Боюсь, его пришлось положить в клинику. Вам лучше пойти со мной.

– Он в порядке? – спросил Кит, но ответа не получил.

Госсет резко кивнула на дверь. Универсальный жест, означающий: «Ступайте».

– О пропущенном занятии не беспокойтесь. Нагоните позже.

– Спасибо, – машинально отозвался Кит. Он ее уже не замечал. Что-то стряслось с Бакари. Сердце билось горячо и часто, он чувствовал удары пульса в горле.

Он удержался, не стал расспрашивать, когда и что случилось и как они об этом узнали, что предприняли… у него были тысячи вопросов, на которые безопасник наверняка не знал ответа. Так что Кит просто сел в электрический кар для езды по широким бетонным коридорам города и подался вперед, словно подгоняя машину. Клиника большей частью располагалась под землей, но свет был подстроен под спектр дневного солнца Земли. Искусственные цветы в приемной пахли как настоящие. Безопасник виновато держался сзади. Кит еще не подошел к столу дежурного, когда к ним навстречу направился немолодой человек в халате врача. Кита ждали.

– Мистер Камал, – заговорил врач, указывая на двойную деревянную дверь, – прошу сюда.

– Что случилось? – спросил Кит.

Врач вместо ответа обратился к безопаснику:

– Большое вам спасибо.

Вежливая просьба удалиться. Кит чувствовал, что предстоит разговор наедине. Возможно, такова была политика компании. Или дело в чем-то другом.

Они прошли за дверь в коридоры клиники. Те оказались шире стандартных, две медицинские койки могли разъехаться, оставляя еще место для медиков рядом. Цветочный запах приемной сменился другим, более резким.

– Состояние вашего сына стабильное, – заговорил врач. – Из яслей сообщили о его странном поведении. Он на какое-то время полностью перестал реагировать.

– Не понимаю, – отозвался Кит.

– Полагаю, припадок того или иного рода. Предварительное обследование не выявило внутренних нарушений и опухолей. Это хорошо. Однако… у него наблюдается необычная активность островковой коры.

– Но он оправился?

– Сейчас чувствует себя хорошо, – сказал врач. – Мы за ним понаблюдаем, я проведу несколько анализов. Просто чтобы исключить все, что можно.

– Но он поправится. – Кит не спрашивал. Он утверждал, будто давал миру указания и ждал исполнения.

Врач остановился, а Кит сделал еще два шага и только потом обернулся. Лицо врача явственно выражало неловкость.

– Нам даны твердые указания от лаконского научного директората. Мы обязаны фиксировать и уведомлять Лаконию о любых отклонениях среди пассажиров и команды «Прайсса».

– Это из-за того, что с нами было?

– Систем больше тринадцати сотен. Лакония на Ньивстаде даже официального представителя не имеет, – сказал врач. – Если мой доклад доктору Очиде завалится за стол? Я, может, спохвачусь через много месяцев, а то и лет. Учитывая, кто ваш отец, я подумал, может…

Врач склонил голову. Виски у него были седые, в уголках глаз и губ лежали глубокие морщины. По возрасту он мог знать «Росинант» еще в те времена, когда не было Союза перевозчиков. Мог принадлежать к подпольному движению Наоми Нагаты.

– Спасибо вам, – сказал Кит.

Доктор успокоенно и успокоительно улыбнулся. Он провел Кита к стеклянной двери, настроенной на приватность – стекло было подернуто матовым инеем. Кит осторожно вошел. Негромко гудели и пощелкивали медицинские приборы – как ветер в кронах. Кровать была по росту взрослого, и Рохи лежала на ней, повернувшись на бок и уютно пристроив Бакари на груди. Мальчик закрыл глаза, а кулачком подпирал подбородок, будто глубоко задумался. Рохи тихонько напевно убаюкивала его колыбельной сказкой.

– Муравьед и говорит: «Конечно, мы с тобой друзья. Почему бы нам не дружить?» А умный малыш, очень похожий на Бакари, сказал: «Потому что ты ешь муравьев, а муравейник из них и сделан».

Кит устроился в ногах, коснулся ладонью ее лодыжки. Рохи, улыбнувшись ему, продолжала:

– «Ты сам много из чего сделан, – ответил Муравьед. – Ты из кожи, из волос, из глаз, из костей, из крови, из больших сильных мышц. Разве ты ненавидишь доктора, который берет у тебя кровь, чтобы ты не болел? Разве ненавидишь парикмахера, который отрезает кончики волос? Я люблю муравейник, потому что я им живу, а он меня любит, потому что я сохраняю ему здоровье – забираю тех муравьев, которые уже сносились. То, из чего ты сделан, – это еще не ты». И тогда малыш, очень похожий на Бакари, все понял. Тут и сказке конец.

Рохи умолкла. Бакари легко вздохнул и поглубже зарылся в постель. Выглядел он отлично. Совсем здоровым.

– Не знал этой сказки, – сказал Кит. – Откуда она?

– Эзоп?

– Непохоже.

– Может, я ее сама сочинила. Теперь разве разберешь?

«По-моему, это какой-то философ, – сказал голос у него в голове. – Не помню имени». Голос не принадлежал Киту. И был незнакомым, но Кит припомнил книгу – оранжевую, со сложным рисунком на обложке и тонкой качественной бумагой. Он этой книги не читал. Раньше такие переходы его беспокоили. Теперь он почти привык. «Принимай то, чего нельзя

избежать». От кого он это слышал? От бабушки. Кит не знал своей бабушки. Комната пошла кругом, но совсем немножко.

– Представляешь, как это будет? – спросила Рохи. – Даже нам тяжело, а мы ведь себя знаем. Я – десятки лет я. А такому маленькому? Ты еще не разобрал, где кончается твое тело и начинается мир, а тут приходится разбираться… вот с этим.

– Неизвестно, в этом ли дело, – возразил он.

– Доказать невозможно, – сказала Рохи, – но я уверена. А ты нет?

Он прилег на кровать, пристроил голову ей на бедро. Медицинский матрас зашипел, прогибаясь под его весом. Щекой Кит чувствовал тепло ее тела. И вспомнил: пока носила ребенка, она всегда была горячей, как печка, даже зимой. Какую прохладу ни установи в спальне, сбрасывала простыни. Кажется, это он вспомнил. Кажется, о ней. Но могло быть и чужое воспоминание. Пассажира с «Прайсса» или с другого корабля. Так трудно различить.

– Я так испугалась, когда услышала, что его отправили в больницу, – сказала Рохи. – Мне все время страшно.

– Знаю. Мне тоже.

– Ты не думал уступить? Мне все думается: это будет как превратиться в муравейник и никогда больше не бывать муравьем. Даже смерть тогда не страшна. Ее можно и не заметить.

– Я бы заметил.

– Не заметил бы, если бы сам там был.

– Я никогда не перестану думать о тебе, – сказал Кит. – И о нем. Этого ничто не изменит. Как бы далеко это ни зашло. Ничто не сотрет меня и не сотрет моей любви к вам.

Рохи тихонько вздохнула – вернее, просто выдохнула, но так, чтобы он слышал, – и пальцем стала поглаживать ему макушку, потому что оба они понимали, что он солгал.

Глава 33. Наоми

Наоми висела у себя в каюте. В голове плясали мысли о работе. Подполье и при Сабе, когда она числилась лишь одной из многих помощников, было трудным и непослушным ребенком. После падения Лаконии, когда ей пришлось спасаться от бури, началась полная неразбериха. Тайные верфи в системе Лаконии так долго молчали, что она уже решила: они либо обнаружены, либо пострадали при катастрофе. Потом в списке сообщений появилось их послание: короткое небрежное извинение, а дальше – будто ничего особенного и не было. Одну из ячеек в системе Сол раскрыли и захватили, а шесть других начали контроперацию, не дожидаясь одобрения организации. На Калипсо Тео Аммундсен, бывший директор земного Лувра, подумывал создать учреждение для каталогизации и сбора артефактов чужой цивилизации. Доклады от него стали редкими и невнятными. Фразы вроде «Артефакт Сан-Исидоро проявляет активность – принимаем меры к изоляции» пугали, ничего толком не говоря.

Это была ее сеть, и стоило ей на день отвести взгляд, на час задержаться с ответом, дать волю местным лидерам, не подтвердить ценности координирующего центра, нити начинали рваться. У нее ничего не было, кроме имени и репутации – своей и Джима. Хлипкий рычаг, таким трудно сдвинуть людей, для которых подраненная Лакония означала не ответственность, а свободу.

Наоми подготовила сообщения всем, кому считала нужным: Грегору Шапиро на Ганимед – ему досталась большая часть работы по протоколу внелокальной связи; Эмилии Белл-Кават (чей доклад то ли задерживался на три недели против срока, то ли затерялся в пути) – Эмилия была тайным координатором системы Новая Греция, а еще специалистом по сверхорганизмам, не принадлежащим к классу насекомых; Качеле ал-Дину – он занимался прямой связью «мозг с мозгом», пока не ушел из медицины в кораблестроение. Они были ее последними соломинками, за них она и хваталась. Она все время чувствовала, что опаздывает, что не поспевает за событиями, и от этого почти готова была соблазниться «ульевым разумом» Дуарте. Свяжи он все человечество, она могла бы, просто задав вопрос, услышать ответ, общаться с теми, кто ей нужен, а не с…

– Слушай… – В дверях появился Джим. – Что такое случилось с Элви?

– То есть кроме чудесного явления божественного императора в ее лаборатории и столь же чудесного исчезновения?

Джим поразмыслил.

– Да, я имел в виду – кроме, но это и правда объясняет многие странности. Просто она как будто нервничает.

– Еще раз напоминаю о божественном императоре.

– Я имел в виду, особенно на наш счет. – Джим подтянулся в каюту. – Она собиралась пообедать на «Роси» – отменила. У меня такое чувство, что ей неуютно с Амосом.

– А ее ты не спрашивал?

– Вот видишь? Ты всегда дашь простой и полезный совет. Сам бы я до такого не додумался.

– Это точно.

Он закрепился на стене, через ее плечо заглянул в переговоры с подпольем.

– Что у тебя?

– Новых инструментов в ящике не появилось, – сказала она. – Такое чувство, что собиралась готовить ужин, а попала на состязание поэтов. Я собирала все это для войны с Лаконией тех времен, когда Лакония означала всего лишь неуязвимые корабли и неофашистский режим. А теперь она превратилась в навязчивый кошмар, и как прикажешь с ним бороться?

– Она и раньше напоминала навязчивый кошмар, но я тебя понял, – сказал Джим. – И еще Сан-Эстебан. Не забывай злобных богов, которых мы так раздразнили, что они готовы задуть все огоньки жизни. Ты хоть немного представляешь, что делать?

– Выследить Дуарте и переубедить его, – предложила она. – Добраться до созданных строителями врат орудий, не превращая все человечество в придатки к гиппокампу Уинстона Дуарте.

Джим кивнул, но так погладил ладонью подбородок, что она поняла: не убедила. Еще бы. Она сама себе не верила.

– И еще у нас есть Тереза, – продолжала Наоми. – Единственная, ради кого он оказался способен переменить мнение. Может, если она попросит, он и теперь передумает?

– Родители и дети, – согласился Джим. – Это сильный ход. Но не настолько, чтобы я полагался на него в деле спасения человечества.

– А слабый ход – сместить его и поискать, кто мог бы его заменить. Кара, Ксан, Амос… – Господи, ты серьезно?

– Предпочла бы оставить это как запасной вариант, но возможно.

Джим тихо, деликатно вздохнул. Ей было бы не так тяжело, не расслышь она за этим вздохом отчаяния.

– Детектив Миллер однажды сказал мне: «Мы не выбираем добро, мы просто нагребаем на тарелку чуть меньше зла».

– Да, но он был дрянной человек.

Джим рассмеялся, а потом тронул ладонью ее затылок. Она прижалась посильней, утешаясь простым телесным присутствием человека, которому можно доверять.

– Когда ты разошлешь это сообщение, – едва ли не виновато начал Джим. – В смысле, когда объяснишь ситуацию всему подполью… Это сработает как взрыватель.

– Знаю, – буркнула она.

– И заготовила план на этот случай?

– Да.

– А мне он понравится?

– Нет, – ответила она и, открыв глаза, встретила его ласковый блестящий взгляд.

– Я так и думал, – сказал он.

Наоми и потом, когда они вернулись на «Сокол», все вспоминала этот взгляд. Они прошли долгий путь – вместе и порознь – с первых шагов на «Кентербери». Ей легко верилось, что жизнь повыбила из них и идеализм, и умение радоваться. Она почти все время чувствовала себя истертой до нервных окончаний. И Джим казался ей… не то чтобы усталым, а как будто изношенным. Как будто исчерпал запас горючего и теперь просто пытается гладко спланировать к финишу. И все равно она снова и снова убеждалась, что он еще здесь. За светлыми, обведенными темной каймой глазами, под сединой жил тот же юный бесшабашный блаженный, которого она увидела, когда капитан Макдоуэлл привел его на корабль. Они оба истерты временем и жизнью, но остались теми же, кем были. И это радовало. Это что-то обещало.

Элви она застала в лаборатории одну. Аппаратура для погружений: спаренные медицинские койки, сканер, сенсоры – плавала вокруг нее. Там и здесь выпавшие из гнезд проводк*и* шевелились на сквозняке. Сама Элви продвигалась от панели к панели, открывала журналы наблюдений и файлы, проверяла соединения и уровень зарядки. Атрофированная мускулатура придавала ей хрупкость, по мнению Наоми – обманчивую.

А взгляд был загнанный.

– Чем занимаешься? – вместо приветствия спросила Наоми.

– Да, собственно, ничем, – ответила Элви. – В студенческие времена мой сосед по общежитию занимался вышиванием. Не то чтобы был в этом деле мастером, просто находил, чем занять руки, пока голова занята мыслями. Когда застревал на какой-то задаче и не видел

выхода… – Она обвела рукой пустую лабораторию. В ее жесте сквозило какое-то уныние. – Вот и я «вышиваю». У тебя бывало, что делаешь что-то и знаешь, что не права, но уговариваешь себя, что в этот раз оно оправдано? Что в данном случае обычные правила неприменимы. А если и применимы, то все оправдывается величием цели.

– Я десять лет так живу, – сказала Наоми.

– Не знаю, как мне двигаться дальше по тому пути.

«Что-то не так?» – висело у Наоми на языке. Но ответ был до смешного очевиден, так что она заменила вопрос на:

– Я написала сообщения. Готовы к отправке.

– Хорошо, – кивнула Элви. – Я дам тебе допуск к связи.

– Не так это будет просто, – заметила Наоми. – Ты говоришь, что передаточные станции надежны, и я тебе верю, но…

– Но думаешь, что Трехо узнает.

– Уверена, что узнает. Отправленные сообщения попадут к двадцати людям из шестнадцати систем. Те сообщат своим. И для всех это будет самым важным событием в жизни. Утечки неизбежны. Стоит мне их отправить – считай, протекло, и ничем я этому не помешаю.

Элви опустила взгляд на невесомый кабель в ладони, подумала и подключила к гнезду в медицинской кровати Амоса. На миг Наоми почудилось, что в комнате их трое. Элви, она, но еще и пустота на том месте, где они видели Уинстона Дуарте. Теперь там был только воздух, и это что-то значило. Империя, подполье и человек, решивший стать богом. Три стороны одной монеты.

– Нам нужна помощь, – сказала Элви. – Я пыталась справиться сама. Не вышло. Я даже собственным суждениям больше не доверяю. Замысел Дуарте касается всех. И всюду. Не думаю, что найду моральные основания запрету на рассылку этих сведений. Даже если Трехо за это прикажет Ли прострелить мне голову.

– Это уж чересчур.

– Это Лакония. Там все время так.

– Ну, у меня есть другое предложение, – сказал Наоми. – Но я хотела прежде обсудить с тобой.

* * *

– Адмирал Трехо, – заговорила Наоми, в упор глядя на камеру. – Я принимаю ваше предложение и предложенную вами амнистию для подполья. Я пересылаю копию вашей предыдущей передачи в систему Фригольд и этот свой ответ для распространения в моей организации. Как только мои люди убедятся, что лаконские представители на местах повинуются вашему слову, все выступления против лаконских сил и ресурсов прекратятся и мы сможем перейти к работе над более насущными вопросами. С этой целью я прилагаю файлы, результаты опросов и обсуждений по последнему эксперименту в уверенности, что вы найдете их как интересными, так и тревожащими.

Наоми помолчала. Ей казалось, что надо бы что-то добавить. Это ведь из тех минут, которые попадают в учебники истории. Примирительная речь, покончившая с войной между Лаконией и остатками Союза перевозчиков. Она обдумала и заготовила слова, но сейчас все они представлялись напыщенными и ненатуральными.

«Пошло все на фиг, – решила она. – Потомки как-нибудь обойдутся».

– Прошу вас со мной связаться. Чем скорее мы установим рабочий протокол, тем скорее сможем заняться возникшей ситуацией.

Она выключила запись.

– И тем меньше шансов, что нас засосет огромный нечеловеческий разум, в котором все мы растворимся как капли дождя в океане, – закончила она, обращаясь к ослепшему стеклянному глазу.

Элви со своего места показала ей большой палец. Запись получилась. Наоми потянулась, расправляя затекшие лопатки. Ей на миг представилось, как это воспримут люди, присягавшие сражаться против Дуарте и Лаконии. Хотелось верить, что все они примут ее решение, увидят его мудрость, отложат в сторону старые обиды и оружие. Хотя бы многие из них. Недалеко было до того будущего, в котором ей предстояло сражаться с прежними союзниками. Она не просто объявляет о ситуации с Дуарте, она выкладывает карты на стол разом перед подпольем и перед Трехо. Ничего более джеймсхолденовского она в жизни не затевала.

– Последний раз, – сказала она. – Отправляем или нет?

Элви съежилась, как от удара.

– Ох. Нет. Я… – Она снова показала большой палец, но теперь в этом движении видна была робость. – Я уже отправила. Уже ушло. Я послала. Разве мы не так договаривались?

– Вот и хорошо, – ответила Наоми. – Теперь посмотрим, получим в ответ букет цветов или десантную группу. Мне надо рассказать своим, что я натворила.

– И мне.

– Это было правильно, – сказала Наоми.

Элви склонила голову к плечу и отвела взгляд. А когда заговорила, голос прозвучал слабее и почему-то свободнее:

– Мне так кажется. Хорошо бы знать, что это окупится.

Наоми вышла, проплыла по лаконским коридорам к шлюзу. Вражеская команда – может быть, с этой минуты уже не вражеская – сторонилась, уступая ей дорогу. В «Росинант» она скользнула, как в любимую кофту. Она понимала, что делает что-то значительное, но почувствовала это только тогда, когда все свершилось. Что бы ни было дальше, Трехо узнает о ее сотрудничестве с Элви и узнает, что рассказал о своем замысле Дуарте.

Спускаясь в машинное отделение и к мастерской, она обнаружила, что пытается вообразить себя связанной с огромной массой человечества – теснее, чем с собственным существом. Она читала первые прикидки теоретической модели, которую составила группа Элви на основании наблюдений за Карой и Амосом. Как мозг у обоих вел себя, будто перекрестно связанный с другим, как мысль в одном вызывала каскад реакций в другом и наоборот, словно ветер разносил звуки песни. Ей виделась в этом странная поэзия – когда не виделось небытие.

В машинном прилежно трудились Амос и Тереза. На стенных экранах висела программа предполетной проверки. Почти половина пунктов уже светилась зеленым.

– Босс, – заговорил тот, кто был Амосом, – что стряслось?

– Я собиралась сказать, что пора готовиться к ускорению, но… – Она кивнула на экраны.

– Решил, что лучше перестраховаться.

– Правильно решил. Я приняла предложение Трехо.

Жду, готов ли он его подтвердить. Если нет…

– Амос говорит, вы его видели, – сказала Тереза. На ней был летный комбинезон модели старого «Тахи». Наоми удивилась: оказывается, «Роси» сохранил программу. – Вы видели моего отца?

– Что-то мы видели, – признала Наоми. – Но знаем, что это была иллюзия. На чем она основана, неизвестно. На вид это был он.

– Я вполне уверен, что он и был, – возразил Амос. – Я-то его видел с другой точки зрения.

– Мы его убьем? – спросила Тереза. В ее голосе не звучало ни страха, ни мольбы. А если был гнев – а он был, – то направлен не на Наоми.

– Мы еще не решили, что делать, – ответила та. – Я не хочу никого убивать. Но, может быть, существует способ применить его находку иначе, чем хочет он.

– Если вы решите его убить, вы мне скажете?

– Да, – ответила Наоми, не покривив душой.

На минуту все трое замерли. Тереза зашевелилась первой, отрывисто кивнула и отвернулась к инвентарному списку. Улыбка Амоса стала на миллиметр шире. Наоми показалось, что он гордится каким-то поступком девочки.

Ждать ответа с Лаконии пришлось почти сутки. За это время Наоми провела долгую бессонную ночь, перепроверяя свои решения, Алекс с Джимом наладили все, что можно, и «Роси» был готов гнать к кольцу, хоть в спарке с «Соколом», хоть один.

Она собиралась накинуть вакуумный скафандр для визуального осмотра обшивки, когда из рубки ее вызвал Джим.

– Наоми, есть письмо. От Трехо.

Она вернула шлем в гнездо и подтянулась в рубку. Алекс уже спустился туда. Смотрел озабоченно, большими глазами. Джима словно из гипса вырезали. Наоми молчала. Что тут скажешь? Или сработало, или нет. Сейчас узнают.

Она вывела список сообщений. Нужное, на самом верху, было помечено «Антон Трехо». Открыв его, она посторонилась, чтобы все видели. Трехо сидел за тем же столом, что и во фригольдском сообщении, а вот выражение лица оказалось не таким приятым. Строго говоря, улыбка осталась на месте, но в ней сквозила злость, и не заметить ее было невозможно. Оно и понятно. Она его унизила: продемонстрировала подполью, а через него всем системам, что Наоми Нагата внедрилась в высшие эшелоны Лаконии.

– Наоми Нагата, – заговорил Трехо и хмыкнул так, будто отрепетировал смешок заранее. – Ну вы и штучка. Рад, что мы наконец на одной стороне. Хочу сказать, что уважаю вашу твердость и компетентность. Жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах. В других все могло бы сложиться иначе. Впрочем, лучше так, чем никак.

– Он готов пустить тебе пулю в затылок, – заметил Джим.

– Да уж, – согласился Алекс, – сразу видно.

– Когда до этого дойдет, тогда и буду думать, – отозвалась Наоми. И открутила сообщение назад – не пропустили ли чего.

– Я начну сотрудничество с того, что приложу к сообщению для вас и для доктора Окойе сведения службы безопасности. Посмотрите и дайте знать, что об этом думаете. Добрый доктор, бесспорно, предоставит вам все необходимое для решения – если уже не предоставила.

– По приказу этого человека меня неделю за неделей избивали насмерть, – сказал Джим. – А на меня он никогда не был так зол, как сейчас на тебя.

Наоми уже открыла приложение от службы безопасности. На экране появилось пространство колец в момент вспышки. Наоми пересмотрела столько отчетов Элви, что научилась его узнавать. Когда кольца загорелись, заливая светом застигнутые в пространстве корабли, изображение застыло, а потом фокус сместился. Перешел на станцию в центре. На светлом фоне выделялось темное пятнышко, а в открывшемся текстовом окне висело сообщение: «Соответствие 98,7 %».

– Вызывай Элви, – сказала Наоми.

Глава 34. Танака

Танака понимала, что видит сон, только сомневалась, свой ли. Она как будто находилась в пробитом сквозь голый камень тоннеле с заплатами от протечек – как старые коридоры Иннис-Шэллоу в ее марсианской юности, но во сне все спуталось, и она была уверена, что ничего подобного не видала. Где-то неподалеку вопил мужчина, и с этим криком для нее связалось имя: Нобуюки, – только она не знала, кто это.

Такие вещи, впрочем, в природе сна, а странным это представлялось только потому, что она балансировала на рваном краю бодрствования. А вот причина, отчего сон казался чужим, была тоньше. Не такая ткань эмоций. И их движение в мозгу. Она узнавала их одну за другой: обманутое доверие, паника, глубокая грусть от непоправимой ошибки. Она словно смотрела на картину, написанную Пикассо в стиле Ван Гога, – одновременно знакомую и чужую.

Согласно логике сна, она ощущала рядом другого, размышляющего о разных видах беспамятства: сон, сновидения, смерть. Этот разум был моложе нее и мужской, но для ее представлений о мужественности слишком мягкий. Нежная душа, захваченная одним с ней потоком.

А потом она ощутила вокруг них еще двоих, словно они в огромном кинотеатре смотрели фильм на большом экране. Иные сознания, иные личности перетекали друг в друга и проливались в нее. Неизвестно кому принадлежащие мысли, побуждения, впечатления, эмоции вздымались и уплывали, а она была снежинкой в метели.

«Если то, что называет себя „Алиана Танака“, оторвется и никогда больше не вернется в этот вихрь, – подумала она, – я и не замечу, что меня недостает».

Эта мысль прозвучала нашептанной в ухо угрозой. Танака захлебнулась криком и проснулась.

Глаза, открывшись, не узнали обстановки. Светлое в темноте – белье в затемненной комнате. В рамке на стене рукописные строки. Что-то на полу – нет, не татами. Она сказала себе, что должна все это узнавать. Не узнавала – пока что, но должна. Это же ее комната. Ее постель. Почему бы им выглядеть незнакомыми?

Потому что это комнаты станции Гевиттер. Не ее. Не свои. Выданы на время, как номер в отеле. Все кажется не своим, потому что это с точки зрения структуры всего лишь кратковременные отношения. Вот так понятно. Звучит как надо. Она выползла из-под одеяла и шагнула в крошечную ванную. Над раковиной зеркало во всю стену. Она встретила взгляд женщины в стекле и узнала ее.

Танака качнула головой, посмотрела, как ее отражение делает то же самое. Она приоткрыла рот, взглянула на оттянутое хирургическим швом веко. Оставила бы сделанное полевым хирургом – сейчас бы уже зажило, подумалось ей. На кой черт ей понадобилась косметика?

«Что за третья мико?» – спросил кто-то в голове, и она вытолкала эту мысль прочь.

– Алиана Танака, – проговорила она, и отражение пошевелило губами. – Ты Алиана Танака. Полковник Алиана Танака, лаконский десант, группа спецопераций, второй батальон, первое экспедиционное соединение. Алиана Танака, вот ты кто.

Слоги собственного имени стали мантрой, а потом медленно-медленно из мантры выросло что-то большее. Она вспомнила про лекарства, вернулась в спальню за упаковкой и всухую проглотила еще две таблетки. Они встали комом в пищеводе. Ну и ладно.

Она разыскала ручной терминал, просканировала упаковку. Остались всего две дозы. На запрос о пополнении система выдала ошибку. Она ввела мастер-ключ службы безопасности, затребовала заново и заодно уж удвоила прописанную дозировку. Если и повредит, эта проблема не попадет даже в первую десятку.

Она посмотрела на часы – середина второй смены, – но не сумела вспомнить, когда заснула. То ли поднялась до времени, то ли переспала. Время и поступки вели себя странно. Ничего. Больше она спать не собиралась. Можно начинать.

Она зажгла свет, помылась под неприятно холодным душем и надела мундир. Теперь женщина над раковиной смотрелась не такой заезженной и шрамы выглядели почти прилично. *Алиана Танака. Алиана Танака.*

Она отправила запрос на связь с капитаном Боттоном с «Дерехо». Боттон так долго молчал, что она решила – спит, но оказался полностью одетым и в рубке.

Может, ему просто неохота ей отвечать.

– Полковник, – сказал он вместо «здравствуйте».

– Положение? – четко спросила она.

Он кивнул и, похоже, собрался. Остатком сна мелькнуло впечатление кружащей у него над головой мошкары – такой мелкой и прозрачной, что камера толком не схватывала. Танака решила не замечать.

– Через семьдесят два часа заканчиваем дозаправку, сэр.

Танака помрачнела.

– Я подавала личный запрос. Нас должны снабжать в первую очередь.

– И снабжают, – согласился Боттон. – Основной запас уже загружен. Вода, продовольствие, фильтры, основные медикаменты. Ожидаем только каталитических пластин для утилизатора и пополнения использованных топливных пеллет. Они при развороте быстро выгорают.

Ее почему-то успокоила мысль, что кораблю предстоит разворот. Это доказывало существование объективной реальности: мир простой материи еще что-то значит, не все перешло в зыбкое сознание, куда вторгаются, меняя его, чужие умы.

– Прекрасно. Но держите команду в предстартовой готовности. Чтобы, если я решу стартовать, не дожидаясь полной заправки, не пришлось выволакивать народ из припортовых баров.

Мошкара, кружившая над головой Боттона, проявилась ярче, а губы у него чуть натянулись. Не нравилось Боттону, что она командует. Кому такое понравится? Она сама рассвирепела бы, поменяйся они местами. Раньше он успешнее скрывал недовольство. У нее возникло нездоровое чувство, что она видит каждую приходящую ему в голову мысль.

– Смею спросить, перемирие нас не касается? – сказал Боттон.

«Что-что?» – чуть не вырвалось у Танаки. Рефлекс, выработанный десятилетиями военной службы, включился прежде и не дал проговориться.

– Пока я не могу этого ни подтвердить, ни опровергнуть.

– Понятно, сэр. Позвольте говорить откровенно?

– Говорите.

– Команде не повредило бы услышать несколько слов от вас лично. Они все узнают из новостей, а это прямое приглашение к хаосу.

– Я поняла, – кивнула она. – Сделаю, что возможно.

– Есть-есть! – Боттон встал навытяжку.

Она разорвала связь.

Перемирие? Это что-то… что-то ей известное? Что-то выскользнувшее из памяти, пока она спала? Пока она включала новости и добиралась до просочившихся к репортерам переговоров Нагаты и Трехо, в голову пришли самые сверхъестественные объяснения. А хватило бы просто вспомнить. Танака знала о перемирии Лаконии с подпольем, потому что сама доставила мирное предложение. Нагата только что ответила согласием.

Стоя посреди комнаты, она перебирала репортажи, пока не отыскала нередактированное сообщение: «Чем скорее мы установим рабочий протокол, тем скорее сможем заняться возникшей ситуацией». Дочку Дуарте она даже не упомянула. Не было надобности. Девчонка

теперь отошла в сторону: наживка для капкана, который Танаке уже не придется ставить. Это не означало, впрочем, что девчонка стала бесполезной, и Танаке досадно было сознавать, что Трехо уступил Нагате, не получив ничего взамен.

Она только задумалась, не стоит ли что-нибудь съесть и послать запрос Трехо, когда пришло сообщение. Выскочило в закрытом списке, с пометкой срочной передачи от самого адмирала. Она открыла его щелчком пальцев. Трехо на стенном экране выглядел сердитым. Взгляд метался, будто по написанным в воздухе строкам. Хоть мошкары над ним не было. Сообщение – это объект, а не разум.

– Окойе нас продала, – сказал Трехо. – Не знаю, сколько они с муженьком наболтали, но исходить надо из того, что мы влипли вконец. Хорошо в этом то, что все выплыло. А плохо – что нам прежде придется заниматься другим вопросом, тоже поганым. Я послал им доклад Очиды – тот, что он посылал вам. Лучших, самых головастых они отправляют к кольцам. Мне бы хотелось, чтобы там были и вы. Задание остается прежним. Добраться до Дуарте и вернуть его. Только обстоятельства несколько изменились. Не знаю, чем он занимается, но это действует. Очида больше не наблюдает ничего подобного Сан-Эстебану. Глюки прекратились.

Мир возвращается к норме.

Танака почувствовала подступающую к горлу волну – гнева, страха или тошноты – и отогнала ее.

– То есть Дуарте остается первоочередной задачей, – продолжал Трехо. – Когда вы его разыщете, мы должны понять, как он действует, и любой ценой взять под контроль. Номинально Нагата контролирует трафик врат, так что нам не придется дуть в свисток, пока не лопнем, но между нами хочу уточнить: ваш статус «омега» в основном сохраняется. Если вам придется выбирать между целью задания и сохранением перемирия, я доверяю выбор вам.

Сообщение оборвалось. Вот это было сильно. Танака набрала воздуха в грудь, повела плечами и снова связалась с Боттоном на «Дерехо». На сей раз он ответил сразу. Она задумалась, успеет ли раздобыть себе сэндвич.

– Я связалась с адмиралом Трехо, – сказала она. – Передайте команде: всем готовиться к старту. Мы идем к кольцам на рандеву с Нагатой и верховным консулом – стартуем, как только я буду на борту.

– Есть, сэр, – отозвался Боттон.

– Кто сейчас занимается безопасностью?

Боттон моргнул. Взгляд его метнулся вправо. На миг она испугалась, что он ответит: Нобуюки, – хотя она не знала на «Дерехо» никого с таким именем.

– Лейтенант Де Каамп.

– Пусть она немедленно пришлет мне на станцию двух вооруженных сопровождающих.

– Будет исполнено, – сказал Боттон. – У вас проблемы?

– Нет. Мне до отлета надо кое-где побывать, и я не уверена, что меня впустят, – пояснила она. И со смешком добавила: – Или выпустят.

Через час она входила в психиатрическое отделение медкомплекса Гевиттера в сопровождении двух десантников. В приемной дежурил молодой человек с длинной, не по моде, стрижкой. При виде нее он стал белее мела.

– Я к доктору Ахмади, – сказала она.

– Конечно. Присядьте в приемной, а я… – Я должна видеть доктора Ахмади немедленно.

– Я точно не знаю, где она сейчас.

Танака, опершись руками о стол, склонилась к нему и ласково улыбнулась.

– А если представить, что дело действительно важное, как бы вы ее искали?

Ординаторская в самом деле была почти пуста. Теплая комната с рассеянным освещением и живыми растениями – папоротниками и лианами, свисающими из настенных кашпо.

Две длинные кушетки, позволяющие поспать, и автокамбуз такой сложности, будто ему предстояло кормить целый корабль.

Она не знала, то ли других врачей предупредили, то ли Ахмади и раньше сидела одна, но, сев напротив, Танака заметила, что чай в ее кружке подернулся пленкой, как бывает, если напиток остыл нетронутым. Взгляд психиатра, прежде чем задержаться на пациентке, немного поблуждал.

– Это вы, – сказала Ахмади.

– Я, – согласилась Танака и подтолкнула к ней через стол пакетик с двумя последними таблетками. – Как они действуют? Каким образом снимают остроту симптомов?

Ахмади покивала.

– Снижают активность височно-теменных долей, давая некоторый антипсихотический эффект. Ослабляют спонтанные включения нейронов по всей коре. Должн о помогать вам не реагировать на любые внешние сигналы.

– А еще что так действует? Какие препараты? Мне нужен весь список.

Ахмади протянула к ней ладонь. Танака поняла не сразу, а поняв, вложила в нее свой терминал. Ахмади, записывая названия лекарств, продолжала говорить.

Голосом, мягким до расплывчатости:

– Я еще работала интерном, когда мне попался пациент с невосприятием левого.

– Не понимаю.

– Из-за каких-то особенностей мозга он не воспринимал концепции левого. На просьбу нарисовать круг рисовал только правую половину. Если просили нарисовать циферблат механических часов, все цифры теснились в правой части. Это как цветная слепота, только в отношении половины поля восприятия.

Танака склонилась к ней со стула.

– Вы здоровы?

– Я часто задумывалась, как странно чувствовала бы себя с таким недостатком. Но никогда не думала, какими странными мы представляемся ему. Невероятные люди, у которых мир вдвое больше, – он этого вообразить не мог. Изменив мозг, вы меняете доступные вам мысли.

Она опустила терминал на стол рядом с забытым чаем. Когда она подтолкнула машинку к Танаке, звук был как ногтем по коже. Танака не взяла терминала.

– С вами то же самое.

– Да, – сказала Ахмади. – Я вспоминала тоннель.

В нем были вы. Случилась какая-то беда.

– С Нобуюки, – подсказала Танака. – Кто бы ни был этот хрен.

– Нас связали, – продолжала Ахмади. – Создали перекрестное соединение между нашими нейронами. Так, что электрический сигнал в нейроне одного мозга вызывает возбуждение нейрона в другом. Знаете, мы проделывали такое с крысами. Вживляли в мозг одной электрод, действующий как радиопередатчик. А приемник навешивали другой крысе в другом помещении. Показывали одной красный сигнал, а другой давали удар. Через некоторое время та, что видела красный сигнал, вздрагивала, даже если удара не было. Мы это называли «телепатией для бедных».

– Не хочу обидеть, но гнусными делами вы занимались.

– Я задумывалась, как это… выглядело бы у человека. Вроде сна, но не сон. Это как быть частью идеи, не умещающейся в одной голове. Быть частью мозга такой величины и сложности, что он уже не человеческий. Он состоит из человеческих, но сам – нет. Так же как мы – не нейроны и не клетки.

– Вы все еще считаете это насилием в интимной сфере?

– О, да. – В тихом голосе Ахмади звучала непререкаемая убежденность. – Да.

Танака взяла со стола ладонник. На экране висел список дюжины препаратов с дозировками и предостережениями. «Не принимать на голодный желудок». «При появлении сыпи прекратить прием». «Нежелательно при беременности». Она пришлепнула ладонник к запястью и убрала в карман две оставшиеся таблетки.

– Это распространяется, – сказала Ахмади. – Не только у тех, кто оказался с вами в пространстве колец.

Это расходится как эпидемия.

– Знаю.

– Как оно умудряется это проделывать?

Танака встала. Ахмади показалась ей меньше ростом, чем на первом приеме. И лицо стало мягче. И восхищавшийся ею голос – тот, которому она напоминала жену, не звучал. Был занят другим. Или заглушен лекарством.

– Не знаю как, – ответила Танака. – Но постараюсь узнать.

– А как это прекратить?

– И это я тоже выясню, – сказала она и вышла.

В коридоре, направляясь к аптеке, перегнала список обоим десантникам.

– Берем то, что у них найдется. И все, что понадобится для синтезирования новых на «Дерехо».

– Откуда нам знать, что понадобится?

– Потрясите фармацевта, – сказала Танака.

Времени ушло больше, чем ей бы хотелось, зато и набрали много. Пришлось взять большие голубые мешки, в которых хранили личные вещи пациентов. Уходили нагруженные, будто обошли большой торговый центр. Один из докторов – маленький, круглолицый, с жидкой бородкой – до самого хаба бежал за ними, огорченно всплескивая руками. Танака обошлась с ним любезно: сделала вид, что не замечает.

Лифт подошел через несколько секунд. Пока его ждали, один из сопровождающих откашлялся:

– Прямо в док, сэр?

– Да, – кивнула Танака и тут же спохватилась: – Нет, погодите.

Лифт уже звякнул. Она открыла один мешок, нашла в нем знакомую упаковку таблеток.

– Поезжайте. Встретимся на корабле.

– Вы уверены, сэр?

– Ступайте.

Она не стала проверять, исполнено ли приказание. Если на «Дерехо» нашелся бы такой дурак, что ослушался бы ее сейчас, такого и беречь не стоило. Она тихо вернулась в ординаторскую. На сей раз там было больше народу. На нее уставились как на опасного зверя. И правильно.

Ахмади сидела на том самом месте, где Танака ее оставила, и чашке свежего чая уделяла не больше внимания, чем прежней. Она медленно обернулась, когда Танака тронула ее за плечо. Танака положила рядом с ее чашкой упаковку таблеток. Ахмади накрыла ее рукой.

– Сделаю все возможное, – сказала Танака.

Глава 35. Алекс

Алекс не сразу обратил внимание на шум потасовки.

Тому было несколько причин: он сидел в кабине «Росинанта», а шумели в шлюзе; он отбыл долгую трудовую смену и от усталости стал несколько рассеян; он смотрел один из любимых ретронуарных фильмов, и детектив в исполнении Шин Джун Парка как раз выслеживал таинственную женщину – Анну Рил – в ночном клубе Титана. Через несколько минут ему предстояло наткнуться на труп полицейского, а примерно через час узнать, что таинственная незнакомка – его дочь. Алекс не в первый раз смотрел этот фильм. Знал наизусть. Пересматривая старое, он всегда успокаивался. Спокойнее жить, когда знаешь, что будет дальше.

Он не понял, что зацепило внимание, просто гомон в клубе зазвучал как-то не так. Он остановил запись. Шин Джун Парк замер, прикрыв глаза и приоткрыв рот, не успев заказать себе выпивку. Теперь Алекс слышал только гудение вентиляции «Роси» и собственный пульс. И вздрогнул, когда до него донесся следующий вопль. Орала разъяренная девочка. Слов он не различал, но явно ничего хорошего.

Отстегнувшись, он через рубку подтянулся к лифту. Девочка завопила снова, еще громче и яростнее. Алекс уловил только прозвучавшее посреди фразы ругательство. А потом грохнуло так, что обшивка несколько секунд гудела от отдачи.

– Эй, там, – позвал он, подтягиваясь к шлюзу. – Случилось что?

Ему никто не ответил, но он услышал спокойный негромкий голос Амоса. Алексу было подумалось, что беда с Ондатрой и Тереза вне себя от горя, но нет, не те интонации.

Снова девичий голос, и не Терезы. Моложе и тоньше. Не голос, а зазубренное лезвие. «Не имеешь права совать нос! Плевала я на тебя. Ты такой же злобный мудак, как Кортасар, так что сейчас ты пойдешь и скажешь ей, что был неправ!» Алекс толкнулся вниз.

Кара плавала в шлюзе. Лицо перекошено бешенством и сведено болью. Амос загораживал ей дорогу на «Роси». Раскинул руки от стены к стене, словно просто придерживался, чтобы не снесло. Джим с Терезой, тоже привлеченные шумом, показались из лифтовой шахты. Тереза смотрела круглыми испуганными глазами. Джим поймал взгляд Алекса и кивнул ему.

– Я знаю, почему ты злишься, Искряшка, – сказал Амос. – Тебе сейчас круто приходится.

– Заткнись! – взвизгнула девчонка. – Ни шиша ты не знаешь!

– Но это пройдет, – продолжал Амос. – Может, к тому, что было, пока ты туда не сунулась, уже не вернется, но станет легче, чем сейчас.

– Я *должна* там быть! Они *должны* мне рассказывать! Я так и хотела, а ты все испортил. Теперь давай исправляй!

– Вот сейчас как раз все исправлено.

– Да мы все равно покойники! – Теперь она чуть не плакала. – Какая разница, раз мы все равно умрем?

– Тебе надо вернуться к малышу. Он за тебя волнуется.

– Не лезь к нам в головы! – взвизгнула Кара и кинулась на Амоса с кулаками.

Удар вышел сильней и громче, чем ожидал Алекс, – будто оба были отлиты из свинца. У Кары не было ни упора, ни равновесия, а у Амоса имелось то и другое. Она отлетела, забилась. Пяткой с разлету задела переборку – будто молотком ударила. И на пенной обшивке осталась глубокая вмятина.

Девочка захлебнулась яростными рыданиями, а потом, как будто свечу задули, разом погасла. Амос через ее плечо посмотрел на Джима с Терезой, перевел взгляд на Алекса. От кулака Кары у него на правой щеке осталась черная полоса.

– Я через минуту вернусь, – сказал Амос.

– Мы подождем, – вежливо откликнулся Алекс и сразу почувствовал, как это глупо.

Но Амос просто кивнул и, перебирая руками захваты, подтянулся к плавающей в воздухе Каре. Она свернулась кубком, сжалась, как кулак. Амос что-то сказал девочке, а потом подтянул ее к широкому бледному плечу и с ней вместе выплыл за дверь шлюза, в стыковочный тоннель.

Когда он скрылся, Джим с Терезой подтянулись из шахты, и все втроем проводили его взглядом до «Сокола».

– Ни фига себе, – заговорил Алекс. – Видно, Элви ей сказала, что мы бросаем это дело с библиотекой.

– Он знал, что будет жуткий скандал, – заметила Тереза. – Он этого ожидал. Сказал доктору Окойе, чтобы валила все на него.

– Потому что ему колотушки нипочем? – попробовал пошутить Алекс.

– А ты Элви видел? – отозвался Джим. – На нее дохнуть-то страшно, как бы не рассыпалась.

– Что ж, тогда, надо думать, Амос правильно сделал, – кивнул Алекс.

Ему вдруг показалось, что в шлюзе с ними есть кто-то еще – четвертый – и смотрит туда же, куда и они. Он оглянулся на лифт, думал увидеть Наоми, но там никого не было.

* * *

Когда поступил приказ, они быстро подготовили «Росинант» к эвакуации из системы Адро. Алекс работал в кабине, проделывал давно привычные действия. Маневровые в порядке. Запас воды основательный, особенно в сравнении с «Соколом» – тому, на взгляд Алекса, маловато осталось. Восстановители воздуха действуют лучше некуда. Эпштейновский двигатель в этом году неплохо бы перебрать, если к тому времени они останутся живы и людьми.

Алекс слышал, что инструмент, которым долго и заботливо пользовались, обретает душу. Он никогда не был религиозен, но и без обращения к сверхъестественному чувствовал, что какая-то правда в этом есть. «Росинант» и Алекс так много лет прожили вместе, что он понимал корабль как друга. Может быть, такой процесс уподобления нормален для приматов, но он просто чувствовал настроения и потребности корабля. По характеру разворота понимал, что надо бы сменить топливопровод маневрового, по звуку двигателя замечал, что реакторная масса на исходе. Подготовиться к разгону за врата для него было как носки натянуть. Участия мысли уже не требовалось. Корабль с экипажем так срослись, что все шло само собой.

«Сокол» был новее, и команда у него подобралась новая, так что подготовка к переходу, особенно после нескольких месяцев в свободном полете, заняла больше времени. Сотрудники Элви, пользуясь лабораторией, давно не учитывали таких неуместных здесь понятий, как верх и низ. А сейчас все надо было разобрать, упаковать и положить на место. У Алекса возникало чувство, что кое-кто в экипаже вовсе не рассчитывал когда-нибудь покинуть Адро.

В последнюю очередь стали решать, оставлять ли на месте стыковочный тоннель. Скоординировать работу двигателей труда не составляло. Надо было просто предоставить «Роси» с «Соколом» переговариваться друг с другом и согласовывать разгон. Вполне можно было сохранить мост между кораблями и возможность переходить туда-обратно. Алекс предпочел бы так и поступить. Он не хотел видеть людей с «Сокола» у себя в гостях и сам не собирался к ним ходить, но в полете тандемом ему чудилось некое знамение равенства. «Росинант» – старик, помнящий времена, когда врат еще не было, и «Сокол» – шедевр лаконского кораблестроения, в области передовых технологий обогнавший даже «Предштормовой». Их объединение представлялось Алексу выражением подобающего «Роси» почтения.

Однако Наоми, хоть и приняла мирные предложения лаконцев, опасалась слишком близко знакомить систему «Сокола» с «Роси». В назначенный срок все расположились по местам: Наоми и Джим, Амос, Тереза и Ондатра. «Роси» втянул стыковочный тоннель, и два

корабля, оставив за спиной огромный зеленый алмаз, погнали к вратам – вместе, но порознь. Алексу в этом виделось некое предвестье, хоть он и не взялся бы объяснить, предвестье чего. Ему все вспоминались Кара с Амосом в шлюзе: гнев девочки и его спокойствие.

Он сам не знал, радоваться, что черноглазая не сумеет к ним зайти, или беспокоиться, потому что, случись что на «Соколе», Амосу туда не попасть.

Разгонялись мощно, но не мучая себя. Держали чуть больше одной g, а чтобы поесть, сокращали тяготение до половины. Теперь, когда не надо было таиться, к ним поступало множество новостей и докладов с других кораблей подполья, и часть Алекс просматривал. Он в каждом новом пакете сообщений искал письма от Кита. Наоми с головой ушла в координацию: прослушивала, отвечала, что-то пересылала Элви, чтобы та посмотрела и высказала свое мнение.

Амос после смерти и возвращения из бездны держался почти как раньше, а вот на Джиме и Терезе заметно сказывалось напряжение. Джим, как всегда, прикрывался добродушным юморком, но сквозь маску проступала усталость. Тереза, наоборот, не знала, куда девать нервную энергию. Едва проснувшись, она бросалась прогонять диагностику, которой еще неделю не требовалось проверки, или чистила только недавно замененные фильтры, или уходила в тренажерную работать в нагрузочном геле. Алекс отнес бы все это за счет бездонных резервов молодости, не будь оно так похоже на страх.

За день до точки разворота, после которой начиналось торможение, он столкнулся с Терезой в камбузе. Девочка жевала белковый батончик и смотрела видеосъемку кольца, к которому они неслись во весь дух. Из кольца туманными струями хлестали заряженные частицы и свет.

– Впечатляет, да? – заметил Алекс.

– Мы и раньше знали, что кольца – источники энергии, – пожала плечами Тереза.

Алекс передумал. Он собирался подняться в кабину и посмотреть свое кино, а теперь взял из кухонного автомата тарелку риса под черным соусом и устроился с вилкой в руке напротив Терезы. Та глянула на него и отвела взгляд.

– По-моему, тебя что-то точит, – заговорил Алекс. – Или я выдумываю?

Она резко дернула плечом. Алекс задался вопросом: она тоже видит во сне горящие врата или это только у него?

– Я все думаю про ту схватку, – сказала она.

– Да?

Алекс решил, что она подразумевает сражение против убийц Сан-Эстебана.

– Он изменился. Я знала, что ремонтные дроны его переделали, но прежнего оставалось так много, что я думала, он – все еще он. Но в Новом Египте его убили, а он не умер. И когда та девчонка на него орала… Кара, да? От ее удара у нас с вами кости бы треснули. А ему нипочем.

– Амос и раньше был крепок, как дубленая кожа, – возразил Алекс. – Это не новость.

– И все-таки он другой. – Она запихнула в рот остатки батончика, минуту пожевала и проглотила. – Я про отца думаю.

– Потому что он тоже изменился?

Тереза склонилась вперед, локтями на стол. Сжала зубы, и глаза блестели как от жара.

– Я думала, его больше нет. Думала, эксперимент совсем провалился, и он просто… Все когда-нибудь теряют родителей. Я думала, и я такая.

– Сирота.

– А если он просто изменился, я не знаю, что я такое. Сирота, не сирота, что-то третье?

– А мы сейчас собираемся с ним повидаться. Тебя это беспокоит?

– Насколько можно измениться, чтобы ты был еще ты? – спросила она, и Алекс не сразу понял, что вопрос не риторический.

Он набрал на вилку еще риса, давая себе время подумать.

– Ну, – сказал он, – люди все время меняются. Не меняться было бы еще жутче. В смысле, посмотри на себя. Ты уже не та, какой сюда попала. Черт, на корабль к нам пришла совсем другая. Ты стала старше, уверенней в себе, выучилась на механика. И я не тот, что раньше. Амос… Да, у него это резче. Страннее. И с твоим папой тоже. Но, по-моему, Амос все еще Амос, только другой его вариант. Думаю, и твой отец, когда мы его найдем, будет хоть в чем-то похож на того, каким был. Понимаешь? В смысле, я думаю, он по-прежнему тебя любит.

– Не знаю, – произнесла она так уныло, что он понял: попал в больное место.

– У меня есть сын, – сказал он. – Я отец, как и твой. И даю тебе слово: связь между отцом и ребенком… это основа. Она глубоко. Ты смотришь на Амоса и видишь, в чем он изменился. А мне видно, в чем он остался прежним. Твой отец окажется другим. Но если в нем сохранится что-то прежнее – это будут его чувства к тебе.

– Это мило, – сказала Тереза. – И сплошное вранье.

– Ты не понимаешь. И не поймешь, пока у тебя не будет своего ребенка. Чем угодно ручаюсь: любовь родителей к детям держится до последнего.

– Даже с поправкой на социоэкономическое положение процент родительского насилия над детьми составляет не менее восьми на тысячу. Жертвы преимущественно от новорожденных до трех лет. Берем миллион детей – в Варшаве, Бенине, на Обероне, – из них восемь тысяч подвергаются насилию, заброшены или не получают необходимой заботы. Детей, с которыми родители плохо обращались, хватит на целый нижний университет. Как же, как же, родители любят своих детей! А еще они их убивают. Регулярно, как по часам. Алекс кивнул. Оба помолчали.

– Я иногда забываю, какое ты получила образование.

– Когда тебя готовят во властители человечества, в программе не остается места для сентиментальности.

– Очень жаль.

– Я боюсь с ним опять увидеться, – сказала Тереза. – Мне просто страшно.

Врата с каждым часом становились ближе и ярче, и Алекс все сильнее ощущал, как ненадежна цель их полета. Рапорты с Лаконии и от подполья шли теперь сплошным потоком, и переговоры «Сокола» с «Роси» сделались постоянным фоновым шумом: Амос разговаривал с Карой и Ксаном, Джим – с Фаизом, Наоми – с Элви и Харшааном Ли. Никто не мог забыть, что близится критический момент, что время истекает. У Алекса не выходили из головы Тереза с ее отцом, Амос и дети – чужие, но с его глазами, Жизель с Китом, Рохи и ни разу не виденный внук. Он подумывал отправить сообщение, но не знал, что им сказать. С этим всегда было трудно. Чувств слишком много, а слов, в которые можно их облечь, не хватает.

Когда перед самым подходом к вратам Наоми зашла в рубку, Алекс не увидел в том ничего особенного. Он занимался двигателями, своим и «Сокола», а Наоми в рубке под ним подсела к посту связи. Так близко от врат мощная передача пробивала помехи даже при их теперешней громкости.

Услышав, как Наоми объявляет тоннаж и типы двигателей «Роси» и «Сокола», расчетное время перехода и вектор в пространстве колец, Алекс отметил, что раньше такого не делалось. И решил, что Наоми разработала новый протокол. Что происходит у него на глазах, он понял, только когда пришел ответ.

Данные им передала «Паутина» – разведывательное судно системы Новый Уэллс. Алекс не знал, принадлежало оно раньше Лаконии или подполью, но сейчас ответ звучал четко, как по уставу. «Паутина» прислала список кораблей в пространстве колец, их тоннаж и двигатели, векторы и полетные планы. Передала простую стандартную форму с расписанием входящего-исходящего трафика и указанием безопасного интервала прохождения для «Роси» и «Сокола». Они впервые использовали на практике составленный Наоми протокол, и он работал!

Алекс, отстегнувшись, спустился в рубку. Наоми лежала в амортизаторе. Свет экрана отражался в глазах и светлой седине. К Алексу она обернулась с чем-то средним между усмешкой и кислой миной.

– Да-а… – протянул Алекс.

– Оно и должно было получиться, – сказала она. – Всего-то и надо было, что сотрудничать.

– Да, оно бы лучше.

– Я все думаю, чего мы могли бы достичь, какие чудеса совершить, будь мы просто чуть лучше, чем себя показали.

Глава 36. Джим

В пространстве колец было тесно. Пятьдесят шесть кораблей, освещенных жутковатым сиянием врат, не гнали по своим делам, а замерли в неподвижности. Джим разглядывал их на объемном дисплее. Больше всего было научных судов, но попадались и грузовики, и колонистские транспорты. Все нацелены дюзами в разные стороны – откуда пришли и как затормозились. Он не сразу понял, чем его напугало это зрелище.

Пространство колец – Медленная зона – несколько десятилетий было перекрестком дорог из системы в систему. Корабли, особенно после гибели «Медины» и «Тайфуна», торопливо сновали туда-сюда, стараясь как можно меньше задерживаться в этом беззвездном ненебе. А теперь собрались здесь. Пока только те, что были ближе, кто успел, но впервые на его памяти Медленная зона стала пунктом назначения. Там и тут загорались огоньки маневровых – кто-то корректировал дрейф, – но эпштейновские двигатели были темными. Этот флот слетелся на призыв Наоми. Или Трехо. Или Элви. И не сцепился в сражении. Они не спешили в более человечные, более постижимые места. В пузыре, где уместились бы миллион Земель, повисли несколько щепок из керамики и силиконового кружева.

Они походили на утопленников.

– Ну вот, корабль наблюдаю визуально, – доложила с «Сокола» Элви.

Даже на таком малом расстоянии помехи сбивали направленный луч. Не настолько, чтобы нарушить связь, но плоский и искаженный звук вызвал у Джима клаустрофобию.

– Корабль с большой буквы, – попытался пошутить он.

– Яйцевидный объект. Телескопы поймали яйцевидный объект. Хорошо уже то, что он никуда не делся.

– Были признаки активности или движения? – спросила из рубки «Роси» Наоми.

– Нет, – ответила Элви. – Во всяком случае, на станции.

– А вокруг?

– Активность увеличилась. Тепловое излучение возросло на порядки величины. Больше света, сильнее радиация. Те корабли, что прибыли сюда первыми, придется скоро выводить в нормальное пространство для сброса излишков. В теплообменники поступает больше тепла, чем выделяется. Я все свободные сенсоры поставила на сбор данных и поиски закономерностей.

– Давайте начнем с главного, – подал голос Джим.

– Непосредственное наблюдение станции? – уточнила Элви.

– Я имел в виду: позаботьтесь, чтобы все эти люди, последние годы старательно убивавшие друг друга, сумели об этом забыть, – пояснил он. – У нас здесь по паре дюжин кораблей от каждой стороны, и можно не сомневаться – за время войны в экипажах накопилось порядком дурных чувств.

– Этим уже занимаюсь, – отозвалась Наоми. – С тех пор как вышли из врат, веду активную переписку.

– Плохо дело? – спросил Джим.

– Ворчат, но причин для тревоги не вижу. Пока.

Джим снова оглядел затонувшие в пространстве щепки. Они не пытались поубивать друг друга. Уже повод для праздника.

– Хорошо. Пойдем посмотрим, есть ли кто дома на яйцевидном объекте.

В ответе Элви уместились и усталость, и решимость:

– «Сокол» рассчитывает курс, но мне бы не хотелось тормозить эпштейном вблизи поверхности. Так что быстро не получится.

– Ты же знаешь, эта штуковина пережила мощнейший выброс гамма-излучения, – напомнил Джим.

– Я не за станцию переживаю, – возразила Элви. – Не хочу бить посуду, пока не разобралась в обстановке. Глупо выйдет, если в том «яйце» Дуарте, а я, не успев поговорить, поджарю из него яичницу.

– Справедливо, – признал Джим. – Условимся о рандеву.

Он сбросил соединение. Почти тотчас же «Роси» под ним шевельнулся – Алекс менял курс. Джим дал приближение на дисплей и остался сидеть в амортизаторе, ощущая стены вокруг себя, вибрацию корабля и понемногу складывая из этих ощущений образ крошечного организма в огромной вселенной. Десны у него ныли, но это в последние дни стало обычным делом, не стоило обращать внимание, как и на постоянное напряжение в основании черепа – даже во сне. Так он теперь жил.

Раньше он сосредотачивался на болевых точках, пусть эти точки иногда и менялись. Страх перед Лаконской империей, сокрушавшей каждого, кто не готов был пасть перед ней ниц. Страх перед апокалипсисом – тем, что он видел в пространстве колец еще до открытия врат. И постоянная, грызущая нервы угроза, что Дуарте откажет ему в покровительстве, позволит бросить Джима в Бокс. Основательная уверенность, что Дуарте своими попытками проверить, разумны ли скрывающиеся по ту сторону колец сущности, способны ли они меняться, развяжет безнадежную войну. И свежий страх, что его индивидуальность – личность, бывшая Джеймсом Холденом, – затеряется в океане сознаний, в гигантском едином разуме, построенном из людей, но уже не человеческом. Было из чего выбирать, и на любой вариант его тело отзывалось болью.

А может, он просто привык. Может, тяжесть истории расплющила его, потому что он не сумел скинуть ее с плеч. И не был уверен, что стал бы скидывать, если бы умел. То же самое другими словами.

– Нам только тебя забросить, – спросил из кабины Алекс, – или предполагается потом еще поболтать малость?

– Не понял вопроса, – ответил Джим.

– Если мы только тебя перебрасываем в команду Элви, я припаркуюсь неподалеку. А если ты хочешь собрать нас всех вместе, вали через грузовой люк, пока я установлю переходник.

Наоми опередила его с ответом:

– Устанавливай переходник. Даже если не пригодится, «Соколу» с ним будет спокойнее.

– Принято, – сказал Алекс. – Завожу «Роси».

Джим отстегнулся и отправился в грузовой шлюз.

Он застал там Терезу. Она уже надела вакуумный скафандр и теперь проверяла герметичность соединений на сапогах и перчатках, заряд магнитных подошв. Джим придержался за стену – корабль уплывал из-под него. Тереза убрала волосы под облегающую шапочку, которая подчеркивала форму глаз и шершавость кожи. Девочка вздернула подбородок – он не понял, с вызовом или в знак приветствия.

– Ты куда-то собралась?

– Если отец там, я вам понадоблюсь.

– Если что-то найдем, я дам тебе знать. И если ты понадобишься – вызову. Даю слово.

Она покачала головой – всего на несколько миллиметров вправо и влево. Взглянула жестко.

– Он мой отец.

На Джима накатила и тут же схлынула волна эмоций. Досада, печаль, чувство вины, страх. И вперемешку со всем этим глубокая ностальгия. Вспомнилось, как он вернулся из школы и застал отца Антона на заднем дворе за устройством ямы для гриля. Пустое воспоми-

нание. Джим много лет к нему не возвращался, а тут оно явилось таким ярким и сильным, и столько в нем было любви, словно это случилось минуту назад. «Он мой отец».

– Ты знаешь, чем рискуешь? – спросил Джим.

– Нет, не знаю, – ответила Тереза. – А вы?

Джим пожал плечами.

– Не забудь проверить стык шлема.

Когда оба были готовы, он запустил цикл шлюзования. Началась откачка воздуха, и в разреженной атмосфере звуки внутри скафандра привычно переменились, стали мягче. Его отрезало от мира – или он острее ощутил одиночество. Звук дыхания, поскрипывание скафандра, тихое жужжание вентиляторов все сильнее заполняли восприятие. Так бывает, когда начинаешь засыпать. А потом через палубу донеслась вибрация дверного запора, грузовой отсек открылся. В трещины хлынул свет – подобного он раньше не видел и только через несколько секунд осознал, в чем странность. Обычно такие корабли, как у них, открывались свету рабочих ламп или звездам – сильному, резкому, направленному. А сейчас трюм наполнило рассеянное млечное свечение. Свет был мягким, бестеневым, как в туманный день на Земле. Как бесхитростный детский образ небес.

Под ним вращалась станция, пятикилометровая металлическая сфера. Для корабля велика, для планеты мала, для астероида слишком гладкая и правильная. А на ее голубой глади зернышком риса темнела точка и рядом – пылинками – люди Элви.

Джим с Терезой нацелили маневровые к остальным. Рядом с человеческими фигурами стал яснее масштаб. Крошечный кораблик. Пожалуй, он бы целиком уместился в грузовой трюм, из которого они сейчас вышли. Гладкое, бесшовное, плавно изогнутое, яйцо выглядело не изделием, а созданием живой природы. Одна его сторона была вскрыта, плоть яйца отходила слой за слоем, образуя дыру, в которую можно проникнуть.

Одна из мельтешивших вокруг фигурок, отделившись, направилась к ним с Терезой. Лицо Элви расплывалось за щитком шлема, словно она смотрела из-под воды тихого озера. Голос по рации казался далеким и глушился помехами, даже когда она была совсем рядом.

– Соответствует артефактам Лаконии, – сказала она. – Видимо, так же презирает инерцию, как Эрос в свое время, потому что ничего похожего на сопла не видно. По температуре не определишь, давно ли он здесь, потому что… – Она взмахом руки указала на тысячу пылающих ворот.

– Но вы уверены, что это он? – спросила Тереза.

– Можем ли доказать? Не можем. Но не глупо ли предполагать другое? Глупо. На данный момент я буду считать, что это Дуарте, пока не увижу доказательств обратного. Слышу стук подков – считаю, что это кони.

Вокруг «яйца» двигались полдюжины фигур в вакуумных скафандрах. Джим не сразу распознал в их кружении порядок обследования.

– Его следов не нашли?

– То есть чего-нибудь убедительного вроде шлюза или дверей? – уточнила Элви. – Нет, ничего такого. Артефакт здесь, но на поверхности станции ни щербинки.

– А постучать не пробовали? – почти не шутя, спросил Джим.

– Может, я могла бы помочь? – предложила Тереза – Скажу по радио, что мы здесь. Может, услышав мой голос, он выйдет. Или нас впустит.

– Попробовать стоит.

Элви жестом пригласила их поближе.

Кроме «яйца» здесь были коробки с надписями: цепи датчиков, батареи с проводами, инструменты для сбора образцов. Над ними, наседкой над цыплятами, плавал Харшаан Ли. Джим видел, как шевелятся его губы, но ученый говорил по другим каналам, не слышно для него. Потом в шлеме щелкнуло, и вместе с помехами прозвучал голос:

– Погодите минутку, я подключу скафандр юной леди к нашей системе. Можно на всех диапазонах обратиться прямо к станции и добавить контактные вибрации.

– Величайший рупор человечества, – заметил Джим.

Элви хихикнула, а остальные, как видно, не оценили шутки.

– А в прошлый раз ты как входил? – спросила Элви.

Джим покачал головой. Подумал, что она могла не заметить, и в дополнение по-астерски поводил кулаком.

– Просто подлетел, она и открылась. Я ничего не делал.

«Просто меня привел призрак, для которого в этом доме с привидениями все двери были открыты», – добавил он про себя. Его грозили захлестнуть воспоминания о давних чудесах и страхах, но он отогнал их, чтобы не отвлекаться.

– Ей управляла протомолекула, – сказала Элви. – Она пыталась разобраться, почему на ее доклад никто не отзывается. И использовала для этого тебя.

– Потому что у меня имелось тело, – согласился Джим. «Теперь там внутри одни призраки. Тело для них кое-что значит». – Она мне так и сказала. Догадываюсь, что для нее доступ к материи – редкость.

– Я прослушала материалы твоего отчета, – сообщила Элви. – Какие ты выбирал термины? Или это она их использовала? Плерома, падший мир, субстрат… Это человеческие понятия.

– Все мои действия направлялись посредством человеческого разума, – объяснил Джим. Ли, протянув ярко-красный втягивающийся провод от прилепленной к поверхности станции круглой штуковины, подсоединил его к гнезду скафандра Терезы. – Я там, знаешь ли, не рулил. Меня просто несло.

– Ну, – сказала Элви, – теперь, по-моему, кто-то рулит.

Ли показал им большой палец. Тереза забегала взглядом от него к Джиму и Элви.

– Что сказать?

– Скажи ему, что мы здесь, – попросила Элви.

Тереза кивнула и взяла себя в руки.

– Папа, это я. Тереза. Я здесь, у станции. Мы хотели бы войти и поговорить. – Подождав немного, она продолжила с такой тоской, что у Джима дрогнуло сердце: – Я хочу тебя видеть. Впусти, пожалуйста.

Они ждали. Джим медленно поворачивался по кругу, высматривая на поверхности станции хоть что-нибудь: рябь, отверстие, появление чего-то нового. И ничего не увидел.

– Попробуй еще, – сказал он.

– Отец? Если ты там, это Тереза. Я снаружи станции. Я хочу войти.

Тянулись секунды, и надежда на лице девочки умирала. Ли жестом подозвал ее к себе и отцепил провод.

– Есть и другие способы, – сказал он. – У нас несколько километров контактных датчиков. Мы пользовались ими у алмаза Адро, но они и здесь могут что-то дать.

– Я помогу разматывать, – вызвался Джим.

– Если заметишь что-то изменившееся с прошлого раза… – начала Элви.

«Кроме меня?» – подумал, но не сказал он.

Они несколько часов опутывали станцию датчиками – Джиму под конец живо вспомнилось сматывание пряжи в клубки, когда на папу Дмитрия находил вязальный стих. Элви через час оставила их работать и вернулась на «Сокол».

Ли объяснил, что она будет заниматься поступающими данными, но Джим сильно подозревал, что ей просто нужен отдых.

Работа сперва показалась утомительной, но через некоторое время Джим поймал ритм. Размотать провод, придержать, пока кто-то проверяет контакт между датчиками и с поверхно-

стью станции. Тереза тоже помогала: многомесячное ученичество на «Роси» сказалось в том, как она просила пояснений и докладывала команде, что собирается сделать. К тому времени, когда баллоны опустели и Джим развернулся к дому, девочка, кажется, сбросила с себя первую горечь разочарования.

Люк за ними закрылся, Джим снял, обработал и убрал скафандр и сам ушел в каюту. Он провонял потом и неопреном, но неудобства и даже сознание, что молодым он бы дольше продержался, не отнимали удовольствия от работы. К тому времени, как отмылся и оделся в чистый комбинезон, он был доволен собой, как давно не бывал.

На летной палубе он застал одного Амоса, пристегнувшегося к амортизатору, хотя тяги не было и не предвиделось. Джим придержался за захват и заглянул в кабину.

– Есть там кто?

– Алекс спит. Кроха занимается собакой и собирает кое-какие вещички. Наоми на «Соколе» обсуждает показания датчиков.

– Данные уже пошли? В смысле, я думал, в первые несколько часов говорить еще не о чем.

– Люди, когда ничего не известно, любят об этом потолковать, – изрек Амос.

– Пожалуй, ты прав.

Амос потянулся и лениво почесал грудь – там, где тусклым неровным кружком еще чернела пулевая пробоина.

– Похоже, на станции много чего происходит. Что-то делается, хоть они и не понимают что. И горячей стало. Температура и сейчас растет.

– Удивительно видеть, как оно там движется. Тем более если раньше не знал, что оно там вообще есть.

– Вы его нашли?

– Не нашли.

– Но он там?

Джим потянулся, хрустнув позвонками.

– Да, там. Но, похоже, поговорить не рвется.

Ответ Амоса затерялся в предупреждающем гудке станции связи. Джим, подтянувшись к панели, открыл сообщение. Система зарегистрировала корабль, числившийся у «Роси» в списке угроз. «Дерехо» – тот, что убил «Предштормовой» и выгнал их из Фригольда, совершил переход через врата Бара Гаона. Джим только успел отключить тревогу, как в списке сообщений появилось новое – от полковника Алианы Танаки.

Глава 37. Танака

Случись им встретиться на Лаконии, встреча проходила бы в здании Государственного совета. Они расселись бы вокруг изготовленного с большим вкусом стола, а вся обстановка излучала бы силу, спокойствие и серьезность. А вышло, что они собрались на камбузе подогнанного под научные цели корабля, где пахло выбивающейся из силы вентиляцией и промышленными чистящими средствами. Какой-то смысл в этом был. Портреты великих военачальников и картины важнейших сражений – лестные, продуманные, уравновешенные – всегда попахивают пропагандой. Танака достаточно времени провела в коридорах власти. Навидалась великих людей в мундирах, устремляющих орлиные взоры в славное будущее. И почти не видела картин, где солдаты коротают холодные ночи в рваных палатках или у тлеющего костерка, ожидая утром штыкового удара в грудь от совершенно незнакомого им человека.

Боттона она оставила на «Дерехо» и явилась на «Сокол» одна. В парадной форме и при личном оружии. Ее немного подташнивало от лекарств, а головная боль, не прекращавшаяся с перехода от Бара Гаона, могла быть вызвана чем-то лишним в крови, а могла – просто неотступным ощущением, что в стенки ее мозга бьются чужие умы. В дополнение к прочему ее преследовала галлюцинация, что левый глаз слезится, холодные слезы сбегали по щеке даже в невесомости, где им стекать не полагалось бы.

– Вы уверены, что этот… эффект распространяется? – спросила доктор Окойе.

С их последней встречи она обзавелась хмурыми морщинками на лбу и в углах рта. И еще исхудала, ослабла от долгой невесомости. Атрофия мышц, стресс и недоедание превратили ее в подобие догорающей свечки.

– Уверена, – сказала Танака. – Больше всего досталось тем, кто там присутствовал. Но захватывает и других – не знаю, сколько именно. И если вы не хотите, чтобы оно добралось до вас, сразу начинайте их принимать.

Вместе с изменницей, возглавлявшей научный директорат, в камбузе присутствовали ее изменник-муж, глава подполья и человек, стрелявший ей в зубы. Когда они задумывались, вокруг головы у каждого мельтешили те мелкие мушки – не мушки. Те, что висели над Холденом, чем-то отличались, но она не могла уразуметь чем. Танака тешила себя, прикидывая, в каком порядке их расстреляет. Она бы предпочла начать с Холдена. Силы у нее были не те, что прежде, и она сомневалась, что управится со всеми, а не хотелось бы покидать вселенную, в которой остался Джеймс Холден.

«Как это мило!» – сказал голос в голове. Мужчина, старше нее. Она его не знала, но осуждение показалось обидным. Не желая слышать новых незваных советчиков, она бросила воображать смерть Холдена.

Элви Окойе листала список предложенных Танакой медикаментов, а муж заглядывал ей через плечо. Хрупкая женщина все сильней хмурилась, но заговорила не она, а Холден:

– Так плохо?

– Неприятно, – прикрываясь недооценкой, проговорила Танака. – Лекарства помогают, но не до конца.

– Надо искать вход в станцию колец, – сказала Нагата.

– Нет там входа, – возразил Фаиз Саркис. – Датчики улавливают значительную активность. Постоянную перестройку. Возникают и гаснут мощные электрические и магнитные разряды. И все такое. Но дверей нет.

– Сомневаюсь, что ее можно вскрыть силой, – сказал Холден, – и все же…

– Она отразила всю орудийную мощь класса «Магнетар» и потом без последствий приняла на себя выброс коллапсирующей нейтронной звезды, – напомнила Танака. – Но вы, конечно, берите зубило и ножовку, попытайте счастья.

– И все же, – не дослушав ее, заговорила Нагата, – она открывается. Открывалась. Вход есть.

Из них из всех Нагата удивила больше всего. Она была почти ровесницей Танаки, и, хотя детство при малом тяготении наделило ее долговязой голенастой фигурой астерки, они с Танакой могли сойти за близких родственниц. Скажем, за троюродных сестер. Танака узнавала себя и в ее усталости, и в том, как она держала свое при себе.

– Мы же вроде договорились, что силой ее не вскроешь, – сказала Элви.

– Поэтому силой и не надо, – ответила Нагата. – В прошлый раз ее открыл образец протомолекулы с «Росинанта». На «Соколе» тоже есть образец. Используем его.

– Опять погружение, – заметил Фаиз. – Только теперь не в библиотеку, а в станцию.

Замешательство Элви Танака заметила по ее мошкаре раньше, чем услышала слова.

– Это… возможно, окажется не так просто. Алмаз Адро создавался для выдачи информации. Мы его включили, и он занялся тем, для чего был создан. Станция открылась перед Холденом по команде протомолекулы. Она использовала Джима для проникновения внутрь, действуя в рамках того, для чего была создана. Но для чего предназначена станция, мы не понимаем.

– Для подключения врат и стерилизации целых солнечных систем по мере необходимости, если меня не подводит память, – сказал Холден. Рой мошкары вокруг его головы взвихрился и дернулся.

– Если Дуарте, припарковав кораблик к станции, не отправился гулять по космосу, он внутри, – сказал Фаиз.

– Более обнадеживающие предложения есть? – спросила Танака.

Молчание Элви было достаточно красноречиво.

Танака сдержалась и не закатила глаза.

– Есть вероятный способ вскрыть станцию. Давайте его испытаем. У нас есть дочь верховного консула – единственное лицо, к которому он настолько эмоционально привязан, что может выйти из беспамятства.

Откройте вход, а я проведу ее внутрь.

– Ни в коем случае, – отрезала Нагата.

– Ни в коем случае?

Ответил Холден:

– Мы не отдали ее вам в Новом Египте и во Фригольде. И теперь не собираемся.

Танака протянула перед собой открытые ладони. Сейчас, зависнув в воздухе со скрещенными в лодыжках ногами, она чувствовала себя картиной возносящейся на небеса святой. Святой, покровительствующей связавшимся с идиотами, если такая есть.

– Адмирал Трехо ясно дал понять, что мы теперь на одной стороне, – заговорила она. – Он предоставил мне высшую степень полномочий для выполнения единственного задания. Это задание – найти верховного консула. И в Новом Египте я действовала с той же целью. Вы все – мятежники, на момент его исчезновения еще воевавшие с ним. Я готова выслушать ваши возражения, но уверена, что лучше, чем любой из вас, подхожу на роль переговорщика.

– Сейчас к нам направляются сотни кораблей, – сказала Элви. – Научный директорат высылает все, чем может располагать. И подполье тоже… – Она бросила взгляд на Нагату, и та кивнула.

– Нам не нужны новые корабли, – заявила Танака. – Давайте, по крайней мере, доверим решать девочке. Если она не захочет иметь дело со мной, найдем другого. Хотя лучше меня не найти.

– Она права, – с горечью заметил Холден. – Послушаем, что скажет Тереза, но любой из нас окажется отвлекающим фактором. Нас могут счесть за угрозу.

Второй в очереди была бы Элви, но она…

– Двойной агент, – подсказал Фаиз. – Государственная изменница.

– Будет вести процесс погружения, – договорил Холден и переключился на Танаку: – А когда вы до него доберетесь, что будет?

– Выведу его наружу, – сказала Танака. – Если не сумею вывести, установлю более надежную связь. Мы выясним, что ему известно, и найдем способ защитить империю. Обстоятельства, может быть, и переменились, но мое задание осталось прежним.

«И, если бы вы не путались под ногами, а позволили мне им заниматься, многие остались бы в живых». Этого Танака не сказала, а Холден не присутствовал в ее сознании, но она была вполне уверена, что он и так понял намек.

– Защищать нужно не империю, – вступила Нагата, – а человечество.

Танака пожала плечами.

– С моей точки зрения, различие несущественно.

– Вы правы, – кивнул Холден. – Давайте для начала устраним угрозу. А потом можно будет снова убивать друг друга в более приличной манере.

Он уставился на нее, и мошкара у него над головой замерла, словно тоже засмотрелась. «Думает, как будет меня убивать, когда все это кончится», – догадалась Танака.

– Конечно, – с улыбкой согласилась она. – Первым делом главное.

– Я поговорю с Терезой, – вызвалась Нагата.

– Прекрасно, – ответила Танака. – Сколько это займет?

* * *

Через тридцать шесть часов Танаку известили, что все готово к эксперименту. К тому времени в пространство колец вошли еще семь кораблей. На следующий день ожидалось тридцать. Вскоре здесь соберется целый флот – зависнут, от нечего делать ковыряя пальцем жопу. Все это ничего не значило, лишь бы ей сделать свое дело. Исполнить задание, каким бы оно ни стало.

Танака чувствовала себя как на приеме с коктейлями в окружении множества незнакомцев, но личность больше не теряла: голоса притихли, заглохли, их можно было не замечать. Она и не замечала. Проводила время в тренажерной, мучила себя, пока боль в мышцах не заслоняла весь мир. Она принимала высокоскоростной паровой душ – зависала между соплами и вакуумным стоком под обжигающе горячей водой. Боль, как и утомление, помогала ей сосредоточиться на теле. Проясняла мысли.

Отчасти с той же целью ей хотелось найти любовника: потереться несколько часов о кого-нибудь из команды. Тоже способ свести все внимание к своему телу, к его ощущениям. Останавливала ее не опасность попасться, а неуютная уверенность, что любое ее занятие теперь разделяют, переживают, испытывают другие. Личных секретов больше не существовало. Чужие умы, постоянно касавшиеся ее, норовя затянуть в свои чувства и воспоминания, словно разъедали Танаку.

Она все проверяла, нет ли сообщений от Трехо, но тот молчал. Зато понемногу нарастал ручеек информации по опрошенным ею до ухода с Бара Гаона людям. Капитан «Прайсса» впал в кататонию. Старый медтехник с «Конхина», прибегнув ко всей мощи психотехник, сохранял трезвое сознание, но остальные на его корабле начали угасать. Он передавал записи: члены экипажа делались необыкновенно молчаливыми, а в совместной работе проявляли невероятную согласованность, как множество щупалец одного существа. «Илрис Ивс», выйдя из пространства колец в систему Паркер, перестал отвечать на запросы и отклонился от полетного плана, свернув вместо главного города второй планеты к далекой экзопланете на неэллиптической орбите, помеченной исследователями как возможный артефакт.

Она во всем видела признаки слияния сознаний. И каждая минута такой жизни делалась невыразимо мучительной. Впрочем, выражать эту боль не было нуж ды. Команда «Дерехо» знала и так. Все они оказались в одной лодке.

Боттон стоял в своем кабинете, приклеившись магнитными подошвами к полу, с грушей в руке, и смотрел рассеянно. Не сразу нашел Танаку глазами, отдал честь.

Лицо его с ухода от базы Гевиттер осунулось сильнее прежнего, щеки и шея заросли щетиной.

– Капитан, – приветствовала она.

– Чем могу служить? – Голос у него расплывался по краям.

– Что это вы пьете?

Он задумался, взглянул на грушу, словно вспоминая, что в ней.

– Воду. Это вода.

– Лекарства?

Он кивнул и, щелкая магнитными подошвами, подошел к столу. Достал из ящика персиковые таблетки, знакомые ей как воздух. Положил их в рот и запил.

– Я установлю автоматическую напоминалку.

– «Сокол» готов.

Боттон протрезвел.

– Доброй охоты.

– Я не затем здесь.

Ее сильно утешил его удивленный взгляд. Утешало малейшее доказательство, что ее разум открыт не каждому. Или нет, не так. Это помогало притворяться, что она еще в состоянии ставить рамки, управлять тем, чем на самом деле не управляла. Она цеплялась за утешительную ложь.

– Я, – сказала она, – не знаю, чего добьюсь, разыскав верховного консула. Это перемирие с подпольем? Его заключил Трехо. Верховный консул может его одобрить, а может и нет.

Боттон заморгал.

– Я… кажется, понял.

– Меня на этом корабле не будет. Если вы получите от меня приказ?

– Я служу Лаконской империи.

Танака улыбнулась. Щека от улыбки почти не болела. Просто зажило, а как удивительно.

– До времени ни с кем не разговаривайте. Нашим сознаниям доверять нельзя. И принимайте таблетки по расписанию.

– Понял.

– И еще, Боттон. Если… если у меня не выйдет. Если мы не сумеем остановить то, что происходит… – Она указала на свою голову. – Хочу попросить вас об одолжении.

Он ласково улыбнулся.

– Я запасу две пули, полковник. По одной на каждого.

В эту минуту она его почти любила.

Скафандр ждал ее в оружейной: начищенный, заряженный, в полной готовности. Тот же, в котором она убивала станцию Драпер. Она попробовала увидеть в нем талисман удачи. «Я ношу на шнурке медный пенни. Ношу с того вечера, как Эмили Нэм меня поцеловала. Пятнадцатый год пошел». Танаке представилась позеленевшая медная монетка и капроновый шнурок. Вспомнилась Эмили, ее мягкие губы, нежно перебирающие бороду пальцы. Его звали Алан, он вырос на Титане. Танака дала ему уплыть, стараясь, пока он в голове, не вспоминать ничего из собственной жизни.

Зажигательные патроны. Гранаты. В прошлый раз, когда кто-то пальнул по станции чужаков гранатой, погибли тысячи людей. Ну и хрен с ними. Они, когда подписывались на эту работу, знали, что она опасна. Танака закрепила шлем, проверила баллоны, проверила герме-

тичность. Убедилась, что запаса лекарств в аптечке хватит еще на несколько часов остаться собой. Последний шанс.

Она одна вышла из люка и запустила себя к голубой металлической сфере. Кругом мерцали врата. За ней следили тринадцать сотен «глаз». Сама она еще не видела девчонку, но скафандр ее нашел – крошечную черную точку в сиянии. Рядом виднелась еще одна фигура – Нагата. Танака, дав один короткий импульс ускорения и несколько коротких и более мощных тормозных, упала на наследницу империи и ее мятежную защитницу. Скафандр у Нагаты был старинной марсианской конструкции, как из музея.

Жестом Танака обозначила канал связи, и Нагата подключилась к нему.

– Я думала, мы договорились, – сказала Танака.

– Я не буду входить, – ответила Нагата. – Не хотела отпускать Терезу одну. Я подожду здесь.

На девочке был такой же, как у Нагаты, скафандр, но если Нагата в своем смотрелась выходцем из иных времен, то Тереза Дуарте – ребенком на маскараде. Она глянула из-за щитка с вызовом, чуть вздернув подбородок. Танаке не надо было перетекать в ее сознание, чтобы понять, что видит. Страх. Пробирающий до глубины души. Танака пожалела бы ее, не ощущай сама такого же страха, а так прониклась отвращением.

– Не знаю, будет ли лучше, если верховный консул на выходе столкнется с врагом. С тем же успехом могли бы войти, – сказала она.

Нагата изобразила старинный астерский жест согласия.

– Если я не нужна Терезе, меня здесь не будет.

– Я ей говорила, что все нормально, – сказала Тереза. Сказала голосом отца.

Танака не могла понять, что это такое. Тихая горячность старой женщины и властное спокойствие девочки, убежденных, что защищают друг друга, как вставшие щит к щиту древнегреческие воины. Идиотская самоуверенность или честно заслуженное доверие?

Сразу их трудно различить, а потом будет поздно.

– Тебе решать, – сказала Танака. – Теперь идем.

Нагата обхватила шлем девочки и прижала к своему.

Разговор наедине в ее присутствии выглядел невежливо, но Танака не стала мешать. Она немало поубивала друзей Нагаты и ее приверженцев. Любовник Нагаты стрелял ей в лицо. Небольшое отступление от правил хорошего тона сейчас было мелочью, а все долги, полагала Танака, скоро будут так или иначе оплачены.

Коротким всплеском маневровой тяги она уронила себя к безупречной поверхности станции и яйцевидному кораблю на ней. Странное было зрелище. Она четко вспомнила родичей этого «яйца» в лаконском гроте. Ей представилось, что после многонедельной охоты она наткнулась наконец на ясный след. Охватившая ее радость была неожиданной и к тому же, несомненно, принадлежала лично ей. Трехо нужна была охотница. Она охотница и есть.

Танака переключилась на канал «Сокола»:

– Говорит полковник Танака. Мы с девочкой на позиции.

Голос Окойе перебивали помехи. Шумновато стало в пространстве колец, когда боги хаоса принялись колотить по стенам.

– Поняла. Начинаем погружение. Приготовьтесь.

Рация замолчала. Танака перепроверила вооружение, подачу воздуха, свое состояние. Девочку потихоньку сносило от нее вправо – чуть-чуть не подогнала скорости.

– Вы хорошо его знаете? – спросила девочка.

– Верховного консула? Встречались несколько раз.

Я из первой волны. С Марса на Лаконию.

– Вы из основателей.

– Да, – согласилась Танака. – Вот это все… я помогала создавать. Он руководил, а работу делали мы. Первую галактическую империю человечества.

– Как вы думаете… – начала девочка и оставила вопрос висеть в воздухе. «Как вы думаете, с ним все хорошо?» «Как вы думаете, у нас получится?» «Как вы думаете, это все не зря?» О чем угодно могла спросить.

Под ними сияла станция. Танака понимала, что это чудится, но сфера словно гудела, передавая к ней звук через вакуум. Может, ее скафандр улавливал какой-то магнитный резонанс и звенел в ответ. А может, мерещилось.

Она проверила показания системы. «Сокол» отслеживал активность станции: энергию, магнитные поля, сейсмическую активность. Данные били как из брандспойта. Разобраться в них Танака не умела. Она окинула взглядом ровную голубую поверхность в поисках хоть чего-нибудь. Вспомнилась картина по мотивам «Старого морехода» Колдриджа. Корабль попал в штиль вблизи земного экватора. Кораблик на картине был маленьким, море – огромным и пустым. Чья это работа? Тернера? Дроу? Драммонд? Она не запомнила. Не нашла тогда в картине ничего особенного. Теперь она лучше понимала художника.

Девочка скорректировала курс и поплыла к ней. Танаку такой образ действий рассердил. Хороший солдат должен был с самого начала держать курс.

– А сколько времени это займет, известно? – спросила девочка.

– Сколько надо, столько и займет.

Обе замолчали. Танака считала вдохи, складывая их в минуты. От бескрайней голубизны уставали глаза, поверхность начала дрожать, покачиваться. Девочка щелкнула, открывая канал связи, отключилась и снова подключилась. А когда наконец набралась храбрости заговорить, словно высказала вслух мысль Танаки:

– Что-то не так.

Глава 38. Элви

В лаборатории царил все тот же упорядоченный хаос.

Разбирая установки перед уходом из Адро, никто не думал, что скоро их придется монтировать опять. А теперь все вернулось, расположилось в знакомом порядке для новых целей. Ей это напомнило вскрытый патологоанатомом труп. Все на месте, но не работает.

Во всяком случае, пока не работает.

Восстанавливать всегда быстрее и проще, чем собирать в первый раз. Медицинские кровати уже запомнили фоновые показатели Кары и Амоса. И откалиброванные за долгие месяцы системы легче было настроить заново. Датчики уже стояли на месте, а территория, которую они обследовали – станция – была много меньше алмаза Адро.

Казалось бы, ей должно полегчать, но Элви с каждым вытянутым из кладовой кабелем, с каждым подключенным монитором ощущала, как усиливается тревога и стягивается узел под ложечкой. Она не сумела бы сказать, чего именно боится, но она боялась.

Ее команда работала как вымуштрованная военная часть. Посторонний услышал бы какофонию голосов, все говорили со всеми разом. Элви различала в какофонии структуру. Знала, что Оран Альбертс и Сьюзен Ай прозванивают силовые линии, добиваясь минимума помех. Вейрик и Кол связывали инфракрасные сканеры с панелью обработки сигналов. Дженна с Харшааном подключали резервные системы. Три отдельные мелодии звучали одновременно и казались диссонирующими только тому, кто не понимал, как они сочетаются.

Фаиз за двенадцать часов до начала погружения зашел за ней в лабораторию. Морщинки в уголках глаз выдавали его напряжение. Элви убрала в коробку потенциометр – откалибрует потом – и толкнулась к мужу. Поймав взгляд, вопросительно подняла бровь. – Новые данные от Очиды, – сказал Фаиз.

– Думает, не разобрался ли, что тут у нас происходит?

– Надежда не иссякает. – Он развернулся, поманил ее за собой в кабинет.

Элви, с тех пор как Наоми приняла мирное предложение Трехо, не слышала адмирала. И не знала, каково ее положение в его глазах и в глазах Лаконии, зато очень ясно сознавала, как унизила фактического диктатора империи. История учит, что такие вещи не проходят унизившему даром. Но пока у нее были более важные поводы для беспокойства.

А вот Очида, по-видимому, избрал стратегию почти запредельного неведения. Проходившие через его руки отчеты и сообщения всего научного директората совершенно не изменились. И с экрана в ее кабинете он улыбался так же искренне и светло, и представленные данные выглядели по всем признакам такими же полными, точными, неподправленными.

Научная группа обнаружила в Сан-Эстебане что-то похожее, с их точки зрения, на «пулю». Это было интересно. «Пули» – согласно общепринятой теории, шрамы в ткани пространства-времени, – по-видимому, сопровождали каждое явление темных богов из врат в человеческую реальность. В космических масштабах они были совсем малы, хотя само их существование переворачивало все человеческие представления об устройстве мира. Во времена, которые уже выглядели «старыми добрыми», «пули» легко обнаруживались, потому что появлялись в непосредственной близости к вызвавшей их причине. С тех пор сотни, тысячи или сотни тысяч проведенных врагом экспериментов теоретически должны были вызвать столько же мелких устойчивых аномалий, но без привязки к предметам, действиям или системам отсчета их поиски оказывались много сложнее поисков иголки в стоге сена.

Пролом в реальности на Сан-Эстебане составлял несколько метров, почти не отмечался приборами, зато очень явственно влиял на человеческое сознание, плавая в полукилометре над поверхностью спутника одной из безжизненных малых планет. Группа усердно занялась

исследованием, надеясь, что различия между «пулями» откроют важные сведения касательно механизма их действия.

– Что? – спросил Фаиз.

Элви недоуменно оглянулась.

– Ты что-то промычала. Или крякнула.

– А, это я просто задумалась. Раньше это была бы великая новость. Может, даже важнее того, что мы узнали в Адро. А теперь?

– Трудно думать о парне, целящем тебе в висок, когда ты уже под обстрелом, – согласился Фаиз. – Сан-Эстебан был величайшей угрозой – пока не объявился Дуарте.

– Дуарте не добивается нашей гибели.

– Ты поручишься, что то, чего он добивается, не хуже смерти?

Элви вернулась к сообщению. От доклада Очиды о «спонтанном алокальном перекрестном взаимодействии сознаний» у нее еще сильнее стянулся ком под ложечкой и заныли десны. Эффект проявлялся отчетливее там, куда ушли подвергшиеся первоначальному воздействию корабли: в Бара Гаоне, Ньивстаде, Кларке, Сан-Паулу, – что наводило на мысль о контактной передаче по типу инфекции, – но кластеры активности возникали и в системах со слабым контактным взаимодействием и высоким уровнем радиосвязи. Надежный предиктор включения в ульевое сознание: если кто-то из пострадавших знает о вашем существовании. Эпидемиологи разрабатывали модель передачи через знакомство и надеялись вскоре представить более полный отчет. В сознание Элви непрошено вторгся образ: огромная горящая сеть наподобие клеток человеческого мозга или сети знакомств в городе, где от одного побагровевшего узла кровь перетекала в соседние, а от них – в другие, связанные с ними. И так все дальше и дальше.

Возьми наугад двоих людей – они связаны через семь, максимум восемь рукопожатий. Как ни разрослось человечество, как ни разлетелось по вселенной, все равно все чертовски близки друг к другу.

– Недобрый признак, – заметила Элви.

– Зато можно потребовать профилактической изоляции полковника Танаки и всей ее команды в камере сенсорной депривации. Хорошо было бы.

Когда Очида перешел к докладу по гибели жителей Сан-Эстебана, в дверь постучали. Элви, открыв, увидела Кару. Лицо ее стянулось, руки девочка держала, будто пела в хоре. Элви без слов поняла, что ее сюда привело.

– Я слышала, – начала Кара, – будет погружение?

– Мы попробуем с помощью катализатора открыть вход в станцию колец, – признала Элви. – Но тут будет не так, как с алмазом. Оборудование то же, а работа другая.

– Я тоже хочу. Отправьте меня.

– Собирался Амос Бартон…

– У меня больше опыта, – перебила Кара. – Я лучше него понимаю, как там все действует.

Элви всплеснула руками – и сразу спохватилась, что ведет себя как взрослый с ребенком.

– Здесь другое. Другой артефакт. Маловероятно, что он действует тем же образом. Едва ли тут применим твой опыт с Адро. А развившаяся зависимость…

Внезапно – будто страницу перелистнули – лицо Кары стало гневным. И в голосе зазвенело целое гнездо шершней. Фаиз придвинулся поближе к Элви.

– Врете вы все про зависимость! Сами знаете, что врете.

– Не вру, – возразила Элви. – Могу показать данные. Уровень серотонина и дофамина…

Кара коротко покачала головой; видно было, как она сдерживает ярость. В голове у Элви прозвучало: «Сама виновата. Ты этого добилась». Сказано это было голосом Бартона, с простым и будничным гневом.

Вмешался Фаиз, решил отвлечь девочку на себя: – Не скажу, что это именно…

– Вы бы хоть в зеркало на фиг погляделись, док, – процедила Кара. – Мне твердите, как важно мое здоровье, а со своим что творите? Если ваше не важно, какое вам дело до моего? Все дело в том, что я выгляжу девочкой. Так держите при себе свои материнские инстинкты!

– Одно дело, – сказала Элви, – пропустить несколько тренировок, а другое – подвергать риску объект эксперимента. Как бы я ни обращалась со своим телом…

– Я точно так же вправе решать, как обращаться со своим! – Кара уже орала. В глазах стоял хищный голод. – Вы обращаетесь со мной как с ребенком, потому что выгляжу ребенком, но я не ребенок!

С тем же успехом она могла бы сказать: «Вы обращаетесь со мной как с человеком, потому что я выгляжу человеком». Тоже правда. Элви ощутила, как в груди что-то подтянулось. Древний, глубинный инстинкт сказал: «Сейчас проявить слабость – сделать шаг к смерти». Она призвала на помощь десятилетия преподавательского опыта.

– Я не считаю тебя ребенком, но я руковожу группой и считаю, что для этого опыта ты не подходишь.

Можешь попробовать меня переубедить.

Кара на миг замерла и вдруг сникла.

– Вы это только потому делаете, что его боитесь, – проговорила она, но уже без прежнего пыла. А потом развернулась и уплыла по коридору.

Элви захлебывалась чувством вины, но не позволила себе смягчиться. Потом будет время для извинений. Она надеялась, что будет.

* * *

– Говорит полковник Танака. Мы с девочкой на позиции.

Элви последний раз окинула лабораторию взглядом. Амос на месте, пристегнут к койке. Чтобы прилепить датчики, с него сняли рубашку, и темная хитиновая поверхность полученных в Новом Египте шрамов поблескивала на свету, как масляная пленка на воде. В вену на руке ввели белую керамическую трубку, закрепили пластырем. Быстро заживляющееся тело норовило вытолкнуть иглу.

Он выглядел совершенно спокойным, как будто происходящее его даже немного забавляло.

Техники и научные сотрудники стояли по местам. Там, где раньше отражались данные по БИЧ, мерцали и подергивались изображения станции колец. Элви немного мутило. Она забыла, когда в последний раз ела.

– Поняла, – сказала она. – Начинаем погружение. Приготовьтесь. – Она отключилась от внешней связи. – Последний шанс отступить.

Амос ей улыбнулся. Улыбнулся, как будто она пошутила или предложила ему пивка. Медицинские датчики показывали редкий и ровный пульс, низкий уровень кортизона. То ли он при возрождении изменился сильнее Кары, то ли напугать его было намного труднее. Он показал Элви большой палец и потянулся. Забившийся в уголок Джим походил на привидение, сторонящееся с дороги, чтобы кто-то не прошел его насквозь. Она даже пожалела, что позволила ему наблюдать за экспериментом.

Элви переключилась на камеру катализатора:

– Можно начинать?

– Мы готовы, – отозвался Фаиз. – Каре с Ксаном вдвоем в камере будет тесновато, но, думаю, справимся.

Лишь бы никто не обзавелся клаустрофобией.

– Ну, хорошо. Выводи катализатор.

Можно было включить видеосвязь, проследить, как Фаиз с помощниками открывает камеру, выкатывает катализатор и заводит на его место двух не вполне детей. Вместо этого она сосредоточилась на Амосе и станции. Но услышала, как закрылась камера.

– Леди и джентльмены, – заговорил Харшаан Ли, – действуем по порядку и по инструкции. – И негромко добавил: – Если здесь работают инструкции.

Лаборант осторожно вводил в толстую жилистую руку Амоса светлый коктейль седативных препаратов. Черные глаза закрылись.

– Катализатор выведен, – сообщил Фаиз, но Элви и сама видела.

Активность станции колец сдвинулась, словно она перевела на них взгляд. Возникли не существовавшие прежде магнитные поля, изменился ритм сейсмической и энергетической активности. И одновременно изменилась активность мозга Амоса.

– Прошу обращать внимание на соответствие паттернов, – сказал Ли. – Если здесь будет как с нашим зеленым другом из Адро, должно обнаружиться эхо объекта.

Но техники его не слушали. Все склонились к экранам, все держали руки на пультах. «Сокол» словно гудел чистым вниманием. Сердце у Элви нетерпеливо колотилось в кость грудины.

– Вижу… – начал кто-то из геологов и осекся.

Время сильно замедлилось. Система сравнивала сигналы тела и мозга Амоса Бартона с показателями станции, сопоставляла их миллион раз в секунду и искала черты сходства. Переливались зеленые и желтые огоньки: человек и артефакт синхронизировались и теряли настройки. Один раз Амос вздохнул, словно услышал что-то слегка огорчительное.

– Наблюдаю что-то похожее на рукопожатие, – сказала женщина от поста информатики. Она говорила с натужным бесстрастием, очень старательно скрывая волнение. – Началось двадцать секунд назад от… Смотрите!

– Подтверждаю. Они разговаривают.

Элви подтянулась к медицинской кровати. У Амоса лицо было пустым как маска, мышцы расслаблены, губы припудрены серым – это от его изменившейся крови. Ей захотелось его потрогать, убедиться, что он еще теплый. Живой. Глаза у него под веками задвигались: влево, вправо и снова влево. Он опять вздохнул.

Кто-то из медтехников тихо проговорил:

– Наблюдаю активность в дорсальном заднем островке, не могу…

Амос распахнул глаза и закричал. Его ярость и боль ударили Элви в лицо. Она отшатнулась, закружилась, промахнувшись мимо захвата. Он набрал воздуха и завизжал.

– Проблемы с сердцем, – высоким звенящим голосом сказал медтехник. – Аритмия… Не понимаю.

– Элви? – позвал Джим.

– Не сейчас, – огрызнулась она.

Амос поднял руки, мышцы выпирали из-под кожи. Левый бицепс – толстый, как бедро у Элви, – скрутило судорогой. Он закашлялся, пытаясь втянуть в себя воздух. – Выводите! – приказала Элви. – Хватит. Выводим.

– Все слышали! – выкрикнул Харшаан. – По порядку и по инструкции.

Ли придвинулся к Амосу со шприцем, решил что-то ввести ему в руку. Коктейль оживляющих препаратов отказывался идти в вену. Элви ждала, когда прекратятся судороги. Джим из своего угла подплыл к ней, бледный как смерть.

– Не выходит, – проговорил он. – Почему он не выходит?

Голова у Амоса запрокинулась, стала видна шея. Вены на горле выдавались так, что у Элви мелькнула мысль: обширный ишемический инсульт. Открытые глаза, как черные ямы, смотрели в пустоту.

– Могу ввести еще одну дозу, – предложил Ли.

– Вводите! – крикнула Элви.

Еще один шприц раствора в большую руку. По всей лаборатории звенели тревожные гудки: паниковали от собственных показаний приборы и мониторы.

Голос медтехника прозвучал в общем хаосе островком профессионального спокойствия:

– Он не выходит. ГЭП[5] с желудочковой фибрилляцией. Мы его теряем.

Джим как молитву бормотал непристойные ругательства.

– Седативные. Сколько понадобится, – приказала Элви и бросила: – Я сейчас вернусь.

– Ты куда?

Она не ответила Джиму.

Она не знала, куда идет, пока не дошла. Перехватывала скобу за скобой, пробираясь по коридору, как по подводной пещере из кошмарного сна. Двигалась слишком быстро, набивала синяки на поворотах. В сознании из глубинной животной паники выделился клочок бдительного спокойствия.

В камере катализатора никогда не бывало так тесно. Рядом с телом повисли Фаиз и двое техников. В пустых мутных глазах катализатора не было удивления, волосы плавали вокруг головы, как у утопленницы. На экране изолирующей камеры видны были Кара и Ксан, их маленькие тела заполняли все помещение.

– Элви? – удивился Фаиз. – Что случилось?

Она не ответила. Джим показался в дверях следом за ней. Она и на него не взглянула.

Изолирующая камера относилась к самым передовым изделиям Лаконии, но в обращении была проще морозилки. Элви ухватилась за ручку, потянула, и толстая дверь отошла. Кара с Ксаном взглянули на нее круглыми глазами с удивлением и тревогой.

– Выходите, – велела Элви. – Вылезайте из контейнера. Сейчас же.

Фаиз очутился с ней рядом. Она испугалась, что он ее схватит, остановит, помешает, заставит объясняться.

Он не сделал ничего подобного.

– Погружение не удалось, – сказала Элви. – Амос там застрял, нам его не вывести.

Ксан покачал головой:

– Не понимаю. Как не вывести? Как застрял? Что его там держит?

Кара победно улыбнулась и взяла брата за руку.

– Ничего, мы это исправим. Делай, как я.

Она закрыла глаза, и миг спустя Ксан последовал примеру сестры. Катализатор тихо бессмысленно заворковал. Элви прерывисто вдохнула, у нее задрожали руки. Ей самой не помешала бы скорая помощь. Фаиз обнял ее за плечи, она позволила развернуть себя. Он хмурился: от беспокойства или от страха.

– Эй, Элви!

– Фаиз…

– Ну вот. Назовем это полевыми испытаниями нового протокола?

Элви сама себя удивила, рассмеявшись в ответ, пусть даже смешок и походил на рыдание. По корабельной системе прозвучал запрос на связь: ее искал Харшаан Ли. Она отозвалась, но не дала ему заговорить.

– Что там?

– Объект, кажется, стабилизируется, – сказал Ли. – Однако я наблюдаю…

До следующего слова сознание Элви расширилось, как будто челюсть отвисла, и она взорвалась в белизну.

[5] *ГЭП* – генерализованный эпилептический припадок.

Интерлюдия. Спящие

Спящий видит сон, и этот сон не похож на прежние.

Раньше маски бабушек нашептывали, манили, раскрывали свои секреты, а теперь его никто не встречает. Вместо встречающих – машина, и эта машина в непрестанном движении. Что-то – не совсем свет – переливается невидимыми никому цветами. Формы сцепляются и расцепляются быстрее мысли. Стрекот роя полон скрытого от него смысла. Спящий заглядывает в истину за сновидением и не находит в ней места для себя.

Но он должен найти или создать себе место, и вот спящий воображает себя ближе, усилием воли внедряется в машину, и машина закусывает его, рвет его, обдирает, оставляя без кожи. Боль реальна, но она учит. В переливах не-света проявляется порядок, в смене форм – мелодия, в пении роя – полувнятные слова. Если спящего здесь меньше, если машина отбирает то, чего уже не вернуть, то взамен ему дается знание глубже костей.

Наступает следующее время, и спящий вводит кровоточащие руки в пространство между пространствами, вдыхает сквозь дыры в числе и создает из абстракции инструмент для вскрытия абстракции. Он видит механизм собственными чужими глазами, и его глубина потрясает и ужасает. Голос машины становится густым, величественным, наводит трепет. Бог нашептывает непристойные ругательства, которыми кончается мир. Темнота – это тьма древности, но ужас для него не имеет лица, а ему нужен путь, так что путь будет. Тысячи укусов, миллион иголочных уколов. Все, что не вмещается, будет сорвано.

И быкоголовый бог оборачивается к нему, и на нескончаемое мгновенье они узнают друг друга так близко, что между ними нет места именам. Между двумя, мертвыми без смерти, нет тайн. Их боли – одна боль, их усталости – одна усталость, их решимость свивается в один канат, тянущий их в обе стороны. Что-то разлетается, и рогатый бог с окровавленными боками обращает глаза к спящему. Колесики в колесиках в колесиках. Там, где не было никого, шествуют миллионы людей.

Спящий расправляет плечи и вступает в круг. Вне этого круга нет ничего. В нем есть нечто, и оно желает его смерти.

Бог, бывший человеком, находит человека, бывшего трупом, и время с грохотом рвется. Спящий чувствует, как истончается сон, и в его тонкости боль. Он способен лишь выдыхать, зная, что, когда выдох кончится, новых вдохов не будет. Он бьется как бешеная буря, но второй бьется как отступающее море.

Мертвый начинает умирать. Где-то в другом месте, чувствует он, рвется на части тело. Он слышит, как замирает бывшее у него сердце. Он слышит человеческие голоса в пространстве вне боли, но к ним не ведет ни одна дверь. Спящему снится сопротивление. Крыса, кусающая тигриную лапу.

А потом что-то еще. Призрак, созданный из голода. Призрак, созданный из желания. Могильные дети и пленники. Они своей яростью касаются его ярости, и спящие видят сон вместе. Они втискиваются в машину, и машина начинает уступать, открываться. В бытие вплывает нить – красная, тонкая, гибкая. Рогатый бог выревывает огромную, как океан, усталость и опускает нечеловеческую голову.

Все заливает яркость, и на время вне времени они теряются в море воспоминаний и ощущений, созданные бездумными, простыми и растерянными, как новорожденный. Когда они снова есть, машина – это машина, а они снаружи.

Машина жужжит и клацает. Возникает малыш. Возникает голодный призрак, искрится. Спящий всплывает к трем яркостям. К трем отверстиям во льду, составляющим крышу мира.

Рогатый бог забывает. Малыш забывает. Искрящийся призрак не может заставить себя забыть о том, что было и всегда будет голодом. Машина мерцает идиотскими переливами, ее

формы – неразрешимая головоломка, ее пение – визг пилы. И в сновидении под сновидением один человек стоит на башне маяка перед ярящимся морем, его изнеможение и боль рифмуются с чем-то реальным, и Амос открывает глаза.

* * *

В лаборатории стояла пугающая тишина. Со всех сторон стрекотали приборы, раздавались тревожные гудки. Он вдохнул – легкие словно осколками стекла забиты. Он с трудом повернул голову. Элви не было. Джима не было. Он узнал заместителя Элви, припомнил: Харшаан Ли. Тот ошалело пялил глаза. У всех был ошалелый вид.

– Привет, – сказал Амос.

Ли не ответил.

– Эй!..

Ученый содрогнулся и вроде бы пришел в чувство.

– Что? О, да. Не шевелитесь пока, – проговорил он. – У вас был… много чего было.

– Вы в порядке?

– Да. Я просто… Очень странное ощущение.

– Да, я так и понял. Но вы скажите Джиму и доку: входа нет. Дуарте теперь знает, что мы здесь. И, по-моему, зол как черт.

Глава 39. Джим

Переживание, наступив, поглотило его. Джим помнил все, что было до того, но отдаленно, как происходит иногда при травме. Он еще представлял Амоса на медицинской кровати, страдающего от припадка и боли. Он припоминал, как пришел за Элви в камеру катализатора и увидел там Фаиза с двумя техниками.

Он помнил, как при виде женщины, которую здесь называли катализатором, подумал о Джули Мао, инфицированной протомолекулой, и вспомнил, как долго та умирала. Или не умирала, а преображалась. И о жертвах на станции Эрос, которым ввели образец протомолекулы и подвергли массивному облучению, чтобы подстегнуть распространение чуждого организма, технологии, или к какой там еще категории его относили. Они даже тогда умирали медленно. Или разлагались и перестраивались, так и не отпущенные в смерть. Он вспомнил свою мысль: как противоестественно, что катализатор может неограниченно долго оставаться в этом состоянии – кожаного мешка для протомолекулы. Инструмент, изготовленный из человеческой плоти. Он помнил, как задумался, осталось ли в ней что-то способное осознать, во что она превратилась.

А потом Элви вскрыла изолирующую камеру и вывела из нее Кару с Ксаном в надежде, что те сумеют прервать убивающий Амоса припадок. Все эти воспоминания остались ясными, незамутненными, но, казалось, отдалились в прошлое на недели, а то и на месяцы.

Из-за того, что было потом.

Дальше настала яркость: свет, бывший также и звуком, и ударом, поразившим каждую клетку тела в отдельности. Джим чувствовал, как что-то в нем вскрывается, вскрывается, вскрывается, и уже боялся, что оно всегда будет вскрываться, что он целиком превращается в непрекращающийся процесс расширения, которое может окончиться лишь уничтожением.

А потом он, как во сне, оказался сразу в ста местах. Тысячью людей. Понятие «Джеймс Холден» затерялось в этой огромности, как камешек в океане. Он был женщиной с болью в плече в камбузе незнакомого корабля, допивающей грушу дешевого кофе, тайком сдобренного спиртным. Он был молодым парнем, занимающимся в маленьком захламленном машинном зале сексом с какой-то Ребеккой и разрывающимся между виной и восторгом от измены. Он был офицером Лаконского военного флота в своем кабинете, погасившим свет и собравшимся поплакать тайком, чтобы команда не услышала и не узнала, как ему страшно.

Его память – калейдоскоп внутренней жизни множества людей – блестела, светила, играла стекляшками. Стоило об этом задуматься, начинала кружиться голова.

– Ну вот, – сказала Элви. – Думаю, мы согласимся, что отчеты полковника Танаки точно описывали происходящее.

Танака кивнула с настенного экрана. Наоми на фоне рубки «Роси» занимала соседний. Джим и Фаиз зависли в кабинете Элви. Все вместе – и разбросаны по космосу.

Медики еще сканировали Амоса, Кару и Ксана. А также всю команду. Час после неудачного погружения был занят бешеной деятельностью. Ученые проверяли и перепроверяли показания, выискивали закономерности, пока память не стерлась и не поблекла. Джим не сомневался, что у всех обнаружится то же, что раньше, когда спасся «Прайсс», пережила Тан ака.

Он ухватился за эту мысль.

– Был кто-то на переходе? Когда это произошло?

– Нет, – ответила Наоми. – Спусковым крючком на сей раз послужило не происходящее в кольцах, а мы.

– Я тоже так полагаю, – поддержала Элви. – Дуарте, или станция, или они оба в каком-то сочетании отвергли нас. Оттолкнули. Думаю, что эффект притупили предоставленные полковником Танакой лекарства. По крайней мере, для нас.

– Погоди, – вмешался Фаиз. – Для нас? А для кого не притупили?

– Вероятно, это событие могло распространиться шире, чем предыдущие. Уже пришли сообщения пяти научных групп, находившихся вблизи своих врат, – они описывают сходные переживания. Не удивлюсь, если поступят и новые.

– Насколько далеко это распространилось? – спросила Танака.

– Эффект внепространственный, – ответила Элви. – Я, пока не начну понимать, как он передается, не берусь гадать.

– Думаю, подсказки найдутся у меня, – сказала каменным – твердым и жестким – голосом Наоми. Ее изображение на экране сменилось последовательностью тактических схем. Солнечная система задерживалась на несколько секунд и сменялась следующей. Наоми продолжала говорить, а схемы продолжали меняться, не повторяясь: – По сведениям подполья и его союзников, после события сто пять кораблей в семидесяти системах изменили курс на новый, который приведет их за врата. Среди них лаконские, корабли подполья и нейтральные гражданские. А еще… они замолчали.

– Замолчали? – эхом откликнулся Джим.

Он скорее выражал изумление, чем спрашивал, однако Наоми ответила:

– Ни радиосвязи, ни лучевой. Ни объяснений, ни уведомлений об изменении в полетных планах. Все просто повернули к нам.

– Радиомолчание – это странно, – заметил Фаиз. – Дюзовый след все равно виден. Какой смысл прятаться за радиомолчанием? Что оно даст?

– Ничего не даст, – сказала Танака. – Просто связь им больше не нужна. Все думают одной головой.

Элви издала что-то среднее между вздохом и всхлипом. Танака либо не услышала ее, либо не сочла нужным заметить.

– Я взяла на себя смелость связаться с адмиралом Трехо. Надеюсь, присланное им подкрепление успеет к сроку.

– К чему успеет? – не понял Джим.

– Ко времени сражения, – ответила Танака, как отвечают на дурацкий вопрос.

– А мы уверены, что они враги? – спросила Элви.

– Да, – сказала Танака. – Мы попытались войти в станцию. Нас отбросили. И теперь к нам движется особый флот, управляемый ульевым разумом. Если бы они просто спешили доставить нам торты и украшения к празднику, мы бы знали: верховный консул за приятной беседой на станции разъяснил бы.

– Мы выявили восемнадцать систем без признаков враждебной активности, – сказала Наоми.

– Если сейчас отступить, мы никогда не вернем уступленной территории, – заявила, подавшись к экрану, Танака. Эта женщина внушала Джиму страх и отвращение, и особенно – когда оказывалась права. – Или мы войдем сейчас, или разговор с верховным консулом откладывается до времени, когда он окажется внутри нас и станет дергать нас за ниточки.

Наоми ответила ей мягче, но не менее решительно:

– Понимаем ли мы, почему не удался эксперимент? Почему Джим сумел проникнуть на станцию, чтобы открыть врата, а мы не можем?

– Когда вы впервые столкнулись со станцией, она была чем-то вроде автопилота, – объяснила Элви. – Она открылась перед прицепившейся к вашему кораблю протомолекулой, потому что не получала приказа не открывать. А сейчас получила. Наш катализатор способен что-то включить, Кара с Амосом могут на что-то реагировать, но Уинстон Дуарте перестроен протомолекулой. Он стал ее частью. Нам на станцию не попасть, потому что он не пускает. Вот так просто.

* * *

– У меня до сих пор голоса в голове, – пожаловался Алекс. – В смысле, настоящие голоса настоящих людей. У вас так же?

– Да, – ответила Тереза.

Камбуз «Росинанта» словно притворялся самим собой. Настоящий, осязаемый, но какой-то не такой. Как будто Джим был здесь и не здесь.

Глаза Терезы от горя и разочарования казались пустыми. Джим попробовал представить, каково ей: почти что найти отца, в каком-то смысле вернуть – и споткнуться на последнем препятствии.

– Когда Амоса ждать? – спросил Алекс.

Джим пожал плечами.

– Когда ученые с ним закончат.

– Что делать будем?

Это вопрос. Джим запихнул в рот остатки риса с бобами, прожевал и проглотил. «Росинант» был хороший корабль. Хороший дом. Миллионам людей в сотнях систем не довелось так долго прожить дома, как им на «Роси». Он не понимал, почему мысль об этом навевает такую печаль. Запихивая миску и ложку в утилизатор, он оценил, как щелкнула под рукой крышка, как плотно закрылась, едва он отнял руку. В этом было мелкое, но изящество. О нем так легко забывалось.

– Я туда, – ответил он, пальцем ткнув в сторону ведущего к каюте коридора.

Алекс кивнул.

Джим медленно продвигался по кораблю. Мысли у него были заняты. Он все думал об Эросе. О том, как выпущенная на волю протомолекула разбирала людей на части и складывала заново согласно своим нуждам и своей программе. Сколько десятилетий прошло, и вот опять. Амос, Кара, Ксан. Они умерли и подверглись перестройке, потому что дроны чужаков, следуя бог весть какой логике, пришли к выводу, что им следует преодолеть смерть. Дуарте на пару со станцией разбирает человечество, как разжижается окуклившаяся гусеница, чтобы превратиться в бабочку.

Война будет продолжаться. Строители врат-колец меняют форму – от примитивных биолюминисцирующих морских улиток к ангелам из света, потом к миллионотелому единомыслящему улью из почти безволосых приматов. Темные сущности из врат и из-за пределов вселенной почесываются, ворочаются и расправляются со вторгшейся в их реальность болезнью. Может быть, однажды кто-то победит в этой войне. Или она будет продолжаться вечно. В любом случае то, что Джим называет человечеством, не сохранится. Не станет первых поцелуев, не станет молитв. Не станет ревности, самопознания, эгоизма и любви. Их разберут и пересоберут заново, как тела на Эросе. Что-то останется, но это будут уже не они.

Наоми он нашел в каюте, в свежем спортивном костюме. От нее пахло чистой водой и мылом. Включенный экран высвечивал на ее лице морщинки – и грустные, и смешливые. Она красива, да, но она ведь всегда была красива. Молодыми они были красивы просто красотой молодости. Только в старости становится видно, какая красота долговечна.

Она прищурилась на него и рассмеялась.

– Ну что ты?

– Просто залюбовался.

– Не может быть, чтобы тебе в такое время пришла охота!

– Ты мне будешь говорить, чего не может быть? – Он придвинулся к ней и накрыл ладонями ее руки. – В этот раз нам не выбраться, да?

– Не вижу способа. Да.

Они помолчали. Джим чувствовал, как поступает к нему и омывает огромная волна покоя. Впервые с тех пор, как стал пленником на «Медине», он был совершенно свободен. Он потянулся, и это в самом деле было хорошо.

– Ты – главное в моей жизни, – сказал он. – Знать тебя, просыпаться рядом с тобой – это самое осмысленное, что я делал. И я охрененно благодарен, что у меня это было. Как подумаю, что мы запросто могли бы разминуться, даже не представляю, как бы я жил. – Джим…

Он махнул ей – попросил еще несколько секунд, чтобы договорить.

– Я знаю, некоторые мои решения тебе дорого обходились. Есть у меня привычка лезть в разные дела, едва покажется, что их надо сделать. Они лишали меня возможности оставаться с тобой, и всегда это был мой выбор. Когда я шел на «Агату Кинг». Когда включал тревогу на «Медине». Когда добирался к той «пуле» на Илосе. Возвращался на станцию Эрос выяснять, что там происходит. Каждый раз, рискуя, я уверял себя, что это нормально, потому что рискую только собой. Но я рисковал и тем, что важно для тебя, а как я благодарен, что был для тебя чем-то важным! Я это совсем не шутя говорю.

Она выключила экран и сжала его руку.

– Ты замечательный. Ты всегда был замечательным. Благоразумным не всегда, а замечательным всегда. Да, я заплатила за то, что позволила такому безрассудному упрямцу так много для меня значить. Но я бы и снова это сделала.

Он не знал, кто из них первым двинулся, только они крепко обнялись. Он просунул руку ей под локоть. Она склонила голову, прижалась щекой к его щеке. Он уперся подбородком ей в макушку – не часто ему это удавалось при ее росте. От ее первого тихого всхлипа вздрогнули оба, а потом от его всхлипа. Они тихонько плыли по каюте – по своему дому. Джиму чудилось, что другие сознания слетаются к этой минуте, как насекомые на феромоны, но он не обращал на них внимания. Не до них, когда она с ним.

Через какое-то время – минуты или часы – они выплакались и теперь вместе молчали. Наоми чуть распрямилась, подняла голову. Их губы тихонько соприкоснулись, в поцелуе был лишь легчайший намек на голод юности.

– Что ты задумал? Что бы ни было, – шепнула она, – подожди, пока я засну.

Джим кивнул, и она в темноте прижалась к нему. Он считал свои вдохи – до ста и обратно, пока ее дыхание стало глубоким, и еще до ста – дал уснуть покрепче, чтобы не разбудить, уходя. Она вздрогнула и тихонько захрапела. Он осторожно высвободился, протянул руку – стукнуть пальцем по стене – и отлетел к двери. Открыл ее как можно тише и закрыл за собой без щелчка.

Где-то на нижней палубе радостно гавкала Ондатра. Он слышал хрипловатый голос Амоса, но слов не разбирал. Корабль тихонько поскрипывал, нагреваясь и сбрасывая тепло. Где-то спал Алекс – или смотрел свои неонуарные фильмы, или мучился виной перед Китом и Жизель. Где-то грызла себя Тереза, эту мучило разочарование и подростковое смятение чувств. Бобби Драпер здесь не было и уже не будет. Кларисса Мао тоже ушла, но обе оставили свой след в корабле и его людях. На миг ему привиделась рядом Крисьен Авасарала: скрестила руки и улыбнулась одновременно насмешливо и утешительно. «Какого хрена, прямо конец смены в летнем лагере. Сколько ты еще намерен рыдать и обниматься?»

В медотсеке он взял пакет первой помощи в красной керамической коробке, сунул под мышку. Погладил автодок, как приятеля, с которым прощаешься неизвестно на сколько.

Шлюз был открыт, и Джим смог перейти на «Сокол», не привлекая особого внимания. Лаконцы неплохо научились притворяться, что его здесь нет, а его статус, во-первых, гостя Элви и, во-вторых, любовника вождя сопротивления обеспечил ему место в их устоявшейся иерархии. Раз идет с таким видом, будто знает куда, значит, знает. Он словно обернулся невидимкой.

В комнате катализатора было пусто, не считая изолирующей камеры. Он закрыл за собой дверь в коридор. Она не запиралась, и Джим не придумал способа ее заклинить. Что же, ничто

не совершенно. Он вскрыл пакет первой помощи, перебрал содержимое. Бинты. Антисептик. Инъектор для безатмосферных условий.

Шприц.

Голова была на удивление ясной. Несмотря на ощутимое присутствие других сознаний, он в эту минуту принадлежал самому себе. Чувствовал себя одиноким как никогда и к тому же довольным. Конец сомнениям. Тревога, преследовавшая его с Лаконии, испарилась, как роса в жаркий день. Сейчас он был только собой.

Изолирующая камера легко открылась, он выкатил катализатор. Она мазнула по нему пустым, невидящим взглядом. Губы шевелились, будто она говорила что-то никому кроме нее не слышное. Когда он ввел иглу ей в руку и потянул поршень вверх, она не отреагировала.

Шприц заполнялся отливающей в синеву черной жидкостью. Пять кубиков, десять. Джим услышал сигнал тревоги где-то неподалеку и решил, что это из-за него. Он собирался закатать рукав и ввести образец в локтевую вену, но испугался вдруг, что команда «Сокола» объявится раньше времени и помешает. Поморщившись, он воткнул иглу сквозь штанину летного комбинезона прямо в бедро. Катализатор причмокнула губами и стала извиваться, словно заново училась плавать.

Джим закрыл глаза.

Сперва было холодно: ледяная ниточка от иглы протянулась в живот. Потом пришла и ушла волна тошноты, оставив после себя изжогу, поднимавшуюся от живота в грудь. Сердце тяжело забилось: медленно, жестко и мощно, ударами молота. Во рту встал вкус металла.

В темноте за веками замигали голубые светлячки. Ощущение было такое, будто кровь растекается в занемевшие руки и ноги. Как будто дождь наполняет сухие русла в пустыне. Как будто он вспоминал. Он медленно, протяжно вздохнул. Его трясло. Он открыл глаза, оглядел комнату и увидел то, что ожидал увидеть. Сутулые плечи. Виновато-удивленное лицо унылой собаки.

Шляпа пирожком.

– Ну, – только для Джима сказал знакомый голос, – значит, дело плохо.

– Привет, Миллер. Надо поговорить.

Глава 40. Наоми

– Ты его видишь? – спросила Наоми. – Вот сейчас видишь?

Джим кивнул. Они плавали в опустевшей лаборатории – той, где недавно был пристегнут для неудавшегося погружения Амос. Служба безопасности «Сокола» из изоляционной камеры доставила Джима прямо сюда, а Элви вызвала Наоми. Сейчас он придерживался за скобу. Лицо было потным и стянутым, как при болезни или с перепоя, но спокойным. И еще что-то в нем было – наверное, усмешка.

– Для меня он прямо между тобой и Элви, – ответил Джим. – Чуть ближе к Элви.

– Наверняка это не тот Миллер, – сказала Элви. – Должно быть, это что-то другое. Джим хихикнул.

– Что? – ощетинилась Элви.

– Извини. Это он шуточку отпустил. Послушайте, в любом традиционном понимании тот Миллер, которого я знал, погиб при падении Эроса на Венеру. Протомолекула сохранила и кооптировала схему его мозга, так что, когда ей нужен инструмент для поиска какой-то пропажи, он уже в ящике с инструментами. Той версии Миллера нужно было в места, куда без корабля не доберешься, а куда летит корабль, решал я, вот она и использовала меня. Манипулировала моим мозгом, заставляя его видеть и взаимодействовать с набором сигналов, созданных на основе Миллера. От тех манипуляций сохранились каналы. Стоило мне ввести протомолекулу, и они восстановились. – Он искоса, с легкой улыбкой на губах взглянул на Наоми. – Я вот сейчас вспомнил. Алекс толкует, что, если инструментом долго пользуются, он обретает душу. Это так, к слову. Забудь.

– Раньше ты его в присутствии других людей не видел, – напомнила Элви.

– Верно, – согласился Джим. – Здесь отношения нового типа.

Чуть помедлив, он рассмеялся. Чему, Наоми не поняла. Разве что опять Миллер. Ее ужалила ревность, и ничего она не могла с ней поделать.

– А эта версия Миллера сумеет открыть станцию, как открывала прежняя?

Джим вроде бы послушал немного и пожал плечами.

– Не знаю. И он не знает. Ситуация тоже изменилась. Не узнаем, пока не попробуем.

– Я хотела бы провести несколько анализов, – скорее самой себе, нежели им сказала Элви. – По меньшей мере скан мозговой активности. И, если будет время, полный анализ метаболизма.

– Не думаю, что у нас много времени, – ответил Джим.

– А задний ход дать можно? – спросила Наоми. – Можно ее как-то из него извлечь?

– Вернуть яичницу в яйцо трудновато, – заметила Элви. – Но, вероятно, найдется способ его стабилизировать. Или почти стабилизировать.

Джим пожал плечами.

– Неплохо бы дать нам больше времени, но только если это даст больше, чем займет. Не знаю, понятно ли выражаюсь. Счетчики уже сейчас крутятся.

– Я думаю о спасении твоей жизни, – сказала Элви.

– Понимаю и ценю. Но эта проблема на потом. Если не исправить остального, она потеряет значение. Останетесь ли вы той личностью, которой хочется меня починить? Это много значит.

Они помолчали. Наоми вглядывалась в пространство между собой и Элви, словно могла там что-то увидеть. Не увидела, зато Элви обернулась, будто взгляд предназначался ей. Наоми сообразила, что оба ждут ее решения. Джим ей улыбнулся, и от этого Наоми захотелось дать ему по морде. «Какого хрена я в это ввязалась?»

– Соберите все возможные данные и стабилизируйте его, – сказала она. – Надо будет подготовить Терезу.

– И Танаку? – спросила Элви.

Наоми замялась. Танака ей не нравилась, не внушала доверия, но сейчас их связали общие интересы – и было бы мелочно открывать еще один фронт в их личной войне.

– И Танаку.

– Хорошо, – кивнула Элви. – Я соберу медиков.

Она подтянулась к выходу из лаборатории и закрыла за собой дверь. Только услышав щелчок, Наоми догадалась, что она хочет дать им минуту наедине. Джим прятал глаза, как будто стеснялся. Он похудел, постарел, сносился с тех времен, когда они встретились на «Кентербери», но памятная ей открытость никуда не делась. И уязвимость. Чуть ли не врожденная вера, что, если действовать от чистого сердца, все уладится.

– Прости, – сказал он.

– Извиняешься? Я что, первый раз смотрю, как ты убиваешь себя? Теперь вот показываешь в замедленном движении. И еще извиняешься.

– Да. Это правда паршиво. Но я ничего другого не сумел придумать, а это не…

– Давай займемся делом, – перебила она. – С остальным можно подождать.

Он, помявшись, ответил:

– Отсюда мне, наверное, отправляться на станцию.

Когда они закончат сканирование.

– Я буду на «Роси».

– Вот и хорошо. Я дам знать, когда выйду на позицию.

Наоми, кивнув, подтянулась за дверь и по коридору, как будто они просто разошлись по обычным делам. Как будто не в последний раз. Как странно: понимаешь, что кончается что-то драгоценное, и притом ничего не меняется. То ли оттого, что у нее так пусто на душе, то ли это дань временам, когда им было так хорошо вместе.

Она перешла на «Росинант». Воздух на этот раз не изменил запаха. То ли между кораблями было такое плотное движение, что атмосферы перемешались, то ли она привыкла к обеим. Наоми задержалась на секунду, решая, свернуть к своей каюте или к рубке. Работать можно было и там и там, но в каюте остались вещи Джима: его одежда, его запах, его отсутствие, – и потому она выбрала рубку.

Алекс был там: глаза круглые, руки мечутся в бессильном отчаянии.

– Слышал? – спросила она.

– Это правда?

– Правда, – ответила она и выбрала кресло, куда пристегнуться. – Ты как узнал?

– Кейзи.

– Кейзи?

– Техник-электрик с «Сокола». Темноволосый, круглолицый, на шее родинка. Мы с ним и Амосом сиживали за пивом еще в Адро.

Наоми покачала головой. Может, и видела такого, но она не так легко, как Алекс, заводила приятелей.

– Ты нормально? – спросил Алекс, и по голосу слышно было: знает, что нет.

Наоми вывела на экран тактическую схему, разделила окно надвое. Пространство колец слева, а справа более условное изображение колец, систем за ними и слетающихся со всех сторон кораблей. Сам масштаб поражал. Надо было еще разобраться, какие корабли спешат ей на помощь, а какие усиливают противника. Надо было учесть запас лекарств и прекурсоров для них: понадобятся всем кораблям, чтобы не втянуться в кошмарный ульевый разум Дуарте. Надо было держать пространство колец под контролем, давая Джиму шанс предотвратить накатывающую со всех сторон катастрофу.

– Я очень, очень сердита, – сказала она. – Когда Джим вернулся с Лаконии – когда мы его вернули, – я понимала, что он ранен. Видела, что от него осталось меньше, чем было. Я думала, мы ему поможем. Что у него ранено не только тело, но и душа, если можно так сказать. Я думала, время, забота, любовь, возможно, сделают его прежним. Таким, каким я его помнила.

– Понимаю, – сказал Алекс.

– А вернуло его вовсе другое. Я увидела его прежним. Только что. Таким, каким был. В лучшей форме. И это не любовь его исцелила. И не забота. И не время. Он увидел неправдоподобно, нелепо, идиотски опасное дело, которое надо сделать и никто, кроме него, не сделает. И он взял и…

Она разжала стиснутый кулак, будто пыль с руки стряхивала.

Алекс повесил голову.

– Взял и сделал.

– Оказался на высоте положения…

У нее слезы застилали глаза, палуба переливалась радужной пленкой. Наоми вытерла глаза рукавом.

– Он такой как есть, – сказал Алекс. – Каким всегда был. Я это понимаю. У меня два брака рухнули потому, что я думал, будто изменился, вырос во что-то новое. Я даже не ошибался, но и прав не был. Джим переменился, но и остался прежним.

– Мне жаль, что его не мы вернули, а вот это.

– Так что мы можем сделать?

Наоми взглянула на свой экран. Слезы уже сохли, хотя темнота, пустота, жалость никуда не делись.

– Дадим ему все, что сумеем. Постараемся, чтобы его последний идиотский дурацкий подвиг был не зря. А там посмотрим. Надо сказать Терезе, пусть будет готова. И Амосу сказать. Возможно, будет бой.

– Я их предупрежу. Ты об этом не беспокойся.

Он развернулся к лифтовой шахте.

– Алекс?

Он обернулся, но они просто встретились взглядами. Она не знала, что хочет сказать, да и все равно он понимал ее без слов.

– Этим я займусь, – повторил он, – а ты делай свое.

Она взялась за работу, и поначалу труд показался неподъемным. Масштаб и сложность ошеломляли, но она сказала себе, что не важно, возможно или нет, главное – сделать. Начала с конкретных малых дел. «Туллус Ауфидус» – вооруженный купец с Фригольда родом – через шестнадцать часов должен был пройти врата Святого Антония. Шел ей на помощь от подполья, но после безумного погружения Амоса перестал отвечать на вызовы. Это первая проблема. Она нашла решение: «Керр», «Вукодлак» и «Дхупа» – два лаконских истребителя и корабль снабжения, к которому подпольщики приварили торпедную установку, – его перехватят. Кто из трех выживет – присоединится к «Армандо Гвельфу» у врат Хакусэки для перехвата «Братца пса».

Она подумала, не отправить ли Трехо сообщение с просьбой о поддержке Лаконии. Сообщение будет идти до него несколько часов, столько же обратно, а пока доберутся сюда присланные им корабли, они оба вряд ли будут отзываться на имена Трехо и Наоми. Играть надо теми картами, что на руках. На победу она не надеялась, но могла оттянуть проигрыш. Она прогоняла решения через систему «Роси», переключалась от сценария к сценарию, как футбольный тренер перед трудным матчем. Вот мои игроки. Вот их игроки. Вот поле. Боль, ужас, горе остались, но стояли поодаль. Она чувствовала, как возвращается в ту себя, которую вылепила во время плена Джима: в Наоми, живущую тайной жизнью и отвечающую на вызов мира рассудком, потому что сердце слишком болит.

Она задумалась, как выдерживала такое Камина Драммер – последний президент Союза перевозчиков – или его первый президент Мичо Па. И Авасарала, когда Земля была еще центром человечества, а не просто старшей из тысячи планет. «Неутомимый» и «Юнус Эмре» перехватят «Блэкберри» на выходе из врат Хичен. Она запросила «Юнус» о модели его торпед и ОТО и задала «Роси» поиск кораблей с совместимыми боеприпасами.

Точно так же было, когда умер Жакоб. Им меньше месяца оставалось до сорокалетнего юбилея, все дети съезжались на праздник из своих университетов. Она нашла его в ванной. Врачи сказали: инсульт. Она двадцать восемь часов подряд намывала квартиру и не прекратила бы, если бы Ганна не приехала пораньше и…

Наоми остановила себя, вскинула руки. Сердце билось втрое чаще обычного. Она оглядела рубку, словно от взгляда та станет прочнее, реальнее, конкретнее. Посмотрела на часы. До следующего приема таблеток оставалось полчаса. Она все-таки приняла сразу. Розовые таблетки были горькими, и горечь долго стояла в горле. Она выждала несколько минут, проверяя свое сознание: не прокрадутся ли новые воспоминания не ею прожитых жизней.

– Большой, большой, большой песец, – обратилась она в пустоту и вышла на связь с Элви: – Долго еще?

– Танака уже в пути, – ответила Элви. – Мы наряжаем Джима в лаконский скафандр. Она считает, Дуарте примет его лучше, чем снаряжение «Роси». И… в нем у Джима больше шансов выжить. Понимаешь, дожить до…

– У меня появились посторонние мысли.

– Знаю, – вздохнула Элви. – У многих появились. По предшествующим данным, если соблюдать график приема лекарств, должно быть не так плохо. Хотя мы их только глушим. Не отрезаем начисто.

– А они меня слышат?

Звякнуло предупреждение от «Роси». Наоми, слушая Элви, открыла сообщение.

– Возможно, хотя все пока очень неясно. Я бы сказала, что любые сведения затеряются в общем гаме. Но это, конечно, всего лишь догадка.

– По-видимому, она не подтверждается фактами.

– А именно?

– Трансляционные станции в кольцах. Те, что еще работали. Они попросту отключились. Пароли отключения введены со стороны систем.

Элви помолчала.

– Все одновременно?

– Более… согласованно, чем мне бы хотелось.

Наоми размяла плечи. Стратегия менялась на глазах. Приходилось заново обдумывать только что принятые планы. Теперь ей, тренеру команды, закрыли вид на игровое поле.

– Давай знать о ходе событий, – попросила она. – Я буду здесь.

Она открыла тактическую схему. Важнейшие врата: Земли, Лаконии, Оберона и Бара Гаона. Она нашла ближайшие к каждым корабли. За пять минут рассчитала для них полетные планы: жесткое ускорение с торможением перед входом в кольцо. Набрать скорость только-только на переход, оценить вид через телескопы и нырнуть обратно. И разбросать моменты прохождения случайным образом, чтобы враг, если и прорыл тайный ход к ним в головы, все равно не сумел бы нацелить торпеды или рельсовые.

Она с благодарностью отметила, что никто из капитанов не усомнился в ее приказаниях и не отказался выполнять. Она ввела слежение за каждым кораблем: крошечные красные конусы показывали пройденное кораблем расстояние, не открывая ей точного расположения. Пока они двигались, Наоми прогнала на симуляторе прохождение первой дюжины, оценив, как можно будет изменить их курс в пространстве колец. Четкие векторы перехвата превратились в облако времени и места.

Она почти разозлилась на отвлекший ее запрос на связь.

– Привет, – сказал Джим, и все решения, все расстояния, которые она держала в голове, вылетели из нее с единым выдохом. Горе ударило девятым валом, сбило с ног и потащило ко дну.

– Привет, – выдавила она.

– Ну вот, еще примерно сто метров до поверхности станции – и мы входим.

Она закрыла тактическую схему и вывела вид с наружных камер «Роси». Корабль нашел их за секунду: три пятнышка на сияющей голубой станции. Рядом появились метки: «Роси» отмечал позиции и скорости. Наоми метки убрала. Ей нужно было просто их видеть. Видеть, а не знать подробности. Подробности ничего не меняли.

– Я с тобой, – сказала она и поежилась от понимания, что это и правда, и неправда вместе. – Я с тобой, Джим.

– Тереза просит проверить, чтобы Ондатра была в своем амортизаторе на случай, если вам придется маневрировать.

– Проверю.

Одно из пятнышек кивнуло – значит, это Джим. Поступило уведомление от корабля, заглядывавшего в Оберон, потом еще одно, от лаконского. Она их закрыла. Ей казалось, что те трое совсем не двигаются. Так и застыли в голубом сиянии. Появилось и стало расти «яйцо» корабля Дуарте. Они почти на месте.

– Ну вот, – сказал Джим. – Есть дверь. Мы пошли.

– Мы постараемся дать вам побольше времени.

– Все будет хорошо.

У любого другого такой безграничный оптимизм был бы ложью. Или, возможно, молитвой.

– Доброй охоты, любимый, – сказала она, и три пятнышка ушли в голубое. Скрылись.

Она подождала немного, но ничего не менялось. Станция оставалась все той же загадкой. Прозвучало третье предупреждение, от врат Сол. Наоми выключила наружные камеры и вернула на место схему.

Теперь на ней стало гораздо больше кораблей. Сотни, и почти все разгонялись, но все равно до врат им было идти не один день.

А к тому времени это будет уже безразлично, потому что данные от врат Лаконии показывали, кто забьет решающий гол. «Голос вихря», последний из трех «Магнетаров», с убийственным ускорением мчался к вратам Лаконии. Такие перегрузки опасны даже для людей в жидкостных амортизаторах. Только те уже не рисковали собой. Их жизни были теперь не важней клеток кожи на костяшках кулака у боксера. Удар стирает сотни, и никто по ним не плачет.

Едва «Вихрь» пройдет врата, войне конец; силы, которыми располагает ульевый разум Дуарте, заполонят пространство колец и выдернут обратно Джима, Терезу и Танаку, как выдергивают занозу.

Она открыла связь со своим маленьким обреченным флотом:

– Говорит Наоми Нагата. Приготовьтесь получить приказания.

Глава 41. Джим

– Негодная мысль, – сказал Миллер. – То есть ты всегда был туповат, но даже ты должен понимать, что мысль негодная.

– Да, я знаю, – согласился Джим, – но это буквально лучшая из всех моих негодных мыслей.

– Вспомни, что туда, где ты теперь, тебя привели несколько необдуманных решений.

Джим повернулся к месту, где полагалось находиться мертвому сыщику. У Миллера хватило совести скроить виноватую мину и протянуть руку, предлагая мир.

– Да, признаю, в чужом глазу соринка и все такое. Просто хотел, чтобы ты представлял, чего ждать.

Сфера станции на таком расстоянии круглой не выглядела. Он – они – были настолько близко, что поверхность представлялась сияющей голубой равниной. Кольца-врата вокруг и за спиной блестели крошечными, противоестественно правильными звездочками.

Тяжелый вакуумный скафандр, полученный от Элви, непривычно облегал в подмышках и коленях, обеспечивая свободу движений и подавая непрерывные сигналы тревоги: «Скафандр вот-вот развалится» – в лимбическую систему. Внутренняя диагностика показывала запас воздуха на пятнадцать часов – чертовски неплохо. Второй баллон даже не пригодится. Лаконские скафандры запасали воздух и воду в порах пластин, и этот хотя не был боевым – у Джима при себе имелось только личное оружие из кладовых «Роси», – но защиту обеспечивал.

Наружные датчики не нашли ничего опасного в голубоватом свечении станции, а от всех врат вместе взятых к ним доходило всего несколько сотен миллибэр. На короткой прогулке по обшивке «Роси» и то больше облучаешься. Кроме этого маленького утешения ничего безопасного кругом не было.

«Роси» с «Соколом» плавали в нескольких километрах по правую руку. «Дерехо» – на таком же расстоянии слева. Каждый корабль сейчас можно было накрыть подушечкой пальца вытянутой руки. А транспортное средство чужаков, доставившее с Лаконии Уинстона Дуарте, казалось светлой точкой на поверхности внизу. Шлем сообщил Джиму, что Тереза с Танакой уже в пути, но без увеличения он не мог их разглядеть. Пока. Так что он оставался один – или наедине с Миллером, смотря как считать.

Детектив был одет в тот же серый костюм и шляпу пирожком, что при жизни. Печальная физиономия бассета казалось моложе, чем запомнилась Джиму, но это, наверное, потому, что Джим стал теперь старше непостаревшего Миллера. Протомолекула действовала непосредственно в теле, позволяя Миллеру оставаться в сознании Джима даже в присутствии других людей. А еще Миллер обзавелся раздражающей привычкой все время держаться в поле зрения. Если Джим, видя его справа, разворачивался налево, Миллер оказывался слева. А чувство направления заставляло его слышать голос Миллера оттуда, где тот показывался. Это сбивало с толку и наводило жуть. Миллер представлялся кем-то вроде злодея из малобюджетного хоррора.

Миллер засунул руки в карманы и кивнул на «Дерехо»:

– Похоже, там наша подружка-полковница.

– Не надо бы так ее называть.

– А почему бы и нет. Она меня не услышит.

Танака выглядела темной точкой на фоновом свечении врат. Ее маневровые работали на газе и почти не оставляли следа, их действие заметно было только в том, как Танака замедлялась при приближении. Ее скафандр цвета лаконского флага украшали стилизованные крылышки. В остальном он напомнил Джиму старину «Голиафа» Бобби Драпер – не столько скафандр, сколько оружие в виде скафандра. Лицо было на удивление ясно видно. Одна щека

глаже и моложе другой, потому что прежнюю он не так давно порвал на ленточки. Ее взгляд отметил Джима и как будто внес в инвентарный список. Она хмурилась, вглядываясь, похоже, в пустоту вокруг его шлема.

– Значит, правда, – заговорила она по внутренней рации. – У вас и правда пассажир на борту. – Да, – согласился Джим, – но как вы… – Я здесь, – позвала Тереза.

Повернувшись в сторону «Роси», Джим увидел Терезу в потертом скафандре со значком «Росинанта».

Миллер застенчиво всплыл рядом с ней.

– Я почти готова. Только еще одно дело.

– Что еще? – резко спросила Танака.

– Ондатра. Если будет бой, ее надо уложить в амортизатор.

Молчание Танаки прозвучало ясным намеком.

– Об этом я позабочусь, – сказал Джим. – Кроме Ондатры – вы обе готовы? Что-то еще, пока не вошли? – Нет, – ответила Тереза, – можно заходить.

Танака покачала головой. Джим развернулся к огромной пустой голубизне и обнаружил Миллера уже под собой. Он вызвал на связь «Роси».

– Привет.

– Привет, – отозвалась Наоми. Ответила негромко, будто была чем-то занята.

Джим открыл данные по станции.

– Ну вот, еще примерно сто метров до поверхности станции – и мы входим.

– Я с тобой, – сказала она и добавила еще что-то – он не разобрал.

– Тереза просит проверить, чтобы Ондатра была в своем амортизаторе на случай, если вам придется маневрировать.

– Проверю.

Огромная голубая стена приближалась. Краем глаза он видел, как Танака активирует и отключает оружие в рукаве скафандра, выставляет и втягивает ствол – как будто то угрожала, то ежилась. Тереза всматривалась в станцию с каким-то голодом в глазах.

Миллер рядом с Джимом кивнул.

– Вижу кое-что. Смотри-ка.

Голубая стена вдруг перестала быть гладкой. По ней пробежали ниточки линий, расширились, складываясь в сложную спираль и расходясь, уступая место новому всплывающему на поверхность вихрю. Это смешение органического с механическим выглядело ужасно знакомым. Миллер мгновенно переместился, телепортировался с места на место, как умеют только галлюцинации, дождался, пока узор линий на миг застынет, и потянулся к поверхности рукой. Джим ощутил усилие собственного тела – он не сумел бы сказать, где оно располагается. Это походило на попытку согнуть ампутированную ногу. Когда спирали снова изменили форму, место, где находился Миллер, осталось пустым и стало расширяться. Голубое сияние в трехметровом круге померкло, круг прогнулся, впадина углубилась и превратилась в тоннель. Танака что-то сказала, не включив радио, Джим только видел, как шевелятся ее губы.

– Ну вот. Есть дверь. Мы пошли.

В голосе Наоми звучало отчаяние:

– Мы постараемся дать вам побольше времени.

– Она уже всех числит покойниками, – заметил Миллер. – Себя, тебя и всех, кто на тех кораблях. Или не знаю. Если не покойниками, то чем-то похуже того. Я побывал в компании этих долбаных сознаний, которым даже сдохнуть не дают. Ничего хорошего. Кстати, я еще не сказал тебе «охрененное спасибо» за то, что снова меня выволок?

Джим покачал головой. Он не знал, что ответить Наоми, как хоть немного ее утешить. «Ты уже обходилась без меня», или «Если мы погибнем, я умру, паля из всех орудий», или «Я не потрачу даром время, которое ты мне дашь».

– Все будет хорошо, – сказал он.

– Не будет, – вставил Миллер, – ничего хорошего.

– Доброй охоты, любимый.

Джим выключил микрофон.

– Да, понял: чтоб мне провалиться за то, что вытащил тебя обратно. А теперь помогай или заткнись.

Изогнутые стены тоннеля словно выросли над ним, загородив «Роси», «Дерехо» и светлые звездочки врат. Тоннель вел в глубину станции. В восприятии Джима направление перескакивало от «вперед» к «вниз»: он то двигался по коридору, то падал в яму.

– Внимание! – подключившись к открытому каналу, заговорила Танака. – Холден, ваше состояние?

– Простите, что?

– Ваше состояние. Вы – мой ключ к здешнему маленькому аду. Я должна знать, не превратились ли вы целиком в проточудище, и, желательно, заранее. Доложите состояние, чтоб вас!

– Так-так, – заговорил Миллер. – Сдается мне, вам стоило заранее договориться, кто здесь главный.

– Чувствую себя нормально, – сказал Джим и, подумав, уточнил: – Может быть, немножко лихорадит?

Но не сильно.

– Прошу докладывать каждые пять минут. Установите таймер.

– Если станет хуже, я дам знать.

– Дадите. Потому что сработает таймер.

Миллер, плавая между ними и на полшага позади, старался скрыть ухмылку. Джим взвесил «за» и «против» стычки с Танакой и включил таймер. Но установил на семь минут.

Тоннель расширился. Переход отмечала какая-то прозрачная мембрана, но Джим, проходя сквозь нее, не ощутил ни малейшего сопротивления. Тоннель – или яма – еще раз расширился – до десяти метров, а потом перешел в огромное, как зал собора, помещение. Здесь по стенам и колоннам вились такие же линии, как на кожуре станции. От стен, пульсируя, лился мягкий свет, такой рассеянный, что не давал теней. Все здесь двигалось, и у Джима возникло чувство, что, не закачай он в себя протомолекулу, этого движения не заметил бы. Все поверхности были живыми, обменивались жидкостями и крошечными, мельче песчинок, объектами. Он словно наблюдал, как ткани огромного тела исполняют свои функции, согласуясь в единый оркестр для достижения общей неведомой цели. Одна из колонн была в то же время и фигурой – механизма, насекомого или чего-то совсем другого. У Джима мелькнуло воспоминание: марсианский десантник подрывает себя гранатой и, уничтоженный, распадается на молекулярные комплексы, которые идут на починку нанесенных им повреждений.

Джим снова включил микрофон:

– Гм… постарайтесь здесь по возможности ничего не ломать.

Он ждал, что Танака огрызнется, но отозвалась только Тереза:

– Я думала, здесь нет пригодной для дыхания атмосферы. Так говорилось в отчетах. Благородные газы с примесью летучих веществ. Но это неверно.

Джим справился у своего скафандра. Девочка оказалась права. Неон, причем больше, чем было раньше, и следы бензола, но еще и кислород. По мнению скафандра, он вполне мог снять шлем. Он не снял.

– Это он, – заговорила Танака. – У верховного консула не было с собой вакуумного скафандра, и если чего-то похожего не нашлось на том… корабле, в котором он летел… – она кивнула в пустоту, или на стены, или на станцию в целом, – он обеспечил себе годную среду обитания.

– Воды и еды у него тоже нет, – напомнила Тереза.

Танака за щитком шлема поморщилась.

– Думаю, есть. Таким же образом. Он здесь. Холден?

К нему куда?

Джим поморгал и обернулся на Миллера.

– Понятия не имею, – ответил тот. – Если Дуарте теперь – новенький, выверенный гоночный экипаж, то мы с тобой – парочка грузовых контейнеров с реактивной тягой на горбу. Можешь сказать, что действуем так же, и даже не соврешь, но мы не в той весовой категории.

– Не знаю, – сказал Джим. – Я думал, по следу ведете вы.

Танака молча махнула им, чтобы стояли на месте, и на маневровых перелетела в центр камеры. Приступила к работе.

Отделившись от остальных, Танака застыла, будто к чему-то прислушиваясь. Может, и прислушивалась. Атмосферы хватало, чтобы донести звуковые волны, а на что способен ее скафандр, Джим не знал. «Собор» пронизывали энергетические линии и сложные электромагнитные поля, но он сомневался, видны ли они Танаке, как и расходящиеся в сотни сторон коридоры. На миг все это представилось Джиму великанским сердцем – вот-вот сократится и раздавит их. Голова у него кружилась, как при падении, и волны трепета пробирали тело, будто он заслышал глас Божий, только шепотом.

– Эй-эй-эй! – прикрикнул Миллер. – Не разваливайся. Игра только началась, а ты мне уже выдаешь эйфорическую атаку.

Ощущение невероятного величия станции словно прикрутили на несколько делений, и Джим выключил микрофон.

– Тебя послушать, игра будет продолжаться?

Миллер загадочно улыбнулся – так, что, пока улыбка дошла до глаз, в них проступила печаль.

– Жизнь – до самой смерти жизнь.

– Я должен знать автора цитаты?

– Вдохни пару раз поглубже и не распускай наружу, что у тебя в голове. По-моему, мы малость протекаем.

Он резко развернулся к Терезе, и Джим, проследив его взгляд, увидел, что девочка обеспокоенно разглядывает его.

– Все хорошо, я в порядке, – сказал он. Включил микрофон и повторил еще раз.

Тереза кивнула, но не ответила.

– Боюсь, она не купилась, – заметил Миллер.

По открытому каналу связи донесся голос Танаки:

– Выходим. Вы оба со мной. Не отставать.

Она уже маневрировала по залу. Тереза сориентировалась первой и рванула за ней, оставив Джима в арьергарде.

Справа от Джима шевельнулось что-то большое. Уши заполнило гудение роя шершней, не регистрировавшееся аппаратурой скафандра, и еще что-то наподобие света, но не свет хлынуло сквозь стены. В кровь ему плеснуло адреналина, сердце тревожно застучало о ребра. То, что шевельнулось, поблекло и двинулось дальше, не проникая в зал целиком. Джим никогда не видел всплывающего кита, но считал, что представляет, каково быть рядом, когда эта туша показывается под поверхностью воды. Ни Танака, ни Тереза, похоже, ничего не замечали. Он проверил свое состояние. Медицинская система показала температуру за тридцать восемь. Жар, но не такой, чтобы дойти до бреда.

– Нет, оно настоящее, – заверил Миллер. – Всего лишь маленькое напоминание, что мы тут не в своей среде.

– Могли бы не напоминать. И так ясно, – огрызнулся Джим.

– Что? – спросила Танака.

– Ничего, – ответил он, – сам с собой разговариваю.

Танака задержалась перед овальным входом в коридор, изгибом уходивший вглубь станции. Из него ручейком вылетали голубые светлячки, скрывались у людей за спинами.

– Я, кажется, сказала не отставать, – заговорила Танака. – В другой раз исполняйте.

– Полковник, – попросила Тереза, – пожалуйста, двигайтесь.

Миллер, оказавшийся рядом с девочкой, стянул с головы шляпу и потер ладонью висок.

– Господи Иисусе, кто здесь только не командует!

Танака, развернувшись, повела их в коридор. Свечение стен приобрело маслянистый желтый оттенок. Узор из спиралей превратился в размашистые мазки, напомнившие Джиму, как его, совсем маленького, родители везли на машине сквозь снежную бурю. Метров через сто проход стал меняться, растянулся по длинной оси овала и сжался по короткой, так что Джим теперь мог коснуться раскинутыми руками обеих стен.

– Узко стало, – сказала Тереза. – Не пройдем.

– Не отставать.

Проход все сужался и вытягивался в высоту, пока не стало казаться, что они протискиваются сквозь трещину в системе пещер. Давящая с обеих сторон масса наводила клаустрофобию, но Танака упорно продвигалась вперед.

Сработал таймер.

– У меня повышена температура, в остальном норма, – доложил Джим.

– *Что?*

– Вы требовали, чтобы я докладывался. Докладываю. Небольшой жар. Самочувствие нормальное. Пожалуй, нам всем стоило бы держать друг друга в курсе. Я вам показываю свое, вы мне свое. На взаимной основе.

Танака развернулась, протиснулась мимо Терезы движением угря в коралловом рифе. Выставила вперед подбородок и переключилась на приватную связь. Джим последовал ее примеру.

– Капитан Холден, – сказала она, – я ценю, что вы дали мне возможность попасть на станцию, но теперь я уже здесь и ваше присутствие уже не кажется мне столь необходимым. Так что я бы настоятельно посоветовала не выделываться на хрен, пока я не вспомнила, что задолжала вам пулю в челюсть. На основе взаимности, знаете ли. – Она резко кивнула, будто согласилась сама с собой от его имени, и переключилась обратно на открытый канал: – Здесь тупик. Вернемся, попробуем другой ход.

Она протолкнулась мимо Джима, возвращаясь в покинутый зал. Тереза последовала за ней. Джим завис на несколько секунд, ладонями упершись в одну стену, а спиной в другую. Облачко светляков, вылетев из ставшего непроходимым коридора, пронеслось мимо Терезы и Танаки.

– Так ты что, стрелял ей в лицо? – спросил Миллер.

– Когда она пыталась прикончить нас, – ответил Джим. – Хотя, если честно, думаю, больше потому, что она похожа разом на всех лаконских допросчиков, избивавших меня до полусмерти.

– Выстрел в лицо – подходящая месть за побои.

– Мне от этого не легче.

– Знаешь, – сказал Миллер, – когда я еще только начинал в «Звездной спирали», там был один парень. Взбесил начальство, не знаю уж чем. И попал на обработку материалов следствия. Казалось бы, ничего такого, но ему, значит, приходилось просматривать личные дневники. Записи службы безопасности. Всякую жуть, которую на люди не выносят. День за днем смотришь всякие ужасы и ни хрена не можешь вмешаться. У него крыша поехала. Профсоюз

назвал это «затяжной продолжающейся травмой». Мы все вроде как знали, чего ждать. Она мне его напоминает.

Джим заглушил микрофон и толкнулся следом за удаляющимися подошвами.

– Долго он продержался?

– Полтора года. Почти девятнадцать месяцев. Мы все считали, что это круто. Обычно люди через полгода находят способ сдернуть с такой работы.

– Думаю, полугода у нас не будет.

– Я просто к тому, что подружка-полковница была на грани еще до того, как все началось. И сейчас с ней неладно. Будь готов к тому, что тебе придется ее заново расстреливать.

– В прошлый раз на ней не было лаконской силовой брони, и то я ее не убил.

– Да, старина, – признал Миллер, – это осложняет дело.

Глава 42. Алекс

– Кормовое ОТО все равно дает лаг, – сказал Алекс. – Правда, теперь всего пятнадцать миллисекунд. Не так страшно.

– Понял, – ответил Амос, – но мне делать все равно нечего, а лаг есть лаг. Дай минуту, изолирую линию.

– Даю, – сказал Алекс.

В кабине стоял полумрак, как он любил, но и темнота его не успокаивала. Даже шум «Росинанта», знакомый, как собственное лицо в зеркале, звучал зловеще. От напряжения в спине и плечах уже не первый день побаливала голова, а когда он спал целую ночь, Алекс и вспомнить не мог. Еще до того, как Джим с Терезой отправились на станцию чужаков в обществе хладнокровной убийцы. До того, как Джим заразил себя протомолекулой. До того, как Дуарте взялся сбивать человечество в один гигантский организм, который, похоже, хотел убить лично его, Амоса и Наоми.

Если так подумать, некоторый недосып представлялся даже уместным.

– Есть, – сказал Амос. – Теперь попробуй.

Алекс прогнал тестирование.

– Все равно отстает.

– Ладно, теперь соединения кормового ОТО.

– Тот же лаг.

– Основное питание кормы?

– Там вроде порядок.

Вздох Амоса донес его выражение лица, хотя в камере верзила не был виден. Вздернутые брови, скривленный на сторону рот: мина отца, когда у сына что-то не ладится. Любовь и разочарование, смешанные в равных пропорциях.

– Ну, значит, дело в вакуумном канале. Попробую прозвонить.

Голос Наоми прозвучал снизу, из рубки, и в то же время по связи:

– Помощь не нужна?

– Не отказался бы, – ответил Амос. – Пары рук на эту работу маловато.

– Иду. – И уже только по воздуху: – Алекс, присматривай за вратами. Если кто-то войдет… – Подам голос, не волнуйся.

– Спасибо.

– Эй, Наоми? Просто хотел сказать: чем бы ни кончилось, летать с тобой было честью для меня.

– Еще одной прощальной речи я, кажется, не выдержу, Алекс.

– Да. Просто хотел, чтобы ты знала.

Она, помолчав, ответила:

– И для меня это была честь.

И ушла, втиснулась в пространство между обшивками, где Амос напоследок настраивал корабль.

Странно было подумать, что Амос остался без помощницы. Тереза не так уж долго прожила на «Роси», но Алекс привык к девочке, и перемена выводила из равновесия. Без Джима было еще хуже. Все хотелось его проверить: спит, или наблюдает, или спустился сварить себе кофе. Как-то не укладывалось у Алекса в голове, что Джима нет на «Роси». И Клариссы нет. И Бобби нет.

Теперь, когда дело шло к концу, он понял, что всегда вроде как ждал их возвращения. Глупо, если подумать, но совсем не казалось смешно. Со смерти Клариссы прошло много лет, но сердце Алекса терпеливо дожидалось появления ее имени в расписании вахт. Бобби ушла –

и он видел ее смерть, – а все ждал ее голоса в камбузе, смеха и грубоватой пикировки с Амосом – так переругиваются брат и сестра.

Мертвые оставались рядом, потому что он не умел поверить, что их нет. Знать – мог. Мог понимать. Но, как потерявший дорогую вещицу ребенок, никак не мог избавиться от чувства, что, может быть, если еще поискать, найдется. Может, те, кого он любил, ушли не навсегда. Может, прошлое: его прошлое, его потери, его ошибки – ушло не так далеко, и еще можно вернуться и исправить, надо только хорошо постараться. Может, вопреки всему, все еще уладится.

– А сейчас проверь, – попросил Амос, и Алекс включил диагностику.

– Ну, черт побери! – восхитился он. – Получилось!

– Лага нет?

– Всего одна миллисекунда.

– Ага… ну, лучше не сделаем, – согласился Амос. – Соберу инструменты и перейду к рельсовой.

– Я буду здесь, – сказал Алекс, и слова эти сильнее обычного прозвучали молитвой.

Он обновил тактическую схему, убедился, что перемен нет, включил и снова выключил какую-то музыку. По последним данным, полученным до отключения трансляторов, первый корабль уже должен был войти в пространство колец. Не вошел – значит, ситуация изменилась, а как изменилась, ему узнать неоткуда. Еще мальчишкой, до зачисления в марсианский флот, он поддался на уговоры кузена поступить в школу боевых искусств. Среди прочих упражнений учитель велел ему натянуть на голову мешок и угадывать, с какой стороны атакуют более подготовленные ученики. Сейчас он испытывал похожую смесь беззащитности, настороженности и болезненно острого предчувствия. Алекс еще раз обновил тактическую схему.

В рубку под ним вернулась Наоми. Об этом возвестил сладковатый запах ромашки и металлический лязг застегивающихся креплений. Через несколько секунд в кабину доплыл голос Элви, истонченный и ослабленный передачей. Слов Алекс не расслышал, но говорила она напряженным отрывистым стаккато.

– Поняла, – сказала Наоми. – Только у меня сейчас немножко не хватает рук. Пришли кого-нибудь, я дам им допуск.

Алекс, чтобы не перебивать, выждал несколько секунд и крикнул вниз:

– С «Соколом» все хорошо?

– У них кончается запас таблеток «не лезь ко мне в голову». Элви планирует налет на наш медотсек.

– Если так посмотреть, это добрый знак, – заметил Алекс.

– Не пойму, как это у тебя получается.

– Ну, если бы Дуарте нас не опасался, мог бы просто дождаться, пока у нас кончатся лекарства, да? А он двигает корабли, отключает трансляторы и все такое. Это ведь не просто так. Значит, мы для него все-таки угроза.

– Сказал бы нам, чем мы ему угрожаем. То есть если бы он вежливо попросил… – В голосе Наоми отчаяние гармонично сливалось с черным юмором.

– Разберемся, – сказал Алекс. – Слушай, когда Элви возьмет в медотсеке, что ей там нужно, не втянуть ли переходник? Если не придется держаться за «Сокол», мы в бою будем маневреннее.

– Нет, – отказала Наоми. – «Роси» – флагман подполья, «Сокол» – флагман Лаконии, а все остальные корабли смотрят на нас. Не хочу наводить никого на мысль, что мы – два отдельных флота. Кроме того, мы – резерв. Если бой дойдет до нас, значит, и в остальном дело дрянь.

– Или значит, что «Вихрь» уже здесь, – добавил Алекс.

– А в этом случае уже все равно.

– Да-а, – протянул Алекс и негромко договорил себе под нос: – Да, но мы хоть зададим этим гадам жару.

Словно в ответ его накрыла волна чужого присутствия. Волна ощущений. Он – старуха в квартирке на Луне, молодой человек, у которого что-то не так с правой ногой, ребенок, пинающий потертый мяч на не мощеной улочке. Огромное чувство человечества: мужского, женского, обоих полов и ни того ни другого, утомления, возбуждения, злости, молодости и старости – окатило его, словно кто-то включил пожарный шланг. Он ощутил, как размывается представление об Алексе Камале, и прикусил губу, возвращая себя в свое тело, к себе.

«Почему бы не уступить? – сказал ему глубокий, сложный голос хора. Если у ангелов есть голос, он так и должен звучать. – Уступи. Зачем держаться за боль и усталость? Давай мы тебя подхватим, а ты отдохни. Ты можешь уступить». Его почти убедили. Почти справились.

Волна прошла, но не исчезла совсем. Она осталась едва ощутимым давлением вроде лежащей на затылке ладони. В легком прикосновении было приглашение и угроза. Он чуть вздрогнул, доставая из кармана персиковую таблетку. Прожевал ее, зубами размолол в порошок, чтобы скорее всосалась в кровь. Таблетка была горькой, как грех.

– Вы тоже почувствовали? – спросил он по корабельной связи.

– Я – да, – ответил Амос. – Не скажу, чтобы понравилось.

Наоми сказала:

– Кажется, атака стала более целенаправленной. Думаю, оно пытается нас ослабить. Перетянуть на свою сторону кого-то, кто уже на грани.

– Не думаю, босс, – возразил Амос. – По мне, скорей похоже на «сдайся или умри».

Тактическая схема перед Алексом выбросила предупреждение: красные точки загорелись перед плотным скоплением врат. «Роси» произвел экспресс-анализ на основе старых данных, силуэтов и подписей двигателей. Сопоставив положение замеченных на подходе кораблей и текущую картину, он сообщил о шести вошедших. Один лаконский крейсер, три пирата-охотника и два частных грузовика, снаряженных торпедными установками, быстро выходили из врат на небольшом участке, в пределах двадцатиградусной дуги пространства колец.

– С рельсовой, по-моему, порядок, – доложил Амос. – Я в машинный, приготовлюсь латать корпус, если кто-то наделает в нас дыр.

По связи, на канале, открытом для всех кораблей, прозвучал новый голос:

– Говорит капитан Боттон с «Дерехо». Противник в прямой видимости. Иду наперехват.

– Отставить! – крикнула из рубки Наоми. – Всем кораблям: уклоняться и обороняться, но оставаться на позициях.

«Дерехо» на тактической схеме сдвинулся навстречу пришельцам, но остальной флот Наоми держался на местах. Пятьдесят с лишним голубых пятнышек по всему пространству колец и полдюжины красных точек плотным строем – как нож, нацеленный в станцию посредине. Нацеленный в «Роси», «Сокол» и Джима. Если казалось, что он продвигается медленно, то лишь потому, что велико было расстояние.

– Что видишь? – окликнул Алекс.

– Пока точно не скажу, – крикнула в ответ Наоми, и тут же на схеме вспыхнули шесть новых точек – вывалились из колец на противоположной стороне. – Так.

Я этого ожидала.

Связь застрекотала, извещая об ошибке. Наоми выругалась. Алекс вывел зеркало ее экрана, посмотреть, в чем дело. Все вражеские корабли глушили связь на всех частотах. Весь диапазон заволокло шумом и ложными запросами, и «Роси», сдавшись, перезагрузил антенны. Алекс не раз бывал в бою, но таких массированных пиратских атак не видывал.

– Алекс, можешь установить мне лучевую связь?

– Скажи, с кем хочешь поговорить, свяжу.

На его экране вспыхнул список, и Алекс начал составлять очередность. Наладить связь, передать приказы и перейти к следующему кораблю – так получалось ненамного дольше, чем по радиосвязи, но невидимая ладонь стала чуть сильнее давить на затылок. Координация флота Наоми без радио требовала создать сиюминутную сеть, устанавливать местоположение каждого корабля и перекидываться от одного к другому, передавая сообщения со скоростью света в лазерном луче. Теоретически вполне возможно. На практике не так просто. Отказ демпфера на одном корабле замедлял работу всей системы. Неточно наведенный луч означал потерю приказов, повторные запросы, дополнительную суматоху, искажения, ошибки.

Противник впятеро уступал им в числе, и разгонялись вражеские корабли по странной спирали, втягивая в себя флот Наоми и снова раскручиваясь, выходя на дистанцию. Заманивая корабли Наоми, но в прямое столкновение не вступая. Алекс сомневался, настоящая это атака, или они прощупывают реакцию Наоми, – сомневался, пока «Дерехо» не вышел на дистанцию стрельбы с первой группой кораблей.

Его потрясла точность расчета времени. Самый дальний корабль распушился торпедами, как одуванчик семенами. Затем следующий, следующий – и так до ближайшего. Волна за волной, причем первые торпеды шли чуть медленнее, давая отставшим себя догнать. Алекс настроил оптику «Роси», чтобы видеть все, что можно разглядеть.

«Дерехо» принадлежал к классу «Предштормового». К костяку лаконского военного флота. Другие корабли были слабее, меньше, хуже вооружены. Спроси его кто, Алекс не раздумывая поставил бы на «Дерехо» против всех разом. Боезаряд всех кораблей хлынул единой волной и обрушился на «Дерехо» одним ударом, с точностью до миллисекунды. ОТО «Дерехо» вели непрерывный огонь, противоракетные установки снимали разом по дюжине вражеских торпед, и все же он не устоял.

Удар выглядел мгновенной солнечной вспышкой. Когда «солнце» погасло, беспомощный истребитель несло к гибельной границе пространства колец, и помочь ему было некому. Алекс надеялся только, что на борту не осталось выживших.

– Гос-споди! – вырвалось у Наоми.

– Я так и чувствовал, что бой будет необычным, – сказал ей по связи Алекс. Он был почти уверен, что голос не срывается.

– Легче воевать, когда тебе дела нет, что с тобой будет дальше, – согласился Амос. – Тем кораблям конец, но вряд ли их это волнует.

«Сдаться – не стыдно. Сложив оружие, вы спасете человечество, а не погубите. Не бойтесь грядущих перемен, потому что лишь они могут всех спасти». Алекс так скрипнул зубами, что больно стало деснам.

– Алекс! – крикнула Наоми, и он понял, что она зовет не первый раз.

– Извини, извини, – отозвался он, – я тут. Что там делается?

– Дай мне лучевую с «Годалмингом». Сейчас же.

Алекс пошарил и нашел нужный корабль. Пират, воевавший на стороне подполья. Он обнаружился на краю флота Наоми, почти напротив убитого «Дерехо». Световой лаг был невелик, позволял вести нормальный разговор.

– «Годалминг», – начала Наоми, – говорит «Росинант». Вы отклонились от предписанной позиции.

Ей ответил грубый голос старика:

– Расстрелять сраных мудаков. Мы справимся, «Росинант».

– Нет, – ответила Наоми.

Алекс открыл схему, но разглядел не сразу. Кружащие по спирали корабли дразнили, заманивали их союзников, пока один не отбился слишком далеко. И тогда, словно другая часть общего тела, вражеские корабли развернулись и стали мощно ускоряться по курсу, отрезавшему «Годалминг» от помощи.

– Ничего, – упорствовал голос «Годалминга», – бывало хуже.

«Сдаться не стыдно. В смерти нет чести».

Тактическая схема выдала новое предупреждение. Еще пять красных точек одномоментно выскочили из пяти врат. Теперь Алекс знал, кто они такие. Охотники.

Он уже настраивал лучевую связь для новых приказов против нового врага, когда увидел еще один переход. Маленькое стремительное пятнышко уже жестко тормозило, сбрасывая скорость, чтобы не врезаться с разгона в станцию кольца. «Роси» оценил перегрузку в без малого двадцать g. Даже если вся команда находилась в жидкостных амортизаторах, такое ускорение угрожало им не меньше предстоящего боя.

– Наоми?

– Веди к ним, – сказала она.

Некогда было разъединяться с «Соколом», поэтому Алекс взял управление обоими кораблями, резко развернул их и задал согласованную тягу, позволявшую идти бок о бок. Тот стремительный крошка не мог их видеть из-за собственного выхлопа, зато для остальных «Роси» был как на ладони. А смотрели они единым взглядом. И мыслили одним разумом. Алекс задал расчет прицела, синхронизировался с «Соколом» и выпустил вдоль курса врага болванку рельсовой. Враг начал уклонение раньше, чем пошел снаряд. Алекс переключился на торпеды, выпустил плотную стаю, настроив их на детонацию между кораблем и станцией.

Торпеды уже пошли, когда «Годалминг» выбросил сигнал бедствия и замолчал. Торпеды ползли по экрану как приклеенные. Алекс подгонял их усилием воли, наперекор законам физики. Ну, ради меня!

– Не попадут, – сказала Наоми.

– И не надо, – ответил Алекс – Просто хочу набросать им по курсу мусора.

Торпеды, рванув, погасли на экране, а «Роси» отследил расходящиеся вдоль того же курса энергетические выбросы и обломки металла. Быстрый кораблик вошел в эту волну, как камень в туман. Алекс затаил дыхание. В том районе и сейчас больше всего было пустоты, но при скорости этого кораблика даже крошка с обрезок ногтя величиной сделает дело…

Двигатель вражеского корабля погас. Алекс выдохнул.

– Молодец, – похвалил его по связи Амос.

– Бывает, что и повезет, – отозвался Алекс, тем не менее чуть покраснев от гордости.

– Тащи нас обратно, – попросила Наоми. – Поставь так, чтобы встретить Джима на выходе. Они подбираются к станции, но пусть сначала пройдут через нас.

Глава 43. Джим

Проходы были разные. Одни позволяли провести целый корабль – не коридоры, а подобие доков. Другие, как на «Роси» или «Соколе», были удобны для человека. В третьи едва удавалось проползти, а попадались и тонкие, как соломинка для коктейля. Возможно, имелись настолько маленькие, что и не разглядеть невооруженным глазом. Станция функционировала в разных масштабах, фрактал фракталом.

Жар у Джима не нарастал, зато начали неметь ноги и пальцы на руках. Поначалу их кололо иголочками, потом он перестал их чувствовать. Если посильнее сжать ладонь с ладонью, улавливал ноющую боль в глубине, а слабых прикосновений не ощущал. И еще ему не нравилась неравномерная дрожь в животе, как от электрического разряда. Танака больше не требовала докладывать о состоянии, а сам он не вызывался.

Проход, выбранный ими в этот раз, резко свернул, но Джим уже утратил чувство направления. Может быть, он уклонился к центру станции, а может, к наружной кожуре. Одно было ясно: Танака с неизменной уверенностью пробовала проход за проходом, а время уходило. Джим с Терезой вслед за Танакой свернули за поворот и попали в расширение на пересечении с другим коридором. Танака остановилась на развилке, набрала что-то на встроенном в запястье пульте. Об ее оскал можно было ножи точить.

– Вы что-то ищете? – спросил по открытому каналу Джим. – Станция великовата, чтобы надеяться случайно столкнуться с Дуарте.

В ответе Танаки звенело раздражение:

– У меня имеется полная карта, составленная «Соколом» на основании структуры и энергетических потоков, но она оказалась более приближенной и менее точной, чем ожидалось.

– Или здесь все меняется на глазах, – пожал плечами Миллер.

– Кроме того, у меня есть образцы химических маркеров – они принесли бы больше пользы, будь я в другом скафандре, но и так должны привести к цели. Есть помехи, но я добилась прогресса.

Миллер почесал себе нос, и у Джима он тоже зачесался.

– Не наблюдаю прогресса. Но склонная к насилию женщина в раздражении и при тяжелом вооружении… Я бы не шутил с таким сочетанием.

Тереза подплыла к Джиму. Она была бледна, вокруг глаз темнели круги, как от долгой бессонницы. Джим тронул ее за плечо, но она не сразу подняла глаза.

– Ты как, держишься? – спросил он.

– Я все время слышу мальчика, который скучает по сестре. По-моему, он говорит по-корейски. Я корейского не знаю, но его понимаю. Вавилонская башня наоборот.

– Не позволяй себя отвлечь, – приказала Танака.

Джим ждал, что Тереза огрызнется, но она только головой покачала.

– Я просто хочу найти папу.

– Сюда. – Танака указала в пересекший их тоннель косой коридор. – Здесь след яснее.

Она толкнулась дальше, Тереза за ней. Джим задумался, что они будут делать, если он выберет другую дорогу, вздохнул и двинулся следом. Он не оставит девочку Танаке.

– Видишь ли, – заговорил Миллер, – если правонарушитель – рецидивист, со временем начинаешь его узнавать.

Впереди стало светлее, коридор разветвлялся – словно артерия разошлась на две меньшие. Танака выбрала одну, и Тереза свернула за ней, натолкнулась на стену, выправилась.

– Я и забыл, до чего же не скучал по твоим коповским байкам, – сказал Джим.

– Все равно я здесь. Я не просто так это говорю. Когда видишь, как кто-то действует, начинаешь понимать, как он думает. Если Джо раз за разом вскрывает стену, чтобы пробраться

на склад, ты, увидев вскрытую стену, начинаешь интересоваться, где был в ту ночь Джо. Люди ведь не меняются, в общем и целом. Выбрали стратегию, ее и держатся.

– Продолжай.

– Вот я смотрю на нашего дружка Дуарте. И похоже на то, что повторяется история с Эросом. Цель, может, другая, а метод тот же. На Эросе та дрянь набрала человеческих тел и сотворила из них, что ей было нужно.

– И Дуарте действует так же. Собирает то, что ему требуется, из людей как из строительных блоков.

– Возможно.

Джим поднял взгляд. Миллер виделся совсем рядом, хоть он и знал, что сыщика здесь нет. Идеальная иллюзия. Миллер устало повел бровью.

– Ты бы спросил себя, считать Дуарте преступником или первой жертвой. Знаешь ведь, как эта штука умеет подцепить тебя за дофаминовые рецепторы. Может, она прикрепила поводок к его чувствам к дочке. Те, кто выстроил эту дрянь, могут его использовать и из могилы, как использовали Джули. И есть вещи, к которым можно добраться, только проникнув в субстрат. Ты же помнишь.

– Неуютная мысль, – отозвался Джим. – Но, да, я думал в ту же сторону.

– А то как же. Я же твоим мозгом пользуюсь. Собственных нейронов в общий фонд не вкладывал.

– То есть это я сам с собой говорю? Какое разочарование.

– Нет, – возразил Миллер. – Это то, что осталось от меня, пытается дать тебе подсказку. Но дело ведешь ты, старик. Ты сам не знаешь, как много тебе известно.

В животе у Джима что-то сдвинулось. Мгновенная боль, которая тут же перешла в холодок, наводивший на мысль о повреждении нервов. Но мыслями Джим был далеко от собственного тела. Он вернулся на станцию Эрос, где впервые вырвалась на волю протомолекула. На миг увидел труп Джули Мао в комнатушке отеля: черные спирали, проросшие из ее тела и взбирающиеся по стене. Голубых светлячков в воздухе. Что-то толкалось у него в подсознании. О ней, но и не о ней. Об Эросе – и не об Эросе.

– О! – встрепенулся он. – Эй, мы там шли на тепло.

Танака не обернулась и не ответила. Он проверил, включен ли микрофон.

– Танака! На Эросе мы использовали тепло.

Танака задействовала маневровые, остановилась в воздухе и повернулась к нему. Тереза, которой до стены было ближе, зацепилась пальцами за какую-то неровность, использовала ее как упор. Миллер плавал рядом с не замечающей его Танакой, пока Джим не оглянулся назад, а тогда оказался сзади.

– Эрос, когда двигался, нагревался, – сказал Джим. – Миллер искал способ его остановить. Он искал горячие точки. Если Дуарте здесь исполняет ту же роль, что Джульетта Мао на Эросе, он задействует много энергии. И испускает много тепла. Если карта неточна, не поможет ли это?

Молчание Танаки ничего ему не говорило, но, по крайней мере, она задумалась. У Джима сильнее прежнего чесался нос, словно в правую ноздрю залезло что-то кусачее. Из одной стены вырвался рой голубых точек и скрылся в другой.

– Хорошо, – решила Танака и занялась пультом управления на запястье. Но почти сразу покачала головой. – Нет связи с «Соколом».

Джим проверил свою систему. Связь только с ближними: с Танакой и Терезой. С точки зрения его скафандра, они были одни во всей вселенной.

– Слишком далеко зашли, – сказал он. – Или эти стены и все прочее действуют как клетка Фарадея.

Танака опустила голову. При отсутствии силы тяжести это было чистое выражение эмоций. Джим впервые увидел в ней не угрозу и не врага, а человека, попавшего в ту же мясорубку. Увидел исхудавшее, перекошенное ранением лицо, стянутые губы, усталость в глазах.

– Эй, все ничего, – сказал он. – Мы справимся.

Она подняла взгляд – взгляд той женщины, которая раздробила хребет Амосу. Вся беззащитность и всякое сочувствие затерялись в стиснутых железной рукой ненависти и ярости. Джим почти не сомневался: не будь на ней шлема, она бы в него плюнула.

– За мной, – велела Танака. – Не отставать.

Он подчинился.

– Ну, ты хотя бы попытался, – сказал Миллер.

Джим отключил микрофон.

– Знаешь, мне начинает казаться, что план был не из лучших.

Миллер коротко хмыкнул, и Джим улыбнулся. Холодок в животе и онемение конечностей только напоминали, что детектив выедает его заживо. Танака добралась до новой развилки: на этот раз стены шахты как будто состояли из того же металла, что и наружная обшивка. Таких Джим внутри еще не видел. Танака замешкалась, и ему показалось, что на зыбком отражении ее внутришлемного дисплея он различает термальный профиль.

– Как это будет? – спросил он.

– Когда будет?

– Когда она тебя забирает. Протомолекула. Когда она забирает тебя целиком, что происходит?

Сыщик прищурил несуществующие глаза, и Джиму на миг примерещился в них отблеск нездешней голубизны.

– Ты хочешь знать, во что ввязался?

– Угу.

– Поздновато поворачивать назад.

– Знаю. Просто я чувствую себя не очень.

– Тебе наврать с три короба или правду?

– Наври с три короба.

– Это чудесно, – не моргнув и глазом, заявил Миллер. – Мне выпал долгий спокойный сон с увлекательными яркими сновидениями.

У Джима свело желудок – словно штопор провернули.

– Ты прав. Это чудесно, – сквозь зубы процедил он. – Право, я думаю, мне понравится.

– Нам сюда, – сказала Танака, шагнув в металлическую шахту. – Постарайтесь не отставать.

Они падали. Теперь Джим воспринимал движение не иначе, как падение. При попытке переключиться на плавание, или движение вперед, или подъем вверх новая система отсчета держалась одно-два мгновения, а потом они снова падали. Чуть заметные силовые линии пропали, или он перестал их различать. Голубые светлячки роились гуще, плясали в потоках, не имевших ничего общего со здешним воздухом. Джим поймал себя на мыслях о стайках птиц и серебристых мальков. Тысячи отдельных существ согласованно объединяются во что-то большее, более обширное и способное на то, чего не может каждое в отдельности. Это показалось ему важным.

Что-то случилось с его левой рукой – он не сразу понял, что ее держит Тереза. Он видел, как девочка сжимает пальцы, но не чувствовал.

– Не засыпайте, – попросила она.

Джим почти не усомнился, что под сном она понимала что-то другое, более непоправимое. Он хотел включить микрофон, но это оказалось не так-то просто. Он тыкал правой рукой в шов шлема, пока не сумел поднять щиток. Воздух был удивительно густым, будто влажным,

хотя без влаги. Тереза смотрела на него круглыми глазами. А потом тоже стянула с себя шлем и подвесила на пояс.

– Я никуда не денусь, – сказал Джим. – Обещаю.

– Вы что, охренели?

В сравнении с голосом Терезы голос Танаки звучал смазанно. Джим сделал в памяти заметку: проверить динамик, когда вернется на «Роси». Может, соединение барахлит.

– У меня что-то с микрофоном. И нос чешется.

– Тереза, надень шлем.

Тереза так и держала его за руку. На Танаку она взглянула с бессовестным простодушием и указала на свои уши – мол, не слышу. На лице Танаки полыхнула такая ярость, что Джим испугался. Но тут и она тоже откинула щиток.

– Будьте готовы по приказу надеть снова, – велела она.

Тереза кивнула, но молча.

От металлических стен шло тепло. Прежде Джим его не чувствовал, потому что кожа была закрыта, а теперь оно даже давило немножко, как солнце в жаркий день. Или как жар из открытой духовки. И кроме этого давления было другое, странноватое. Объяснить его он не мог. Атмосферное давление вряд ли превышало норму, но что-то в Джиме ощущало нечеловечески мощную силу, готовую вырваться на свободу. Как будто станция плыла не в вакууме, а на дне громадного, больше всех миров, океана.

– Ну, это буквально так и есть, – подал голос Миллер. – В том-то и штука.

– Какая штука?

Миллер указал на стены, на светляков, на непостижимо чуждую и сложную станцию.

– Сила вот откуда исходит. Они вскрыли вселенную и протискиваются сюда, а она теснит их обратно. Целый другой мир норовит раздавить эту станцию в лепешку, а она ведь питает врата и артефакты. Та магнитная пушка, с которой забавлялся Дуарте… Они на этом принципе создавали звезды. Нарушали нерушимые правила, не изменив законов природы, которые этому мешают. Если хочешь, можешь припомнить Еву с яблоком, но суть в том, что вот эта дрянь… она целиком из первородного греха.

– Когда мы его найдем, подходишь ты, – сказала Танака, и Джим не сразу понял, о чем она.

– Понятно, – отозвалась Тереза тоном, ясно говорившим, что слышит она это не в первый раз и ей надоело.

– Об остальном позабочусь я.

На этот раз Тереза ответила с заминкой, но тем же словом:

– Понятно.

Жар нарастал, Джима пробил пот. В металлическую шахту влились еще три такие же, каждая под косым углом, и получившийся из них единый проход, почти правильный шестиугольник в разрезе, почему-то кружил голову. Как будто его углы не складывались. Свечение усилилось, жар дорос до нестерпимого зноя.

Танака сверилась с экранчиком на запястье.

– Думаю, мы на подходе.

– Пора бы, – заметил Миллер. – А то вы все трое изжаритесь, пока найдем нашего рецидивиста.

Впереди что-то шевельнулось. Что-то блестящее. Сначала Джим решил, что почудилось – протомолекула или жар вызывали галлюцинации, – но Танака заслонила его от того, что было впереди, захлопнула щиток шлема, инстинктивно защищая спутников. Из рукава скафандра выдвинулся ствол.

– Ого, – сказал Миллер. – Это она зря.

– Постойте, – позвал Джим, но Танака уже двигалась вперед.

Он последовал за ней. Внутришлемный экран при поднятом щитке не работал. Скафандр гудком предупредил, что заряд маневровых сопел наполовину израсходован, и, если он не хочет зависнуть в пустоте, пора возвращаться. При других обстоятельствах он счел бы это важным.

То, впереди, выглядело знакомым: голубой отлив металла и сходство с насекомым. На полметра выше Танаки, а она была не из малорослых. Двигалось оно мелкими рывками, словно шестеренка часов перескакивала на один зубец. Как только Джим догадался присмотреться, такие же оказались встроены в стены шахты так плотно, что он принял их за рельеф стен.

– Не проявляйте агрессии, – предупредил Джим.

– Я впервые вижу здесь что-то похожее на часового, – гулко, через наружный динамик, ответила Танака. – Отступать невозможно.

Она шевельнулась, и тварь сдвинулась, загораживая ей дорогу. Несимметричные щеки Танаки еще сильней перекосил хищный оскал. Миллер подался к ней, с изумлением на лице заглянул ей за щиток.

– Она и вправду готова вас всех прикончить, а?

– Дайте я попробую, – заговорил Джим. – Я здесь. Я открыл станцию. Дайте я хоть попытаюсь его отключить.

Ствол в рукаве Танаки закрылся, открылся, снова закрылся. Подбородком она указала ему вперед.

– Миллер?

Детектив пожал плечами: «Погоди минутку, посмотрю, что тут можно сделать».

Джима накрыло то же странное чувство. Будто сгибаешь фантомную конечность – делаешь что-то, но того, с чем делаешь, не существует. И опять судорога в животе, сильнее прежней. Ближе к груди. Боль разрослась и быстро погасла.

– Теперь попробуйте, – сказал он.

Танака сдвинулась в сторону, а часовой не шелохнулся. Она прошла мимо – он не мешал. Танака указала Терезе вперед и, пока девочка проходила, следила за часовым, как будто дожидаясь предлога их защитить. Джим прошел последним. Он мелко, часто дышал. Ног ниже коленей уже не чувствовал.

– Время истекает по многим параметрам, – заметил Миллер. – Какую бы вы ни вели игру, ее пора кончать.

– Спасибо, – пробурчал Джим, – за совет и поддержку.

Свет впереди из голубого стал белым. Джим включил маневровые и вылетел в камеру – стометровую сферу. В нее – темными точками на фоне сияния – вливались и другие такие же проходы. Со светом было что-то не так: он оказался осязаемо густым, подвижным, живым. У Джима от него мурашки пошли по коже.

На противоположной стороне сферы темные волокна свились в огромную сеть. Как будто с пола и с потолка пещеры проросли сталактиты и сталагмиты и сошлись в одной точке. Или как будто раскинул крылья огромный темный ангел.

В центре сети стояло нечто величиной с человека. Человек, руки раскинуты как у распятого. Толстые жгуты волокон врастали ему в бока, в руки, в ноги. На нем все еще была синяя лаконская форма, только ноги босые.

Джим узнал лицо издалека, раньше, чем рассмотрел черты.

– Папа? – сказала Тереза.

Глава 44. Тереза

Холден умирал у нее на глазах с той минуты, как они вошли на станцию.

Что с ним плохо, она увидела сразу. Она его знала много лет, еще по зданию Государственного совета, где он представлялся ей опасной, смутно угрожающей фигурой. Потом по кораблю, где он стал как будто меньше, мягче и более хрупким. Она изучила его настроения, знала, как он прикрывает шутками осаждающую его тьму, вечную свою уязвимость – и силу. Она была уверена: он не знал, что она знает, и это хорошо.

Но отца он ей никогда не напоминал. До сих пор.

Она не сумела бы назвать *это* по имени. Сразу не сумела бы. Ей самой приходилось бороться с вторгающимися в голову мыслями. С голосом мальчика, звучавшим прямо за спиной и говорившим на незнакомом, но понятном языке. С жутким хором, уговаривавшим отдать себя. С женщиной, отдавшей ребенка на усыновление и разрывавшейся теперь между чувством вины и облегчением. И снова с мальчиком-корейцем, все оплакивавшим сестренку. Требовалось постоянное усилие, чтобы не слушать, не ввязываться, удержать себя в себе, и поначалу она думала, что Джим занят тем же. Она час за часом следовала за полковником Танакой, кружила по пещерному лабиринту станции, а разум искрил и ускользал. Это было как в кошмаре, от которого боишься проснуться, и усилие не давало ей заметить мелочи, выдававшие состояние Джима. Как у него менялся оттенок кожи. Как менялся взгляд. И главное, его отдельность, как будто он понемногу отслаивался от того, что ей виделось реальностью.

Раз он забыл отключить микрофон, и рация выплеснула бессмыслицу: «Я и забыл, до чего же не скучал по твоим коповским байкам», «Продолжай» и «…и Дуарте действует так же. Собирает то, что ему требуется, из людей как из строительных блоков».

Иногда он выглядел почти нормально. Проверял, где она и как у нее дела, как и на корабле. Объяснял Танаке, как использовать тепло для поисков дороги. В такие минуты он казался почти обычным. Самим собой. А потом они шли дальше, и он снова уплывал.

Они обнаружили проход из того же светящегося голубизной металла, из которого состояла оболочка станции, и двинулись по нему, когда Танака заговорила с ней по выделенному каналу:

– Нам с тобой надо поговорить. Капитан Холден деградирует.

– А кто нет? – возразила Тереза.

– Я не о том. Он ввел себе живой образец протомолекулы. Ученая братия как могла стабилизировала его, но, по моей оценке, он быстро выходит из строя.

Тереза, отвлекшись на гомон у себя в голове, не обращала на него внимания. А теперь обратила. Он был рядом, чуть отстал. Руки расслаблены, на губах сонливая полуулыбка. Ей вспомнилась комната отца – как она держала его за руку, пытаясь объяснить, что доктор Кортасар решил ее убить. Холден был так же далек и рассеян.

– Он в порядке, – удивляясь собственной горячности, сказала она.

– Я не спрашиваю твоего мнения, а сообщаю свое, – отрезала Танака. – В данный момент, я полагаю, Холден еще может оказаться полезным в поисках и возвращении верховного консула, поэтому я терплю риск, связанный с его присутствием. Но ты должна понять, что так будет не всегда.

– Мы его не бросим.

– Когда мы обнаружим твоего отца, тебе надо будет приблизиться к нему. Ты должна убедить его прекратить то, что он проделывает с нашим сознанием. Вот чего я от тебя хочу.

– Знаю.

– Если капитан Холден и после этого продолжит распад, я считаю необходимым обезопасить тебя и твоего отца. Ты должна понять, что это может означать, потому что своим волнением можешь заразить и верховного консула.

Минуту Тереза молчала. Танака вроде бы ясно выразилась, но почему-то ее оказалось трудно понять. «Она мне не нравится, – сказал скучающий по сестре мальчик. – Притворяется спокойной, но это только притворство». Тереза тряхнула головой, но от чужого присутствия не избавилась. В мозгу засело неприятное воспоминание, в котором она была Танака: голая, под веществами, распинавшая на кровати мужчину. Она помнила, как у него хрустнули запястья. Она помнила, как приятно было причинять боль. Внушать страх.

«Тебе не понравится, какой я тогда стану».

– Вы говорите, что убьете его.

– Да, этим может кончиться. Если сочту, что он пострадал настолько, что представляет угрозу.

– Он нам не угрожает. И не будет.

– Ты должна понять, что идет боевая операция и моя задача – сохранить тебя и твоего отца. Для этого я сделаю все, что сочту необходимым. Твое дело – найти подход к отцу. Об остальном позабочусь я. Ты поняла?

– Поняла.

– Хорошо.

Джим рассеянно поднял руку, поскреб по щитку шлема. Он, похоже, не замечал, что делает. Терезу пронизала память о долгих неделях и месяцах, когда менялся отец. И ужас внезапной перемены, когда его не стало. Когда она его потеряла. «Не стану плакать в скафандр, – сказала она себе. – Хоть убей, не стану плакать в сраный скафандр».

Она подстроила маневровые так, чтобы держаться поближе к Джиму. Взяла его за руку. Он, кажется, не сразу заметил, а потом его взгляд медленно поплыл к ней. С глазами что-то случилось. Белки отливали, как никогда прежде. Этому отливу там было не место.

– Не засыпайте.

Джим начал отвечать, забыл, что хотел сказать, и начал сначала. Досадливо поморщился и вдруг откинул щиток шлема. Сделал глубокий вдох и еще один. Терезу что-то толкнуло – тут был и гнев на Танаку, и на мироздание, и необъяснимая привязанность к этому человеку, который однажды подстраивал ее смерть, а потом спас. Тереза сняла с себя шлем и подвесила его к поясу. В коридоре стоял тяжелый зной, и легкие дышали необычно.

Он заговорил – она услышала не по рации, а по этому свободному чужому воздуху: «Я никуда не денусь, обещаю». Она знала, что это неправда, пусть он и сам не знал.

Голос Танаки прозвучал тонким жужжанием в шлеме Джима и в ее, на поясе.

– Вы что, охренели?

– У меня что-то с микрофоном, – ответил Джим. – И нос чешется.

– Тереза, надень шлем.

«А то что?» – подумала Тереза. Ей надоело, что люди помыкают ею под предлогом, что хотят помочь. Ей надоело быть лаконкой. Она сделала вид, что не слышит Танаку, хотя все здесь понимали, что это притворство. Гнев Танаки оказался слабее ее гнева. И, когда Танака тоже открыла шлем, Тереза на минуту почувствовала себя победительницей.

– Будьте готовы по приказу надеть снова.

Они опять занялись коридором, станцией, охотой. Спустя несколько минут Джим произнес: «Какая штука?» Он общался не с ними.

Танака поймала взгляд Терезы. «Я говорила, что с ним проблема. Говорила, что он деградирует».

– Когда мы его найдем, подходишь ты.

– Понятно.

– Об остальном позабочусь я. – Понятно.

* * *

– Папа?

Он исхудал за эти месяцы, а борода не отросла. Лицо гладкое, будто Келли побрил его с утра. Щеки рябые от мальчишеских угрей: след времен, когда Тереза его еще не знала. Одет он был так же, как одевался в здании Государственного совета Лаконии, и мундир не изорван, но выглядит тонким и хрупким. Как бумага, полежавшая под дождем и на солнце.

Темные волокна, протянувшиеся от стен огромного светлого зала, заплели ему руки и пронизали бока. Волокна пульсировали, чуть истончались и утолщались снова. В черных жгутах плясали голубые искорки, но, стоило взглянуть на них в упор, исчезали. Он открыл глаза – радужки стали голубыми, как эта станция, – но смотрел в пустоту, словно слепой.

– Папа? – уже не так громко повторила она.

Губы, когда-то целовавшие ее младенческую макушку, изогнулись в улыбке.

– Тереза? Это ты?

– Я здесь. Вот я.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Раньше я мечтал слишком мелко. Теперь я это понял. Я думал, что нас спасет организация, сотрудничество, и в этом я был прав. Я был прав, малышка. Но я не понимал, как этого достичь.

– Ты на себя посмотри! – Тереза показала на пронизавшую его насквозь станцию. – Смотри, что с тобой делается.

– Иначе не получилось бы. Плоть, материя, глина, из которой мы созданы. Ее трудно убить. Те, кто жил до нас, были гениями, но непрочными. Гении из папиросной бумаги, и хаос развеял их дуновением. Мы теперь можем превзойти их…

Тереза придвинулась к нему. Отец, хоть и не взглянул на нее ни разу, почувствовал и хотел обнять, но темные жгуты связали ему руки. Она сама его обняла. Его кожа обожгла ей щеку.

– Надо вытащить его из этой долбаной паутины, – сказала Танака. – Он может освободиться? Спроси, можно ли его освободить.

– Папа, – сказала Тереза. Слезы заливали ей глаза, все расплывалось цветными бликами. – Папа, нам надо идти. Пойдем с нами. Ты можешь?

– Нет-нет-нет, малышка. Я там, где должен быть. На своем месте. Ты скоро поймешь, обещаю.

– Верховный консул Дуарте. Я полковник Алиана Танака. Адмирал Трехо дал мне статус «омега» и поручил отыскать и вернуть вас.

– С той минуты, как открылись врата, мы были обречены, – говорил он, но не Терезе и не Танаке. – Если бы никто не взял ответственность на себя, мы бы ломились вслепую, пока те не пришли бы, чтобы убить всех. Я это видел и делал то, что необходимо. Не ради себя. Империя была только орудием. Средством координации. Для подготовки к неизбежной войне. К войне с небесами.

Плеча Терезы коснулась рука, мягко потянула назад.

Джеймс Холден с невыразимо печальным лицом.

– Уйдем. Идем отсюда.

– Это он. Это еще он.

– Он и не он, – ответил Джим. Голос прозвучал странно, словно с чужими интонациями. – Я такое уже видел. В нем станция. Чего хочет она, а чего он? Уже не различишь. Поздно.

– Вы видели такое прежде? – спросила Танака. – Где?

– На Эросе, – ответил Джим. – Такой была Джули. Она не так далеко зашла, но похоже было. – Он обратился к Терезе: – Мне жаль, детка. Мне так жаль.

Тереза, как сумела, сморгнула пленку слез. Искаженный ею Холден смотрелся странно. Изменилось лицо, застыло в привычной усталой усмешке. Она снова моргнула – и вот он опять просто он.

Танака металась из стороны в сторону, ее маневровые негромко шипели, кружа ее вокруг готической статуи Терезиного отца.

– Говори с ним. Он должен это прекратить. Заставь его это прекратить.

– Полковник, я сам здесь и слышу вас, – сказал ее отец. Голову он повернул к Танаке, смотрел неподвижным пустым взглядом. – А я вас помню. Вы из первых, кто пошел за мной. Вы видели, как умирает Марс, и помогали превращать его в империю. Превращение и сейчас продолжается. За это мы и ведем бой. Мы сделаем человечество неуязвимым, цельным, единым.

– Сэр, – сказала Танака, – то же самое можно сделать, не раздолбав всем мозги. Можно вести этот бой, оставаясь людьми.

– Вы не понимаете, полковник. Но вы поймете.

Тереза стряхнула с себя руки Джима.

– Ты не обязан это делать. Ты можешь вернуться. – Но она сама слышала безнадежность в своем голосе.

Отец умиротворенно улыбнулся.

– Сдаться не стыдно. Сопротивление – лишь боль и усталость. Ты можешь уступить.

Тереза ощутила, как сквозь нее прошла волна пустоты, принесла предназначенное ей небытие, и закричала. В крике не было слов, не было ни предостережения, ни угрозы. Кричало сердце, потому что ничего другого не оставалось. Она запустила маневровые скафандра, ударилась о черную сеть, опутавшую отца, и по сети пошла рябь. Захватив полные руки толстых витых волокон, она дернула изо всех сил. Удушающий свет наполнился запахом озона, как бывает в знойный день в предчувствии грозы. Отец закричал, хотел ее оттолкнуть, но волокна его удержали.

Голос Джима донесся совсем издалека:

– Тереза! Уходи оттуда. Не ломай станцию!

Вселенная сжалась до ее тела, до ее скафандра, до изуродованной плоти ее отца и пожирающей его чуждости. Она пыталась его освободить, а отец корчился от боли и вопил, чтобы она перестала.

Какая-то сила, как большая невидимая рука, схватила ее и отбросила прочь. Миллион несуществующих иголочек вонзился в тело и принялся рвать его на части. «Ох, – подумала она, – отец меня убивает».

И тут боль унялась. Джим оказался рядом, и еще кто-то с ним, всего на миг, и она не успела его разглядеть. Отблеск в глазах Джима стал ярче, кожа – восковой, и под ней мерещился жуткий перламутровый отлив. Он скалил зубы в страшном зверином усилии.

– Его нет, – проговорил, а вернее, выдавил Джим. – Это не он. Раз он хочет тебя убить, это уже не он. Его нет.

Отец – то, что было ее отцом, – все висел в черных жгутах. Он разевал рот в муке и гневе, но не издавал не звука. Голубые светлячки бегали вокруг оборванных нитей, как муравьи по сбитому ногой муравейнику.

– Холден, – сказала Танака, – у нас проблема.

Танака стояла к ним спиной. Огромное светлое пространство за ее плечами было забито телами. Часовые чужаков струями дыма выливались из всех проходов и коридоров.

Глава 45. Наоми

«Росинант» с «Соколом» приближались к станции, и та заслоняла их от поля боя, а поле боя – от них. «Роси» умел строить картину в реальном времени, синхронизируясь с восприятием других кораблей ее маленького флота по лучевой связи и заклеивая прорехи заплатами по данным полудюжины других. Но Наоми это не устраивало – так она чувствовала себя полуослепшей.

– Еще два вошли, – доложил Алекс.

– Вижу, – крикнула в ответ Наоми.

Один вышел из системы Аргката, другой из Кивры. Она задала «Роси» опознание по силуэтам и подписям двигателей. Транспондеры у обоих не работали. Ни к чему. Все, охваченные ульевым сознанием, знали их и так, а ее в улей впускать не собирались.

На дальней стороне пространства колец три вражеских корабля медленно разбирали ее фронт. Она уже потеряла «Амадо» и «Брайана и Кэти Ятс». «Сенатор» получил тяжелые повреждения и терял атмосферу. Из колец волнами валили новые вражеские корабли. Некоторые – многие из них – были раньше вызваны самой Наоми. Лаконские военные и научные суда, поддержка от подполья. Их экипажи подчинялись ей, Элви или Трехо, а теперь стали чем-то совсем другим. Новым организмом.

Улучив момент, чтобы собраться с мыслями, она гадала, сколько еще остались людьми. Сумел Дуарте захватить и связать все сознания во всех системах или нацелился только на приближающихся к кольцам? Ей виделись целые станции, наполненные действующими в полном согласии безмолвными телами, заменившими словесную коммуникацию прямым влиянием мозга на мозг. Одна рука с миллиардами пальцев. Если таково теперь все человечество, больше не будет разговоров, недоразумений, шуток и пошлых песенок. Она попыталась вообразить, что станет с родившимся в такой мир ребенком – не индивидуумом, а придатком, никогда не знавшим себя другим.

– Наоми? – позвал Алекс. – Еще три, из них один класса «Предштормового».

– Вижу его. Луч с… «Лин Синьян».

– Сейчас, – сказал Алекс.

– И жди десантника из системы Торфен.

– Как только покажется.

Наоми, несмотря на цейтнот, открыла учет боезапаса. У них еще прилично торпед и болванок для рельсовой. Для ОТО маловато осталось. А ведь они в тылу, если только у сферического фронта может быть тыл.

Установилось соединение. С той стороны ответила женщина со связанными в удобный пучок черными волосами и старомодным рассеченным кругом АВП на ключице, хотя на вид во времена, когда АВП был в силе, она еще на свет не родилась. «Роси» подсказал Наоми ее имя.

– Капитан Мелеро, приказываю перехватить и задержать вошедшие в пространство корабли. Возьмите «Даффи», «Кане Россо» и «Малик Алвур».

Взгляд молодой женщины погас, лицо побледнело. Обе понимали, что ей огласили смертный приговор. «Отставить! – думала Наоми. – Бери своих и драпай. Доживи до следующего боя». Только другого боя не будет. Для всех настал последний день, и сроку ему было столько, сколько они сумеют отбить для Джима и Терезы.

Она отогнала мысль о Джиме.

– Компра тодас, са-са, – сказала Мелеро. – Положись на нас, ке?

Она разорвала связь. Наоми не помнила, чтобы раньше встречалась с капитаном Мелеро, и была уверена, что больше ее не увидит и не услышит. Она бы рада была организовать согла-

сованную оборону, но удавалось ей разве что сбивать мелкие группы, предоставляя им действовать на свое усмотрение. И еще надеяться.

У нее сработал таймер, и Наоми, достав из кармана таблетку, проглотила ее всухую.

«Это ни к чему. Сдаться не стыдно. Так или иначе, этим кончится».

Наоми не стала отгонять этой мысли. Ей чудилось, что, реагируя на чужие мысли и воспоминания, даже сопротивляясь, она их усиливает. Лучше было позволить им всплывать и уходить и давить лекарством, пока почки не закричат караул. О долговременных последствиях она не думала. Передозировка – это плохо, но вариантов она не видела. Если она погрязнет в чужих «я», затеряется в гомоне других умов, ее можно считать покойницей. А с точки зрения тактики – и хуже того.

– Держитесь все, – сказал Алекс. – Стреляю.

– Держусь, – отозвался Амос по связи, а Наоми выровнялась по центру амортизатора. Отдача рельсовой, уравновешенная тягой двигателя, была почти неощутимой, но ей не хотелось в случае просчета вылететь на пол как выбитый со стола шар в голго.

Она включила вид с телескопов как раз к моменту, когда десантный корабль рассыпался светящейся пылью. На том корабле людей не было. Она задумалась, умерли они или их воспоминания, мнения, ощущения своих «я» все еще мерцают в миллиардах других голов, тоже оставшихся без хозяев. Или они были мертвы еще до того, как рассыпались их тела? Возможно, это одно и то же другими словами.

Гудок коммутатора сообщил о запросе на связь с «Сокола». От Элви. Наоми сверилась с временными метками. Уже открылось окно для входа в систему «Вихря». «Магнетар» мог войти в пространство в любой момент – в зависимости от того, насколько жестко разгонялся и тормозился. Конец – ближе некуда. Она ответила на запрос.

Элви выглядела еще более измученной, чем обычно. В голове у Наоми мелькнуло воспоминание – темнокожий мужчина со светлыми волосами и мягким взглядом из-под тяжелых век цитирует: «Моя свеча горит с двух концов. Я ночи не продержусь». Она не знала, ее это воспоминание или еще чье-то.

– Порадуй меня хорошими новостями.

– Ну, – сказала Элви, – похоже на то, что изолирующая камера сдерживает эффект разделенного сознания. Находящийся в камере катализатора не включается в ульевое сознание даже после того, как перестают действовать психоактивные препараты Танаки.

– Сколько времени уйдет, чтобы расширить ее, скажем, до размера крейсера?

– Если хватит рабочих рук и материалов, уложимся, может быть, в пару лет. До тех пор можешь выбрать трех, самое большее четырех человек, чтобы запихать их туда, пока кто-то не откроет дверь и не выволочет их наружу.

Наоми не сдержала смешка, хотя веселья в нем не было ни капли.

– Да, – сказала Элви, – понимаю.

– Пришли мне доклад. Как действует изолирующая камера. Принципы конструкции. Вложим в торпеды и отправим за несколько врат. Нам уже не поможет, но вдруг кому-то пригодится.

– А можно начать так: «Знай, незнакомец, и передай Лаконии, что здесь мы покоимся, покорные ее воле?»

– Запрещать не стану, – сказала Наоми. – Сол, Оберон, Бара Гаон… куда еще отправим?

– Надо бы повсюду. Дуарте, вероятно, сосредоточится на больших промышленных центрах. У колоний поменьше может не хватить ресурсов и мощностей, но знание сохранится, пока есть кто-то, кто не вошел в ульевое сознание.

– Если такие останутся. У меня сейчас тридцать один корабль, считая нас. Скоро будет меньше. Тринадцати сотен торпед не наберется, а каждое отправленное сообщение – это одним снарядом меньше для защиты нас и Джима.

Элви кивнула.

– Я пришлю данные.

– Поскорей, – попросила Наоми. – Времени у нас мало.

Элви отключилась. На тактическом экране «Лин Синьян» и его маленькое боевое соединение сцепились с двумя вражескими кораблями. В разных квадрантах пространства колец появились еще четверо. «Они рвут нас на части, – подумалось ей. – Отвлекают от станции». Им это удавалось. Маленький флот Наоми разваливался на глазах, и помочь ему было нечем. Она видела, как зеленая точка «Кане Россо» превратилась в оранжевую и погасла, как остывший уголек. Тридцать кораблей для защиты одной станции, а против них силы тринадцати сотен систем.

– Алекс, – сказала она, – к нам на танцульку еще четверо друзей подтянулись. Установи лучевую с… «Ластиалусом» и «Кайвальей».

– Сейчас будет, – ответил Алекс так хладнокровно, словно она попросила полетный план.

Он большую часть жизни провел ее пилотом. Они ловили настроения и ритмы и под давлением только точнее прилаживались друг к другу. Может быть, групповое сознание – не такая уж новость. В каком-то смысле подобное за десятилетия сложилось у команды «Роси», и получилось что-то большее, чем сумма его частей. Теперь оно пошло трещинами и рассыпалось: Бобби нет, Клариссы нет, Джима нет, Амос изменился, – но они с Алексом еще сохраняли его искру. Последняя гладкая поверхность в ставшей грубой и кусачей вселенной.

– Ну, зараза! – воскликнул Алекс. – Похоже, объявлен последний танец.

Одновременно с его словами на тактической схеме появилось предупреждение. Из лаконских врат вышел новый корабль. Без транспондера, но в нем и нужды не было. Хватило силуэта. Размерами он уступал разве что космическим городам, и в очертаниях виделось нездоровое сходство с органической структурой. В пространство колец вошел «Голос вихря». Наоми взглянула на него едва ли не с облегчением. Ужасно было ожидание. А теперь худшее настало, и осталось сделать последние ходы, а потом сложить доску и проверить, кончается все со смертью или будет еще что-то интересное.

Она начала запись:

– Говорит Наоми Нагата. Весь огонь сосредоточить на «Вихре». Когда иссякнет боезапас, эвакуируйтесь, кто как может. Мы будем держать позицию.

Дотянувшись до поста связи, она приказала «Роси» передавать сообщение всем кораблям по очереди. К тому времени, как она закончила, «Вихрь» заметно продвинулся от врат. Он шел на пугающе большой скорости и беспощадно тормозил. «Роси» мгновенно прогнал расчеты. «Магнетар» держал курс на станцию кольца и должен был покрыть полмиллиона километров менее чем за двадцать минут. Шел на защиту Дуарте.

– Эй, – позвал по связи Амос, – как считаешь, сколько снарядов рельсовой успеем всадить в эту штуку, пока она сюда доберется?

– Есть один способ проверить, – ответил Алекс, и Наоми захлестнула огромная любовь к ним обоим.

По всему пространству колец, в последнем прибежище человечества, горстка еще владеющих собственным разумом швыряла торпеды, обстреливала из ОТО и рельсовых приближающееся чудовище, ясно сознавая, что это ничего не изменит. Наоми отслеживала выпущенные торпеды, потоки быстродвижущихся снарядов. От одних «Вихрь» уклонялся, другие игнорировал. Для него они были мошкарой, мог позволить себе равнодушие.

Пришло сообщение от Элви с данными по изолирующей камере. Наоми вложила его в торпеды «Роси» – как прощальное письмо в бутылку – и выстрелила. Боезапас «Роси» упал до нуля. «Ну, ты хоть старалась, – сказал какой-то старик. – Ты очень старалась». Она представляла себе его дом: маленький глинобитный домик на улочке Боготы – и рыжего кота на

подоконнике. Она уходила в грезы наяву – ощущала вокруг себя другие жизни, чувствовала, как забывается Наоми Нагата вместе с ее болью, потерями, гневом. И радостью тоже.

Она проверила сроки. До следующей дозы лекарства оставался час. Впрочем, это уже ничего не значило.

Она включила общекорабельную связь. Поискала последние слова. Такие, чтобы в них уложилась ее любовь к этим людям, кораблю, жизни. «Вихрь» уже покрыл полпути до станции, хотя вторая половина займет больше времени. «Роси» и за четверть миллиона километров улавливал избыточное излучение в его дюзовом следе.

Прозвучавший вопль был буквально неописуем. Все забил вкус мяты, бьющий в глаза фиолетовый и содрогание оргазма без наслаждения. Ее разум дергался и метался, тщась понять непостижимое, сопоставляя сигнал то с одним, то с другим полем ощущений, пока она не очнулась, зависнув над своим амортизатором и не представляя, сколько прошло времени.

– О! – сказал Алекс. – Вы почувствовали, люди?

– Угу, – хмыкнул Амос.

– Есть идеи, что это было?

– Не-а.

Тактическая схема еще висела на экране, но она изменилась. «Вихрь» вырубил тормозную тягу и теперь должен был миновать станцию с огромным перелетом. Другие корабли – и ее, и вражеские, просто разметало. На панели связи светилось радиосообщение, и Наоми поняла, что глушилка заткнулась. Она включила прием.

Женщину на экране – молодую, темнокожую, коротко стриженную – Наоми однажды уже видела.

– Я адмирал Сандрин Гуярат с лаконского корабля «Голос вихря». Буду очень благодарна, если мне объяснят, что за хрень творится.

Наоми занесла палец над «Ответить» и соображала, что сказать. В этой позиции ее застало еще одно сообщение, на этот раз с «Сокола». Элви блестела круглыми глазами, а ее яростная улыбка больше походила на оскал.

– Я доктор Элви Окойе, глава научного директората Лаконии. Сознание каждого из вас подверглось манипуляции. Возможно, вы дезориентированы или испытываете неадекватные эмоциональные реакции. Ни один корабль в этом пространстве вам не угрожает. Прошу вас лечь в дрейф и оставаться на месте. Мы скоро окажем помощь. Повторяю…

Наоми выключила связь. В тишине «Росинанта» отпустила свои мысли – и не услышала ни одной чужой. Ни посторонних воспоминаний. Ни голосов. Ни угрозы невидимого присутствия.

– Наоми? – окликнул Алекс. – Мне тут как-то странно.

– Ему конец. Ульевому разуму. Его больше нет.

– Так это не только у меня?

Амос ответил спокойно и дружелюбно:

– И мне в затылок больше никто не стучится.

– Он справился, – сказала она. – По-моему, Джим справился.

Она закрыла глаза, расслабилась, и тут ее ударило – болезненным пинком со всех сторон разом. Глаза распахнулись, но она не понимала, что видит. Рубка ничуть не переменилась: пост связи, амортизаторы, переход к кабине и вниз, на другие палубы. И в то же время все стало другим. Экран связи светился всеми пикселями, мигал и переливался со скоростью, неуловимой человеческим глазом. Все формы мира, каждая кнопка стали неуловимо абстрактными, невоспринимаемыми, как не воспринимается кривизна планеты с ее поверхности. Она подняла руку: кожа на костяшках была горной страной с расщелинами и долинами, такого сложного переплетения не создала бы никакая эрозия.

От ее вскрика воздух затрепетал, волны расходились, искривлялись, то усиливая, то поглощая друг друга.

Она пошарила в поисках пряжки креплений, но и на ощупь не различила, где кончается одна поверхность и начинается другая. И сквозь пустоту предметов, сквозь вакуум, живущий в сердце материи, протянулись пряди живой тьмы, более осязаемые и реальные, чем ей доводилось видеть. Они извивались, они плыли, а за ними извивалось и распадалось все. Маяк остался без смотрителя, и старые боги вернулись.

«О, – еще сумела подумать она. – Значит, так…»

Глава 46. Танака

– Тереза, – крикнул девочке Холден, – уходи оттуда!

Не ломай станцию!

«Ну, – подумала Танака, – это ли не писец?»

Девочка, не слушая, рвала вросшие в тело верховного консула черные нити. Ничего подобного инструкция не предусматривала. Все это и близко не походило на их с Трехо расчеты и надежды. Ей надо было очень-очень срочно учиться мыслить самостоятельно.

Девочка содрогнулась и прыгнула, но не своей волей. Что-то оторвало ее от останков Дуарте. Дикая паника на лице Холдена сказала ей: он знает, что это, и ничего хорошего в этом не видит. Девочка завопила, не сознавая, что вопит, а Холден дотянулся до нее и привлек к себе. На миг ей почудилось, что девочка растягивается. Танаке явственно представились невидимые ангелы, тянущие ее за руки, за ноги. Была когда-то такая казнь, подумалось ей. Привязать к конечностям казнимого лошадей и посмотреть, какой кусок получится самым крупным. Но Холден заорал, и ангелы пропали, оставив девочку.

«Господи, да ты разочарована? Разочарована, что не увидела ее смерти? – спросил мужской голос. – Да что это с тобой? Как ты живешь с собой такой?» Потом в ней был кто-то еще – мужчина, женщина или нечто, – а она, одиннадцатилетняя, была в офисе ИннисДип. Администратор объяснял, что ее родители умерли. Все другие чувства заглушила невысказанная, но ясная жалость. Вот почему она такая изломанная. Вот почему причиняет людям боль. Вот почему трахает только тех, кто ей подвластен, – потому что ее так напугали. Вы посмотрите, сколько в ней всего перекручено.

– Богом клянусь, – сказала она так тихо, что Холден с девочкой не слышали, хотя обращалась она не к себе, – я всажу себе в мозг пулю, если ты из меня не уберешься.

Холден что-то говорил девочке. Танаку он не интересовал. Ей хватило корчащегося бледного тела Уинстона Дуарте – все еще прошитого черными нитями, – чтобы понять: расчет на родительский инстинкт не сработает. Девчонка оказалась бесполезна. И ее задание – доставить верховного консула к Трехо – тоже невыполнимо. Даже если Дуарте способен покинуть это место, ни Трехо, ни Лаконии, считай, не существует.

Следовательно, и ее статус «омега» ничего не значит. Она сменила его на кое-что получше. На свободу. Ничто не помешает ей поступить так, как она сочтет нужным, разве что найдется кто такой храбрый, что попробует помешать.

Ее одернул шум. Стрекочущее гудение, чем-то напоминавшее поступь солдат на плацу. Из отверстия в светлой горячей поверхности камеры появился громадный насекомоподобный часовой, за ним другой. А потом они хлынули из всех отверстий. Танака чувствовала, как округлились у нее глаза.

– Холден, у нас проблема.

Он тихо выругался. Девочка плакала. Голубые светлячки вихрились искрами погребального костра.

– Если их подранить, они вас разберут на части. Буквально: используют ваше тело на восполнение ущерба.

– Вы сумели защитить девочку?

Холден на мгновенье смешался. С кожей у него было что-то не так. Как будто под ней нарастал слой перламутра.

– Я… да? Наверное.

Танака переключила встроенный в рукав пулемет на бронебойные.

– Хорошо. Теперь постарайтесь для меня.

Первый выстрел был нацелен в Дуарте, но авангард вражеской армии, накатив на нее, сбил прицел. Толчок отбросил ее в сторону и запустил кувырком, но она и тогда не престала улыбаться нападающему. В этом безликом и безглазом механизме было мало органического. Она вогнала кулак в то, что сходило у него за грудь, задержала костяшки на необыкновенных пластинах его брони или экзоскелета и открыла огонь. И удивилась результату – даже с учетом поддержки ее силового скафандра. Часовой дернулся, замер, и тут же на его месте возникло двое. Она ощутила притяжение, как от магнита, хотя сенсоры ее скафандра не отмечали присутствия поля, а тело пронизала боль, словно иголки вгоняли в кожу. Один из часовых замахнулся на нее серповидой лапой, лезвие скрипнуло по нагрудной пластине, а она успела увидеть, как Холден, своим телом заслоняя девочку, скалит зубы в напряженном усилии.

Уколы ослабели, она ухватила лапу-серп, уперлась ногами в тело механизма и вырвала лапу напрочь. Вокруг были другие – бились о нее, так что от лязга в ушах звенело. На миг она потерялась в экстазе боя, ломая все, до чего могла дотянуться, и расстреливая то, до чего не могла.

Их было слишком много – никакой надежды на победу. Одному повезло: он оставил осколок своего панциря занозой в левом плечевом стыке скафандра. Другой обернулся вокруг ее правой ноги и не отпустил, даже когда она вогнала в его тело дюжину пуль. Они роились, колотились о нее, гибли и уступали путь десяткам следующих. Она снова переключилась на зажигательные, и все вокруг обратилось в пламя, но они все напирали, пробиваясь сквозь расширяющуюся огненную стену. Двое повисли у нее на правой руке и общими усилиями сумели погнуть броню. Еще двое добрались до левой. Она не знала, скольких убила, но наверняка больше дюжины. Сколько успела, пока они не наткнулись на работающую стратегию.

Она продолжала стрелять, но целиться уже не могла. Хорошо, если кто-то из них вылезет на линию огня и подохнет. Холден обхватил девочку, закрыл глаза, обливался потом. А за его спиной, сквозь толпу часовых, она видела Дуарте.

Человек, ради которого она изменила Марсу, болтался мокрой тряпкой на ветру. Его сияющие незрячие глаза больше всего напоминали ей катализатор, которого держала при себе Окойе. По черным нитям бежали голубые светляки, сшивали его как было. Она его не жалела. Она чувствовала только презрение.

Светящиеся глаза обратились к ней и как будто ухватили ее. Впервые за все время – *увидели*. Что-то открылось в глубине ее сознания, что-то там взломали, вскрыли, и в нее влился Дуарте. Понятие об Алиане Танаке отдалилось и уменьшилось в сравнении с сознанием Дуарте – или чем там он стал теперь. Муравей, презревший муравейник, будет разорван. Осе, предавшей гнездо, не жить.

Часовые потащили ее к нему, к его черной паутине, в воронку унижения. Ее заполнил океан стыда – стыда, который помимо ее воли вливали в нее в наказание, или подчиняя, или доказывая, что собственная душа может обратиться против нее по чужой воле… Все равно. Девчонка визжала, зовя отца, а в глубокой темнице своего сознания маленькая Алиана Танака оплакивала родителей и свое злодейство: ведь она обратилась против духовного отца, истинного отца, и идеалов Лаконии. Ее наполнили голоса, скорбные, гневные, обжигающие, как струя из пескоструя. Она чувствовала, как разваливается в поле их внимания, пока от нее не осталось одно горе. «Продолжающееся насилие в интимной сфере», – произнес чужой голос в уже не ее сознании. Вторжение в ее тайное «я». В место, которое она таила про себя и только для себя.

К ней пробился еще один голос. Не Дуарте, не его улья, а ее собственный. Из ее прошлого. Не причиняй он боли до сих пор, она бы вряд ли его расслышала. Тетя Акари. «Ты грустишь или сердишься?» И пощечина обожгла не зажившую еще щеку. «Ты грустишь или сердишься?»

«Сержусь», – подумала Танака, и стало так.

Она подняла голову. До Дуарте в его изорванной темной колыбели оставалось не более восьми метров. Двигаться она не могла. Часовые держали крепко и усердно пытались разобрать. Но держали они скафандр. А не ее.

Ее недаром так долго обучали самым разным видам боя. Выучка дала простое преимущество: двигайся помимо мысли. Не обдумывай, не взвешивай, не планируй. Все это ни к чему. Аварийный сброс скафандра превратил его в расцветающий бутон: пластины и сочленения раскрылись лепестками и отвалились вместе с держащими добычу насекомоподобными тварями. Танака была свободна. Ощутила кожей воздух, легкость поддоспешника, напор жара. Все это доходило вспышками. Она их сознавала, но не удостаивала внимания. Знала, что один удачный удар часового вскроет ее до кости, но знала без страха. Как один из многих факторов, которые просчитываются без участия мысли, как ловят брошенный мяч.

Она мгновенно преодолела расстояние до Дуарте, скользнула к нему сквозь прорванную девчонкой дыру в левой части паутины. Одной рукой обхватила его горло, ногами обвила его за пояс. Жар его тела причинял боль, но она держалась. Такое положение позволяло использовать все мышцы тела, мощь спины против мелких шейных позвонков Дуарте. Где-то вопила девчонка. Что-то кричал Холден. Танака потянула с разворотом. Позвоночник Дуарте переломился с щелчком выстрела. Она не столько почувствовала, сколько услышала. Будь здесь гравитация, голова у него повисла бы под тяжестью черепа. А так почти ничего не изменилось. Часовые дрогнули. Снова закричал Холден. Что-то ужалило ее в плечо. Волоконце черной пряди впилось в кожу. На месте укуса выступила полукруглая капелька темной крови, она ее стерла, а Холден снова закричал. На этот раз до нее дошел смысл слов.

– Он еще жив!

Дуарте, которого она так и обхватывала ногами, шевельнулся. Шум помех в мозгу взорвался визгом. Все ее инстинкты кричали: оттолкни и уклоняйся или атакуй. Она выбрала атаку.

Холден висел в воздухе, медленно поворачиваясь по всем трем осям, держа девочку на руках, лицом к себе, чтобы ей не было видно. Кожа у него стала пестрой, она светилась и елозила по напрягшимся мышцам. Часовые дернулись к Танаке – и откатились. Две руки бились за обладание инструментом. В последнем бою она стояла щит к щиту с треклятым Джеймсом Холденом.

Танака дважды врезала Дуарте по ребрам. Во второй раз почувствовала, как ломаются кости. Еще один укол. Новая нить впилась ей в бедро. Танака ее смахнула. Девчонка пыталась освободить папочку, и даже ее неумелые потуги кое-что дали. Танака понятия не имела, что связывает Дуарте с его сетью, но слабое место распознала. Настоящего «шуто учи»[6] не получилось, пришлось импровизировать. По-прежнему обвивая Дуарте ногами и держа локтем за горло, она как ножом рубила ребром ладони туда, где нити сходились с его телом. С каждым ударом отрывались еще несколько. В воздух летели брызги черной жидкости – она не знала, из Дуарте или из этих волокон.

Она всем телом чувствовала корчи Дуарте и оттого держала его еще крепче. Внутренняя сторона бедра горела, будто туда кислотой плеснули, но эта боль была всего лишь информацией. Думать о ней незачем. Танака рубила и рубила нити. К тому времени, как освободила ему один бок, Дуарте начал хлопать ее руками по лицу, по виску. Вопль у нее в голове уже не прекращался.

Когда она сместилась, чтобы добраться до нитей на другом боку, у нее лопнула кожа на руке. Из горла Дуарте выступили мелкие отростки, толстые и влажные, как слизни. Они пробуравили ей рукав и проникли в мякоть руки. Танака, вскрикнув, попыталась отдернуть ноги – и не смогла.

---

[6] *Шуто учи* – название удара в карате, переводится как «ладоньнож».

– Ах ты хрен, – сказала она.

Забыв о стратегии, принялась бить его в бок кулаком, с каждым ударом ломая кости. Тварь, не так давно бывшая вождем человечества, визжала от боли, радуя ее этим визгом. Что-то прижалось к животу Танаки и поползло в нее, извиваясь по-змеиному. Она напряженными пальцами ударила туда, где заканчивались ребра Дуарте и начинался мягкий живот.

– Не нравится, когда с тобой так, тварь, – приговаривала она. – Когда с тобой, тебе не нравится.

Рука стала скользкой от чернильной крови. От нее жгло мякоть под ногтями. Кончики ее пальцев пробили плотные сопротивляющиеся слои мышц, и рука вошла внутрь. «Змея» у нее в кишках свивалась и хлестала хвостом. Боль была запредельной. Танака вдавила в него руку по запястье, притянула к себе вплотную. В его груди что-то трепыхалось, как воробей. Она ухватила это трепыхание, раздавила и продвинулась глубже.

Что-то случилось, и все стало белым. Она потеряла себя, пусть всего на несколько секунд. А когда вернулась, голова была ясной. Впервые с возвращения «Прайсса» из голландцев принадлежала ей одной. Танака закашлялась и почувствовала вкус крови.

Нити, еще прошивающие их слившиеся тела, отпали, поплыли в мареве раскаленного воздуха, как дымок из ада. Танака часто дышала, а когда попыталась вдохнуть глубже, не сумела. Она оторвала ноги от трупа Дуарте, и ямы вырванной плоти, большие, как мячи для гольфа, заполнились ее кровью. Когда она попыталась его оттолкнуть, застрявшая у нее в кишках «змея» порвалась.

Дуарте медленно вращался в воздухе. Его пустые глаза смотрели мимо нее. Она почти четыре десятилетия служила Лаконской империи, и хорошо служила.

Собой она была дольше.

Слева от нее застыли Холден с девочкой. Туча часовых вокруг них обратилась в статуи. Холден поймал ее взгляд. В нем еще осталось достаточно от человека – она видела ужас и отвращение на его лице. Будь у нее личное оружие, она бы вогнала в них обоих пулю и полюбовалась, как они вместе с ней истекают кровью. Она протянула руку, выставила указательный палец, подняла большой и прицелилась в лицо Холдену.

– Ба-бах, засранец, – сказала она.

И еще успела почувствовать злость, что он не умер.

Глава 47. Джим

– Не смотри, – сказал Джим. – Не смотри, детка. Я тебя держу. Не смотри.

Тереза прижималась к нему лбом, пряча глаза. Он даже онемевшими руками чувствовал, как тяжело она дышит. Тело ее отца, мало что изуродованное, так еще переделанное, медленно уплывало. Полотнища черной жидкости прижимало к нему поверхностным натяжением. Плыла и Танака, покрытая более традиционной кровью. Два тела медленно расходились.

Он попробовал представить, каково было бы ему, если бы у него на глазах так погибла мать Элиза, отец Цезарь или кто-то еще из родителей. Попробовал представить на месте Дуарте Наоми или Алекса. Не сумел. Не сумел представить себя шестнадцатилетнего видящим, как отец – центр его жизни и его мира, отнятый у него и, словно в насмешку, возвращенный, так страшно умирает.

– Все будет хорошо, – шептал он всхлипывающей, поскуливающей девочке. – Все хорошо.

Миллер снял шляпу и утер воображаемый пот с несуществующего лба. Выглядел он совсем измотанным.

– С ним все? – спросил Холден.

Миллер кивнул.

– Да, мы теперь здесь одни. Это хорошо. Я выключал этих горилл по сто раз в секунду, а он успевал включать и настраивать на убийство.

Тереза прижала кулаки к глазам. Миллер покачал головой.

– Вот чего я всегда терпеть не мог. Трупы и кровь – то еще зрелище, но тот, кому остается мешок… Особенно ребятишки. Терпеть этого не могу.

– Что мне делать?

– В норме я совал им плюшевого мишку и вызывал соцработника. Не знаю. Как сказать человеку, что такие правила игры и в этот раз выпал его номер?

Джим уткнулся подбородком ей в макушку.

– Все будет хорошо.

– Можно и соврать, – согласился Миллер. – Тоже помогает. Но на один вопрос нам надо бы ответить. Не вижу, как ее отсюда вытащить.

– Разве мы не можем расчистить дорогу? Если станцией не управляет Дуарте, не сумеем ли мы?

– Очень может быть. Я, похоже, для всего здесь вроде пульта управления. Но куда ты ее денешь потом?

Джим похолодел среди зноя.

– А чем плох «Роси»?

Миллер склонил голову к плечу, словно заслышав незнакомый звук.

– Ты забыл, зачем мы здесь. Все это – осложнение основной задачи. Наша подружка-полковница убрала Дуарте, а он затыкал пальчиком дырку в плотине. Мы-то здесь в безопасности. Эта штуковина уже приняла на себя все, на что способны плохие парни, и осталась целехонька. А вот те, кто там… – Он снова покачал головой.

Холод в груди у Джима на секунду разросся болью и выключился. Он кое-как перевел дыхание.

– Что мне теперь делать? Как это остановить?

– Что остановить? – спросила Тереза.

– Эй, – сказал Миллер. – У нас на двоих один мозг. Если знаю я, то и ты тоже. Я тебе говорил в прошлый раз: обладание телом дает определенный статус.

– Доступ, – сказал Джим.

– Здесь дистанционное управление не работает. Потому он и явился сюда лично. Здесь надо *быть*.

Джим ощутил, как расслабляются напряженные мышцы. Он и не догадывался, что они были напряжены: руки у него онемели уже до плеч, ноги до пояса. Он часто дышал, ныли сведенные челюсти. Миллер передернул плечами.

– Ты, когда шел сюда, знал, что не вернешься.

– Да. Но надеялся. Ты, может, и знал.

– Оптимизм – это для мудил, – со смешком проговорил Миллер.

– Что «может, и знал»? – спросила Тереза. – Я вас не понимаю. О чем вы?

Он взял ее за плечи. От застывших пленкой слез у нее воспалились глаза. Губы дрожали. Он знаком с ней с тех пор, как его, закованного, отослали на Лаконию. Она была ребенком, но и тогда не выглядела такой маленькой, как сейчас.

– Мне надо кое-что сделать. Понятия не имею, как оно выйдет, но послушай, я тебя здесь одну не брошу.

Она замотала головой, и он осознал, что она его не слышит. По-настоящему не слышит. Конечно, у нее шок. Тут у всякого был бы шок. Он пожалел, что так мало может. Неуклюже взял ее за руки. Пришлось смотреть на ее пальцы – он их не чувствовал.

– Я о тебе позабочусь, – сказал он. – Но это надо сделать сейчас. Сразу.

– Что сделать?

Он отнял руки и повернулся к сети черных волокон. Место, где стоял Дуарте, пустовало, только плавали несколько нитей. Их шевелил ветерок, которого Джим не ощущал. Чем-то их движение напомнило ему щупальца морских тварей, тянущихся за добычей. Его затошнило.

Он протянул руки, растопырил пальцы, подставил их волокнам. По нитям пробежали голубые искорки, закружились в воздухе. Он ощутил, как тихонько подергивает плечи – паутина натягивалась. Ряды обездвиженных часовых расплылись по светлому пустому простору. Трупы лаконцев относило все дальше. Черные пряди змейками устремлялись к нему, как на запах шли, и впивались в бока там, где их нащупали.

Тереза глядела на него как ударенная. В круглых глазах застыл недоверчивый ужас. Он поискал, что ей сказать: хорошо бы пошутить, разбить напряжение и смехом выдернуть ее из кошмара. В голову ничего не шло.

– Что бы он ни проделал, он это проделывал не в первый раз, – заговорил над ухом Миллер. – Если нужна была настройка или подготовка. Дуарте уже все наладил до своего фокуса с неисчезновением «Прайсса». Нам придется только чуть подправить.

– И где искать? – спросил Джим. – Я же не знаю, как это все работает. Только и могу, что встроить в сеть самого себя и надеяться.

– Док об этом говорила. Вся эта штука хочет делать то, для чего создана. Ты ей только позволь. Ты не мастеришь пистолет, а только жмешь на спуск.

– Знал бы ты, как мало меня обнадеживаешь, – сказал Джим.

То, что засело у него в кишках, шевельнулось. Сердце, натужившись, сделало что-то вовсе не свойственное сердцу, и он очутился не здесь. Не здесь было круто. Он снова чувствовал руки и ноги, а боли не чувствовал. Напрягая взгляд, он еще мог увидеть светлый зал с плавающими по нему часовыми. И тело, прошитое нитями и переделанное протомолекулой. Он словно завис на грани сна, сознавая одновременно и себя спящего, и свой сон.

Миллер откашлялся.

– Началось. Ты поторапливайся.

– Что я должен делать?

Миллер взглянул виновато.

– Ты теперь – станция. Это твой Эрос, а ты – его Джули. Расслабься, дай ей показать тебе то, что хочешь увидеть.

«Наоми, – с болью подумал Джим. – Я хочу снова увидеть Наоми».

Неуклюже, как впервые вставший на ноги ребенок, его сознание расширилось. Это было не зрение и не интеллектуальное познание, а смешение того и другого. Он ощутил Наоми на своем месте в рубке, распознал ее отчаяние. И впервые увидел врага, разметывающего как пыль молекулы и атомы его корабля.

Он машинально дотянулся и оттолкнул его. Чернота из другой реальности вопила и сопротивлялась, напирала на него. Джиму хотелось бы почувствовать напор на свои ладони, но здесь было не совсем то. Тело сейчас ощущалось очень непривычно. Но он чувствовал наплывающую на Наоми черноту и что она борется с мощным течением.

– Ты постарайся мыслить чуть шире, – посоветовал Миллер, и поле зрения раздвинулось.

В сознание ворвались кольца-врата и пространство между ними. Не обычное физическое пространство с разбросанными по нему кораблями, не просто команды кораблей с огоньками разумов, а невидимая структура всего этого: линии полей, протянувшиеся кружевом между вратами и станцией, петли, поддержки, слияния и расхождения – вся сложная божественная геометрия. С этой точки зрения вторжение врага на «Росинант» и все остальные корабли воспринималось как единое целое. Прогиб силовых линий поля, не дававшего схлопнуться в точку пространству колец.

Он попробовал выправить прогиб, вернуть природу пространства к прежнему виду, но действующее против него давление было неумолимым. И вездесущим: повсюду, где он пытался его сдержать, оно обтекало препятствие.

– Миллер?

– Здесь я.

– Я не могу. Мне его не удержать.

– Это плохо.

– Миллер! Они погибнут!

Джиму казалось, что он силится зубочисткой поднять одеяло. Слишком мал он был, а давление напирало повсюду разом. Он чувствовал, как начинают угасать огоньки на десятках кораблей. Один из цельного предмета с горящей энергией сердцевиной превратился в тысячу крошек, в ничто – враг разбил его и напором атаки вытеснил за пузырь пространства.

– Как мне это остановить?

– Ты уже знаешь, – ответил Миллер. – Я тебе говорил. Так же, как он останавливал.

Джим потянулся к огонькам умов, втиснулся в них и почувствовал, что растет с каждым их прикосновением. Человек с Земли, родившийся после катастрофы и вступивший в подполье наперекор капитулировавшему перед Лаконией отцу стал частью Джима. И женщина, у которой болела и, может быть, умирала в оберонском медцентре мать. И кто-то, тайно влюбленный в своего пилота. Кто-то, подумывавший о самоубийстве. Джим вливался в умы всех людей из пространства колец, Наоми, Алекса, Амоса – и невозможное делалось возможным.

– Это… – заговорил, но не вслух, Миллер. – Все это создано одним из видов животных. Животных, состоявших из света и распространивших единый разум на тысячу с лишним систем. Тебе, чтобы стрелять из их пушек, придется обзавестись руками как у них.

«Руками?» – хотел спросить Джим, но его теперь было слишком много, он был слишком велик, ярок и полон, чтобы понять, удалось ли ему что-то сказать.

– Это фигура речи, – ответил Миллер. – Не придирайся.

Джим надавил, и на сей раз ему удалось давить всюду разом. Напор был ужасен. Враг был сильней его – сильнее их, – но структура колец, и пространства, и линий невидимого поля, подобно строительному меху, нарастили его силу и защитили его. Медленно, с болью, он отступал. Сокрушительное давление извне пространства колец было подобно кузнечному горну, двигателю, источнику невообразимой энергии. Станция кольца, словно мастер дзюдо, приняла почти безграничную силу целой вселенной и извернулась, обратив ту против себя. Та, старшая

вселенная вне сферы колец, миновала его, и он ощутил причиненную ей боль. Он ощутил ее ненависть. Ощутил себя раной в ее теле.

Она напирала, но теперь у него были силы для сопротивления. Линии вернулись на свои места, стабилизировались таким образом, чтобы не тратить лишнего усилия до новой атаки древнего врага. Он ощутил обвившую Медленную зону черную змею больше многих солнц размером.

– Вся доступная нам энергия исходит из чего-то, желающего стать другим, – говорил Миллер. – Вода, запертая плотиной, хочет стать океаном. Уголь хочет стать золой и дымом. Воздух хочет уравнять давление. Эта штуковина крадет энергию из других мест, как ветряк, вращаясь, немного замедляет ветер. И обитатели тех мест всегда будут ненавидеть нас за это.

Джим отступал, извлекая себя из одного разума, из другого, еще и еще. Делая себя меньше, меньше и слабее. Снова становясь собой.

– Так, – продолжал Миллер, – они уведомляли о своем, скажем так, неудовольствии – отыскивая способы нас прикончить. Под «нами» я разумею все, что растет в нашей вселенной. Наших двоюродных братцев – галактических медуз и все прочее. Враги отнимали систему там, систему здесь. Мы закрывали врата, чтобы не дать им нас убить, но все напрасно. Мы пытались создать оружие, способное их остановить.

– Но ничего не получилось, – заключил Джим.

– Не получалось – до сих пор. Смотри, теперь у нас имеется несколько миллиардов обезьян-убийц, которых мы можем вставить на место воздушных ангелов.

Я бы теперь оценил наши шансы повыше прежнего.

– Дуарте так и задумывал.

– Да.

– Я не для того столько прошел, чтобы стать им.

– Может, ты все это прошел, чтобы понять, почему он сделал то, что сделал. Чтобы уместить это в голову, – сказал Миллер, снимая шляпу, чтобы почесать за ухом. – Ты отбиваешься изо всех сил, или тебя уничтожают. В любом случае человеком, как раньше, тебе уже не бывать.

По всему пространству колец встрепенулись люди. Страх, облегчение, сосредоточенность на ремонте, чтобы все подготовить к сигналу тревожной сирены.

А за кольцами были системы. Миллиарды жизней. Миллиарды узлов, ожидающих, пока их снижут в ожерелье одного огромного и прекрасного разума. Отсюда Джиму открывался вид на великое единство, которым могло бы стать человечество и, более того, на то, что он мог бы с ним сотворить. Он мог бы завершить начатый Дуарте труд и привнести в мир нечто новое, величественное и могущественное.

Это было бы воистину прекрасно.

Миллер покивал, будто с чем-то согласился. Может, и согласился.

Накручиваешь себя на первый поцелуй с любимой? Или злишься, потому что из квартиры этажом выше вид лучше, чем у тебя? Играешь с внуками или выпиваешь с дураками-сотрудниками, потому что страшно возвращаться в пустой дом? Вся эта убогая безрадостная фигня от того, что ты на всю жизнь заперт в собственной голове. Это жертва. От этого придется отказаться, чтобы выбить себе место среди звезд.

На миг Джим позволил себе заглянуть в далекое будущее, увидеть сияние человечества, распространившегося по всей вселенной, его открытия, его творения, его разросшийся хор. Выход из отдельности человеческого ума – это как зачатие. Покрывало света, соперничающее яркостью с самими звездами. Его плотское тело в светлом зале прослезилось в трепете.

И он вздохнул.

– Нет, не стоит.

– Ну, да, – сказал Миллер, – но что ты можешь сделать?

– Они закрыли кольца, – проговорил Джим, – но оставили станцию. Медленную зону. Оставили все это в надежде вернуться. Кольцо Сол не включилось бы, не будь здесь станции, чтобы подключиться к ней. Они намотали бинт, не удалив занозу.

Миллер задумчиво хмурился, но глаза у него блестели. Где-то пронзительно звала Джима Тереза. Вот чем следовало заняться. Первым делом главное.

– Амос, – сказал Джим, и верзила-механик обернулся к нему.

В мастерской горело аварийное освещение, куска палубы как не бывало. Амос в одной руке держал заготовку для заплаты, в другой – сварочную горелку. Из своего амортизатора залаяла Ондатра, завиляла хвостом.

– Привет, кэп.

– Тяжелые повреждения?

Амос пожал плечами.

– Бывало хуже. Что там у тебя?

– Много чего. Правда, много. Я попрошу тебя об одолжении.

– Почему бы нет.

– Скажи Наоми, пусть эвакуирует пространство колец. Всех вывести. И будьте готовы остаться там, куда уйдете.

– Это на сколько?

– Остаться, – повторил Джим, и Амос поднял брови.

– Так. Ладно.

На краю пространства колец шевелился, напирал враг – должно быть, почуял, что силы у Джима уже не те.

– И скажи ей, пусть поспешит. Я не знаю, сколько смогу продержаться.

Амос оглядел мастерскую, сжал губы, вздохнул и принялся убирать инструмент.

– Уверен, что не хочешь сам ей сказать?

– Думаю, мы уже сказали все, что надо было, – ответил Джим. – От нового прощания легче не станет.

– Понимаю. Ну, с тобой хорошо леталось.

– И с тобой.

– Эй, кэп, а с остальными что?

– Танака мертва. Дуарте тоже.

– Кроха?

– Без нее не улетайте.

– Это я и хотел услышать.

Джим переключил внимание на станцию, сложную и деятельную, как его клетки. Все теперь было ему понятно: переходы, часовые, огромные машины, преломлявшие богатый свет и открывавшие дыры в спектре. Это они генерировали линии поля. Еще многое оставалось ему невидимо или непонятно. Они просто вломились, куда не звали, замкнули врата накоротко и надеялись, что все обойдется. Прекрасные идиоты, весь их род.

Он сдвинул, что удалось сдвинуть, восстановил проходы. Это было рискованно. Силовые линии дрогнули, а враг, принюхиваясь, кружил у врат. Джим открыл глаза.

На него обрушилась боль. Сейчас, осознав свое тело, он не понимал, как мог о ней забыть. Онемение членов уступило место жжению. Нити в боку дергали и рвали. Он плохо видел. Глаза менялись, кожа живота жутко зудела, а руки были связаны, не почесаться.

Тереза плавала, свернувшись комочком. Он знал, что она пыталась до него докричаться, так же как знал плотность элементов или имена греческих богов. Умом – и давно забыв, откуда узнал.

– Тереза, – сказал он. Голос хлюпал и булькал. Она не отозвалась. – Тереза!

Она вскинулась. Лицо у нее опухло. Глаза покраснели. Ужасно она выглядела. Красивая до боли. Такая человеческая.

– Я расчистил тебе дорогу к кораблям, – сказал Джим. – Тебе придется бежать бегом…

Глава 48. Алекс

– … Немедленная эвакуация. Имейте в виду: отныне вам придется жить в той системе, куда вы уйдете. После перехода не рассчитывайте на связь и не пытайтесь снова войти в пространство колец. Это не шутка. Это не учения. Повторяю сообщение…

Наоми закончила запись, разослала ее и, отплыв от экрана, пару раз сглотнула. Алекс так же, как она, ощущал пустоту внутри.

– Ну, – сказал он, – господи боже мой…

Рубка не то чтобы превратилась в обломки, но смотреть было больно. Он сидел в камбузе, когда мир стал незнакомым и в него клочьями редкого тумана вплыла чернота, ставшая единственной реальностью. Удачно для него сложилось, потому что от пилотского кресла осталась половина. Будь он на обычном месте, ему бы уже ни о чем не пришлось беспокоиться.

У Наоми рука висела на перевязи, но все части тела уцелели. Насколько они сумели восстановить события, она, отскочив от потянувшейся к ней черной твари, ударилась плечом в переборку. Отсутствовала длинная полоса палубы, и во внутренней переборке осталась дыра, наскоро залатанная Амосом: на пенно-тканевом покрытии ярко блестел металл.

– Чего нам не хватает до готовности? – спросила Наоми.

Амос по заведенному после смерти обыкновению замер, потом пожал плечами.

– Надо бы еще кое-что подлатать. Мы потеряли одно ОТО по правому борту, но стрелять ни в кого не собираемся, так что это подождет. Проверить, не протекают ли водяные цистерны, перепроверить реактор и двигатель.

– Сколько на это уйдет?

Механик улыбнулся.

– Если мы молодцы – полчаса. Если нет – смотря по тому, насколько мы не молодцы.

– Ты начинай. Я, как только смогу, помогу.

– Принято, босс, – кивнул Амос. – И Кроха, да?

– Без нее не уйдем, – сказала Наоми. – Но «Сокол», может быть, придется отвязать.

– Тогда я еще перепроверю переходник. Он может натворить дел, если пытаешься втянуть неисправный.

– Спасибо, – сказала Наоми и обратилась к Алексу: – Предполетная проверка. Всего, сверху донизу. И повторяй диагностику до последней секунды перед стартом. Если успеешь пять раз, прогони пять.

– Будет сделано, – уверил Алекс, подтягиваясь в уцелевший амортизатор. – Не волнуйся ты, «Роси» нас не подведет.

– Да, потому что мы его не подведем, – сказала Наоми.

На тактической схеме метки оставшихся в пространстве кораблей переключались с зеленого на желтый, меняя курс и запуская двигатели. В очередь на связь выстроились уже полдюжины запросов: просили кто разъяснений, кто помощи. Алекс не знал, чем им помочь.

Наоми, отложив их на потом, отправила запрос Элви, и та сразу ответила.

– В каком состоянии «Сокол»? – спросила Наоми.

Алекс начал диагностику: проверял питание каждого маневрового двигателя, подачу реакторной массы, давление, управление…

В ответе Элви облегчение состязалось с безумием.

– Раздолбаны, взъерошены и далеко от дома.

– Мне бы чуть более техничное описание, – заметила Наоми, хотя в ее голосе слышалась улыбка.

Один из маневровых по правому борту высветил недостачу реакторной массы. Алекс занялся выделением линии и выявлением утечки.

– Мы потеряли двоих. Харшаана Ли и Дэвида Контрераса. Не помню, знакома ли ты с Дэвидом. Химик.

У него жена осталась на Лаконии.

– Ох… и Харшаан. Как жаль.

– Мы понесли ущерб, но не такой тяжелый, как в прошлый раз, потому что у меня это уже второй.

Третьего в жизни не захочу. Ненавижу!

– Сколько вам до готовности к старту?

– Час, – сказала Элви. – А потом взовьемся как нетопырь из ада.

Алекс обнаружил неполадку. Нарушена подача воды от цистерны. В идеале починить бы линию, но «Роси» создан для войны. Многократный запас прочности у него в крови. Для каждого резерва есть свой резерв. Алекс принялся перебирать альтернативные пути подачи, а на экране крутилась диагностика.

– Куда пойдете? – спросила Наоми.

Алекс расслышал во вздохе Элви нотку сомнения.

– В Сол, – сказала она негромко. – Я еще никому не говорила, но в Сол.

– Не в Лаконию?

– Туда уходит «Вихрь». Даже если Трехо решит сдержать слово насчет амнистии, а отказаться ему буквально ничего не стоит, я почти уверена, что адмирал Гуярат составила список врагов. Если я в него попала, а я точно попала, многим моим сотрудникам тоже достанется. Я разобью несколько семей, зато спасу несколько жизней. А вы?

– В Сол, – ответила Наоми. – Но я не уйду, пока Тереза не вернется со станции. Как только сумеем развести корабли, рви отсюда к черту.

– Меня упрашивать не придется, – сказала Элви и прервала связь.

Алекс нашел линию без потери давления и подключил ее. Наоми открыла первое сообщение из списка.

«Говорит капитан Лофтман с „Лагоморфа“. Нуждаемся в помощи. Наш двигатель получил катастрофические повреждения».

Наоми взялась за дело: искать спасателей для нуждающихся в спасении, отвечать на вопросы паникующих, снова и снова справляться у Амоса, как идет работа на корабле. Маленькое окошко на своем экране она отвела под визуальный телескопический обзор станции. Выхода из нее.

Алекс сначала заметил, что дрожит, и только потом понял отчего. А когда понял, убрал руки с управления. «Роси» делал свое дело: проверял статусы восстановителей воды и воздуха, силовой сети, эпштейновского двигателя.

– Наоми, – заговорил Алекс, и, видно, что-то в его голосе подсказало ей, что дело серьезное, потому что она сразу оторвалась от переговоров и обернулась к нему.

На миг она вспомнилась ему такой, какой он впервые увидел ее на «Кентербери», когда самой большой проблемой у них было в срок смотаться с Цереры к Сатурну и обратно, чтобы не лишиться премии за соблюдение графика. Тогда она была тихая. Теперь стала… Нет, они остались родными, но не прежними.

– Если так… – начал он, обдумывая каждое слово. – Если это – последний выбор, где быть… Я знаю, со мной вечно хлопоты, но Кит в системе Ньивстад, и его жена, и малыш. А я не молод. Если с одной стороны у меня: «Никогда уже не увидеться», а с другой: «Найду работу и буду переписываться и заглядывать пару раз в год»? Не знаю, как мне возвращаться в Сол. Моей семьи там нет.

Последние слова получились жестокими, но он не сумел найти других. Наоми была ему родной. И Джим. И Амос. Даже Тереза с ее старенькой псиной. Он отвел взгляд, страшась посмотреть Наоми в глаза.

– Если бы речь шла о Филипе, – сказала она, – я бы хотела быть там, где он.

– Прости.

– Ты чудесный. – Она снова повернулась к посту связи, и почти сразу на экране появилась Элви. – Планы меняются. «Роси» мне придется отправить в другое место. Сможете подкинуть нас с Амосом?

– Конечно.

– Мы с собакой.

– Самый беспроблемный пассажир.

Наоми разорвала связь и установила другую.

– Что у тебя, босс? – спросил Амос.

– Не втягивай переходник с «Соколом». Приведи «Роси» в полный порядок, возьми все, что хочется сохранить, и занимай койку на «Соколе». Вещички Ондатры тоже возьми.

Алекс подался вперед, придумывая объяснение. Извинение.

– Алекс решил податься к сыну? – спросил Амос.

– Угу, – ответила Наоми.

– Это не потому, что я вас не люблю… – начал Алекс.

– Это ясно, – бодро согласился Амос. – Раз на борту не будет меня, чтобы латать течи, я еще заменю кое-что.

– Тебе лучше знать, – сказала Наоми и отсоединилась. Дотянулась, пожала Алексу руку и отпустила. – Займись предполетным. Время у нас поджимает.

* * *

Через двадцать минут они были в шлюзе. Наоми несла под мышкой небольшую сумку, Амос – бутылку и детали приспособленного под Ондатру амортизатора. Остальное уже переправили на «Сокол». Собака, плавая между ними, крутила хвостом как пропеллером и беспокойно переводила с одного на другого взгляд больших влажных глаз. С трудом верилось, что после стольких лет на «Роси», после прожитой там жизни так просто все собрать и уложить. Но да, так вышло.

Внутренняя дверь шлюза стояла открытой, панель сообщала, что переходник закачан атмосферой.

Алекс ухватил и выпустил скобу, хотя его и так не сносило. «Ошибка, – думал он. – Нельзя было так. Я не прав». А потом он вспомнил Кита, представил, что никогда его не увидит и не услышит, – и промолчал.

– Я оставил в мастерской список, – сообщил Амос. – Там все, что требует скорой починки. В смысле, не ждет. И еще десяток-другой вещей, которыми надо бы заняться. Но я уверен, что ты справишься. Не знаю, есть ли у них на Ньивстаде сухой док…

– Есть, – сказал Алекс. – Я узнавал.

Амос повел черными глазами. Они вдруг перестали казаться жуткими.

– Тебе, пожалуй, первым делом надо туда. И не пользуйся рельсовой. С трещиной в конденсаторе под напряжением может рвануть.

– Ни в кого не стрелять. Понял.

– Разве что очень надо будет, – уточнил Амос и, ухватив псину под мышку, направился к двери шлюза.

Наоми улыбнулась, глядя на него.

– Ничего он не изменился, – заметил Алекс. – В сущности.

– Изменился, – ответила она. – Все мы изменилось.

– Пока ты не ушла, я хотел сказать…

Наоми ласково покачала головой, и он осекся.

– Было хорошо, – произнесла она.

– Было.

Она тронула скобу, развернулась и скользнула по воздуху в люк. Коротко гавкнула Ондатра, и Алекс хотел попросить, чтобы попрощались от него с Терезой, но внутренняя дверь уже задвинулась. Открылась наружная. Наоми, Амос и собака шагнули в переходник и за него. Алекс видел, что они переговариваются, но не слышал голосов. Перед ними открылся люк «Сокола», а наружный люк «Роси» закрылся, и Алекс остался на корабле один. Он еще подождал, уверяя себя, что просто вслушивается в гул втягивающегося переходника. Проверяет, все ли в порядке. Но, даже когда сложенный тоннель встал на место, позволяя стартовать, он еще поплавал несколько секунд, прежде чем вернуться к управлению.

Странно было пилотировать корабль из рубки. Не в первый раз, но раньше он если и делал так, то чтобы удобнее было разговаривать, не перекликаясь сквозь палубу. Пока они оставались на борту, он не раз прогнал диагностику, но все равно запустил заново. Ничего неожиданного не увидел и отошел от «Сокола». Когда включился основной двигатель, амортизатор навалился Алексу на спину и вдавил в гель. Тяга выглядела надежной. «Сокол» он выхлопом не задел. Он переключился на треть g, потом на половину. И на полную. И дал больше. Корабль поскрипывал. Он убеждал себя, что это нормально. Просто кажется громче обычного, потому что он слушает скрип в одиночестве. Два g – он вкатил себе половинную дозу «сока». И на этом остановился. Не хотел нагружать корабль, пока его по-настоящему не переберут. И не хотел схватить инсульт, когда некому дотащить его до медотсека.

– Обмен, – сказал он вслух. – Всего лишь меняешь одно на другое.

Никто ему не ответил. Он подождал немного, ощущая пустоту корабля. Только они с «Роси» и беззвездная бездна пространства колец. Он открыл корабельную связь:

– Если здесь кто-то есть, у вас последний шанс. Признавайтесь сразу, или навсегда останетесь в команде.

Он шутил, только кроме него некому было оценить шутку. Он проверил двигатель. Работает как надо. Курс был проложен в пределах выносливости, но из-за шума придется до прохождения раз или два подправить. Время хода до врат… Он поднял тягу до трех g. Кости выдержат. Не так уж он стар.

В первые полчаса он сидел в амортизаторе, переключая один за другим экраны диагностики в поисках неполадок. Потом на несколько минут сбросил тягу до трети g и сходил в камбуз за грушей чая. Хотелось ему пива, но до прохождения, пожалуй, не стоило. Зато музыку можно было поставить, что он и сделал. По коридорам и каютам разнесся старый марсианский раджфьюжн. Красиво и печально.

Алекс вернулся в кресло и снова пришпорил корабль.

Вскоре к вратам стали выходить другие корабли. Список присутствующих в пространстве кораблей с введенной Наоми моделью перехода сократился на одно имя. И на второе. Соответствующая графа показывала, что переход безопасен, что риск провалиться к летучим голландцам невысок, но с каждым уходящим кораблем показатель риска неуловимо лез вверх. «Даффи» ушел в Бара Гаон. «Кайвалья» – в Оберон. Даже бедный подбитый «Лагоморф» с неисправными дюзами добрался до врат Сол. Когда ушел в Лаконию «Вихрь», модель на целую минуту зависла в готовности предупредить подходящие корабли о необходимой задержке.

Хорошая была система.

Медленно, но со всей уместной поспешностью пространство колец пустело.

Алекс, прижатый к креслу, стал думать, что будет дальше. Он – пилот старого побитого корабля без экипажа. Он ничего не знает о Ньивстаде. Только что система в корпоративной собственности. Это мало что меняло. Зато там не будет больших военных сил. Владение боевым кораблем то ли обеспечит ему независимость, то ли насторожит местные власти. Впрочем,

рано было беспокоиться. «Роси» – хороший корабль и пригоден для действий в атмосфере. Его подлатать, собрать команду – и можно катать по системе научные экспедиции. Можно самому заняться разведкой и немножко старательством. Он представил, как Кит с женой отправляются с ним налаживать где-нибудь микроклимат. Или еще зачем-нибудь. Просто провести отпуск всей семьей. Он представил себя «дедушкой Алексом» и ухмыльнулся. Потом представил, что при дедушке Алексе не будет Жизели, чтобы отпускать шпильки насчет его брюшка, и позволил себе улыбнуться чуть шире. Впереди была хорошая жизнь. Разные возможности.

Предупреждение прозвучало, когда до врат оставалось еще сто тысяч километров. Нарушение подачи топлива к реактору. Может, пустяк, а может, и серьезная проблема. Он вывел сводку, пробежал по строкам пальцем, помогая глазам. Не такое время, чтобы что-нибудь упустить. Теперь он порадовался, что не взял пива.

– Давай, – уговаривал он свой корабль. – Ты справишься. Еще немного осталось.

Глава 49. Наоми и Джим

Где-то горел Джим. От лихорадки внутри. От жара снаружи. Где-то ему было плохо. Но не здесь. Здесь он воспринимал – видел, не видя, – как отходит от «Сокола» «Роси», удаляется от станции. Разворачивается и начинает разгон. Стоило сделать усилие, он бы придвинулся ближе. Узнал больше. Он не стал.

– Может, так оно и разумнее, – заметил Миллер. – Не стоит себя изматывать.

– Поздновато спохватился, – ответил Холден.

Детектив захихикал, а спину Холдена свело судорогой. На миг он очутился в светлой камере. Вокруг вихрились голубые светляки, и в их мерцании скрывались почти понятные слова. Дай ему время, он бы расшифровал. Его окатило волной тошноты. Голова закружилась, и камера пошла кругом, но это просто у него менялось среднее ухо. Он закрыл глаза и усилием воли вернулся в не-здесь.

В глубине станции бежала Тереза – слишком быстро. Проскочила коридор, ведущий к поверхности. К «Соколу». Он изменил проход перед ней, направил его куда нужно. Он видел, как она стискивает челюсти. Ее решимость была похожа на злость. Он жалел, что ничем больше не может ей помочь.

Изменилась природа пространства. Невидимые линии напрягались, возвращая ее к прежней. Холден напрягся, выравнивая их. Пространство осталось просто пространством. Еще на минуту.

– Помнишь, как мы в первый раз этим занимались? – спросил Миллер.

– Никогда мы этим не занимались.

– Ты знаешь, о чем я. На Эросе. Мы там сидели, ждали, пока с нас слезет шкура от радиации. И толковали про какую-то детскую передачу.

– «Миско и Мариско».

– Вот-вот. – Миллер промычал мелодию песенки, дирижируя сам собой.

Холден улыбнулся.

– Сколько лет не вспоминал. Видно, я здорово нагрешил в прошлой жизни, если умирать приходится в твоем обществе.

– Ничего подобного. Ты разваливаешься, но это не смерть. Это гораздо больше продлится.

– Если кто-нибудь не вмешается в процесс.

– Это да, – признал Миллер. – Если не.

Тереза приближалась к выходу. Еще несколько сотен метров, и выберется. Он надеялся, что она не забыла надеть шлем. В норме не стал бы беспокоиться, но сейчас она не в себе.

– Я тогда в первый раз сказал Наоми, что ее люблю, – вспомнил Холден. – Ох, она мне и врезала.

– Сам напрашивался. И кстати, кончилось-то все хорошо.

Тереза добралась до обшивки станции и вышла за нее. Он чувствовал, как она замешкалась, сбилась, но сразу нашла «Сокол» и толкнулась к нему. Из врат уходили корабли: за первым еще и еще. Пустое пространство становилось еще немножко пустее. Тереза приблизилась к «Соколу». Те, за вратами, шевельнулись, как хищник, учуявший то ли кровь, то ли дым. Не решались атаковать.

Тереза добралась до люка и вошла внутрь. Холден ощутимо расслабился. Он ждал, когда корабль начнет двигаться. Когда заработают дюзы. Минуты тянулись медленно. Мучительно.

– Давай, – торопил он. – Давай, уходи отсюда. Пожалуйста, не вздумай остаться. Пожалуйста, уходи.

* * *

Открылась внутренняя дверь шлюза, и в нее вкатилась Тереза. Глаза дикие, в слезах. Рот разинут от ярости.

– Где мой корабль?!

На «Соколе» все были при деле. Экипаж заканчивал необходимый ремонт, готовился к тяге, Амос собирал спецамортизатор для собаки, Наоми координировала эвакуацию отставших. Она чуть не опоздала встретить Терезу. Она заметила, в какой момент девочка ее узнала. Облегчение в сочетании с радостью, что нашлась мишень для гнева, дало сложную смесь.

– Куда девали «Роси»? – выкрикнула Тереза.

– Он понадобился Алексу, – сказала Наоми. – Мы теперь на «Соколе».

– Меня никто не предупредил!

– Эй, Кроха… – К Наоми подплыл Амос. – Я тут подумал, может, тебе…

Тереза с визгом бросилась на механика. Врезалась ему в плечо, обхватила за шею и обвила руку ногами. Наоми молотом ударил всплеск адреналина, и только потом она услышала, что девочка всхлипывает. Амос придерживался одной рукой вместе с повисшей на нем Терезой. Он обратил плоские черные глаза к Наоми, жестом спросил: «Что мне делать»?

Наоми пожала плечами: «Не знаю». Амос неумело погладил Терезу по голове.

– Ничего, Кроха. Все уже хорошо. Ты с нами.

Видно было, что он совсем не в своей тарелке – никогда еще со времени изменения Амос не выглядел настолько человеком. Минуту спустя появились Кара с Ксаном, тронули Терезу за плечо, давая знать, что они здесь, а потом молча обняли. Потрясенная девочка в утешительных объятиях трех серокожих черноглазых людей. Это походило на картину. Фантастическую и прекрасную. Тереза стала всхлипывать потише, но держалась все так же крепко.

– Может, нам понадобится пара минут, босс.

– Приходи, когда освободишься, – сказала Наоми и вернулась на выделенное ей Элви рабочее место.

Эвакуация шла нормально. Все способные двигаться корабли двигались. Со всех обездвиженных сняли экипажи. Большинство направлялись к ближайшему выходу. Дальше всех до врат было «Роси» и припаркованному в центре пространства «Соколу». Еще некоторые решились пересечь все пространство колец, добираясь до Бара Гаона, Сол или Оберона на максимально доступном ускорении.

– Мы готовы, – сказала Элви.

– Преувеличиваешь, – подал голос Фаиз. – Мы более или менее вышли на уровень «Плевать, сойдет и так». Назовем это готовностью.

Наоми обернулась. Фаиз держался на палубе магнитными подошвами. Элви плавала рядом. Создавалась иллюзия, что он в поле тяготения, а она парит над ним воздушным шариком. Ее худоба и хрупкость усиливали впечатление.

– Жидкостных амортизаторов у нас на всех не хватит, – сказала Элви. – Это ставит предел безопасному ускорению.

Наоми в последний раз окинула взглядом тактическую схему. Больше она ничего сделать не могла. Закрывая экран, она подумала, что это ее последняя минута в роли главы подполья. Она ожидала, что эта мысль принесет облегчение, и удивилась своей грусти.

– В жидкостные уложим самых уязвимых, – сказала она.

Фаиз взглянул на жену:

– Это она о тебе, милая.

– Он прав, – согласилась Наоми.

– Было бы время, я бы с тобой поспорила, – заметила Элви. – Пять минут, чтобы уложить всех по местам?

– Я к себе в койку, – ответила Наоми.

Койка у нее была типовой конструкции: гелевая основа на шарнирной платформе. Такие же использовались на «Роси». Лаконские шарниры работали бесшумно, а гель был на удивление теплым – насколько понимала Наоми, подогрев улучшал кровообращение при высоких перегрузках, но от этого койка казалась неприятно живой. Впрочем, температура регулировалась, и, пристегнувшись, Наоми сразу сделала постель попрохладнее.

Через ручной терминал она связалась с Амосом. Лаг ее насторожил, пока она не догадалась, что система пытается построить маршрут через «Роси». Тогда переключила ее на «Сокол», и запрос прошел без задержки.

– Привет, босс, – сказал тот, кто был – а может, в основном и остался – Амосом.

– Все наши на местах?

– Угу. Ондатра малость растревожилась. Место новое, и Кроха сорвалась на фиг. Медик дал Крохе чуток снадобья, чтоб была поспокойнее. Она сейчас спит. Он сказал, у нее травма.

– Похоже на правду.

– Не знаю, как я дожил до своих лет, не ведая о таблеточках, которые от этого помогают.

Она расслышала в его голосе недовольство и вспомнила, кем он был прежде.

– Инструментов полно, – сказала она. – Каждый подбирает по себе.

– Наверное. Словом, я пристегнулся, с Крохой порядок. С псиной порядок. Вот и все наши.

«Черт… – подумала Наоми. – Вот и все наши».

– Хорошо.

– Ты как, держишься? – спросил Амос.

– Увидимся на той стороне, – сказала она и дала отбой.

Почти сразу Элви по корабельному оповещению велела всем пристегнуться и приготовиться к жесткому ускорению. Наоми подключилась к наружному телескопу и настроила его на слежение за станцией. За Джимом. Она понимала, что его почти не будет видно за выбросом из дюз, но все-таки.

Пошел отсчет. Койка вогнала в нее иголки, в кровь влился «сок», и «Сокол» ударил по ней снизу.

* * *

Холден ощущал, как корабли один за другим покидают пространство колец. Те, что еще остались в этом фальшивом пузыре, с умопомрачительной скоростью спешили к выходам и все же не успевали. Холден подгонял их усилием воли. На выход. В безопасность.

Сияние врат, лучи, которыми те обменивались, по мере того как он врастал в механизм, раскрывались для него. Примерно так учатся маленькие дети – без усилия. Впитывают информацию и открывают для себя правила, вырастая в то, чем вырастут. Частицей души он хотел бы задержаться подольше, больше увидеть, больше узнать до смерти.

– От негодных мыслей трудно отказываться, – заметил, будто соглашаясь с ним, Миллер. – В смысле, не мне бросать камень в парня, которому не по душе прерывать погоню, да?

– Зато ты навострился умирать так, чтобы все наладилось.

– Похоже, это моя сильная сторона, – кривовато усмехнулся Миллер. – В новых тайнах недостатка не будет. Они нам задаром даются.

Чернота снова шевельнулась, прогибая пространство, пробиваясь в него, силясь изменить его природу, – и на этот раз она дотянулась до врат. Протиснулась через них в системы

на той стороне. Внимание врага представлялось ему скользким и мускулистым. И почему-то влажным. Холден кошмарным усилием оттягивал щупальца тьмы обратно.

– В одиночку это труднее, – сказал Миллер.

– Почему бы тебе не помочь?

И ощущение изменилось, как будто их в самом деле стало двое, как будто второй – не иллюзия, не память умирающего тела. Толстые слизистые конечности тех, из врат, корчились и сопротивлялись, теснили волю Холдена, искали нового пути завершить вторжение.

– Дайте еще чуть-чуть, гады, – сказал Холден, но те, если и слышали, не отозвались.

Холден удвоил усилие, и невидимые щупальца медленно, неохотно втянулись в свой мир, оставив его полумертвым от усталости. Если атака повторится, он не сумеет дать отпор.

– На своих ногах покинул поле, – заметил Миллер. – Не знаю уж, что это значит.

– Это из футбола.

– Что-что?

– Так про футболистов говорят.

– А… – Миллер почесал в загривке. – Да, тогда понятно.

«Росинант» ушел за врата Ньивстада. Еще два корабля – в Сол. В пространстве колец осталось двое живых: «Сокол» и Холден. Он чувствовал на корабле Наоми. И Амоса. Его настоящее тело дрожало и плакало, а он, как мог, старался этого не замечать.

– Даже забавно, – сказал Миллер, – как ты подвернулся для этого дела.

– Да, животики надорвешь.

– Но ведь правда забавно, умник. Ты же у нас за «каждый имеет право голоса». Всю жизнь сражался с каждым, кто хотел решать за всех. А теперь вон что. Колонии в системах еще не дозрели. Многие держатся на торговле. Когда мы закончим, не все выживут.

– Знаю.

Черные шевелились, напирали. Они ничуть не устали. Холден ощутил голод и не понял, правда ли хотел есть, или так преобразовалось другое чувство. «Сокол» шел к вратам Сол. С каждой секундой он двигался быстрей, чем секунду назад. Падал в безопасность, от него, скорее, чем при обычном падении. «Уходи, – думал Холден. – Пожалуйста, спасись!» Кольца вели свою песнь света. Голубые слизни в крови теребили его, меняли его, предлагали способы выжить, распространиться, познать…

– То есть пойми меня правильно. Я расцениваю ситуацию примерно так же, как ты. Но должен же ты оценить иронию? Сколько ты мне компостировал мозги насчет «скажи людям все как есть и положись на то, что они сделают правильный выбор»? Мало кто из этих бедолаг узнает, что произошло. Ты решаешь за все человечество.

– И ты из-за этого меня изводишь?

Миллер принял строгий и грустный вид.

– Я тебе заснуть не даю, приятель. Ты уплываешь.

Холден сообразил, что это правда. И попытался собраться с мыслями. «Сокол» подходил к вратам Сол.

Остались даже не минуты – меньше.

– Я абсолютно уверен, что хорошего в людях больше, чем плохого, – сказал он. – Все войны, все жестокости и насилие… я не закрываю на них глаза, но все равно считаю, что быть нами – прекрасно. Прошлое тонет в крови. Может быть, и будущее тоже. Но на каждое злодейство приходится тысяча добрых дел, которых никто не заметил. Сотни людей, проживших жизнь в любви и заботе о других. Несколько мгновений подлинного милосердия. Пусть даже хорошее в нас совсем чуть-чуть перевешивает плохое, все равно…

«Сокол» ушел в Солнечные врата. В пространстве колец остался он один.

– А все-таки, – сказал Миллер, – мы сейчас приговорим к медленной смерти миллионы людей. Это просто правда. Ты уверен, что собираешься сделать добро?

– Убей, не знаю, – ответил Холден – и сделал.

Мгновенный выброс энергии уступал разве что Большому взрыву. Только увидеть его было некому.

* * *

Кольцо погасло. Сначала ушло сияние последних дней, а потом искажение в его центре… исчезло. Там, где было чудо и тайна, где открывались врата в галактику, теперь в тусклом металлическом обруче тысячекилометрового диаметра виднелись далекие звезды.

А потом обруч опрокинулся.

«Сокол» на довольном мягком, в треть g, ускорении, которое должно было за несколько недель довести его до Ганимеда, всей командой – лучшими умами сокрушенной империи – наблюдал за смертью кольца, измерял труп, собирал данные. Наоми одна сидела в камбузе с грушей чая и просто смотрела. Кольцо десятки лет держалось на месте – один из самых отдаленных объектов в Солнечной системе. Оно не двигалось по орбите. Вообще не двигалось. А теперь оно стало заваливаться, притягиваясь к Солнцу, как притягивается все остальное. Конец чуду.

Список сообщений растянулся на длину пожарного шланга. Контакты подполья, репортеры сотни разных программ, политики, чиновники Союза перевозчиков и местные диспетчеры. Все рвались с ней побеседовать и, каждый своими словами, задавали один и тот же вопрос. Что это значит? Что это было?

Она никому не стала отвечать.

Заходили и выходили люди. Кто-то был ранен, как она. Кто-то не так заметно. Некоторых она узнавала. Амос заглянул только под конец смены. Его вольная плавная походка была ей знакома как собственный голос. Ей хотелось верить, что это и правда он, что старый друг действительно выжил на Лаконии, а не стал сырьем для машины чужаков. Она улыбнулась ему, приветственно подняв грушу.

– Привет, босс, – сказал он. – Ты как, держишься?

– Малость не в себе, – ответила она. – Как с Терезой?

Амос подошел к раздатчику и хмуро взглянул на непривычное меню.

– Бывали у нее дни поудачнее. Не знаю, что там происходило на станции, только ее здорово перепахало. По-моему, она и вправду надеялась вернуть папу. – Он нашел в меню то, что хотел, и удовлетворенно хмыкнул. – Но вроде бы они с Искряшкой поладили. Малыш, по-моему, ревнует. Думаю, он сам хотел быть Крохе лучшим другом. Брат с сестрой выясняют отношения… Утрясется.

Камбуз, пискнув, выдал ему серебристый тюбик. Амос вскрыл его, перевернулся и сел напротив. Может быть, его мягкая улыбка ничего не значила. Он заглянул в ручной терминал к Наоми. На опрокинувшееся кольцо.

– Фаиз говорит, оно свалится в Солнце, – сказал Амос. – Говорит, хоть и далеко, но боковой скорости для орбиты не хватит. Просто грохнется в огонь.

– Думаешь, он прав?

Амос пожал плечами.

– Я думаю, банда самодеятельных старателей еще до Пояса разберет эту штуку на молекулы. До короны долетит хорошо если горстка пыли.

К своему удивлению, Наоми рассмеялась. Улыбка Амоса стала, пожалуй, чуточку более настоящей.

– Скорее всего, – сказала она. – А если нет, кто-нибудь зафрахтует буксир, чтобы придать ему боковой импульс. Люди не оставят в покое то, до чего могут дотянуться.

– И хрен с ними. А ты как, босс? Что обо всем этом думаешь?

Он имел в виду: «Ты в порядке? Ты лишилась Джима. Лишилась Алекса. Лишилась своего корабля. Сумеешь это пережить?» Она знала ответ: жить буду. Но она еще не готова была сказать это вслух, поэтому ответила на другой вопрос:

– Я думаю, нам повезло. Думаю, мы – маленькая одинокая система в огромной недосягаемой вселенной – всегда жили на грани самоубийства. А теперь у нас тринадцать сотен шансов научиться не убивать друг друга. Обращаться друг с другом бережно. Жить правильно. Шансов больше, чем было.

– Хотя справится ли кто-нибудь… мы никогда не узнаем. Дороги чужаков закрылись. Теперь только мы.

Кольцо на экране завалилось, и за ним стали видны звезды. Миллиарды, миллиарды звезд, и лишь с немногих на нее смотрели другие люди.

– Звезды остались, – сказала она. – Мы найдем способ к ним вернуться.

Эпилог. Лингвист

Меррел ожидал, что реинтеграция окажется болезненной, но боли не было. Он вовсе ничего не почувствовал. Даже не появилось в голове обычной после пробуждения мути, чему – если подумать – не приходилось удивляться, потому что он вовсе не спал. Но он почему-то все-таки удивился.

Он забрался в переходную капсулу жилой палубы вместе с остальными, посмотрел, как таймер в сверхпрочной кристаллической стене отсчитал секунды до нуля, а потом перескочил на 31:11:43:27, как будто именно это число было следующим. Тридцать один день, одиннадцать часов, сорок три минуты и двадцать семь секунд прошло на родной планете, пока Меррел и еще двадцать девять душ на борту «Мусафира» в виде целеустремленной энергии преодолевали мембрану между вселенными. Тридцать один день, как они исчезли и снова возникли в месте назначения, почти в 3800 световых годах от дома. Как будто, задержав дыхание, нырнули в космическую пену и вынырнули в другой точке океана.

– Инвиза Меррел исме дорсил. Йи ие довра? – обдуманно нейтральным тоном спросила капсула.

– Каан инглиз, – ответил Меррел. – Та-конния атце а ен-калласе, пер.

«Общеанглийский. Периода между Лаконской экспансией и коллапсом, пожалуйста».

– Вы в порядке? – повторила капсула.

– Я в порядке.

– Переход от Добрыдомова прошел успешно, – уведомила его капсула. – Добро пожаловать в Сол. При идеальной скорости «Мусафиру» двадцать четыре дня до пункта назначения.

– А пройди переход не успешно, – поинтересовался Меррел, – где бы мы были?

– Теоретически реинтеграция могла состояться в непредусмотренной точке, хотя статистически это маловероятно.

– Покажи мне программу контакта, пожалуйста.

* * *

«Мусафир» сел на пригорке вблизи древнего города. Космос вокруг Земли оказался пугающе пуст. Как в гробницу вошли. Древняя родина Тридцати миров держала в своей системе меньше конструкций, чем все прежние контакты. Не то чтобы здесь совсем ничего не было. Орудийные установки, хоть и замаскированные, «Мусафир», конечно, заметил. И распознанные им скрытые корабли наверняка были не единственными. Повсюду ощущалась угроза.

Дипломаты остались на корабле, но наблюдали и слушали Меррела, который спустился по эстакаде на расстилавшиеся во все стороны травы и глубоко вдохнул воздух, породивший человечество. Корабль профилактически защитил его от аллергических реакций на местную пыльцу. Что бы там ни было, Меррел теперь вправе рассказывать будущим внукам, что ступал по траве Земли. Что дышал ее воздухом.

Группа вышедших ему навстречу остановилась на некотором расстоянии. Кое-кто не прятал оружия. Меррел не знал, видеть в них почетный караул или группу захвата, нацеленную на него и его корабль. Он повозился с встроенным в ладонь целеуказателем. Если понадобится, корабль превратит все это поле в расплавленную лаву. Меррел молился, чтобы не понадобилось.

От кучки людей отделился один и широкими плавными шагами направился в его сторону. Высокий, но этого Меррел ожидал. Сила тяжести Добрыдомова была чуть больше земной, поэтому средний рост несколько меньше. А еще человек был широкоплечим, с крепкими

конечностями, с черной кожей и большой лысой головой. Вблизи цвет кожи уже не выглядел естественным, а скорее нанесенным искусственным красителем. Меррел предположил, что здесь популярна полная татуировка тела или, возможно, косметика. А может, какой-то знак касты?

Человек, не дойдя до него несколько метров, остановился и стал ждать. На таком расстоянии он выглядел несомненно мужчиной.

– Меня зовут Меррел Имвич из системы Добрыдомов, – заговорил Меррел на древнем китайском. Он готов был повторять то же самое на дюжине древних языков, пока не будет понят. – Я лингвист и должен обговорить с вами протокол контакта, чтобы наши дипломаты могли вступить в диалог.

– А по-английски нельзя? – спросил подошедший, выговаривая слова, в точности как было принято до коллапса.

– Да, – опешил Меррел. – Да, можно.

– Вот и хорошо, а то в китайском я слабоват. Астерский знаю, но его вы, ребята, наверняка забыли.

– Я знаю, что такое астер, – произнес Меррел, дивясь человеку, владеющему тысячу лет как забытым диалектом.

– Круто, – кивнул человек. – Ну, так здесь прошло около тысячелетия. Мы начинаем разгребать дерьмо, и я помогаю, чем могу, но дело движется туго.

– Вы – лидер этих людей? – спросил Меррел.

– Не люблю я титулов. Зови Амос Бартон. Если поладим, я просто какой-то поганец. Если вы затеваете гадость, я тот, на кого вы первым напоретесь. Так им и передай.

Он замолчал и стал ждать с неопределенной улыбкой. Дипломаты выслушали перевод Меррела.

– Отлично, – заговорил Амос Бартон, когда они закончили. – Теперь, когда с фигней разобрались, пошли со мной. Возьмем пивка и возобновим знакомство.

Благодарности

Обычно мы начинаем с объяснения, что любая книга в каком-то смысле плод коллективных усилий. На этот раз речь идет не просто о книге. Первый том «Пространства» был написан больше десяти лет назад, и от тогда до сейчас лежит долгий ухабистый путь, на котором накопилось и долгов, и поводов для благодарности.

Эта серия и все, что с ней связано, не состоялась бы без усилий и настойчивости Дэнни Бэрора и Хизер Бэрор-Шапиро, без всей блестящей команды Orbit, в том числе (но никоим образом не только) Брэдли Энглерта (и его предшественников: Даррена Нэша, Дон Вон Сонга, Уилла Хинтона и Тома Боумана), Тима Холмана, Энн Кларк, Эллен Райт, Алекса Ленчицкого и Лорен Панепинто. Особая благодарность причитается и Кэрри Воган за услуги бета-ридера, и шайке с Сэйкривер: Тому, Сэйк-Майку, нон-Сэйк-Майку, Джимми, Портеру, Скотту, Радже, Джеффу, Марку, Дэну, Джо и Эрику Слейну, не дававшим мячу остановиться.

Группа поддержки этой серии разрослась, включив в себя сотрудников «Алкон Энтатеймент», актеров и съемочную группу телесериала «Пространство». Особые наши благодарности продюсеру Нарену Шанкару и неукротимому Дэну Новаку, бывшему с нами с начала до конца. И совсем особая благодарность вам, Шэрон Холл, рискнувшей взяться за нашу книгу и научившей нас превращать ее в телефильм.

Не менее важным для успеха было неизменно прекрасное исполнение Джефферсона Мэя, чей голос слышали сейчас те, кто знакомился с книгой в формате аудио. Сойдись мы когда-нибудь в одном баре, ему причитается бесплатная выпивка.

И, как всегда, ничего этого не было бы без поддержки и общества Джейн, Кэт и Скарлетт. Мы отказывались от их общества ради работы, но ее не стоило бы делать, если бы они не ждали нашего возвращения.

Падение Лаконской империи освободило из-под власти Уинстона Дуарте 1300 солнечных систем. Но древний враг, погубивший строителей врат, не дремлет и вновь начинает войну против нашей вселенной.

В безжизненной системе Адро научная группа Элви Окойе отчаянно пытается понять природу строителей врат и причину их гибели. Для этого Элви готова рискнуть собой и не вполне человеческими детьми, на которых падает вся тяжесть научного поиска. Полковник Алиана Танаки ведет охоту за беглой дочерью Дуарте по всему пространству освоенных человечеством систем, разыскивая самого исчезнувшего императора. А Джеймс Холден с командой «Росинанта» пытается сложить будущее человечества из руин и обломков прошлого.

В то время как невообразимые силы добиваются уничтожения всего человечества, перед Холденом с его странными союзниками открывается последний отчаянный шанс объединить человечество в великую галактическую цивилизацию, избавленную от войн, розни, лжи и секретов. Но не обойдется ли победа дороже поражения? Перед вами невероятное завершение величайшей космооперы десятилетия, награжденной премией «Хьюго» и вдохновившей сериал от Prime Origina.